

Флетчер ПРЭТТ

КОЛОДЕЦ ЕДИНОРОГА

Annotation

Американский писатель Флетчер Прэтт по образованию историк, специалист по Византии. Быть может, поэтому вымышленный мир его книги, пропитанный колдовством и чудесами священного Колодца Единорога, столь убедителен в деталях-сценах битв и осад крепостей, описаниях придворных интриг и устройств дальнбойных баллист.

Читателя ждет встреча с романом, полным приключений, раздумий и чудес, словно страницы книги вобрали в себя аромат старого вина.

Флетчер Прэтт

Колодец Единорога

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ НАЧНЕТСЯ ЭТА ИСТОРИЯ...

Читатель! Эта книга принадлежит Вам. Вы в ней полный хозяин. Произносите все имена и названия, как Вам заблагорассудится. Если же Вы встретите другого читателя и затеете разговор — что ж, придете к какому-нибудь соглашению, а правила — правил навязывать Вам я не собираюсь.

Когда Вы начнете читать — я вполне допускаю, что время от времени Вам будут мерещиться какие-то тени и смутно памятные голоса из другого мира, не из того, о котором я стану рассказывать. Пусть это Вас не удивляет, читатель. Ибо таинственное очарование всякого повествования, реального или придуманного — а кто возьмется решительной рукой чертить меж ними границу? — состоит в том, что все они как бы вышиваются по одной и той же канве, но узор так и остается незавершенным. Не напоминает ли это мозаичную мостовую, чей рисунок меняется за каждым поворотом?.. И не оттого ли мы так любим шагать по узорчатой мостовой и следить за перипетиями какой-нибудь истории, особенно, когда срочные дела не висят над душой? Всякий раз мы ждем встречи с однажды испытанными впечатлениями, а когда эта встреча приходит — нам кажется, будто чего-то недостает, и ожидание начинается снова. Так в реальном мире Наполеон-Август не то чтобы в точности повторяет путь Наполеона-Цезаря, а судьба Бонапарта-Гитлера не равна судьбе его прототипа. Так и в мире придуманном... но, впрочем, мы отвлеклись.

Я всего лишь хочу подвести Вас, читатель, ко вратам этой истории — а выдуманная она или нет, разбирайтесь уж сами. Одному ирландскому летописцу (звали его Дунсэни) некогда взъерошил волосы ветерок, донесшийся из этих врат. Дунсэни добросовестно записал все, что ему примерещилось, и назвал свой труд «Король Аргименес и Неведомый Воин». Впрочем, изложенные там события происходили многими поколениями ранее тех, о которых буду рассказывать я, да и интересовало Дунсэни не все, лишь малая часть, а именно: восстание короля Аргименеса. Ирландский хронист даже не упоминает, что Аргименес восстал против язычников Дзика, которые вломились в мирную и тихую тогда Дейларну, неся свою веру на остриях мечей. Другое дело (об этом добрый Дунсэни все-таки обмолвился), что они, как и все завоеватели, очень скоро погрязли в роскоши и разжирили.

Так вот, Аргименес стал одним из величайших королей, чьи имена сохранили нам летописи, и его сын Аргентарий не намного отстал от отца. Они счастливо правили дейлкарлами... да, тут еще надобно заметить, что до нашествия дейлкарлы составляли единый народ с теми, кого впоследствии стали называть валькингами, ибо каждый их граф принимал имя Вальк; это подтверждается хотя бы тем, что у дейлкарлов и валькингов с тех давних пор сохранилось много общих обычаев. А горные графства — такие, например, как Аквилем и обе Ласии — Западная и Восточная, — были в те времена просто глухими углами Дейларны, куда захватчики из Дзика так и не добрались. Тамошние жители были по преимуществу темноволосыми, тогда как прибрежные дейлкарлы, как и вторгшиеся язычники, отличались светлыми волосами. Вот валькинги и вообразили себя единственными законными наследниками Дейларны. Когда наконец захватчиков выгнали, они потребовали себе привилегий, которыми обладали прежде — вернее, им казалось, что обладали, а это вовсе не одно и то же. Начались распри... Дейлкарлы побывали под игом, а валькингов уберегла судьба, но они от этого только сделались нетерпимее.

Впрочем, те и другие все еще чтили Империю; какую Империю? — ах да, ведь король Аргименес уже в преклонные годы взял в жены принцессу из города Стассии, лежавшего за полуденными морями. Те моря звались еще Синими — и вот там-то, в имперских владениях, незадолго пред тем было нечаянно обретено чудо вселенной — кладезь умиротворения, тот самый Колодец Единорога, о котором я и собираюсь поведать. Тогда-то покорились Империи буйные жители Двенадцати Городов, прежде не ведавшие над собою хозяина; покорились лишь ради того, чтобы причаститься к благодати Колодца. Города эти расположены к юго-востоку от Стассии, среди полуостровов и островов, населенных народами, не знающими истинной веры; говорят, там носят юбки и не брезгают многоженством. Даже свирепые

язычники Дзика стали чтить мир, несомый Колодцем... впрочем, не раньше, чем их несколько раз победили в бою Аргименес, Аргентарий и, наконец, Ауреол — тот самый, что первым назвал свое королевство Империей и сменил серебряное тронное имя на золотое.

А восточное Дейларны лежит Салмонесса, известная пылким женолюбием своих герцогов; всего же южнее раскинулась страна Ураведу и богатейшие Острова пряностей, чьи жители, синекотие язычники, не знают одежд, кроме лоскута материи на бедрах; а к северу простирается Миктон, и никому не ведомо, где его дальние границы, уходящие в вековечный туман, во владения коротконогих колдунов... Впрочем, все это можно будет найти и на картах, и на страницах нашего повествования. Начинается же оно как раз в те времена, когда валькинги и их графы действительно стали править Дейларной...

1. ИЗГНАН ИЗ ДОМУ

Эйрар услышал топот копыт еще прежде, чем всадники миновали угол живой изгороди. Шестеро верховых молча проехали мимо большого платана. Первым показался пожилой человек в грязновато-синей одежде, со спутанной бородой. Наверняка судебный пристав. За ним — трое лучников, один из них — темнокожий уроженец Миктона, заранее натянувший на лук тетиву... А посередине — ненавистный Фабриций. Фабриций кутался в подбитый мехом теплый камзол. На широком плоском лице застыло высокомерное выражение. Позади ехал слуга, и его лошадь то и дело спотыкалась.

Эйрар поднялся. Зимнее солнце светило ему в лицо сквозь голые ветви. Один из лучников спешил, чтобы поддержать стремя его превосходительству пристава. Печати, гирляндой висевшие у пристава на животе, звякали одна о другую, как надтреснутые сковородки. Он вытащил из рукава свиток пергамента:

— У меня поручение к Эльвару Эйрарсону. Именем графа.

— Его здесь нет, — отозвался юноша. — Я — Эйрар Эльварсон. Говорите со мной.

За спиной пристав Фабриций покачал головой, лицо его выражало кроткий упрек. Впрочем, Эйрар хорошо знал, какая бездна низости за этим скрывалась...

— Ты замещаешь его как наследник? — спросил пристав, и это прозвучало скорее как утверждение. Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Я приехал, чтобы конфисковать этот хутор, называемый Трангстедом, согласно уставу, данному четырнадцатым графом Вальком на четвертом году его милостивого правления и утвержденному его величеством императором Ауларисом. Владелец означенного имения задолжал казне налог на стены за два года. Кроме того, он взял ссуду у человека по имени Леонсо Фабриций. Ссуда была зарегистрирована в канцелярии округа Вастманстед и заверена собственноручной подписью Эльвара Эйрарсона.

Эйрар судорожно глотнул и сделал полшага вперед. Миктонский лучник хихикнул и приложил стрелу к тетиве. Рыбий взгляд пристав остался бесстрастным. Эйрар выговорил:

— У меня нет денег.

— Тогда, — сказал пристав, — именем закона и нашего милостивого графа я конфискую это имение и объявляю его собственностью Империи. Тем не менее, в уставе записано: недвижимость не может быть передана в пользу казны иначе, как только за плату. Итак, я предлагаю тебе от щедрот нашего графа один аур и призываю тому в свидетели всех присутствующих здесь.

Он вытащил золотой из кошницы и протянул его Эйрару со скучающим видом: последнее время подобное повторялось нередко и успело порядочно ему надоесть. Эйрар едва не поддался искушению ударить пристава по руке... но заметил жадный блеск в глазах миктонца, подумал и взял монету.

— Объявляю эту землю и дом на ней собственностью нашего милостивого графа, — сказал пристав. — Тебе, Эйрар Эльварсон, следует незамедлительно покинуть ее. Тебе разрешается взять с собой столько, сколько ты сможешь унести на пять тысяч шагов, не опуская наземь. Можешь идти.

Он отвернулся от Эйрара, давая понять, что разговор кончен, и выжидательно обернулся к Фабрицию, но тот неожиданно поманил к себе Эйрара. Юноша не двинулся с места — угрюмо стиснув челюсти, он держал руку на заранее упакованном в узел имуществе. Впрочем, он был в достаточной мере воспитан, чтобы выслушать даже Князя Тьмы, вздумай тот к нему обратиться.

— Мне жаль, что так вышло, сын Эльвара, — сказал ему Фабриций. — Право, с тобой, с тобой все-таки поступили не вполне хорошо. Ты можешь не верить, но я весьма тебя уважаю. Как говорит наш милостивый граф, мы должны жить все вместе в этой стране, и валькинги, и дейлкарлы. Пора уже нам стать единым народом, и каждому следует для этого постараться. Послушай, я присмотрел для тебя тепленькое местечко. Отправляйся в гавань Наароса и назови свое имя хозяину когга «Единорог». Я договорился, он возьмет тебя в плавание, и ты вернешься богатым. Руку, мальчик! Не хочу, чтобы ты держал на меня зло.

Эйрар ответил коротко:

— Никаких рук.

Взвалил на спину узел и решительно зашагал по дороге, раздумывая про себя, не попробовать ли на них какое-нибудь подходящее заклинание. Нет, толку не будет, они и это наверняка предусмотрели и загодя защитились. За его спиной Фабриций пожал плечами и повернулся к приставу. Тот жестом послал следом за юношей рослого лучника, сидевшего все это время в седле. У Эйрара был при себе нож — как знать, не вздумает ли изгнанник украдкой вернуться и попробовать отомстить?..

К изгороди медленно подошел старый гнедой конь и потянулся к Эйрару сидящей мордой. Коня звали Пилль. Эйрар не смог заставить себя посмотреть ему в глаза. Он не оглянулся на дом, над крышей которого больше не вился привычный дымок. Он упрямо смотрел вперед, на бурые пустоши, что катились, как волны, до самого горизонта, сливаясь вдаль с предгорьями Кабаньей Спины. Сосновые леса синели по склонам, а на далеких хребтах лежал снег.

Позади гулко бухнула дверь — это Леонсо Фабриций вошел в свой новый дом. Что ж, прощай, Трангстед. Прощай, Пилль. Эйрар тряхнул головой, шагая вперед. Рослый лучник наклонился к нему с седла:

— Выше голову, малый! Весь мир перед тобой, только протяни руку. Хочешь совета? Придешь в Наарос — загляни для начала к Мамаше Корин. Тамошние девочки быстренько приведут тебя в чувство.

Копыта лошади глухо стучали по промерзшей дороге. Эйрар молчал.

— Не вешай носа, — продолжал лучник, — переживешь. Нас с моим стариком точно так же когда-то выгнали из дому. Сам я, чтобы ты знал, из Западной Ласии, а было все это еще при прежнем графе, вот так-то. Папаша мой нанялся поваром в крепость Бриеллы, а я кормился тем, что чистил солдатам оружие. А со временем и на службу попал. Граф тогда как раз с язычниками разбирался...

Эйрар продолжал упрямо молчать. Рукой в перчатке лучник потрепал лошадь по шее:

— Эй, парень, да оглянись же вокруг! Службы на тебе никакой не висит, от долгов отмазался, свободен как ветер. С твоей смазливой рожей любой барон с радостью возьмет тебя в свиту, да и девки на шее повиснут, только моргни. Послушай меня, малыш: этот мир, конечно, дерьмо, но парню с головой всегда найдется место под солнцем. Попробуй стать лучником, как я. Или законником, это будет попроще. Рано или поздно тебя заметят, не сомневайся. Я вот не растерялся тогда в Бриелле, а погляди теперь! Хотя погоди-ка, ты ведь дейлкарл?.. Ну что ж, отправляйся к герцогу Роджеру в Салмонессу, там тоже девок навалом. В Нааросе как раз сидит один малый оттуда, нанимает людей. Я замолвлю ему за тебя словечко. Идет, а?

Эйрар буркнул сквозь зубы:

— А пошел ты в задницу вместе с твоим Роджером Салмонесским.

Лучник рванул поводья, задохнувшись от ярости:

— Ах ты, дерьмо, молокосос, я-то с ним как...

Только тут Эйрар впервые поднял на него глаза. Лучник оказался худ и длиннолиц, с резкими морщинами от крыльев носа ко рту. Совсем не такой, как большинство валькинггов, встречавшихся юноше прежде. Эйрар внезапно почувствовал, как стал исчезать его гнев, словно перейдя от него к обиженному им человеку.

— Прости, — молвил он покаянно. — Вечно я умудряюсь лягнуть тех, кто хочет мне добра. Но пойми, мне ведь в самом деле туго пришлось. Я магии учиться хотел, так закон издали: нельзя. Оружие запретили носить, это в собственной-то стране! А теперь я и крова лишился...

Лучник, смягчаясь, бросил поводья и опустил руку, уже занесенную для удара.

— Ладно, — проворчал он. — Забудем это, приятель. А и то, в чем-то ты прав, у герцога Роджера не двор, а кабак с девками, это я тебе говорю. Сидеть всю жизнь среди этих шлюх — не дело для настоящего парня! Герцог!..

— Он фыркнул. — По мне, этот герцог не стоит того, чтобы чистить сапоги какому-нибудь дельному графу! Да!..

Некоторое время они двигались молча, один верхом, другой пешком, ощущая незримую нить

понимания, протянувшуюся между ними. Дорога шла мимо усадьбы, где еще совсем недавно жили три сына старого Виклида. Теперь на скотном дворе хлопотало несколько миктонцев-рабов. Бестолково суетясь и крича, они пытались загнать куда-то вола. Вол вырывался. Эйрар подумал о том, как такое же немывтое дурачье скоро будет растаскивать грязь по комнатам Трангстеда...

Выкрики рабов были еще слышны позади, когда лучник заговорил снова:

— Меня зовут Пертвит. Так ты куда топаешь — в Наарос?

— А куда еще?

— У тебя там родня?

Эйрар рассмеялся коротким, злым, лающим смехом:

— А как же, родня. Отцов брат... Толо его зовут.

— Не знаю такого, — нахмурился Пертвит. — Однако не зря говорят: воистину длинной кажется улица, если идешь по ней не к родне.

— Ну да. Только та улица, где живет Толо Эйрарсон, ведет как раз к дому Леонсо Фабриция. Толо у него на побегушках.

Пертвит даже присвистнул:

— Вот так дела!.. Не то чтобы я что-то имел против этого Фабриция, но тебе, парень, уж точно там делать нечего, это я тебе говорю. Хотя с другой стороны, куда тебе еще податься? Дьявольщина! Сказать, что мне все это напоминает? Язычники Дзика обычно предлагают пленнику лошадь — ехать вместе с ними сражаться, либо впереди них — к эшафоту. Я-то знаю, я у них разок побывал. На мое счастье, нашлась там одна черноволосенькая...

Он тряхнул головой, словно не желая забивать ее такими сложностями, вдобавок чужими. Между тем они как раз поднялись на вершину одного из холмов, тянувшихся, точно длинные пальцы, со стороны Кабаньей Спины. Придорожные деревья здесь расступались, открывая к западу вид до самого горизонта. Солнце уже касалось зубцов далекого леса, безветренный воздух был холоден и чист. Вдаль уходили поля, кое-где расчерченные плугом. Скот на пастбищах казался игрушечным. А посередине раскинулась великая река Наар. Темно-синяя в неверном свете заката, она была испещрена белыми пятнышками — течение несло льдины к устью, в сторону города Наароса.

Здесь Пертвит остановил коня.

— Будем считать, пять тысяч шагов мы одолели, — проворчал он. — Кроме того, я хочу есть. А теперь послушай меня, сынок. Мы с ребятами заночуем на этом твоём хуторе, как его там, Дрянъстед? Однако завтра мы возвращаемся в город. Вот что, приходи вечером к нашим казармам, это у самой крепости, не заплутаешь. Спроси меня. Раздавим кружечку, а заодно обмозгуем, как быть дальше. Понравился ты мне.

Он протянул руку, и на сей раз Эйрар ответил на рукопожатие.

— Договорились, — пробормотал он.

Лучник развернул коня и с криком «А ну, пошевеливайся, старушка!» — ускорился назад по дороге, залитой густыми вечерними тенями. Эйрар Эльварсон начал спускаться по противоположному склону. Вот он и остался совершенно один на всем белом свете — со своим единственным золотым, с узлом за плечами и ножом в ножнах у пояса. Он вдруг подумал о том, что город, куда он и в самом деле решил направиться, мог оказаться далеко не так дружелюбен, как его родные холмы. Вдобавок он явится туда в темноте, когда ворота будут закрыты и стража выставлена по стенам. Ночевка под открытым небом Эйрара не пугала — он ночевал и в снегах Кабаньей Спины, охотясь на лис. Другое дело, большого удовольствия он от этого тоже не получил...

Размышляя таким образом, он спустился в долину, и следующий холм, похожий на палец, постепенно рос перед ним, загораживая дорогу на Наарос». Солнце зашло, но небо еще сияло, залитое светом. И вот тут, откуда ни возмись, из сумеречных теней выпорхнула большая сова и уселась на ветку, склонившуюся над дорогой. Вытянула одно крыло, переступила лапами и вдруг отрывисто проговорила:

— Эйрар Эльварсон.

Кто-нибудь другой, пожалуй, не поверил бы своим ушам, но Эйрар давно уже знал — не все в мире так просто. Если он и был удивлен, он ничем этого не показал.

— Ну и чего тебе от меня надо? — спросил он, остановившись.

— Эйрар Эльварсон, — повторила сова.

— Курлы-мурлы, — передразнил он. Поправил на спине заметно отяжелевший выючок и двинулся дальше. Но не успел пройти и сотни шагов, как мимо опять неслышно промчалась сова. Опустилась на ветку и окликнула:

— Эйрар Эльварсон!

Впереди, по самому дну долины, кто-то ехал со стороны города на телеге. В потемках трудно было издали различить людей, но Эйрар услышал, как стучали копыта лошади по деревянному мостику там внизу, как скрипело одно колесо, которое определенно пора было смазать. Скоро они поравнялись. Старик в телеге тихо поздоровался с Эйраром и кивнул ему непокрытой седой головой, обнимая сонного мальчика, прикорнувшего рядом. Когда Эйрар разминулся с ними и сам вступил на мостик, надоедливая сова уже сидела на деревянных перилах на той стороне.

— Эйрар Эльварсон!

— Работа Фабриция, — подумал он вслух и оглянулся в поисках подходящего камня, но вовремя сообразил, что простого камня тут вряд ли будет достаточно. Ну что же, вспомним науку. Семь Сил?.. Не то: для них нужен прутик ведьминоного орешника, определенным образом согнутый. Поди найди его в темноте. Три Божества?.. Тоже не годится, тут не обойдешься без Книги. Эйрару жаль было тратить время на разведение огня. Значит, придется просто терпеть настырную спутницу, устало шагая по дороге на Наарос под узким серпом месяца, как раз выглянувшего из-за деревьев. В конце концов, сова казалась безобидной — просто большая птица, с безмозглым упорством возникавшая впереди, чтобы в сотый раз окликнуть его по имени:

— Эйрар Эльварсон!

Ну, не даст спокойно поспать, только-то и всего.

Так они и двигались дальше — человек вместе с совой, одолевая один за другим последние холмы, отделявшие их от равнины. На далеком склоне стоял чей-то дом; в окне горел свет, изнутри слышалась песня. В иное время и в ином расположении духа Эйрар, пожалуй, попросился бы на ночлег. Но после всего, что произошло с ним нынешним вечером... да еще эта мерзкая сова, выющаяся над головой... Нет, ни в какую дверь он стучаться не будет.

Потом Эйрар вышел наконец на равнину и, несмотря на усталость, сразу прибавил шаг. Впереди мерцали огни, и башни далекого города смутно вырисовывались на фоне неба, за широкой гладью Наара. Река под мостами едва заметно поблескивала в мерцании звезд...

2. В ХИЖИНЕ. «ЗАПОМНИ-КА ПЕСЕНКУ...»

...Рослые деревья, выстроившиеся вдоль дороги, выглядели донельзя мрачными. Эйрару сперва показалось, что всему виной темнота. Но вскоре он понял — во тьме что-то таилось, и остановился, приглядываясь.

Место в самом деле было не из приятных. Разросшиеся кусты дурмана зловеще вздымали колючие ветви, похожие больше на щупальца. В траве между деревьями сновали и копошились странные существа. Эйрар вздрогнул, когда через дорогу метнулась серая тень. Потом далеко в лесу мелькнул свет, но не теплый, уютный отблеск огня — свет был мертвенно-синим, точно от молнии.

Здесь начиналась тропа, уводившая с дороги влево, в чащу кустов. Говорящая сова пронеслась над головой юноши и уселась над самой развилкой, чтобы крикнуть как-то особенно требовательно и громко:

— Эйрар Эльварсон!..

Ни дать ни взять звала его за собой. «А вот не пойду», — решил он хмуро и двинулся мимо тропы. Тотчас же нахальная птица кинулась ему прямо в лицо. Он отмахнулся, и сова, уворачиваясь, смазала его крылом по уху:

— Эйрар!..

На сей раз в крике прозвучало отчаяние. И почти в тот же миг спереди долетело звяканье металла, хохот и нестройное пение. Какая-то подвыпившая компания возвращалась из таверн Наароса.

Встретаться с гуляками Эйрару не хотелось, и он, поразмыслив, все-таки свернул на тропинку. В конце концов, не такой уж урон для его чести, и как знать — не выведет ли его сова к какому-нибудь жилью, где можно будет заночевать?..

Скоро он в самом деле стоял у порога лесной хижинки, окруженной такими зарослями, что синеватые вспышки, время от времени вырывавшиеся из окна, непросто было заметить даже вблизи. На двери не оказалось ни имени, ни какого-либо значка. Эйрар собирался уже постучать, но тут дверь распахнулась и на пороге возник хихикающий мальчишка — а может быть, карлик, ибо телосложение у него было не детское.

— Эйрар Эльварсон, — сказала сова откуда-то сверху.

Карлик согнулся в поклоне, не перестав, впрочем, насмешливо ухмыляться:

— Входи, тебя ждут.

Он провел Эйрара в большую комнату — стоя снаружи, подобных хором в этой хижине нельзя было заподозрить, — и оттуда еще в другую, сплошь завешенную шпалерами. Со шпалер глядели какие-то жуткие морды и человеческие лица, исковерканные ужасом. Впрочем, в тусклом свете единственного огарка трудно было толком что-либо разобрать.

— Подожди здесь, — сказал Эйрару карлик. Снова захихикал, потешаясь неведомо над чем, и исчез, нырнув под одно из полотнищ.

Эйрар обвел комнату взглядом. В углу на резном деревянном столе стояло нечто похожее на перегонный куб со сломанной трубкой, вокруг в беспорядке валялись пергаменты. У стола возвышалось роскошное кресло. Эйрар опустил на пол свой выюк и присел на скамеечку. Его чуткое ухо охотника вскоре уловило шорох справа за занавесью — ни дать ни взять кролик пробирался в подлеске. Потом шпалеры раздвинулись и в комнату вошел человек.

Он был среднего роста, седой, длиннобородый, в бесформенном одеянии, порванном и заляпанном спереди. Свет огарка снизу вверх ложился на его лицо, отбрасывая странные тени, легкие волосы нимбом стояли вокруг головы. Впрочем, он глядел дружелюбно.

— Стало быть, ты и есть Эйрар Эльварсон, — проговорил он и опустился в кресло, не подавая руки. — Ну, а я — Мелибоэ.

Эйрару доводилось слышать это имя: по правде сказать, доброй славой Мелибоэ не пользовался. Юноша невольно подобрался, но старик как будто и не заметил:

— Я послал за тобой, ибо мы можем быть друг другу полезны.

— Так это твоя паршивая сова... — начал было Эйрар. Мелибоэ остановил его протестующим взмахом руки:

— Не «паршивая», а дружелюбная и безобидная. Если бы я хотел привести тебя сюда силой... — Он поднялся и неожиданно гибким движением протянул руку к занавеси как раз рядом с Эйраром: — Смотри!.. Веришь теперь, что я поступаю с тобой честно? И что ты нужен мне как союзник, а не как раб?..

За шпалерой оказалась железная клетка, и в ней свивалась зелено-желтыми кольцами удивительно мерзкая тварь, всего больше похожая на червя-многоножку, но только в тысячу раз крупнее. Каждая лапа кончалась отточенными когтями. Мутные фасетчатые глаза взирали на гостя, из шестиугольного рта капала пена. Тварь тихонько Мяукала. Эйрара едва не стошнило.

— Как видишь, мои средства убеждения разнообразны, — сказал волшебник спокойно. — Чем попасть к нему в объятия, лучше уж целоваться с гадюкой. Ну, ну, тихо, прелесть моя!

Он опустил занавесь на место. Эйрар сумел кое-как выговорить:

— Но... почему именно я?..

— Сейчас объясню, — кивнул Мелибоэ. — Если не ошибаюсь, сегодня тебя навещал Леонсо Фабриций?

Как ни странно, он ждал ответа, и Эйрар пробормотал:

— Не ошибаешься.

— А коли так, — продолжал чародей, — ты идешь теперь скорее всего в Наарос, к своему батюшке.

Эйрар встрепенулся:

— Мой отец...

— ...ну да, состоит в услужении все у того же Фабриция. Как и брат его Толо. Я понимаю, молодой человек, ты ведь из хорошего рода, так что честь для тебя не пустой звук. Впрочем, иначе бы я и не стал за тобой посылать.

— Тем более — с какой стати именно я? — повторил Эйрар. — У меня и друзей-то никого нет, а ты... вон как могуществен.

Мелибоэ окинул его пристальным взглядом, казалось, он был слегка удивлен.

— А ты неглуп, — произнес он наконец. — Это только доказывает, что я сделал правильный выбор. Что ж, буду откровенен с тобой до конца. Видишь ли, в этой стране немало таких, кто не слишком расстроится, если вместо четырнадцатого графа Валька, нашего милостивого господина, там наверху окажется кто-то другой. Так вот, я — один из этих людей. Но я не дейлкарл по рождению, что в данном случае немаловажно, и вдобавок придворный врач и астролог. Одним словом, мне нужен посредник, способный предстать за меня перед Железным Кольцом.

У Эйрара на миг перехватило дыхание... О да, он кое-что видел и знал! Железные кольца как символ неволи носили миктонские рабы и те, кого валькинги-судьи приговаривали ко временному рабству. А в ночь, когда в Трангстеде гостил незнакомец в потертом синем камзоле, сквозь дверь Эйраровой спальни донесся голос отца: «Нет! И еще раз нет! Бросить землю, поставить на карту будущее сына, чтобы... — тут Эйрар недослышал — ...железное кольцо?» И еще была тайна старого Тайела, который повесился (так, по крайней мере, рассказывали) в сарае на хуторе Грэнтрэн. На шее у старика нашли железный обруч, только что выкованный. На рыночной площади в Нааросе об этом говорить избегали...

Эйрар ответил решительно:

— Не разберу что-то, к чему ты клонишь, волшебник.

Мелибоэ рассмеялся.

— Поистине, о таком образце благоразумия я мог только мечтать!.. Ладно, подойдем к делу иначе. Допустим, в Нааросе есть кое-кто, с кем я хотел бы свести знакомство, но по некоторым причинам сам

пойти туда не могу. Теперь ты. Ты ищешь работу, и вот я нанимаю тебя своим полномочным представителем. В дальнейшем те люди, возможно, за отдельную плату пошлют тебя назад ко мне с поручением. А может, подыщут какое-нибудь дело в городе. Конечно, все это не вполне безопасно. Или у тебя на примете уже есть что-то другое?

Предложение выглядело заманчивым. Даже намек на опасность, брошенный как бы для очистки совести, только добавлял делу привлекательности. Эйрар сам ощутил это и про себя позабавился. Однако он был слепок из крестьянского теста. Он осведомился:

— И какова же будет цена?

— Интересно, взял ли ты золотой от щедрот нашего графа?.. — задумчиво усмехнулся Мелибоэ. — Взял, по-видимому. Я добавлю еще три.

Вознаграждение было царским, но Эйрар спросил:

— Ты уверен, что этого достаточно?

Взгляд Мелибоэ вновь сделался пристальным.

— Пусть будет четыре. Я целю слишком высоко, чтобы торговаться.

Торговаться он явно больше не намеревался, и Эйрар кивнул.

— Что я должен им передать?

— Ничего особенного. Скажешь так: скромный философ по имени Мелибоэ желает им добра. В частности, мне известно все, что собираются предложить им синдики маринопольских гильдий, но, кроме меня, при дворе об этом не знает никто. Скажешь еще: скорпион с отрубленной головой может пустить в ход жало, но укусить ему уже не дано. И еще: искусство философа помогло бы найти руку, способную поднять знамя.

— Кому предназначено послание?

Мелибоэ поджал губы, но ответил без обиняков:

— Людям, что соберутся в таверне «Старый меч» — над ней еще вывешен герб Аргименида, только цвета другие. Это на улице Единорога, рядом с часовней Святой Матери. Они должны прийти туда через час после заката.

Эйрар заметил:

— Все это пахнет тайной. А с какой стати они мне поверят?

Философ склонил голову набок и взъерошил бороду пятерней. Затем отпер маленький выдвижной ящик, затерявшийся в путанице деревянной резьбы. Вытащил тонкое серебряное колечко, покрытое замысловатым узором:

— Твоя предусмотрительность продолжает меня восхищать... Держи, это послужит подтверждением.

На ощупь кольцо было совершенно гладким. Эйрар удивленно повертел его в пальцах, и Мелибоэ улыбнулся:

— Всего чуть-чуть волшебства. Вот смотри.

Смахнув пергаменты со стола, он извлек флакончик воды и сбрызнул кольцо. Тотчас оно из серебряного стало железным, узор куда-то пропал. Но стоило Эйрару насухо вытереть его полый кожаного камзола — и перед глазами вновь было серебро.

— Надевай, покажешь его в таверне, — сказал чародей. — В случае чего попросишь воды или вина и обмакнешь. Ну, что там еще?

— На их месте мне захотелось бы проверить, не поменяло ли колечко владельца где-нибудь по дороге.

— Об этом уже позаботились. Запомни-ка песенку... правда, она на древнем языке, на нем говорили еще до нашествия. Хотя ты ведь учился наукам?

— Учился, но...

— ...но не выучился настолько, чтобы отделаться от судебного пристава.

— Волшебник коротко рассмеялся. — Так вот, если при тебе кто-нибудь начнет напевать: «Горе, и слезы, и стенанья повсюду...» — подтянешь: «...погибает Дейларна». Или сам промурлычешь начало, как уж получится.

Эйрар поймал мотив и с готовностью повторил. Мелибоэ замахал руками:

— Ну хватит, хватит о делах... Скажи лучше, ты ужинал?

Если по совести, Эйрар почти готов был зажарить и съесть пару колец от того милого червячка. Мелибоэ откинул перед ним одну из шпалер:

— Тысячу извинений. Прошу.

Коридор привел их в комнату, где стояла застеленная кровать и уютно горела свеча. Эйрар с радостью отметил, что дверь комнаты запиралась. Мелибоэ хлопнул в ладоши и велел подоспевшему карлику (тот так и не перестал ухмыляться) принести еды и питья. Он не пожелал сесть, и вежливый Эйрар остался стоять подле него. Внезапно глаза волшебника начали странно вращаться, и он сказал:

— Ты удачливый человек, Эйрар Эльварсон... Я вижу — тебе предназначено совершить большие дела. И все-таки не устоять твоему счастью против злосчастья трехпалого государя... да, самого его никак удачливым не назовешь... Дальше не вижу.

Эйрар воззрился на него в немом изумлении.

Карлик — или все же попросту коротышка, ибо сложен он был на удивление ладно — внес на блюде добрый кусок мяса, высокий бокал и белую булку... и в тот же миг весь дом буквально содрогнулся от страшного предсмертного вопля.

— Леопард издох, — сообщил коротышка. Поставил поднос и опять захихикал.

— Десять тысяч демонов!.. — воскликнул Мелибоэ, бросаясь к двери. Эйрар заперся на засов и сел ужинать.

3. НААРОС. «СТАРЫЙ МЕЧ» И НОВЫЙ ДРУГ

Эйрар и прежде нередко бывал в Нааросе, но ни разу еще — с пятью золотыми, которыми он мог располагать, как только заблагорассудится. Право же, это приносило новые ощущения! Обходя лужи, он долго бродил между лавками, потом пообедал в харчевне и оставил там на сохранение свой выючок. Соблазн что-нибудь купить одолевал его, впрочем, только до тех пор, пока он не входил в лавку с намерением поторговаться. Всякий раз он вовремя вспоминал, что весь его дом помещался теперь у него на спине, точно панцирь черепахи — и так и не купил даже того, мимо чего в ином настроении навряд ли бы прошел. Например, мимо Книги заклинаний, привлечшей его взгляд на улице Книжников, — чудесная маленькая Книга как раз уместилась бы в кармане... А вот к улице, где брат его отца держал мастерскую и дом, принадлежавшие Фабрицию, а также к гавани, где этот последний наказывал ему разыскать когг «Единорог» — он и близко не подошел. Нет уж! Туда его, пожалуй, мог загнать только страх смерти.

И тем не менее — когда в просветах между домами показывались стройные мачты, а ветер доносил острый запах пряностей, привезенных откуда-нибудь с Южных Островов или из Ураведу, сердце Эйрара начинало биться сильнее. Эй, если бы кто-то другой, не Фабриций, предложил ему поехать туда!..

Эйрар заранее разыскал улицу Единорога, часовню Святой Матери и таверну «Старый Меч»; это было нетрудно. Бревенчатый, с выступающим верхним этажом, фасад таверны давно потемнел от времени, возле узкого входа топтался какой-то верзила, никому не уступавший дороги. Волосы неопрятно свисали ему на глаза, выглядел он довольно зловеще. Эйрар прошел мимо.

День между тем клонился к закату: еще немного, и закроют ворота. Городской шум начинал постепенно стихать, когда Эйрар свернул на улицу у подножья скалистого мыса. Волны Наара омывали утесы, увенчанные темным на вечерющем небе силуэтом цитадели. Улица повторяла все извивы древнего, давно засыпанного крепостного рва, на месте которого ее проложили когда-то. В лавчонках, занимавших первые этажи, продавалось оружие и яркие безделушки из тех, что любят солдаты.

Если бы Эйрар не успел притомиться, слоняясь по улицам, он бы вряд ли здесь задержался. И если бы ему не пришлось весь день разглядывать совершенно ненужные вещи, может, и не заворожил бы его до такой степени этот кинжал, игравший цветными камнями в последних солнечных лучах. Видать, однако, судьбы не минуешь — Эйрар так и замер при виде вещи, которую он мог купить — и носить с собой. Он вошел. Хозяин лавки, косоглазый толстяк, подал ему кинжал с медлительностью истинного торговца.

— Пермандосская работа, — сказал он. — За сорок сольваров отдаю.

Оружие было прекрасно сбалансировано; едва взяв его в руки, Эйрар понял, что нипочем не сможет с ним расстаться. От нетерпения он даже не стал особенно торговаться и сбил цену только до тридцати, хотя, кажется, мог получить кинжал и дешевле. Наконец, он вытащил один из своих золотых. Лавочник задумчиво повертел его в пальцах и смерил юношу взглядом. Потом спросил:

— Разве ты не дейлкарл?

— Дейлкарл, и что с этого? — ответил Эйрар несколько резковато, ибо с подобным ему приходилось уже сталкиваться. — Это наша страна!

Торговец попросил терпеливо:

— Покажи мне, пожалуйста, грамоту, подтверждающую, что тебе дарована льгота.

— Не очень я понимаю, о чем ты, — пробормотал Эйрар. Он, конечно, прекрасно все понял, но сознаваться больно уж не хотелось.

— Льгота, — повторил лавочник. — Грамота, заверенная печатью господина нашего провоста, с разрешением покупать те виды оружия, которые, согласно указу, дейлкарлам носить запрещено.

Эйрар почувствовал, как жаркая кровь бросилась ему в щеки. Он выхватил у лавочника свой золотой и крикнул:

— Указ!.. Ну и можешь воткнуть этот кухонный ножик господину провосту в жирное брюхо!.. С моими наилучшими пожеланиями!..

Косые глаза часто заморгали.

— Молодой человек, не я выдумал правила, по которым ты должен жить. Это так же верно, как то, что не я наделил тебя шестью футами роста. Поверь, хуже всех из-за этих дел приходится именно мне. Ведь теперь я должен узнать твое имя и препроводить тебя в казармы лучников на допрос — кто таков да зачем тебе подобные вещи. А не препровожу, вдруг окажется, что как раз господин провояет тебя подослал? И как ты думаешь, что тогда со мной будет?

При этих словах Эйрар не только ощутил невольное сочувствие, но и припомнил кое-что, почти позабытое за всеми перипетиями дня.

— Насчет имени, — сказал он, — мы поговорим после, а что касается лучников, что ж, пойдем. Я знаю одного, который не откажется замолвить за меня словечко.

Толстяк поглядел на него искоса: было похоже, что его подозрения полностью подтвердились.

— Спасибо за любезность, молодой человек, но мне не на кого оставить лавчонку. Ты ведь знаешь, как дойти до казарм? Первая улица направо.

Он слегка поклонился, не скрывая злорадной улыбочки, от которой Эйрару захотелось расквасить кулаком жирную рожу. Он молча вышел.

Улица привела его на широкую мощеную площадь: сюда он никогда еще не забредал. Дальний конец площади был перегорожен — оттуда шла дорога на скалу, к замку. В воротах стоял человек в солдатской кожаной безрукавке и шлеме с забралом. Прижав локтем длинную алебарду, он внимательно рассматривал какое-то пятнышко у себя на ладони. Когда подошел Эйрар, он поднял голову:

— Чего надо?

— Скажи, Пертвит-лучник здесь?..

Стражник смерил Эйрара взглядом почти так же, как незадолго перед этим торговец, только еще менее дружелюбно, ибо никакие деньги ему не светили. Потом поправил алебарду, повернул голову и позвал:

— Лауш!.. Эй, Лауш!.. Скажи длинномордому, к нему тут сопляк какой-то пришел...

Ни разу еще Эйрару не доводилось иметь дела с валькинговской стражей: разве что с самим Пертвитом, да с добродушными остолопами, следившими за порядком на рынке.

Небритый Пертвит вышел в шлеме и при мече, почесываясь и зевая. Было заметно, как раздражали его смешки и намеки товарищей, высунувшихся взглянуть на пригожего юношу-дейлкарла, вызвавшего его из казармы.

— Ну, чего еще?.. — буркнул он почти зло. Еще немного, и задетый Эйрар, пожалуй, ушел бы — но нет худшего одиночества, чем одиночество сельского жителя, угодившего в город. Он сказал:

— Я просто подумал... ты, верно, подскажешь таверну, где для нас с тобой нашлось бы по косточке обглодать. С деньжатами-то... — и подкинул на ладони одну из монет.

Плохое настроение лучника вмиг испарилось:

— А ты молодчина, сынок! Кто не скупится на угощение для старого рубаки, из того получится валькинг, это я тебе говорю. Нет, правда, хоть бы одна свинья раскошелилась с тех пор, как здесь побывал принц Аурарий! Приехал, понимаешь, в свите имперского вице-короля, да и прислал нам, стражникам замка, по шесть бутылок на рыло, выпить за его здоровье...

Взяв Эйрара под руку, он повел его через площадь прочь от ворот: привратник остался глядеть им вслед и, кажется, подбирал слюнки. Пертвит резко оглянулся на него и фыркнул:

— Императорские вонючки, надушенные, тьфу!.. А уж Рыжебородый — кто вообще припомнит, чтобы он покупал вино нашему брату? И пусть хоть весь город слышит, что я тут болтаю, начхать!.. Ага!.. Вот славненькое местечко!

Темноватая комната сперва показалась Эйрару необозримо громадной: чадили факелы, люди кругом

оглушительно гомонили. В сторонке вращалось великое множество вертелов, пахло поистине восхитительно. Хозяин подошел к ним, заранее расплываясь в улыбке при виде алого треугольника, нашитого на плече у Пертвита.

— Нам отдельный уголок, — велел лучник. — Подашь дичь и карренного... только не того, что у тебя смолой отдает.

На лице трактирщика мелькнуло беспокойство, и Пертвит добавил:

— Все в порядке, приятель, мой дружок нынче богат. А ну, Эллер, покажи ему свои рыцарские цвета!

— Меня зовут Эйрар, — сказал юноша, но послушно предъявил хозяину золото, и тот с самодовольной ухмылкой повел их в самый дальний конец, где они сели друг подле друга на скамью вроде церковной, с подлокотниками, некогда вырезанными в виде занятых звериных головок — головки эти были давным-давно изуродованы ножами пьяных посетителей. Мальчик-слуга поставил перед ними бутылку. Пертвит отпил изрядный глоток и глянул на Эйрара не без участия.

— Ты ведь хочешь наняться работать, верно, сынок?

Ему явно хотелось отблагодарить юношу хоть чем-то, что было в его власти. Эйрар почувствовал, что краснеет.

— Да мне, вообще-то, не к спеху... Я бы еще денька два-три погулял, посмотрел, что тут и как...

— Ага, уже?.. — громогласно расхохотался Пертвит. — И что она — хорошенькая? Поверь на слово знатоку, смотри первым делом на титьки. Мордашка не в счет: всякие там щечки, глазки — вроде вывески перед лавкой, не больше... Она, что ли, тебе подарила колечко?

Эйрар, воспитанный в скромности, вспыхнул как маков цвет и с трудом выдавил:

— Да нет, нет... — Требовалось срочно что-то придумать, отвлекая внимание от поручения Мелибоэ, и он пустился в историю с неудавшейся покупкой кинжала. Выслушав, Пертвит присвистнул и отпил еще глоток из бутылки:

— Клянусь верой, парень! Это так же незаконно, как собаке гонять уток на птичьем дворе. Ты что, серьезно ничего не знал об указе?

— Я слышал что-то насчет длинных клинков. Но простой кинжал?..

— Простые кинжалы в Нааросе все как один обзавелись длинными клинками по распоряжению нашего высокочтимого барона Ванетт-Миллепига. Что бы такое придумать?.. — Он побарабанил пальцами по столу. — Сдается мне, если хочешь отмыться, самое лучшее — это пойти в магистрат и покаяться, мол, ошибся, простите. Там, правда, понадобится, чтобы трое свидетелей выступили в твою защиту. Я-то с удовольствием приду и поклянусь, что век не видел парнишки безобидней тебя, но вот где ты возьмешь еще двоих? Погоди — а может, Фабриций?..

— Без сомнения, — Эйрар коротко рассмеялся. — Но только если я за это соглашусь плыть на его проклятом корабле!

— Если бы речь шла о поездке в Дзик или Ураведу, ты и вправду мог бы сразу разбогатеть. Однако этот твой Фабриций, насколько я знаю, ведет дела только с Двенадцатью Городами, и в основном с Карреной, так что заработать на этом деле хоть сольвар у тебя шансов не больше, чем разыскать колодец вина... Ладно! Забудем завтрашние трудности до рассвета, как в песне поется!

Он снова приложился к бутылке, откинул голову и запел:

Когда я был молод и розовощек, я о старости дальше не думать не мог.

А присыпало бороду зимним снежком, и я понял — живи сегодняшним днем...

— Там еще семь куплетов, но смысл у них примерно такой же.

Трактирщик подал дичь, и она была вправду вкусна, сдобренная соусом из крохотных креветок, что водятся в устье Наара. Пертвит все сильнее напивался и болтал без умолку, он был в прекрасном расположении духа, но Эйрар чувствовал себя чем дальше, тем неуютнее. И так уже за соседними столами

посмеивались, глядя на них. Эйрар с трудом представлял себе, как это он сумеет исполнить поручение Мелибоэ, — ведь там, куда ему следовало пойти, Пертвиту никто не обрадуется. Какую же глупость он сделал, надумав именно сегодня его угощать.

В конце концов, когда очертания комнаты уже начали слегка затуманиваться перед глазами, он не выдержал:

— Друг лучник, мы славно повеселились, но мне, знаешь ли, пора. Ты уж прости — дела...

— Хо-хо! Нашему петушку невтерпёж!.. — перебил Пертвит во всеуслышание. Наклонился к Эйрару и погрозил пальцем: — Нет, парень, ты как хочешь, а я с тобой. У всякой девки должно быть по два любовника: должен же кто-то караулить за дверью.

— Право, я тебя уверяю...

— Нет, это я тебя уверяю, и не моги мне перечить. Что? Или я не стражник его светлости Рыжего Барона, нашего сиятельного ублюдка? Эй, Гурион!.. — махнул он хозяину. — Счет!.. Расплатись с ним, сынок. А я, так и быть, оставлю мальчишке на леденцы. Да и пойдем, что ли.

Быть может, вино в самом деле отчасти туманило Эйрару голову — но, в любом случае, что он мог поделаться против этакой властности, да еще подкрепленной алым треугольничком на плече? Только идти вперед и надеяться, что те, к кому он был послан, сумеют уж как-нибудь обезопасить себя от незваных гостей...

Расплатившись, он поднялся. Пертвит взял его под руку, хлопнул трактирщика по спине, отсалютовал кому-то за соседним столом и со всей величавостью повлек Эйрара к двери. Свежий ночной ветер пахнул им в лица. Эйрар почувствовал в воздухе привкус морской соли: в Трангстеде такое бывало лишь в пору южных ветров...

Пертвит спросил деловито:

— Куда идем?

— Я-то на улицу Единорога... а тебе разве не надо к какому-нибудь часу вернуться в казарму?

— А!.. Пошли они все!.. Я ведь кто? Угадал: стражник. А стражнику самое милое дело постеречь дружка, пока он любезничает с милашкой. Я сам поговорю с ночным караулом, если напоремся... Послушай, а у нее там нету сестры?

В городе было тихо; ни звука, напоминавшего дневной гам, лишь эхо шагов. Луна низко висела на небосклоне, всюду лежали густые черные тени, да там и сям горели в окнах огни. Постепенно даже Пертвит примолк, оставив свою болтовню.

Немногие встречные кутались в плащи и явно не жаждали общества. Когда Эйрар и лучник проходили мимо часовни Святой Матери, что-то шевельнулось во тьме. Потом от стены «Старого Меча» отделился некто и посветил им в лица масляной лампой, выхваченной из-под плаща.

— Куда направляетесь?

Свет бил в глаза, но все же Эйрар наполовину узнал того долговязого, что сшивался здесь днем.

— Иду, куда хочу, и перед тобой отчитываться не собираюсь, — неожиданно железным голосом ответил Пертвит и коснулся нашивки на плече: — Не слепой?

В гостинице вдруг зажегся свет и столь же внезапно погас.

— Проходи, стражник, — отозвался верзила, опустил фонарь и отступил в сторону... и тут краешком глаза Эйрар подметил какое-то движение, и шестое чувство внятно остерегло: опасность!.. Пертвит среагировал еще быстрее: с проворством, какого Эйрар ни за что не заподозрил бы в полупьяном, выхватил короткий меч и сделал стремительный выпад, крича во все горло:

— Стража! Стража!.. А-пакс, а-пакс!..

Здоровяк непонятным образом ушел от удара, — Эйрар услышал звук рвущейся ткани. Что-то коснулось его, он обернулся. В тот же миг, навсегда впечатываясь в память, над плечом просвистело копьё

с наконечником, похожим на лист лавра, и воткнулось Пертвиту в спину чуть ниже лопатки.

— А-пакс... — боевой клич валькингов захлебнулся мучительным хрипом и смолк навсегда. Кровь хлынула юноше на руки. А потом нечто тяжелое ударило его в висок, и он свалился прямо на тело Пертвита, лучника из замковой стражи.

4. НААРОС. НОЧНОЕ СОБРАНИЕ

Словно сквозь сон, Эйрар расслышал чей-то резкий голос:

— Смотри! У него кольцо!

— Значит, надо вытрясти из него правду. — Второй голос был хриплым и явно принадлежал здоровяку. — Мы не можем чувствовать себя в безопасности, пока не узнаем, как оно к нему попало.

Сквозь сомкнутые веки Эйрар различил свет, показавшийся нестерпимым. Руки были испачканы в Чем-то липком, голова раскалывалась от боли. Сумеет ли он хотя бы пошевелиться?..

— Нет, Галлиль, — сказал третий голос. — Это не валькинг. Слишком рослый, да и волосы светлые.

— Тем более надо его допросить, да как следует! Клянусь Колодцем! Похоже, это предатель! Иначе каким образом он оказался на одной сворке с ищейкой Рыжего Пса?..

Эйрар открыл глаза. Волна боли и яркого света тотчас захлестнула его, и он сразу опустил веки, успев заметить лишь круг склонившихся лиц и низкий, закопченный потолок.

— Очнулся, скотина, — проворчал над ним голос Галлиля. — Надо разобраться с ним, пока не пришел синдик. Иначе старый осел мигом сбежит, да еще навоняет со страху. И так смерть висит за плечами, — если он увидит еще один труп...

— Нет!.. — простонал Эйрар и попробовал сесть. Усилие оказалось слишком велико — с небес посыпались звезды. Он приподнял руку и увидел, что она была вся в крови. Подхлынувшая тошнота готова была вновь распластать его на полу, но кто-то обхватил его за плечи и поддержал. Этот человек был одет по обычаю горных охотников Мариолы, на бритом лице выделялся длинный нос.

— Да погодите вы! — прикрикнул он, и Эйрар узнал голос: говорил тот самый, что обратил внимание на его волосы и рост. — Дайте-ка лучше воды! Или вина!

— И то верно, — передавая бутылку, поддержал охотника какой-то лысый мужчина. Его борода торчала во все стороны, подобно иглам дикобраза, и казалась железной. — Прежде, чем выдергивать перья, послушаем, какую песенку споет этот птенчик!..

Огненная жидкость обожгла Эйрару горло, он задохнулся, закашлявшись, но затем стряхнул руку охотника и заставил себя встать. Пошатнулся, схватился за столб и обвел глазами десятка два обращенных к нему лиц — от недоверчивых до откровенно враждебных.

— Ну? — крикнул кто-то нетерпеливо. — Выкладывай!

— Дайте парню очухаться, — вступился охотник.

— Обдумать вранье, — хмыкнул Галлиль.

Эйрар посмотрел на свою руку.

— Кровь, — сказал он тупо. — Вы убили моего друга... — потом ощущение опасности все-таки придало ему сил, и он поднял голову: — Право, Железное Кольцо неласково встречает посланца, приносящего вести...

Они беспокойно зашевелились.

— Какие еще вести? — слышался крик. — От кого?

— Пусть докажет! — перебил другой, а Галлиль откинул свой порванный плащ, демонстративно кладя руку на рукоять меча. Кто-то спросил, пришел ли человек из Короша. Но Эйрару недаром приходилось бывать на общественных собраниях дома, в Вастманстеде. Он молча смотрел на обступивших его людей, пока они не замолчали, и тогда сквозь зубы пропел:

— Горе, и слезы, и стенанья повсюду... — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Если вы хотя бы дадите мне умыться, услышите остальное. Господа мои, да если бы я хотел вас подвести, неужели бы я взял с собой всего одного лучника?.. Один — это слишком мало... или слишком много.

Охотник с облегчением засмеялся:

— Вот тебе, Галлиль, и все доказательства. Узнаю истинного дейлкарла: скверные доводы, но сколько мужества! Ха, вы слышали — почему всего один лучник? Да еще он же нам и условия ставит! Нет, пойдемте-ка сядем да послушаем, что он расскажет!

Он крепко взял Эйрара за руку и потащил его, еще нетвердого на ногах, сквозь другую комнату, где стоял длинный стол и множество кресел при нем, в чулан к умывальнику.

— Станешь говорить — лучше назовись сразу, — посоветовал он не без дружелюбия, пока Эйрар счищал с себя кровь. — Тебе, дейлкарлу, здесь нечего опасаться. Я — Рогей из Мариолы.

Он первым протянул руку в знак дружбы и повел Эйрара назад.

Все уже ждали их, сидя за длинным столом. Теперь, когда голова у него несколько прояснилась, он заметил, что, судя по одежде, эти люди собрались сюда из всех провинций Дейларны. Галлиль, например, явно был из крестьян Вастманстеда. Другой, в кожаной куртке и с одышкой астматика, выделялся рыбацкой бородой. У того высокого, с красным от ветра лицом, был на плечах камзол, явно сшитый в бескрайних степях Хестинги. А этот, с узким треугольным подбородком, положивший на стол изящные руки, — уж не сам ли Ладомир Ладомирсон, рыцарь, о котором Эйрар был столько слышан?..

Юноша крепко стиснул пальцами спинку одного из кресел.

— Господа мои, — сказал он, когда все повернулись к нему, — я не собираюсь ничего от вас скрывать. Я — Эйрар Эльварсон, бездомный со вчерашнего дня... с тех пор, как Леонсо Фабриций выгнал меня за долги из отеческого имения.

Послышалось бормотание, а рыбак воскликнул:

— Вот с этим мы и собираемся покончить!

— Стало быть, — продолжал Эйрар, — прошлой ночью, по пути в город, мне случилось заглянуть к некоему философу по имени Мелибоэ. Он-то и рассказал мне, что у вас назначена встреча. Он также дал мне это кольцо, научил вашей песне и велел кое-что передать...

Вот когда они зашевелились по-настоящему. Галлиль вскочил яростно, опрокинув кресло:

— Что я вам говорил?! Пытать его! И немедленно!..

Горец Рогей побледнел, несмотря на загар:

— Каким образом старый стервятник дознался о нашей песне и знаке?..

Недоуменные и угрожающие голоса звучали все громче, пока не поднялся рыцарь и не вскинул руку, призывая всех к тишине:

— Прошу вас, господа... — и повернулся к Эйрару: — Удивительные и опасные речи произносишь ты, юноша, ибо среди всех врагов нашего племени Мелибоэ — самый опасный. И уж если ему стали ведомы самые тайные наши дела, верно, конец наш и впрямь недалек. А значит...

— Вот об этом мне и ведено вам рассказать, — вмешался Эйрар. — Я...

— Помолчи, юноша, пока тебе не разрешат говорить, тем более, что ты попал сюда при весьма подозрительных обстоятельствах. Кроме того, потрудись называть меня «господином»; я — опоясанный рыцарь. Итак, позвольте продолжить. Допустим, мы верим, что ты в самом деле — полномочный посланник названного тобою демона и чернокнижника. Где ты его встретил?

— В хижине у подножья горы... туда проложена тропа от развилки. Это в восьми, не то десяти тысячах шагов за последним мостом на большаке, что ведет из Наароса в Ласию... господин рыцарь.

— Галлиль, ты родом из тех мест. Это похоже на правду?

Верзила неохотно кивнул:

— Даже очень, господин Ладомир. Немногие знают про то, но у Мелибоэ и в самом деле там что-то вроде дачи. Там он обделявает свои грязные колдовские делишки с помощью карлика по имени Коббо — этого Коббо, говорят, родила миктонская шлюха, переспавшая с морским демоном.

Рыцарь Ладомир вновь повернулся к Эйрару.

— Что ж, допустим, ты в самом деле побывал у Мелибоэ. А чем ты докажешь, что твое послание действительно от него?

Вместо ответа Эйрар шагнул к двери чулана, сунул руку в бадью с водой и вытянул ее перед собой:

— Смотрите, господа мои — разве это не железное кольцо, подобное тем, что носят многие из вас? А теперь... — он насухо вытер его и бросил на стол, и серебряный узор заискрился, отражая факельный свет.

Рогей-охотник торжествуя засмеялся. Кто-то закричал: «Колдовство!..»

— но Эйрар перебил:

— Такое заклятие я и сам мог бы снять, будь здесь моя Книга.

Рыцарь взял кольцо со стола, внимательно рассмотрел и наконец поднял глаза:

— Ну, а послание?

— Господин мой, мне ведено передать: философу по имени Мелибоэ не очень-то нравится, как идут дела в этой стране под властью графа Валька. Он готов присоединиться к тем, кто желал бы это переменить. А в качестве доказательства добрых намерений... в общем, он знает, что вы собираетесь предпринять вместе с гильдиями Мариополя, но не разболтал никому. Он говорит, что скорпион с отсеченной головой может пустить в ход жало, но кусаться ему уже не дано; и еще — что его искусство помогло бы вам найти руку, способную поднять знамя.

Собравшиеся вновь зашумели. Рыцарь Ладомир прищурился, взгляд стал ястребиным:

— А что ты скажешь о... — но закончить он не успел: в дверь стукнули дважды, затем трижды. Рыцарь бросил кольцо Эйрару через стол, горец Рогей жестом велел юноше сесть в свободное кресло. Дверь отперли, и в комнату вошел человек.

Он был облачен в меха, столь роскошные, что взгляд не сразу задерживался на его лице. Впрочем, ничего особенно примечательного и не было в чертах древнего старца, поблекших от времени и словно бы лишенных всего плотского: лицо священника, торжественное и худое.

Рогей-мариоланец вскочил на ноги и громко представил вошедшего:

— Это Виграк, синдик великих гильдий Мариополя. Мы собрались здесь, чтобы послушать его.

Рыцарь Ладомир предложил старцу кресло. Тот благодарно улыбнулся и сказал неожиданно звонко:

— С вашего позволения, я буду говорить сидя.

— Мы все равны в Железном Кольце, у нас нет правила, кому сидеть, а кому стоять, — как бы повторяя ритуальную формулу, ответил рыцарь. Старик подхватил:

— В некотором роде как раз с этим я сюда и пришел. До каких пор будет наша Дейларна задыхаться под бременем Алого Пика Бриеллы? Я надеюсь, у вас хватит мужества выслушать, что я скажу: нам нипочем не сбросить его до тех пор, пока не будет именно этого правила — кому сидеть, а кому стоять. До тех пор, пока не будет вождя!

Он помолчал, давая им время переварить услышанное.

— Вот и Мелибоэ о том же, если верить парнишке... — пробормотал колючебородый. Виграк на него даже не посмотрел:

— Когда в стране мир и покой — верно, незачем кому-то возноситься над нами. Однако я вас уверяю: сегодня против нас ведется война, жестокая и беспощадная. О ней не говорят вслух, но прекратится она только тогда, когда всех нас сделают валькинггами или слугами валькингов. Впрочем, иначе бы вы здесь и не сидели. И не носили бы железных колец, которыми граф Вальк приравнял нас, свободных дейлкарлов, к миктонским варварам.

Он снова умолк. Из кухни — Эйрар не заметил, кто ее позвал — вошла круглолицая полная девушка и подала мед. Люди приглушенно переговаривались; лишь один пригубил из кружки — сутулый мужчина в замысловатом одеянии горцем Корсора, сидевший подле рыцаря Ладомира. Рогей

— похоже, он был вроде как поручителем старца — подал голос:

— А остальные?..

Виграк поднял руку, прозрачную, как лист бумаги.

— Терпение... Не следует предпринимать поспешных шагов, ибо речь сегодня идет о несметных богатствах и человеческой крови. А теперь слушайте внимательно. Ровно через месяц Мариаполь отпадет от графа Валька и поднимет восстание. Братья Железного кольца, присоединяйтесь! Настало время вынимать из ножен мечи!..

Эти слова взволновали собравшихся еще больше, чем новость, принесенная Эйраром. Добрая половина вскочила, поднялся такой крик, что толстушка вновь высунулась из кухни. Когда же наконец все расселись, колючебородый остался стоять и обратился к синдикку:

— Славные новости для всех, кто спит и видит падение Алого Пика! Однако ты, гость, говорил что-то о правилах и вождах. Прежде, чем вручить свое сердце и меч, я не отказался бы услышать — кому?

— Ха, — еле слышно буркнул мрачный Галлиль. — Белореченская крыса пойдет через реку, только если мост вымощен сыром!..

Бородач сердито вспыхнул, но синдик сказал:

— Честный вопрос, и я попробую столь же честно ответить. Подумайте сами

— есть ли у нас в Дейларне полководец, способный выстоять в битве против военачальников Валька? Есть у нас такие, как Бордвин Дикий Клык или хотя ваш нааросский Рыжий Барон? Вспомните: именно по этой причине мы были когда-то разгромлены в Красных Холмах. А ведь дело нипочем не обойдется без новых сражений. Гильдии Мариополя заранее позаботились о полководцах и наняли Звездных Воевод из Каррены... не говоря уж об их рыцарской кавалерии.

Эйрару доводилось слышать об этих Звездных Воеводах — каждое из пяти овечных славой имен было подобно зову боевого рога. Он ждал торжествующих криков, к которым и сам готов был присоединиться... но нет. Слова синдика были встречены почти полным молчанием. Ни чьи глаза не загорелись восторгом. Галлиль только нахмурился еще больше, а корсорец воскликнул:

— Какую же плату они потребовали? И кто намерен платить?

Виграк ничуть не смутился:

— Согласен, не все обстоит так, как нам бы хотелось. Я сам разговаривал с Воеводами... Да, они нам чужие. Да, они не особенно честны и не особенно чистоплотны. Да, они потребовали имений в стране — это помимо денежной суммы, которая, признаться, заставила поколебаться предводителей гильдий... Вдобавок они не слишком ладят с самим императором, и это может нам повредить, если Вальк вздумает надеть личину верного вассала. Все это так, господа мои. Но потерпевшему кораблекрушение грех жаловаться, если нет перца приправить пойманную рыбешку. Бриельскому дьяволу только и надо, чтобы мы выступили против него разумно и вежливо, соблюдая все церемонии... и позволили без помех обрубить себе головы. А что касается Звездных Воевод, каковы бы они ни были — именно они давно уже обгадили все любимые углы валькингских псов!

Сидевшие за столом разразились хохотом.

— Что до меня, — подал голос угрюмый Галлиль, — от имени дейлкарлов Вастманстеда скажу: не больно мне все это нравится. Но не дело и отказываться от игры, коли правила пришились не по ноздре. Что, разве не должен был наш заговор однажды кончиться войной против графа? Так почему не теперь? Поднимем же наши мечи и знамя Крылатого Волка, и пусть немытые карренские свиньи ведут нас в бой, как умеют. Ну, кто со мной?

— Я! — крикнул кто-то. — Я — именем Хестинги!

Они с Рогеем гордо оглядывались, но Эйрар заметил, что остальные поддержали их не больно-то дружно. Когда выкрики стали стихать, поднялся откормленный малый, по одежде и выговору которого невозможно было определить, откуда он прибыл.

— Галлиль, — сказал он, — твое великодушие всем нам известно. И ты, господин синдик, говорил поистине убедительно. Но, знаете ли, как-то не особенно вдохновляет меня слово «заговор», которое

здесь прозвучало. Присоединяясь к Железному Кольцу, мы, шелландцы, надеялись востребовать от Империи те древние права и свободы, которые отцы наши завоевали под знаменем короля Аргименеса. А вместо этого нас призывают к восстанию против графа, признанного законным имперским наместником, да еще предлагают вождей, которых император объявил вне закона. Хотел бы я знать, кто защитит нас от язычников, если мы отречемся от Империи и Колодца?..

Старый Виграк поднял палец, собираясь ответить, но его опередили. Это был, судя по его внешности и особенно золотой цепи, торговец.

— Ты совершенно прав, — обратился он к шотландцу. — Я хочу только добавить еще кое-что. Мариаполь лежит на самой границе, можно сказать почти под рукой великого герцога Салмонессы, который никогда не даст его в обиду. А кто позаботится о нас, жителях Ставорны, зажатых между Бриеллой и пиратами Ос Эригу? Нет уж! Я думаю, наш граф — наименьшее из множества зол. Неплохо бы только заставить его вести себя чуть-чуть по-другому. Если я правильно понимаю, именно это и есть цель Железного кольца?..

— Боюсь, у нас в Нааросе дело зашло слишком далеко — мы уже убиваем графских лучников прямо на улицах, — выкрикнул кто-то, сопроводив свои слова жестким смешком. Виграк вздрогнул и вскинул голову, собираясь о чем-то спросить, но его снова опередили.

— Я из Норби, — подал голос длинноволосый кудрявый парень не старше Рогея или самого Эйрара. — Простите великодушно, но к нам, северянам, все важные новости добираются с опозданием. Ох, не очень я понимаю, что здесь происходит. Сам я был мал и не помню битвы в Красных Холмах, но отец мне рассказывал — в те дни Мариаполь и его гильдии первыми распахнули перед валькингами ворота, и ни один клинок не был обнажен. Чего ж им теперь-то неймется?..

— Дело в том, — ответил корсорец, — что нынче у них нет особого выбора: либо восстание, либо нищета, какой они не видали. Вы что, вправду не знаете о последнем изобретении господина Ланноя, канцлера?.. Он устраивает мануфактуры и ставит к ткацким станкам миктонских рабов. Шерстяная гильдия Мариополя по миру скоро пойдет, вот оно что.

Все глаза обратились к Виграку.

— Я не буду этого отрицать, — сказал он. — Но и вы, если хорошенько подумаете, согласитесь: то, что происходит в Мариополе сегодня, завтра повторится в Нааросе, а послезавтра в Ставорне. Граф явно вознамерился так или иначе впихнуть нас всех в железное кольцо, выкованное по его мерке. Будь по-другому — зачем бы ему сгонять наших крестьян с наследных земель? Оглянитесь: повсюду трудятся рабы, а новые владельцы усадеб сидят себе в замках... — он повернулся к Галлилю: — Ты, друг мой, судя по твоему возрасту, должен помнить первое время валькинговской власти... Сколько было тогда свободных земледельцев в Вастманстедде и сколько осталось?.. Что же до решения раскрыть городские ворота... многие уже тогда были против, в том числе и ваш покорный слуга. Нет, я отнюдь не оправдываюсь. Я хочу только спросить: неужто никому из вас не доводилось сделать ошибку и получить прощение? Думается мне, друзья, настал час нам позабыть старое и сплотиться против врага!

Наблюдая за собравшимися, Эйрар решил уже было, что синдик вот-вот склонит-таки их на свою сторону, — но поднялся мужчина в рыбацкой кожаной куртке и, тяжело отдуваясь, проговорил с характерным акцентом:

— Я рыбак, я гладко говорить не умею... Ну, знаете, так, как если бы я кому предлагал поцеловать меня пониже спины, а он и решил, что это я ему собираюсь пятки лизать... Уф-ф, уф-ф... Я уж, с вашего позволения, прямо, по-рыбацки скажу. Нам, вольным рыбакам, ну до смерти лестно, когда такие важные люди из мариапольских гильдий величают нас своими друзьями... уф-ф... раньше мы что-то за ними этакого не замечали. Уж верно, что-то понадобилось... Так я вам вот что скажу: когда морские демоны начинают нас заедать, старый граф всегда присылает нам своего колдуна, Мелибоэ. Уф-ф, уф-ф... Графу, понятно, тоже от нас кое-что перепадает, налоги там всякие... да такие, что и не вздохнуть. Так что не сомневайтесь, мы, рыбаки, с радостью утопили бы его в устье Наара. Но этот синдик нам предлагает — уф-ф!.. — спихнуть одного графа, а на его место посадить пятерых новых... да еще карренцев вонючих. Ну нет, премного благодарны!

Он сел. Толстый малый согласно кивнул:

— Шелландцы тоже не поднимутся. Я не смогу их убедить.

— И Корсор, — слышались голоса.

— И Белоречье, боюсь, тоже.

Рогей-охотник вскинул было руку, но только махнул ею — и опустил.

— Все старые песни! — молвил он с горечью. — Посади пятерых дейлкарлов за один стол!.. О чем они смогут договориться? Разве о том, как надуть друг друга с помощью валькинга, стоящего под окошком... — и обратился к Виграку: — Сам видишь, господин мой, что получается. Эх, обернись дело иначе...

Синдик плотнее завернулся в меха, не спеша отведал меду, и произнес своим ясным серебряным голосом:

— Что ж, тогда нам, жителям Мариополя, не остается иного пути, как только порвать все связи с нашими кровными братьями дейлкарлами и проситься под руку великого герцога Роджера... Спасибо вам, господа, и на том, что выслушали старика!

Он хотел уже подняться, но рыцарь Ладомир удержал его за плечо:

— Нет! — и пристукнул по столу кулаком: — Нет! Я знатнее любого из присутствующих здесь. До сих пор я молчал, дабы каждый мог высказаться свободно. Вижу, однако, что вы вправду способны утопить любое дело в словах. Хватит! Теперь слушайте: я согласен с Галлилем. Будь моя воля, я тоже предпочел бы иное время и иных полководцев. Быть может, я вовсе избрал бы иной способ борьбы, ибо предвижу, что деяния графа Валька рано или поздно столкнут его лбами с Империей. Но когда это произойдет? До тех пор он вполне способен сгноить всю Дейларну своими налогами и рабским трудом. Мы должны нанести удар, покуда вконец не иступились острия наших мечей! Сегодня Мариополь предлагает нам деньги и наемные копы Каррены — кто знает, когда еще подвернется такая возможность?.. А тебя, господин синдик, я просил бы обратить внимание, какие провинции ответили «нет». Белоречье, Шелланд, Норби, Корсор, город Ставорна — весь север страны. Представим теперь, что мы пустили по кругу боевую стрелу, и народ поднялся. Хотел бы я знать, что смогут поделаться сидящие в Мариополе Звездные Воеводы, если Вальк с Бордвином закроют перевалы Кабаньей Спины и обрушатся на неопытных ополченцев из-за Наара?.. А вот если Вастманстед и Мариола будут уже в наших руках, а берегом двинется армия под началом опытного полководца... да, тогда дело не столь безнадежно. Что скажешь, Вард?

— Возразить нечего, — ответил шелландец.

— Во имя Создателя, — продолжал рыцарь, — Виграк, не спеши уходить. Поистине, Железное Кольцо уже дало тебе все, чего ты мог желать... кроме разве что Рудра с его вольными рыбаками. Да, что до тебя, Рудр, — колдун Мелибоэ, на которого ты так рассчитываешь, только что предал собственного хозяина, о чем мы и узнали сегодня со слов этого юноши. Так что смотри — останешься верен Алому Пику, и морские демоны вовсе житья тебе не дадут... Нет, Рудр, я вовсе не отвергаю твоей помощи: чья бы ни была лопата, лишь бы она рыла Вальку могилу. А ты, Галлиль, проведай чародея и вызнай доподлинно, что там у него на уме. Итак — война! Поднимайтесь! Ударим с юга и по побережью; однако пусть север и Хестинга воздержаться от восстания, пока не будет уверенности, что мы сможем их поддержать. Все с этим согласны?.. — оглядевшись, он высоко поднял кружку и воскликнул: — За Кольцо!..

Люди вскочили на ноги, повторяя его тост:

— За Железное Кольцо!..

...Осушив кружки, все начали понемногу двигаться к двери. Об Эйраре, казалось, окончательно позабыли; воспользовавшись этим, он пробрался к рыцарю Ладомиру, беседовавшему с рыбаком, и, выбрав удобный момент, обратился к нему:

— Господин мой, я всю жизнь мечтал драться против графских приспешников. Отомстить им за мою родину... за мою родню... Не найдется ли у вас для меня какого-нибудь дела?

Рыцарь смерил его взглядом.

— Отчего бы и нет... Но что ты умеешь?

— Творить заклинания. Не то чтобы очень, конечно...

— Такое искусство, — отвечивал рыцарь, — как нельзя более пригодится в Мариоле, если Бордвин Дикий Клык окажется нашим противником. Вот уж кто, говорят, колдун из колдунов. Поедешь с Рогеем!

5. В ДОРОГЕ. ЛИЦО И ЛИЧИНА

Ту ночь они провели на постоялом дворе пушного рынка. У Рогея было там какое-то дело, служившее ему предлогом для пребывания в Нааросе. Рогей оказался простым и дружелюбным малым; впрочем, скоро выяснилось, что за внешней простотой, подобно глубинной жиле в мраморе, скрывалась железная властность. Эйрар понял это, когда рассказал ему про узел с вещами, оставленный в харчевне, а потом, не сдержавшись, — про кинжал и колдовскую Книгу, что привели его в такой восторг накануне. Выручать узел Рогей наотрез отказался:

— Лучники наверняка уже хватились твоего Пертвита и небось рыщут по горячим следам!

Что же касалось кинжала и Книги — это он клятвенно пообещался достать. Взял у Эйрара один золотой и исчез, наказав ему носа не высовывать за порог:

— Не ровен час, попадешься на глаза ищейкам Рыжего Барона!

Скучный день взаперти показался Эйрару невероятно долгим. Он успел десять раз пересчитать медные гвозди в полу, пытаясь проследить узор, которого на самом деле не было и в помине. Затем принялся вспоминать заклинание от морских демонов, но только нажил головную боль. Кончилось тем, что он прилег на кровать — и уснул, не раздеваясь.

Ему приснилось лесное озеро и белоснежные единороги, пробиравшиеся в золотистых сумерках к водопою... «Вот оно, сердце вселенной, — подумалось ему во сне. — Сокровище из сокровищ...» — Но тут просвистела стрела, и одно из чудесных созданий упало и забилось в предсмертных судорогах, надрываясь жалобным криком. Эйрар проснулся и вскочил в ужасе, пытаясь продрать глаза... — оказалось, это Рогей тряс его за плечо.

Мариоланец принес и кинжал, и Книгу, а кроме того, еду — хлеб, вино, несколько луковиц. Он сообщил, что на улицах было не слишком спокойно. Поговаривали даже о том, не закрыть ли на денек-другой городские ворота. И не то чтобы стражники всерьез взыскались Пертвита, — лучник ведь мог попросту сбежать с опостылевшей службы, — нет, в воздухе витала некая безотчетная тревога, а разноречивые слухи ее только подогревали. Одни утверждали, что в море опять показались корабли язычников, изготовившиеся для разбойного набега; другие опасались вооруженных солдат, оставшихся не у дел по окончании войны между Карреной и Бербиксаной — двумя городами Двенадцатиградья...

— Одним словом — чушь собачья, — торопливо хрустя луковицей, подытожил Рогей. — Попросту говоря, наш рыжий приятель что-то почуял насчет Железного Кольца и сам сочиняет все эти побасенки, надеясь вывести нас на чистую воду. Да, ничего не скажешь, голова у него не сеном набита!

Эйрар невольно благоговел, слушая, с какой легкостью его ровесник разбирался в таких сложных вещах. Сам он, пожалуй, принял бы на веру любые рассказы, а то и вовсе запутался, ибо в окрестностях Трангстеда не считалось достойным разносить лживые слухи, и тех немногих, кто попадался на этом, другой раз в гости не звали.

Он спросил:

— А не взбредет в голову стражникам пройтись по постоялым дворам?

— Может и взбредит, — ответил Рогей. — Особенно, если Ванетт-Миллепиг и вправду что-нибудь заподозрил... — Он внимательно глянул на Эйрара: — Погоди-ка! Ведь ты же у нас ученый волшебник! Придумал бы, как изменить наши физиономии, а?

У Эйрара, правду сказать, голова была спросонья еще тяжела. Он молча смотрел на Рогея некоторое время, мучительно соображая, как объяснить этому парню, явно мало что смыслившему в колдовстве, что, во-первых, у него не было с собой никаких волшебных приспособлений, одна только Книга; а во-вторых, колдовство подобного рода отнимало у него столько сил, что каждый раз, совершив его, он отлеживался по двое суток, беспомощный, как новорожденный младенец...

— Зачем? — спросил он наконец. — Они что, разыскивают именно тебя или просто хватают всех недовольных? При чем тут наша внешность?

— При том. Если Барону попадется хоть кто-то — это конец для всех. Слишком много народу

замешано. А я, например, и вообще не очень-то доверяю ни Бланду из Скогаланга, ни Сиккальду из Корсора... пьянчуге несчастному. Того и гляди, напьется где-нибудь и пойдет чесать языком. Я-то уж знаю. Представляешь, если там будут лишние уши?.. Ну, а я нынче для валькинггов и вовсе лакомый кусочек. Я ведь из Мариолы, где заваривается все дело. Да!..

Он расстегнул пояс и со стуком швырнул в угол ножны с ножом:

— Эх, держался бы ты подальше от заговоров и политики, Эльварсон!.. Что за жизнь — никому не верь, все проверяй, спи вполглаза... А уж дерьма я в людях насмотрелся — тебе к девяноста годам столько не повидать!

Эйрар, подумав, спросил его:

— Стало быть, ты и мне не особенно доверяешь?..

— Ну, раз уж на то пошло... до сих пор ты, кажется, говорил правду. Если бы ты лгал, ты непременно уже попался бы на какой-нибудь мелочи... вроде кинжала и Книги. Сам видишь, я удостоверился. Ну да, и твоих папашу с дядюшкой повидал... у Леонсо Фабриция служат, как ты и рассказывал. Теперь насчет магии. Покамест я вижу только штуковину на твоём пальце, но заколдовал её не ты сам, так? Если в самом деле что-то умеешь, валяй доказывай. Да и поедем, пока нас ещё не заперли в городе.

И Эйрару ничего не оставалось, как только сотворить заклинание. Он лишь предупредил, что оно продержится не более суток. Ему пришлось рисовать охранительную пентаграмму с помощью пыли, извлеченной из-под кровати. Когда они взялись за руки, а вокруг вспыхнуло синее пламя, храбрый Рогей вдруг затрясся, точно кот, вытасканный из воды. Эйрар еле-еле зажал Книгу между ним и собой и не без труда сумел прочесть нужные строчки. Волшебником он был не слишком умелым и оттого счел за благо придать себе облик древней старухи, а своего товарища превратить в седого крестьянина. Кончилось тем, что оба рухнули на пол... и в это время раздался требовательный стук в дверь.

Смертельная опасность едва заставила Эйрара приподнять руку и кое-как стереть магическую фигуру. Рогей было поднялся, не запнулся и вновь повалился прямо на Эйрара. Тут засов не выдержал, дверь распахнулась — ворвался багроволицый лучник с коротким мечом, изготовленным для удара. Позади, заламывая руки, метался белый от ужаса домохозяин.

— Болван!.. — зарычал лучник, отвечивая ему оплеуху. — Не мог предупредить, что здесь два старых мешка, вздумавших миловаться!..

Он с отвращением скользнул глазами по Эйрару, по сморщенным старушечьим прелестям — и дверь захлопнулась с треском.

— Прости, — пробормотал Эйрар, когда Рогей, собравшись с силами, перенес его на постель. — Я же не знал, что нас уже ищут...

— Я тоже не знал. — Изборожденное возрастом честное крестьянское лицо было хмуро. — Должно быть, занятные новости получил Рыжий Барон, коли так торопится. А ведь обыски вряд ли приведут в особый восторг торговцев из Двенадцатиградья, и провалиться мне, если они смолчат. Обложили, как волков!.. — Он оглядел себя. — И не выберешься в таком виде в город, хоть послушать бы, что говорят...

Стало ясно — Наарос необходимо было покинуть с рассветом. Обсудив предстоявшее путешествие — причем Рогей без устали подхваливал Эйрара, кажется, уже считая его верховным магом вселенной, — они легли спать. Эйрар, вымотанный до предела, с трудом смог заснуть... на рассвете, как и договаривались, Рогей посадил его на осла, а сам сел на лошадь. Старческие тела повиновались медленно и неохотно.

У ворот города стояла двойная стража, но чету стариков едва удостоили взгляда. Когда копыта ослика зацокали по мосту, Рогей наклонился к своей якобы спутнице и с усмешкой заметил, что валькингги — вот забавные ребята!

— считали, похоже, что только им одним дано было заставить мельничный жернов притворяться головкой сыра. Эйрар, совершенно больной после своей ворожбы, сумел еле-еле кивнуть.

Они свернули на прибрежную дорогу, огибавшую подножие горы Спанхавид; солнце едва поднималось, обоим было холодно. Рогей хотел бы скакать быстрее, но Эйрар не мог.

Ярмарки нынче не было, и дорога оставалась безлюдной. Путникам повстречался лишь лохматый крестьянин, ехавший со стороны гор на телеге, полной буковых орешков — из них в Нааросе делали знаменитое масло. Потом их обогнал верховой пастух-мариоланец в длинном плаще и валяной шляпе. У его стремени бежала собака. Нелюдимый, как и большинство его соплеменников, он мрачно пожелал Рогею и Эйрару доброго утра. Кролик выбежал на дорогу и замер, глядя на всадников. Подкова коня лязгнула о булыжник, и кролик тут же исчез. И снова впереди был лишь пустынный большак; настолько пустынный, как если бы гнев правителя Наароса пронесся здесь незримой волной, разогнав по домам людей и зверье. Холодное синее море вздымало белую пену у подножия скал по правую руку. С криками проносились редкие чайки. Слева молча стояли деревья — сосны и буки, карабкавшиеся по склонам Спанхавида.

Рогей размышлял вслух, покачиваясь в седле:

— Ну до чего дурак этот Вард. Смысл ему, видишь ли, подавай. А ты заметил, как все кинулись поддакивать, когда он завел речь про Империю? Он и еще этот рыбак. Чуть все дело нам не испортили! Хорошо, господин Ладомир вовремя вмешался. Ха! Вард, по-моему, думает, что войны объявляют по приговору судей, сидящих, как там у них принято, на шкурках выдры...

И некоторое время спустя:

— Эх, хотел бы я знать, что все же насторожило Рыжего Пса! Как думаешь, Эйрар, а не твой это знахарь нас заложил?

Эйрар мало что мог сказать по этому поводу, да и язык у него еле ворочался. К полудню они нашли ручеек, сбегавший с каменистого склона, и пообедали хлебом и мясом, которые запасливый Рогей извлек из седельных сумок.

— Твой длиннорухий, конечно, не то чтобы призовой скакун, — дожевывая последний кусок, сказал Эйрару мариоланец. — Однако я бы на твоём месте заставил его бежать чуть-чуть побыстрее. До ближайшего постоялого двора еще далеко, а ночью на эту дорогу, я слышал, выходят морские демоны. Ты меня понял?

Эйрар и рад был бы послушать совета — но не его осел, которого приходилось все время колотить пятками по бокам, на что Эйрар в его нынешнем состоянии, понятно, был не способен. Стоило ему обернуться на резкий крик чайки или залюбоваться менявшимися с каждым поворотом очертаниями Спанхавида — и вновь лезла в голову грядущая битва, он начинал вспоминать, как его учили рубиться и натягивать тетиву («Ниже палец, ниже, кому говорю!»), и как он седлал дряхлого Пилля и рыцарской пикой пробовал сбивать яблоки с веток... Достанет ли этой науки, чтобы уцелеть в настоящем бою? Главное — чтобы удар пришелся как раз по линии от уха лошади к острию. Так учил его Сумарбо Баксон из Ивигстеда, когда они вместе упражнялись на пиках, а темноволосая Аслар собиралась наградить его поцелуем, а он ей ответил, что лишь истинная любовь...

— Ты что, умер там, что ли? — раздался сердитый окрик Рогея, и Эйрар, очнувшись, увидел, что его ослик в самом деле чуть переставлял копытца. А Рогей безжалостно продолжал: — Хоть ты и волшебник что надо, это все равно никуда не годится. Сколько можно повторять, что мы должны дуть во все лопатки, а не на месте стоять! Ты, верно, нарываешься на приключения? Ну, а мне вовсе не улыбается попадаться морским демонам, пускай лучше убьют. И не забывай, что я, в отличие от тебя, предводитель, за мной люди стоят — да, в общем, и все наше дело!

Эйрар огляделся, точно спросонья. Дорога в этом месте огибала залив, глубоко вдавшийся в сушу; слева над ней нависала гора, справа берег устремлялся вниз отвесным обрывом, и там, под скалами, в тихой воде лежали рыбацкие шхуны. Сети были выметаны, красно-желтые паруса грудями лежали на палубах. И, оказывается, уже вечерело.

— Не сердись, — с некоторым изумлением услышал Эйрар свой собственный голос. — Я...

— Хватит! — перебил Рогей и зло дернул поводья — конь заплесал. — Вот что, приятель. Такой сонной мухе, как ты, я больше не попутчик. Я поскачу к тому повороту и, так уж и быть, подожду тебя там. Если опять заснешь по дороге и не поспеешь за мной, пеняй на себя. Тебе, чародею, должно быть, ночные ужасы нипочем. Ну, а я лучше заночую в гостинице «Звезда Каррены». Счастливо!

Он повернул коня и пустил его рысью, пыль полетела из-под копыт. Эйрар остался с горечью смотреть ему вслед. Рогей обошелся с ним несправедливо: заставил колдовать, потом потащил чуть живого в дорогу и сам же весь день бранил за нерасторопность. А что касалось морских демонов, Эйрар знал: не такие уж они были в самом деле демоны. Скорее просто злобные хищники. На миг взяло искушение плюнуть на все и не гнаться больше за Рогеем. Эйрар нахмурился и пятками пришпорил своего ленивого скакуна. Ослик прижал уши, но послушно затрусил вперед по дороге.

И тут ноги юноши начали быстро неметь.

До сих пор Эйрару всего трижды случалось изменять внешность с помощью заклинаний, причем один раз — случайно, когда он еще почти ничего не умел. Он помнил, о чем говорило это онемение: действие волшебства должно было скоро окончиться.

Он качнулся вперед и обхватил шею животного, в то время как мерзкое ощущение расползлось все выше по его телу. Он еще пытался управляться с ослом, но серый негодник оказался сообразителен: понял беспомощность седока и свернул к зеленеющему кусту орешника у обочины. Тьма захлестывала сознание; Эйрару смутно примерещились какие-то люди, внезапно возникшие из-за камней с возгласами: «А ну, ребята...» Он успел еще позлорадствовать, что Рогеем, верно, приходилось не слаще, чего доброго, свалился с коня, если не додумался его придержать... Волосатые руки схватили ослика под уздцы, на голову Эйрара опустилась какая-то тряпка, насквозь провонявшая рыбой.

— Вправду волшебник, разрази меня гром! — воскликнул кто-то. — Только глянь, как у него рожа линяет!..

Эйрара стащили с седла на дорогу. Он пытался сопротивляться, но тщетно. Будь он в полном порядке, он бы, пожалуй, сумел вырваться и убежать, ибо похитители из них были еще те, — этикие бережные медведи, боящиеся повредить хрупкую драгоценность.

— Не обижайся, дружище, — проворчал над ухом чей-то голос. Четверо подняли Эйрара за руки и за ноги и самым непочтительным образом понесли через дорогу, затем по тропинке между скалами вниз, несколько раз преобильно задев мягким местом о камни.

— Ты уж не обижайся, — повторил тот же голос, и с Эйрара сдернули тряпку, без того уже сползшую наполовину. — Честно, мы ведь ничего такого не сделали ни тебе, ни тому другому. Сделай уж милость, не проклинай!

Морщась, Эйрар выплюнул попавшую в рот рыбью чешую и попробовал встать. Ему помогли подняться, но тут же схватили за руки.

— Чего вам от меня надо? — выкрикнул он. — Я не буду служить Фабрицию!..

Он не сомневался, что за все случившееся следовало благодарить сладкоречивого негодяя, с самого начала желавшего выпроводить его в море.

— Ну и не служи, коль не хочешь, — отряхивая кудлатую бороду, сказал другой похититель. — Мы сами никого не признаем над собой господами. Ни твоего Фабриция, ни тех, кто носит вот это, — он коснулся руки Эйрара, и наследник Трангстеда увидел, что по каким-то причинам — быть может, и из-за его собственной ворожбы — кольцо Мелибоэ вновь превратилось в простую железку.

— Мы, — продолжал бородатый, — вольные рыбаки, и ежели кого слушаемся, так разве только нашего Загребного. Коли ты ему понадобился, значит, быть по сему. Полезай-ка на борт!

Голова была ясной, но мышцы по-прежнему казались безжизненными, точно сухая трава. Эйрар обвел взглядом обращенные к нему лица: рыбаки взирали на своего пленника с осторожным любопытством, как на какое-то ходячее чудо. «Вот до чего доводит образование...» — подумал он с невольной усмешкой.

— Что ж, придется, — сказал он наконец, и кто-то подал ему руку, помогая перебраться на борт суденышка, искусно причаленного к прибрежным камням.

6. НА ЙОЛЕ. ПЕРВЫЙ СКАЗ О КОЛОДЦЕ

— Вон туда, вниз, — указал ему бородатый на палубный люк, откуда исходила жуткая, с точки зрения сухопутного человека, рыбная вонь. Впрочем, маленький кораблик-йола оказался не только замечательно опрятен снаружи: его внутреннее устройство изумило Эйрара продуманностью и простотой. На корме обнаружилась даже каютка и стол в ней; свет проникал сквозь крохотный иллюминатор. Эйрар вошел и уже не особенно удивился, оказавшись лицом к лицу с Рудром, предводителем вольных рыбаков — Загребным, как они его называли.

Привстав, Рудр пожал юноше руку и указал на лавку напротив:

— Добро пожаловать, господин чародей.

Эйрар усмехнулся:

— Я слышал — тюремщики редко отказывают узникам в гостеприимстве...

Тень пробежала по лицу рыбака — то ли гнев, то ли нечто другое.

— Можешь считать себя пленником... если не хочешь взять в толк, что на самом деле тебя от смерти спасли. Я-то ведь знаю — у мариоланских коггеров вечно рты нараспашку, точно у карпов, уф-ф... и скоро они поймут, что с графом это не пройдет... да не было б поздно. Безрассудным его прозывают, и справедливо... но он не глупец. Не хочу иметь ничего общего с этим их недоношенным восстанием и тебе, уф-ф, не дам!

— Благодарствую. — Эйрар даже не пытался спрятать насмешку. — Куда как мило с твоей стороны...

Рудр поднялся и, глядя куда-то поверх его головы, неожиданно громовым голосом рявкнул:

— Эй, вы там! Толлинг, Паури! Отчаливаем!

С палубы донесся тяжелый топот ног, и Эйрар ощутил, что йола двинулась. Рудр снова уселся:

— Как у нас говорят — ветер не выбирает, ветер дует на всех, уф-ф. Да... Что верно, то верно, ты на самом деле нам нужен. Морские демоны, чтоб им!.. Мелибоэ когда-то нас здорово выручал, но как доверять ему после всего, что ты наговорил третьего дня? Да еще с этим восстанием? Уф-ф! Поколдуй нам, парень, а за нами не пропадет... да и времечко опасное пересидишь. Мы, вольные рыбаки, слов на ветер не бросаем. Ну? Что скажешь?

Эйрар невольно припомнил речи Рудра на собрании и подумал, что вольный рыбак был на самом деле не столь уж бесхитростен.

— По-моему, — сказал он, — стыд и срам отсиживаться в стороне, когда другие поднимают мечи во имя Крылатого Волка...

Рудр тяжело перевел дух:

— У нас на островах тоже пруд пруди юных сорвиголов вроде тебя! Отправляются во льды за китами, а старый Рудр потом наживай седые волосы, объясняя их подружкам, отчего это женихи не вернулись. У тебя есть девчонка?..

— Нет.

— Уф-ф... ну так вот. Если я что-нибудь смыслю в людях — ты из тех, кого называют счастливыми. А теперь послушай старого Рудра. Твоя удача пригодится не только тебе одному, так что не лезь в пекло, сынок. Лучше поберегись. Поверь старику; храбрецы — это те, кто ни о ком не печется, лишь о себе.

Эйрара не слишком-то убедили эти слова, но он промолчал, ожидая, что Рудр скажет еще. Рыбак долго смотрел на него, отдуваясь, и наконец заговорил снова:

— Ну что ж... я не слепой, вижу, что уговаривать тебя бесполезно. Может, ты и прав. Как у нас говорят: стой на своем и начай на всех... включая императора Аурариса. Да, заставить бы тебя, так ведь тоже не выйдет, знаю я вас, колдунов... дунете, плюнете, и готово, и попался, как рак в кастрюлю. Уф-ф!.. Ладно! Поговорим по-другому. Предлагаю тебе честную сделку... небось, думаешь — и что это я могу такого тебе предложить? Да, я всего лишь старый, заскорузлый рыбак... но я пережил не одного короля. И если я

говору, что ребята из Мариолы затеяли варить кашу под скверной звездой, значит, так оно и есть, и ввязываться незачем. Вот... поворожи нам, пока не сменится луна. Это не так уж сильно оторвет тебя от твоих любимых сражений, если, конечно, там вообще что-то начнется. А потом я высажу тебя на берег с пятью десятками моих молодцов под началом Долговязого Эрба. Ну?.. Согласен?

— Здорово ты меняешь галсы, Загребной, — сказал Эйрар. — Ты же только что клялся, что палец о палец не ударишь, чтобы помочь Мариаполю. И тут же швыряешь в огонь полсотни парней!

— Ага... уф-ф, уф-ф. Я сразу сказал, что ты из счастливых, и рад повторить. Повторю и другое: когда поднимется Мариаполь, герцог Роджер тут же примется созывать под свои знамена бойцов... — Он неловко пошевелился, и Эйрар с изумлением заметил слезу, скатившуюся по морщинистой, заросшей седой шерстью щеке. — Наша земля... Наше море смердит, покуда Дейларна гнет шею перед Алым Пиком... Гильдиям валькинггов нипочем не скинуть, да и этим южанам-наемникам... плясуны с оружием, разрази их! А мы, рыбаки, первыми окажемся на рифах, когда Мариаполь растопчут. До сих пор графа Валька если что и сдерживало, так разве страх перед восстанием... А когда восстание вспыхнет и будет подавлено... одна надежда, что он не захочет связываться с Салмонесским Бастардом... если мы вступим с ним в союз. Вот я и жертвую пятьюдесятью, чтобы спасти всех... спасти всех...

Осекшись, он отвернулся. Эйрар напряженно обдумывал услышанное. Кажется, на сей раз Рудр действительно был искренен — в отличие от того собрания Железного Кольца в Нааросе. Стать предводителем полусотни!.. Эйрар был не столь уж скверного мнения о себе и полагал, что из него получится неплохой вождь. Искушение почти побороло в нем врожденную крестьянскую осторожность; он знал, что блеск в глазах выдает его с головой, но все же счел за благо спросить:

— Но почему я?.. — И тотчас вспомнил, как произносил те же слова в хижине волшебника Мелибоэ.

Снаружи слышались крики, йола начала мерно раскачиваться, выйдя из-под прикрытия берега в открытое море. Рудр-Загребной сморгнул, стряхивая горестную задумчивость, и повернулся к Эйрару с выражением, которое вполне могло сойти за улыбку:

— Да потому хотя бы, что ты не из наших. Мы, вольные рыбаки, привыкли жить всяк сам по себе и никого не звать господином. И пока каждый сам строит себе баркас и сам ходит на промысел — да, все в порядке. Но когда горизонт начинает обкладываться, вроде как теперь... Мои молодцы страх норовисты насчет всяких там предводителей, ну точно, как ваши вастманстедские крестьяне. Но покажи им, что ты взаправду кое-что умеешь такое, с чем им по гроб жизни не совладать — послушай старого Рудра: они за тобой в огонь и в воду пойдут.

Привычный к морской качке, он поднялся, извлек из стенного шкафчика черную бутылку и две оловянные кружки:

— Стало быть, парень, мы с тобой теперь заодно. Да здравствует Кольцо!

Он поднял кружку. Эйрар встал и чокнулся с ним.

...При ближайшем знакомстве рыбаки показались ему, в общем, в самом деле похожими на его собственных сородичей; ну, разве еще чуть менее словоохотливыми. Впрочем, как знать, быть может, они вели себя с ним таким образом из-за его репутации чародея. Дома на него никто и не думал коситься, дома редко кто не умел творить простенькие заклинания, ведь и нечисть была все больше мелкая. А может, дело было в том, что моряком он оказался скверным, качка заметно донимала его, и это не внушало им уважения?..

Легкий бриз тянул с гор, едва наполняя паруса йолы и других рыбацких судов, шедших поодаль. Тем не менее, когда Эйрар выбрался на палубу подышать воздухом и оглядеться, у него дух захватило от вида парусных кораблей, шествовавших по волнам, подобно величавым красавицам, разодетым в яркие платья.

К закату Спанхавид превратился в синюю полосу на горизонте. Ветер начал свежеть, и красавицы обернулись вдовами в просторных одеждах. Вспыхнули сигнальные фонари. Эйрар рад был снова спуститься вниз и прилечь у огня, разведенного в каменном очажке. Ради его прибытия рыбаки выставили сладкого вина из Двенадцатиградья и подогрели его с пряностями на раскаленной железной плите. Вино малость развязало им языки, и Эйрар не преминул воспользоваться этим, чтобы расспросить, как это они

обзавелись своей знаменитой хартией вольности.

— Наследие Серебряной Поры, — ответил кто-то. — Это, стало быть, когда Аргентарий был королем. То есть прежде, чем династия приняла золотой императорский титул. В те дни язычники еще вовсю разгуливали по стране, так что король правил лишь Мариолой да Вастманстедом, а седьмой Вальк сидел у себя в Бриелле, точно в орлином гнезде, и держал крепкий союз со всеми северными провинциями. Аргентарий, правду сказать, был славным воякой, — отбил у язычников весь Скогаланг, да! Только он тогда еще не испил из Колодца, вот счастье ему то и дело и изменяло. Одну битву выигрывает, другую тут же проигрывает. Ну так вот. Ставорна в те времена была просто вольным городом, и правили в ней трое синдигов: Астли, Бекар и... как там его? — Дерривонт. Самые умные мужики были во всем Корсоре, а то и во всей Дейларне, а из них троих больше всего ума досталось Астли. Даже птиц, сказывают, разумел. Уж как хотел его король Аргентарий забрать к себе в Стассию, ко двору, только он не сдвинулся с места. Пришлось Аргентарию самому ехать к нему в Ставорну советоваться, когда приперло. Коронованный король, это ж подумать надо! Вот какие дела совершались в прежние времена.

— Кажется, я знаю, что было дальше, — сказал Эйрар. — Мы в Вастманстеде с колыбели слушаем рассказы о Колодце и королях...

— Мало ли что вы там слушаете: наши деды все это видели своими глазами,

— зашумели рыбаки. — Давай рассказывай!

— Этот Астли, — продолжал рассказчик, — жил в скромном домике возле городских ворот. Он поздоровался с Аргентарием, как будто тот был простым горожанином, явившимся за советом. Выставил на стол вина и орехов, сели они разговаривать. Аргентарий и выложил ему все без утайки: дескать, вот взяли они городишко в Скогаланге, а язычники тут же устроили налет на Белоречье... а может, его, короля, призывали с войны назад, разбираться с морскими разбойниками Двенадцатиградья... ладно, неважно. Выслушал его мудрец, посмотрел этак искоса, да и говорит: есть, дескать, средство. Ежели, значит, коронованный король изопьет в нужный час из Единорогова Колодца, и он сам и все его королевство обретут умиротворение до конца своих дней.

«О каком умиротворении ты говоришь? — возмутился Аргентарий. — Половина Дейларны, вотчина моего деда, во власти язычников и платит им дань девственницами!»

«По-твоему, — сказал Астли, — лучше платить дань юношами, которых ты каждый день теряешь в сражениях? Люди ко всему способны привыкнуть, — продолжал он. — Испив из Колодца, ты так или иначе доживешь умиротворенным до самой кончины.»

«В таком случае, — отвечал король, — хоть бы уж скорей наступила она, эта кончина. Какое там удовлетворение — вовсе не жизнь, когда Дейларна в ярме! Да, видно, зря я сюда пришел, ибо ничего нового от тебя что-то не слышу.»

«И все-таки, — говорит ему Астли, — у тебя маловато сил, чтобы поправить дело вооруженной рукой. Вот что: а не заключить ли тебе союз с соседом, Дамастетилем из Скроби? С ним выйдут на битву добрых полсотни баронов, каждый с войском, я уж не говорю про его воеводу, герцога Микала: это полководец не хуже тебя самого. Он встанет за твоей спиной, как преданный брат.»

«Я думал об этом, — вздохнул Аргентарий. — Но в качестве платы за этот союз...» — и опустил голову, и Астли не стал ни о чем его спрашивать, ибо знал: платой должна была стать женитьба короля на единственной дочери Дамастетилия, принцессе Край, некрасивой и уже не молоденькой. У нее была смуглая кожа и гладкие черные волосы, постоянно казавшиеся нематыми: видно, она пошла в мать, принцессу из страны Ураведу... Говорят, герцог Микал был влюблен в нее. Никто не знает доподлинно, но это похоже на правду, — иначе зачем бы столь славному полководцу торчать там при дворе? Старый герцог Дамастетиль к тому времени начал потихоньку выживать из ума и совсем свихнулся на доченьке, все думал, как бы выдать ее замуж за царственную персону: она ведь была наследницей Скроби. Отказал бедняге Микалу и еще куче других женихов и был непреклонен, хотя во всем остальном давно уже ее слушался. Приводил ее, понимаешь, всякий раз с собой на Совет и в конце обязательно с улыбочкой спрашивал: «А что думает моя маленькая принцесса?»

Так вот, Аргентарий и Астли оба знали про все это и долго молчали, и наконец король выдал сквозь

зубы:

«Дать слово — значит держать его, а свадьба должна быть вершиной любви... так учил меня отец.»

«Кажется, ты что-то говорил о народе», — ответил Астли, и Аргентарий встал и ушел, не добавив ни слова, но позже прислал старику хорошие подарки в знак благодарности. Вот это я называю королевским поступком. А еще он отправил Толо-с-длинным-подбородком сватом к Дамастетилию — просить для себя руки его дочери Край... Да... А вот чего ты, вастманстедец, уж точно не слышал, так это — когда король Аргентарий выходил от Астли, мало что видя перед собой, он налетел в дверях на девушку, несшую им вино на подносе, и поднос грохнулся на пол. Аргентарий был вежливым королем: извинился и помог ей вытереть лужу, и пока они ее вытирали, разглядел, понимаешь, что она была стройненькая, беленькая и так далее, в общем, прехорошенькая... единственная дочка Астли, Ланхейра, вот оно что. Вообще-то ничего особенного в ней не было, таких девчат в Дейларне навалом

— просто, зная, короля без ножа резала дума о кривоногой дурнушке Край, — вот и пал королевский глаз на Ланхейру.

Сказывают, пока они подбирали с йола черепки, его рука коснулась ее руки, и тотчас разбежался по жилам то ли огненный яд, то ли ядовитый огонь... Смолчал бедолага король, честь честью поехал играть свадьбу с Край. Только вот пить с ней из Колодца, как это водилось у королев Стассии, не пошел. Отговорился тем, что ему, мол, еще воевать, а Колодец, того и гляди, отнимет у него воинскую сметку... Ты, господин чародей, верно, думал, будто в самом деле назубок знаешь историю королевского дома? Спроси лучше нас, рыбаков с архипелага Джентебби. Ведь это к нам королева Край приехала брюхатая и поселилась в старом доме на острове Вагей, на склоне горы. Она была ведьмой, как все там в Ураведу. Она была такая маленькая и очень молчаливая, и, понимаешь, каждую ночь гуляла по берегу. Люди бают — с рыбами разговаривала, а что синие огни в ее окнах то и дело горели, так это уж точно. Королю Аргентарию, бедняге, пришлось-таки переспать с ней, ведь надо же продолжить династию — она и принялась вить себе гнездышко. Властности в ней не убавилось, только теперь под ее началом было рыбацкое хозяйство Вагея, а не Скробби, которым она правила от имени батюшки-герцога. Представляешь, королева сама покупала капусту и торговалась, говорят, до последнего медного айна. И без конца заставляла слуг рассаживать вокруг дома деревья да всякие там цветочки. Хорошо жилось в те дни на Джентебби! Милостива была Край и щедра, ведьма там или не ведьма. И она ждала к себе короля...

А король объявился в Ставорне самое позднее через неделю после того, как последнего язычника спихнули в море со скал у Большого Лектиса. И, понимаешь, прямым ходом — к Астли. И кто же вы думаете встретил его прямо в воротах? Ясное дело, Ланхейра, и ему показалось, будто они с ней вот только что собирали черепки с пола... даже платье на ней, и то было то самое. Уж знала, верно, что он к ней заявится. Я вам, ребята, вот что скажу: по части предвидений даже королю с влюбленной женщиной не равняться.

«Входите, ваше величество, — говорит она Аргентарию. — Три года мы вас не видели...»

«Долгий срок, — ответил он и пошел в комнату к синдику. И когда они с Астли остались вдвоем, он сказал ему: — Настанет ли хоть один-единственный день, когда я смогу не думать о долге? Я освободил Дейларну, а сам попал в кабалу...»

Астли долго сидел молча, потягивая сладкое вино и размышляя.

«Остров Вагей, — сказал он наконец, — лежит как раз на полпути между Дейларной и Стассией. Красивое место и подходящее для столицы двух королевств. Двое, испившие из Колодца, сумели бы прожить там счастливую жизнь... умиротворенную жизнь.»

«Счастливую? Умиротворенную? — вскричал Аргентарий в точности как три года назад. — Отдать этой ведьме то, что мне самому больше не принадлежит

— мое сердце? — Старик не ответил, и он продолжал с отчаянием: — Тот раз у меня был хотя бы выбор. А теперь?»

«Чем ближе к вершинам, тем круче становятся горы, — промолвил мудрец. — Ну, да не мне объяснять тебе это. Решай сам, что для тебя дороже — женская любовь или корона.»

«Да плевать я хотел и на корону, и на королевство! — вспыхнул Аргентарий. — Пусть герцог Микал... — Но заметил улыбку Астли и сник: — Да, конечно, ты прав, он сразу окажется под ее каблуком, и не я один от этого пострадаю. О Небо, осталось ли еще в этом мире хоть что-нибудь незамазанное?..»

Астли так ничего ему и не ответил. Король покинул его и уехал в Малый Лектис, и Ланхейра отправилась туда с ним.

Там они прожили почти целый год в любви и полном согласии, и она родила ему сына по имени Моркар. Однако потом пришла весть о немирье между Бабоем и Пермандосом, причем оба города выслала корабли и нещадно грабили берега. Аргентарий действовал решительно, как всегда. Вышел в море, передав баронам приказ присоединяться. Ланхейре же было велено ехать в Стассию, во дворец, и там ждать его возвращения. Королева Край выведала обо всем этом у мореходов Джентебб — ведь это наши посудины переправляли мариоланское ополчение на войну. И вот она собирает своих приспешников, этих синемордых из Ураведу, и отправляется Ланхейре наперерез. И как раз подгадала, должно быть, не без колдовства, — застигла ее в шхерах возле устья Наара. Да, злое дело там совершилось: на корабле Ланхейры перерезали всех, кроме ее самой и сынишки. Их двоих бросили в море, да еще распустили слух, будто это дело рук пермандосских пиратов. Вот так...

Одного только не учла королева Край, — в тамошних шхерах самая рыба, а где рыба, там и рыбаки. И вот один вагейский кораблик набрел, понимаешь, на судно, полное трупов, а неподалеку нашли и Ланхейру, — она все еще держалась на воде, завернув сына в свой плащ. Дело было к осени, и она простыла насмерть, бедняжка, но перед смертью успела-таки рассказать, что с ними на самом деле случилось. Говорят, когда королю Аргентарию передали, он сразу кинулся на Вагей, и по дороге люди мало что от него слышали, кроме приказов. Он велел привести королеву на площадь, и весь остров сбегался взглянуть, как ее будут судить. Что ж, Аргентарий задал ей только один вопрос: «За что?»

«За то, что ты презрел мою любовь, — ответила Край. — Попробуй-ка презреть мою ненависть! О, я отомщу, и это будет славная месть! Ты, побрезговавший испить со мной из Колодца, породил династию королей, даже императоров, — но все будут с червоточинкой, все будут тщетно пить и пить из Колодца, стремясь к недостижимому умиротворению и взыскав славы, которой не достойны... А эти рыбаки — вас, неблагодарные, ответившие предательством на мою щедрость — вас я проклинаяю! От рук морских демонов познаете вы Хохочущий Ужас!..»

Ей позволили уложить волосы по-ураведийски и перерезали горло. Мы, рыбаки, получили от Аргентария вечную хартию вольности. Герцог Микал удалился от двора и выстроил себе замок на самой границе с Миктоном; от него пошли герцоги Ос Эригу. И все это истинная правда — так рассказывал мне мой дедушка, Гийор Седовласый.

— А что случилось с Моркаром? — спросил Эйрар.

— Да ничего хорошего. Моркар и его сын сделались пиратами. В царствование Аурункулия оба попались лотайским купцам и угодили на виселицу. Ну, хватит болтать, пошли-ка на палубу! Слышишь, кричат? Должно быть, Вагей уже показался.

7. СНОВА НА ЙОЛЕ. ПОДАРКИ И ОТДАРКИ

Над морем всюду светила луна; оказывается, они уже входили в лагуну. Вагей высился впереди, похожий на спящего сфинкса. Между каменными лапами, далеко вытянутыми вперед, было удивительно тихо — рыбаки, переговариваясь, вытаскивали весла. Домики на берегу казались плоскими в лунном пепельном свете: казалось, дремлющий сфинкс надел ожерелье.

— Она жила вон там, за горой, — вытянул руку рассказчик. — С тех пор там никто так и не поселился.

Эйрар промолчал. Слабость и дурнота, причиненные колдовством, почти улетучились, но поздний час и резкий ночной холод вызвали неодолимую зевоту. Весла мерно поскрипывали: не занятые греблей спускали и сворачивали паруса. Всматриваясь, Эйрар разглядел на берегу фигурки встречавших. Неподвижно и молча стояли они у края причала. Неверный свет делал их похожими на сгрудившихся детей.

— Твои?.. — спросил он старого Рудра. Тот проследил направление его взгляда... и вдруг заорал, что было мочи:

— Лево руля!.. Демоны! Морские демоны!.. Лево руля, говорю! Эй там, внизу, не жалеть весел!..

Кормчий с руганью навалился на руль, разворачивая суденышко. Рыбаки лихорадочно прятали последние паруса, втаскивали на борт весла и кувырком скатывались в палубные люки — а странные существа между тем были уже в воде и стремительно плыли навстречу, высоко держа круглые головы и почти не поднимая волны. Эйрар сунул руку в кошель, судорожно ища Книгу... Проклятие! — она осталась внизу, в каюте, в седельной сумке. Где-то рядом грохнула крышка люка, раздался испуганный крик:

— Откройте! Впустите меня! Впустите!.. — И вот уже морской демон взлетел на палубу йолы по оставленному кем-то веслу и кинулся прямо к несчастному, протягивая короткопалые ручки.

Рыбак кинулся было бежать, но тварь оказалась проворней. Настигнутый зашелся жутким хохочущим криком. Голос его сорвался на визг. И вновь дикий, нечеловеческий смех сумасшедшего...

— Шевелись, чародей!.. Сюда!.. — позвал голос Рудра из приоткрытого люка. Но Эйрар, не слушая, со всех ног пролетел мимо него к гарпунам, сложенным на козлах у мачты. Еще одна черная тень легко перемахнула фальшборт и метнулась к нему. Эйрар успел заметить горящие глаза под низким широким лбом и перепончатые лапы, распахнутые для объятия... и вогнал гарпун прямо в скользкое горло, выкикивая первое, что явилось на ум:

— Йа-ада, аульне!.. Сгинь!

Пронзенная тварь все-таки задела когтями его локоть.

Краткого мгновения оказалось достаточно — Эйрара охватил тошнотворный, чудовищный ужас, какого он не знал еще никогда. Он почувствовал, как встают дыбом волосы; а рот ощеривается по-звериному. Судорожным, произвольным движением он рванулся назад, выдергивая засевший гарпун... Морской демон рухнул на палубу, окатив напоследок Эйрара холодной, черной, пузырящейся кровью.

Страх тотчас пропал. Юноша огляделся, трудно дыша. Ночные твари бесследно исчезли. Корабли чуть покачивались на волнах, лишенные управления, легкий бриз играл наполовину спущенными парусами. Сумасшедший рыбак приплясывал возле мачты, то и дело раздражаясь леденящим душу хохотом, всякий раз переходившим в отчаянный крик ужаса. Эйрар слышал такие же вопли, доносившиеся с других кораблей. Несчастные безумцы один за другим выбрасывались через борт, милосердная вода навсегда смыкалась над ними. Дошел черед и до бедняги на йоле: на глазах у Эйрара он отлепился от мачты, смертоносная пляска повлекла его к краю палубы — к борту.

Эйрар, с головы до ног заляпанный кровью морского демона, кинулся наперерез.

— Оставь, — высунувшись из люка, посоветовал Рудр. — Поздно, теперь ничем не поможешь.

Эйрар едва слышал его. Настигнув сумасшедшего у самого борта, он сгреб его в охапку, ощутив под руками узлы крепких мускулов, сведенных одним безумным усилием. Молодой рыбак оказался на диво

силен. Эйрар попытался зажать локтем его шею, но тут новый приступ согнул парня вдвое, рука соскользнула, окровавленная ладонь трангстедца накрыла разом ноздри и рот рыбака — тот обмяк неожиданно и мгновенно, и Эйрар опустил его на палубу, растерянно соображая: «Неужели я его задушил?..»

Нет, по счастью. Парень не открывал глаз, но Эйрар увидел, как шевельнулись пухлые губы, перемазанные демонской кровью. Кровь начинала уже вонять, разлагаясь с неестественной быстротой...

— Это Висто, — проговорил кто-то сзади. Эйрар обернулся и потребовал воды, еле сдерживая ярость. Ну и народ — бросить товарища на погибель!..

Рудр-Загребной живо разогнал людей по местам. Заработали весла, йола вновь повернула и двинулась к берегу.

— Бесполезно, — сказал Эйрару старый рыбак. — Думаешь, мы не пробовали таких спасти?.. Он окоченеет и умрет, вот увидишь. Всегда этим кончается. И так чудо из чудес, что тебе удалось свалить одно из этих страшилищ. Подобного не бывало у нас на Вагее со времени короля Аурункулия...

В его голосе слышалась неподдельная горечь, и ярость начала понемногу отпускать Эйрара. Все же он ответил достаточно ядовито:

— Тем не менее, я хотел бы умыться и привести в порядок этого малого. Если ты не возражаешь, конечно!

Кое-как он отчистил свою измаранную одежду и полил из горстей на лицо несчастного Висто. Парень силно вздохнул, вновь зашелся лающим, истерическим смехом, и тошнота стиснула ему горло. Эйрар обхватил его и умудрился приподнять на колени. Рыбака вырвало. В это время йола мягко ткнулась в причал. Висто прижался к Эйрару, понемногу успокаиваясь и начиная мелко дрожать.

— Ну что — коченеет? Умирает? — крикнул трангстедец. — Дайте кто-нибудь плащ, ему же холодно!

Висто попытался протереть глаза, потом, пошатываясь, кое-как поднялся. Его все еще трясло, но, похоже, вправду только от холода.

— Я... живой, — прошептал он, и язык едва его слушался. — Я... живой...

И принялся ощупывать себя, будто заново привыкая к собственному телу.

Они двинулись вверх по крутой мощеной улочке городка. Лунный свет заливал беленые стены домов, амфитеатром расставленных над заливом. Эйрар шел впереди, обнимая и поддерживая Висто, а по другую руку шагал чернобородый рыбак — уж не тот ли самый, захлопнувший люк перед Висто. Тишину нарушали только негромкие голоса да шарканье мягких рыбацких башмаков. Ни души, кроме них, не показывалось на улицах, все окна и двери оставались закрытыми наглухо...

У одного из домов Рудр остановился и постучал условленным стуком: дважды, потом еще дважды. Дверь скрипнула, и наружу высунулась девушка с корабельным фонарем в руке — такие фонари привозили из Двенадцати городов, рыбаки заправляли их рыбьим жиром. Эйрар заметил, что у девушки были очень светлые, почти белые волосы, а глаза и ресницы — совсем черные.

Спустя некоторое время они сидели все вместе на табуретах вокруг очага

— Рудр, Эйрар, Висто, чернобородый и еще один, Эйрару незнакомый, длинный, тощий и кадыкастый — Долговязый Эрб, судя по внешности. Девушка внесла мед. Это была дочь Рудра — Гитона. Ее познакомили с Эйраром, и они подали друг другу руки — она застенчиво, а он, наоборот, очень смело: победа над морским демоном вырастила крылья у него за спиной, он готов был сокрушать великанов и королей, да еще Рудр знай подливал масла в огонь, не устая расхваливать его подвиг и превозносить его как величайшего мага всех времен.

Слушать подобное — да еще в присутствии девушки — было лестно до невозможности, но скромность взяла свое:

— Я просто проткнул ему шею гарпуном, — сказал Эйрар. — Он и сдох. Вот и все.

— Брось, парень! — отмахнулся Рудр. — Я же слышал, как ты орал заклинания на каком-то

безбожном наречии. И ведь ты успел поручкаться с демоном, однако Хохочущий Ужас тебя обошел.

— Ну да, обошел! — возмутился Эйрар: жуткое воспоминание заставило его содрогнуться. — Да на меня точно разом весь ад налетел, пока я... пока я не...

Он так и замер с раскрытым ртом, — неожиданная мысль вспыхнула озарением.

— Пока что? — спросил Рудр.

— Заклинания!.. Не надо никаких заклинаний!.. Все кончилось сразу, как только меня обрызгало кровью. Я ведь и Висто всего перемазал, пока с ним боролся! Слушай, Рудр, вот оно, твое средство!.. — Краем глаза он видел, что Висто согласно кивнул, и продолжал вдохновенно: — Того, кого сграбастает нечисть, надо мазать кровью убитых чудовищ, и все дела! С демонами всегда так: зло, учиненное ими, с их гибелью исчезает. Это потому, что злые чары — насилие над порядком вещей. Они рассеиваются, если их не поддерживать постоянно. Я ведь и не колдовал вовсе, так просто, крикнул кое-что охранительное... В общем, — заключил он торжественно, — можешь объявить своим: нет больше проклятия королевы Край!

Рудр невозмутимо отхлебнул меду из кружки:

— Ну да... а кроме того, Ванетт-Миллепиг собирался прислать всем нам сахарных пряников. Прежде, чем мазать кого-то демонской кровью, ее, эту самую кровь, надо еще добыть. Ты об этом подумал? Они что тебе, ждать будут, пока ты их подоишь?

Эйрар принялся доказывать, что тут требовался всего-то капитан поотважнее да несколько молодцов, способных в случае чего за сотню шагов подбить из луков пару чудовищ:

— Надо, чтобы каждый носил с собой по флакончику снадобья — и можно ничего не бояться.

Рудр только хмыкнул в ответ, а Долговязый Эрб заметил, что вольные рыбаки редко пользовались луками, предпочитая более привычные копья и гарпуны. Потом они заговорили все разом, упоминая то одно, то другое незнакомое Эйрару имя. В конце концов Эйрар нахмурился и замолчал, поняв, что не сумеет никого убедить.

Гитона сидела против него на корточках — синее платье легло складками на пол, в мерцающем свете пламени девушка казалась похожей на белоголовый цветок. Глядела она все больше на Висто. Эйрар неожиданно поймал себя на том, что завидует рыбаку. Но вот она чуть повернула голову, глаза их на мгновение встретились... Эйрар не мог бы поручиться, что отблески очага не были тому виной, но ему показалось, будто она покраснела. Вот он обернулся к произнесшему что-то чернобородому — и Гитона снова украдкой на него посмотрела... или, может, ему уже мерещилось от усталости и недосыпа?

Потом его отвели в предназначенную для него спальню, и наконец-то он смог блаженно вытянуться в постели...

Проснувшись утром, Эйрар обнаружил, что Висто, закутавшись в плащ, всю ночь пролежал у его двери, подобно верному псу...

Он вновь попытался уговорить Рудра добыть демонской крови, но упрямый рыбак стоял на своем, и Эйрару пришлось уступить. Он лишь счел своим долгом честно предупредить, что сможет заколдовывать не более чем по одному кораблю в день — да и то, возможно, не навеки:

— Маг я не из лучших — так, выучился кое-чему у отца, чтобы тролли не безобразничали, когда ночуешь в лесу... Нет, правда, хорошо бы твоим парням освоиться с луками или хоть с дротиками, могли бы не хуже за себя постоять!

— Не давал слова — крепись, а дал — держись, — ответил старик. — Вот будет у тебя полусотня ребят, станешь учить их всему чего только твоя душенька пожелает. Хоть на лютнях играть! Только сам сперва отработай, как договаривались. Кстати — парочку заклинаний не уступишь?..

Пришлось-таки Эйрару взять Книгу под мышку и нехотя отправиться на йолу. Не без труда удалось ему выпроводить рыбаков вон из каюты — любопытные парни обиженно ворчали, что Мелибоз, дескать, поступал с ними уважительнее. Оставшись наконец в одиночестве, Эйрар устроил пентаграмму в очаге, в котором накануне теплился такой славный огонек.

...Едва прозвучали первые магические слова, как он ощутил, что корабль от киля до клотика провонял

колдовством. Колдовством древним, жутким и смертельно опасным! Ни с чем подобным он еще не сталкивался. Стало трудно дышать, в животе закололи тысячи игл. Эйрар был вовсе не уверен, что справится. Он чуть не бросил все дело, удержавшись только при мысли: этак ему никогда не вырваться отсюда на помощь Рогею. Либо возвращаться в Наарос, к Фабрицию на поклон... либо уж стоять до конца!

Он повел заклятие дальше, и призраки окружили его, жутко гримасничая и щерясь по ту сторону пентаграммы. Порождения преисподней клубились и перетекали, изменчивые, как расплавленный воск. Кошмарные хари то угрожали ему, то расточали посулы, уговаривая отступить. Пентаграмма защищала его, но адские голоса звучали в мозгу, нестерпимые, словно ножи, скребущие по мраморным плитам — дикая боль едва не исторгла у него крик, который, он знал, погубил бы его безвозвратно. И все-таки Эйрар выдержал и довел заклинание до конца. Спасительная серая мгла сгустилась вокруг, оттесняя изгнанную мерзость от йолы и от него самого. Эйрар почти физически ощутил и увидел ее... Пот ручьями тек по его телу, колени подламывались. Теряя сознание, он свалился на пол каюты...

Очнувшись, он сумел лишь дотянуться и слабо постучать в крышку люка — выбраться самостоятельно не было сил. Стук услышали. Люк открылся, его вытащили на палубу, залитую полуденным солнцем.

Двое рыбаков сидели на борту, свесив ноги и беспечно болтая; дети с визгом носились по берегу, играя в войну и размахивая щитами, сделанными из панцирей королевского краба. Эйрар почувствовал, как стянуло на лице кожу... и снова свалился.

Окончательно он пришел в себя, лежа в постели. Светловолосая Гитона сидела подле него, держа на коленях чашку рыбного бульона. Увидев, что Эйрар зашевелился, она поднесла к его губам роговую ложку. Эйрар принялся жадно глотать горячее, душистое варево... Потом, поблагодарив девушку, попросил ее сходить за отцом.

— Он на промысле, — Гитона опустила глаза и некоторое время молчала. — Ничего... я хочу сказать, я тоже падала в обморок, когда у меня была лихорадка. Ты болен, наверное?

— Болен? Я?.. Да нет! Со мной так всегда, когда поколдую.

— Мелибоэ, когда шел ворожить, наказывал держать для него стакан горячего вина наготове. Однажды он заколдовал маленькую обезьянку, которую Эрб привез мне с Островов Пряностей... Она сразу стала ручной, но скоро умерла.

— Позови Эрба, пожалуйста... ох, нет, не могу двинуться, все кости болят.

— Вот и Мелибоэ... Знаешь, он никогда не нравился маме. Когда она узнала, что скоро привезут еще одного чародея, она сразу собралась и уехала в гости к тетушке... в Линкефинг.

— А если бы, — спросил Эйрар, — твоя мама осталась взглянуть на нового чародея?..

На сей раз никакого сомнения не было — щеки Гитоны заалели, точно две розы:

— Я... я не знаю. Мама до смерти не любит все эти штуки и ссорится с папой. Она даже Висто чуть не отказала от дома, когда он попросился к Мелибоэ в ученики. Понимаешь... когда я родилась, они позвали ясновидящую, и та предрекла, будто черная магия должна принести мне беду.

— Представь, и со мной то же самое! Эльвар Эйрарсон, мой отец, разбирается в астрологии, так вот, он составил мой гороскоп, и оказалось, что примерно в этом году мне будет угрожать что-то потустороннее. Но если я вывернусь, звезды, мол, ну просто сами меня понесут. Отец думал ближе к делу расспросить небеса поподробнее, да тут граф Вальк издал этот указ — значит, чтобы мы, дейлкарлы, не смели ничем таким заниматься. Вот я до сих пор и не знаю, где соломку стелить.

— У нас, на островах, редко считаются с указами, когда речь идет об участии сына.

— Ага... — сказал Эйрар и вдруг спросил: — Висто — твой жених?..

— Нет, мы с ним просто дружок и подружка, ну знаешь, всегда сидим вместе, когда собираются гости... Висто сказал, что пойдет с тобой на войну.

— Хм... а вот у меня никогда не было подружки, чтобы сидеть вместе в гостях. Да и гости... всех наших соседей давным-давно согнали с земли...

Оказывается, она легко и часто краснела:

— Я назовусь твоей подружкой и сяду рядом с тобой на вечеринке. И как им не стыдно болтать про тебя всякую чепуху, ведь ты и заболел оттого, что хотел им помочь!

Вот это были интересные новости!.. Эйрар попытался приподняться в постели:

— Болтают?.. Что же про меня такое болтают? И кто именно, хотел бы я знать?

— Да все! — Она всплеснула руками, едва не выронив чашку. — Папа... потом Ове Губошлеп... да все! Им не нравится, что тебя уж слишком легко взяли тогда на дороге, мол, хорош ты после этого волшебник. Они говорят, что ты наколдовал с гулькин нос, а лежишь пластом, точно Бог знает как перетрудился. Они говорят: идти воевать, так неплохо бы подыскать предводителя побойчей. Кое-кто отказывается... Висто уже разругался со всеми и...

— А пошли они к дьяволу, сволочь неблагодарная, — выругался Эйрар и тотчас спохватился: — Прости, Гитона, они же твоего племени... я совсем позабыл.

— Это ты нас прости, мы в самом деле кругом перед тобой виноваты. Не сердись на них, они ничего такого не имеют в виду... просто болтают. А знаешь, Эрб и Висто прямо загорелись гонять морских демонов копьями и стрелами, как ты предлагал. — Она вдруг хихикнула: — Только вот дело в том, что самый меткий лучник в здешних местах — это... я. Еще бульончику хочешь?

— Пожалуй, — сказал Эйрар, продолжая хмуриться. Потом кое-как заставил себя улыбнуться: — Я слышал, дружок и подружка должны для начала обменяться подарками... — протянул руку и пошарил в своей одежде, сложенной у постели: — Вот, держи брошку... моя мама носила. Говорят, ее сделали гномы, я, правда, не очень-то верю.

— Ой, — взметнулась Гитона, — а у меня ничего нет... погоди, может, прядку волос? У нас, на Джентебби, есть такой обычай... Дай-ка нож!

— Лучшего отдарка и придумать нельзя, — сказал Эйрар, улыбаясь уже от души. — А теперь объясни мне, пожалуйста, где и каким образом дочь Загребного выучилась натягивать тетиву?

— Видишь ли... у нас на Джентебби девушки носят зимние плащи из куропаточьих шкурок с перьями. Обычно для них охотятся братья. А я сама добывала себе плащ, ведь брата у меня нет.

— Ну и как же ты охотилась?..

Вот так они болтали о том и о сем, пока не стало смеркаться. Тут Гитона, спохватившись, упорхнула готовить ужин отцу, который должен был вот-вот возвратиться. Эйрар закрыл глаза и стал думать о том, что он, должно быть, в самом деле выглядел прескверно, валяясь без сознания там на йоле; и еще о том, какими все-таки отъявленными негодяями были Рудр и его молодцы...

И все-таки этот день определенно доставил ему не одни только огорчения.

8. НА ОСТРОВАХ. «ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО!»

К утру поднялся ветер, небо заволокло тучами, мимо окон, крутясь, помчались снежные хлопья. Тяжелая зыбь вкатывалась в гавань, раскачивая корабли у причала. Запивая пивом устрицы, поданные Гитоней на завтрак, Рудр объявил, что по такой погоде в море делать нечего, так что Эйрар вполне может заняться следующим кораблем. Эйрар наотрез отказался, и старый рыбак пришел в совершенно невозможное расположение духа. Двоим молодым людям предстоял поистине нелегкий денек в его обществе. Их спасли Висто, Эрб и еще двое-трое парней, появившиеся на пороге.

У каждого висело за спиной по колчану — знать, мысль о том, что демонов можно было отвадить не только колдовством, но и оружием, в самом деле запала им в сердце.

— В твоих краях, говорят, рождаются славные лучники, — сказал Долговязый Эрб. — Нет настроения поделиться парой секретов?

Эйрар покосился в окно:

— Больно ветрено...

Посыпались презрительные смешки, Висто опустил глаза, но Эрб невозмутимо ответил, что возле пристани найдется длинный навес для вяления рыбы:

— Он достаточно просторен, да и от ветра прикроет.

На улице оказалось ужасающе холодно. Тем не менее, ледяной воздух неплохо взбодрил Эйрара, да и Гитона всю дорогу щебетала, как птичка.

Когда забрались под навес, ему пришлось еще раз убедиться, что величайшие замыслы нередко срываются из-за мелочей. Мало того, что царивший там запах могли выдержать только привычные носы рыбаков — навес, как выяснилось, насчитывал в длину едва сотню шагов, то есть был слишком короток для уважающего себя стрелка. Ко всему прочему, Эйрар решительно не видел, из чего бы сделать мишени. Пожалуй, он так и повернул бы домой ни с чем, если бы не Гитона. Девушка принялась весело рыться среди хлама и наконец с помощью Висто разыскала пару старых корзин из-под рыбы.

Она взялась стрелять первой и вогнала стрелу точнехонько в яблочко. Потом черед дошел до парней, и тут Эйрар почувствовал себя полностью отомщенным. Мало того, что они бессовестно мазали, — этому он ничуть бы не удивился, — они еще и целились каким-то вывихнутым способом. Вместо того, чтобы вставать боком к мишени и тянуть тетиву к уху — припадали на колено, прижимали к груди пяточку стрелы и лишь потом левой рукой толкали лук от себя, смешно и совершенно по-женски.

Тут Эйрар впервые заметил то, что бросилось бы ему в глаза с самого начала, не будь он разбит ворожкой умственно и телесно: а именно, что у них у всех были совсем короткие луки, вроде тех роговых, что возят при седле язычники Дзика.

— Дай мне, — попросил он Висто, думая показать им правильный способ. Однако маленький лук оказался страшно тугим, натянуть его было не легче, чем стащить с неба луну. Рука Эйрара дрогнула, стрела сорвалась, ушла далеко в сторону и засела в стропилах.

Кто-то захохотал, кто-то, разуверившись в хваленном искусстве трангстедца, отпихнул его в сторону.

— А ну, тихо! — прикрикнул Эрб. — Парень хотел показать кое-что новенькое, вот только лук Висто малость для него туговат. Гитона, дай ему свой, пусть попробует снова.

— И попробую, — сказал Эйрар упрямо. — Проклятая ворожба: становишься слабее девчонки!..

На сей раз он тщательно утвердил ноги, медленно поднял лук и спустил тетиву. Его стрела воткнулась рядышком со стрелой Гитоны, едва не расщепив ее. Парни загомонили одобрительно и изумленно, а Гитона захлопала в ладоши.

— Я слышал, — сказал Висто, — так целятся на севере: в Корсоре и в Ставорне.

— Не только на севере. Повсюду в нагорьях, — ответил Эйрар. — У мариоланских охотников, что захаживали к нам в гости из-за Кабаньей Спины, такой же обычай. А так, как вы — от груди, да с колена —

разве что стрелять мелких зверюшек в лесу. Ну, может, еще морского зверя, если в упор. А вот вепря или медведя, если жить не надоело, бьют издали. Я уж не говорю про врагов на войне. Или про демонов!

— Чем же все-таки лучше твой способ? — спросил кто-то из рыбаков. — Сдается мне, дело в навыке, а не во всяких там выдумках!

— От неверного навыка проку, как от козла молока. — Эйрар приложил новую стрелу к тетиве и натянул лук. — Вот смотри. Я гляжу вдоль стрелы, остается лишь взять чуть выше на дальность, да еще прикинуть на ветер.

Он спустил тетиву. Стрела свистнула и впилась в мишень рядом с первыми двумя.

Висто шагнул вперед, держа лук наготове:

— Теперь я!

Молодой рыбак очень старался, но расположил ноги неправильно и вдобавок вывернул шею, пытаясь «глядеть вдоль стрелы». В результате тетива больно рванула ему ухо, а стрела отлетела вверх и упала посередине навеса. Все снова захохотали, но совсем не так, как вначале, а Гитона сказала:

— Я смотрю, тут недолго и покалечиться! Сделай милость, дружище Эйрар, поставь меня, как полагается!

Ему пришлось почти обнять ее, показывая, как правильно держать руки, — ощущение близости ее тела подарило неведомое прежде блаженство, и, хоть в яблочко Гитона и не попала, для первого раза выстрел вышел отменный. Тут уж глаза начали разгораться, и с шутками и прибаутками все кинулись пробовать, пока, наконец, со второго или с третьего раза до Эрба внезапно дошло, как это все-таки делается, он сильно натянул тетиву... и его лук с громким треском переломился.

— Вот незадача! — огорчился Эрб, разглядывая половинки, болтавшиеся на тетиве. — Эй, знаток! И чем же я, по-твоему, погубил добрый лук?

— Дело не в тебе, — ответил Эйрар, подумав. — Похоже, эти луки просто коротковаты для серьезной стрельбы.

— Так. — Эрб склонил голову, кадык на худой шее двинулся вверх-вниз. — Так я и думал, что этим все кончится. Знаешь что, приятель? В этом деле я полностью на твоей стороне и считаю, что лишняя наука не повредит, особенно тем из нас, кто пойдет с тобой под знамя Крылатого Волка. Может, это хоть даст нам лишний шанс уцелеть. Но сейчас на Вагее нет ни одного подходящего лука, и сделать их не из чего. Не рубить же лес в зимнюю пору. Придется повременить, пока кто-нибудь выберется в Наарос или Мариаполь и привезет луки или хоть выдержанное дерево. А покамест управляйся с демонами сам, как уж умеешь.

«Вот оно что! — с горечью думал Эйрар, устало поднимаясь назад по крутой улочке вместе с Висто и Гитоней. — Провели, точно мальчишку! И все ради того, чтобы дать Рудру настоять на своем...»

Тем временем снег пошел гуще, под стенами домов намело уже по щиколотку. Гитона вслух восторгалась снежинкой, севшей на ее руку в маленькой варежке. Висто попробовал утешить Эйрара:

— Не огорчайся, друг! Зато ты, говорят, заткнул за пояс самого Мелибоэ. Спроси кого хочешь: все тебе скажут, что таких, как ты, заклинателей здесь еще не бывало.

Эйрар мрачно хмыкнул:

— Ну да, рассказывай. Я ведь знаю, как меня ославили из-за того, что мне стало плохо на йоле. Не хочу ничего больше слышать про заклинания! Ничего в них хорошего, пакость одна!..

Гитона высунулась из-за плеча Висто:

— А Мелибоэ? Все любят его, все уважают. Он был так добр к нам...

— Добр?! — Возмущенный Эйрар даже остановился, тем более, что они почти дошли уже до дверей. — Ничего себе добр!.. Он отпугивал ваших демонов, населяя корабли еще более страшными существами! Может, демоны их по-первости и боялись, но всякий раз привыкали и только становились наглее! Вроде как питались его же колдовством, понимаете? Как бы объяснить... То, что делал Мелибоэ, похоже на пение сирен: люди слушают и слушают их, пока не погибнут. Мелибоэ!.. Он такое развел у Рудра

на йоле, что оно и меня едва не сожрало, пока я колдовал!..

Висто сжал его руку:

— Если я могу чем-нибудь пособить тебе...

— Чем? С луками сорвалось — знать, придется уж мне страдать до конца!

Вдвоем с Гитоной они вошли в дом. Обед в тот день, понятное дело, запоздал, и Рудр принялся выговаривать дочке. Желая отвлечь старика, Эйрар завел разговор о колдовских чарах, морских демонах и кораблях. И вскоре раскаялся. Слово за слово, пришлось выложить всю правду о вскрывшемся двуличии Мелибоэ и о той дряни, которой, как выяснилось, йола была нашпигована до последней доски. Рудр успокоился, только вымучив у него клятвенное обещание расколдовать и защитить каждую шлюпочку флотилии.

Но вовсе доконала Эйрара аскетического вида особа, явившаяся в дом под вечер. Несмотря на суровую внешность, она оказалась невероятно болтлива. По ее словам, ей житья не давали крысы, так что не мог бы милый молодой человек помочь каким-нибудь заклинанием?.. Как ни пытался он от нее отделаться, она лишь назойливее трещала. Наконец, обессилив, он нацарапал на клочке пергамента несколько зловещих имен: Ангат, Хвард, Утезиторьон!..

— пририсовал несчастного вида цветочек и велел посетительнице ровно в полночь пропитать клочок топленным свиным салом и вложить в крысоловку.

Когда несносная дама наконец убралась восвояси, Гитона скорчила ей вслед рожицу и высунула язык, зато Рудр, явно придя в хорошее настроение, весело посмеялся при виде отвращения, написанного у Эйрара на лице.

— Понимаешь теперь, — спросил он, — почему Эрб так рвется с тобой на войну?

— Это... его жена?..

— Мимо: сестрица. Да разве такая даст парню завести жену или хоть любовницу? Уф-ф, до чего разные все же люди на свете. Я встречал таких на рыбных базарах: перепотрошат весь твой улов, потом купят полторы килечки для кота. Уж мне эти бабы, тут впрямь из дому сбежишь! Да вот хоть Гитона: всю плешь проела отцу с этими твоими луками, ну ни дать ни взять вторая Эрвилла... Эрбова сестрица, я имею в виду. Пришлось ведь пообещать послать кого-нибудь в Мариаполь...

— В Мариаполь? Не в Наарос?

— В Нааросе, милый мой, теперь от каждого чиха захлопывают городские ворота и бросаются с обысками по домам. Стоит Рыжему Барону приметить, что рыбаки Джентебби покупали оружие, и он примется разнохивать, а что это такое мы тут затеваем. Неохота, знаешь ли, выяснять, удержит его наша хартия или нет...

Следующий день занялся морозным и ясным. Эйрар отправился в гавань раненько утром, вместе с Рудром, когда рыбацкая флотилия готовилась к выходу в море — кроме одной шхуны, на которой за последнее время погибло всего больше людей. Работа оказалась страшно тяжелой, почти такой же тяжелой, как и на йоле. Однако теперь Эйрар знал, чего ждать, и куда легче прежнего разогнал жутких пришельцев, облепивших незримый кристалл его пентаграммы. Он даже не потерял сознания, когда за клубился спасительный серый туман, — впрочем, разница была не особенно велика, ибо все его мышцы словно растворились, и он не мог шевельнуться. Он лежал на полу каюты, похожий на пьяного. Он все видел и слышал, но разум был пуст и не способен родить ни мысли, плеск воды и шаги по палубе входили в сознание, как в послушную глину, но и только.

Спустя время рыбаки все же подняли люк и заглянули в каюту, несмотря на строгий запрет. Эйрар еще не мог говорить, а когда его вытащили на палубу

— не вынес яркого света и зажмурил глаза.

— Ну и что нам делать с этой дохлятиной? — слышался голос. — Снести к Гитоне или здесь положить, чтобы очухался?

— Отнесем, — посоветовал другой. — Чего доброго, еще палубу обмарает.

— А ты сам стрелять-то ходил с ними, Сивальд?

— Ходил. Бери за ногу... вот так... Неплохо управлялся с луком Гитоны, но стрелять из лука Висто — кишка тонка оказалась.

— Да, вот уж кому нынче не позавидуешь, так это Висто. Втемяшилось же старику спихнуть девку за чародея — если она в самом деле еще девка, ха!..

— У тебя, Ове, не язык, а помойка. Ты что, не рад был бы выложить тысячу сольваров, чтобы только избавиться от проклятия Край? После того, как твоего брата?.. Тысяча сольваров, это подороже будет, чем девка. Или там не девка, нам-то какая разница.

«Ове... — подумалось Эйрару. — Верно, Ове Губошлеп, тот мордастый, что пялился на Гитону тогда под навесом и все норовил встать к ней поближе... а она отстранялась брезгливо... точно от слизня какого-нибудь...»

— А ты, Сивальд, гавкаешь, как тюлень в брачную пору. Пусть старый Рудр сам управляется со своим бабьем, его забота! Вот что меня действительно достает, так это насчет тех пятидесяти. Все одно, что самим прыгать демонам в лапы. Пятьдесят! У нас за десять лет столько не погибало!

— Ну, на сей счет можешь не волноваться. Окрутят их с Гитонкой — и никакого разговора о войне больше не будет!

— И хорошо бы. На кой шут нам, вольным рыбакам, все это сдалось — с нашей-то хартией и лигами моря досюда из Наароса?

...Эйрар трудился еще неделю, и приходилось ему нелегко, хотя так туго, как в самый первый день на йоле, не было больше ни разу. Мало-помалу он даже стал узнавать в лицо заклятия Мелибоэ, когда они злобными призраками взвивались по ту сторону пентаграммы. Схватка с ними начала даже доставлять ему некоторое удовольствие — как на охоте, когда меткая стрела настигает оленя, взметнувшегося в прыжке. Тем не менее, всякий раз за победу приходилось расплачиваться — лежать пластом по часу и больше, иногда в сознании, иногда нет, а на следующий день одолевала ватная слабость. Так он и жил все это время: то солнечный свет, то унылые сумерки.

Гитона, казалось, была особенно нежна и заботлива с ним в тот день, когда он расколдовал и оградил первую шхуну и нечаянно подслушал разговор Сивальда с Ове. Слушая и не слушая веселую болтовню девушки, он раздумывал, действительно ли старый Рудр держал на уме выдать за него Гитону, и если да, то как это он станет с ней жить?.. Любить ее?.. Гитона

— его жена!.. От волнения и неясной тревоги мурашки побежали по телу, Эйрар принялся мечтать и лишь на следующий день, с прояснившейся головой, задумался над тем, что за милую девочку придется заплатить, и недешево: прожить весь остаток дней на островах, среди рыбаков с их мелочными заботами — жить презируемым всеми, кроме женщин... колдовством отпугивать крыс!..

А может быть, заполучив Гитону, он сумеет все-таки вырвать ее отсюда и вырваться сам? Если только она согласится, если Висто ей в самом деле не жених, а просто дружок...

— Горы Вастманстеда совсем не похожи на здешние, — рассказал он ей, сотворив охранительные чары над второй шхункой и без сил отлеживаясь в постели. Заснеженный склон Вагея высился за окном, крылья ворон отливали синевой на фоне сугробов. — Наши горы вздымаются полого, как волны... Зимой мы всегда катались на лыжах и забавлялись метанием дротиков. Хочешь, как-нибудь попробуем?

— Обязательно попробуем, но мне больше нравится лук.

— Я бы хотел, — сказал он, — однажды поохотиться вместе с тобой в наших горах... — Он почувствовал, что неудержимо краснеет, и, изо всех сил пряча смущение, дотянулся и накрыл ее пальцы ладонью. Девушку не обидела эта вольность: она ответила пожатием на пожатие, но потом все-таки убрала руку.

— Ты скоро отправишься воевать... в Мариуполь и еще дальше, в большие города. Там тебе встретятся важные, красивые дамы... вернешься небось и знать больше не захочешь нас, простых рыбаков... если... если вернешься...

— Вот именно, если вернусь, — вырвалось у него. — Много людей достойнее какого-то Эйрара Эльварсона сгинуло оттого, что сил не достало вовремя поднять меч или натянуть лук! — Собственная немочь показалась ему отвратительной, нестерпимая злость на себя выжала слезы из глаз: — Да каким дамам, важным или не важным, интересен такой!.. Отправлю-ка Эрба и Висто совершать подвиги, а сам останусь тут! Устроюсь где-нибудь в чулане королевы Край. Стану зелья варить...

— Пожалуй, — выговорила она медленно. И вдруг вскочила, опрокинув табурет, на котором сидела: — Тебе, я смотрю, самое место — возле какой-нибудь юбки! А Висто еще расхваливал твою храбрость! И я, дура, верила!.. Нет, правду говорит мама: вы все, колдуны, трусливые негодяи, мужества у вас нет и в помине! Только детям фокусы годится показывать! Чем... лучше уж за Губошлепа...

И вышла — выплыла королевой, высоко неся гордую голову. Отчаянно произнося ее имя, Эйрар кое-как сумел выбраться из постели... ноги донесли его лишь до двери, и там он свалился, сотрясаемый судорогой, точно рыба на крючке.

На другой день ему не надо было идти колдовать. Он хотел поговорить с Гитоней, но тотчас после завтрака она куда-то исчезла. Эйрар отправился разыскивать Висто, не нашел и подумал: а может быть, они ходят где-нибудь вместе?.. А кто им запретит, сказал он себе, и сделалось совсем тошно. Так он и просидел весь день, одинокий и очень несчастный. Решил было выбраться в горы или хоть пройтись по улицам, но холод быстро загнал его обратно в дом, где он и уселся ждать Гитону. Вернется же она когда-нибудь.

Она вправду вернулась задолго до ужина, но позаботилась привести с собой товарку, толстощекую дурнушку. Та немедленно отозвала Эйрара в уголок и едва не свела его с ума ужимками и глупым хихиканьем, прежде чем попросить любовного эликсира — угостить своего деревенского олуха-ухажера.

Ко времени ужина Эйрар дошел до такой степени негодования и недоуменной обиды, что не выдержал и прямо за столом, в присутствии Рудра, потребовал объяснений:

— Почему ты стала меня избегать? Это несправедливо! Если я вольно или невольно задел тебя, я охотно покаюсь и принесу извинения, скажи только — чем я провинился?

Старик от души расхохотался и весело заметил, что прямодушие вечно выходит боком, когда имеешь дело с бабами, — но при этом бросил строгий взгляд на Гитону. А наутро, немного опоздав к завтраку, Эйрар застал дочь и отца мрачно молчащими, причем Гитона кусала губы, а Рудр знай чавкал, уплетая завтрак, и по его лицу решительно ничего невозможно было понять.

Эйрару предстояло расколдовывать очередную шхуну, и все было, как всегда. Очнувшись в своей постели, он обнаружил рядом стакан горячего, сдобренного медом вина... и ни следа Гитоны. Так он и лежал до самого вечера, горестно размышляя. Короткий зимний день отгорел быстро. Эйрар было заснул, но холод вновь разбудил его, когда в очаге прогорели дрова. Дверь комнаты была приоткрыта; до слуха донеслись голоса. Эйрар сперва не мог разобрать слов, но было похоже — старый Рудр убеждал в чем-то Гитону. Она отвечала все резче, пока не сорвалась на крик:

— ...сбегу от тебя!.. Совсем отсюда сбегу!..

На миг воцарилась тишина. Внезапно грохнула дверь, послышался крик, потом гул множества голосов. Холодный вихрь с улицы прошелся по комнате. Освещенный факелами, в дом вошел человек с перевязанной головой и в куртке, сверху донизу измаранной спекшейся кровью.

Это был Рогей!

— Проклятый барон все же перехитрил нас, — хрипло проговорил мариоланец. — Виграк убит. Его голова торчит над воротами, насаженная на пику. Хорошо еще, господина Ладомира, рыцаря, вовремя спрятали...

9. КОРАБЛИ ИДУТ В САЛМОНЕССУ

В комнату набился народ, огонь раздули поярче. Жадно глотая из кружки горячий мед, Рогей продолжал свою невеселую повесть. Ванетт-Миллепиг, сказал он, сумел каким-то образом вызнать всю правду о намерениях мариапольцев. То ли сам догадался, то ли изменник донес (Рогей склонялся к последнему). Как бы то ни было — когда они с Эйраром только выезжали из Наароса, баронские гонцы уже мчались в обреченный город — предупредить наместника. Затем туда прислали полутерцию воинов из самой Бриеллы и еще одну — из нааросской цитадели. Так что, когда Рогей прибыл в Мариаполь, город кишмя кишел солдатней, на улицах то и дело кого-то хватали, а стража ворот имела строгий приказ впускать всех, но не выпускать никого.

— И как же ты?.. — спросили Рогей.

— Да никак. Спрятался у одной особы, преданной Железному Кольцу... дело в том, что ее заведение не отличается особенной нравственностью — покорнейше прошу прощения, любезная дама... Я пытался разыскать Виграка... и я нашел его, да!.. На другой же день, как я приехал, по всем улицам ревели трубы, а герольды приглашали добрых горожан на главную площадь. Попробовал бы я не пойти! Они там в Мариаполе ведут списки жителей, и меня уже успели вписать... в качестве клиента той женщины. Так вот, на главной площади было выстроено нечто вроде горного пика, сверху донизу увешанного их дерьмовыми флагами...

Он поднес кружку к губам, и один из рыбаков проворчал:

— Тошно смотреть честному человеку, когда проклятый красно-белый вьется так высоко.

— Ага, — кивнул Рогей. — Как я погляжу, этой сволочи, Рыжему Барону, до смерти нравятся всякие там символы и яркие зрелища. Когда все сошлись, Ванетт-Миллепиг влез на самую макушку горы, и с ним виконт Изелэ, правитель Мариолы. И вот Барон стаскивает с головы шлем и закатывает нам речь. Ему, дескать, стало известно, что кое-кто из его добрых дейлкарлов надумал взобраться на Пик. Что ж, мол, он не возражает, пусть только учтут, что Пик — это эмблема валькингов и может, чего доброго, наказать инородцев. Тут опять запели трубы... и их стали пихать наверх по двое... дюжину мариапольских синдиков, в том числе и Виграка. Вместе с женами и детьми... словом, десятка четыре народу. На самой вершине Ванетт-Миллепиг с Изелэ рубили их мечами... сперва семьи, потом самих... Палач подбирал головы и показывал нам. Дети кричали, пробовали бежать...

Он снова уткнулся в кружку, пытаясь проглотить застрявший в горле комок.

— Погибает Дейларна... — пробормотали из угла. Эйрар увидел, как Гитона закрыла руками лицо. Он и сам готов был заплакать.

— А что же карренские Звездные Воеводы? — спросил он, пряча близкие слезы, голос прозвучал громче, чем следовало. — Или они тоже попались?

Рудр хмыкнул в бороду:

— Как же, попадутся они, скользкие угри. Небось уже щеголяют с алыми треугольничками на плечах!

Рогей серьезно заметил:

— Ты несправедлив, Загребной, и я бы не назвал это достойным... Они ведь не могли прибыть раньше. И ты знаешь не хуже меня, что наемников валькинги не признают. Звездных Воевод предупредят в море, и сделает это один из твоих кораблей, Рудр. Тот самый, что выудил меня из воды, куда я свалился с мариапольской дамбы с окровавленной головой и мертвым стражником под мышкой...

— Вот как! Значит, теперь наши птишки скорее всего полетят в Ос Эригу, к пиратам герцога Микалегона...

— Нет. В Салмонессу. Так было уговорено на случай, если грянет какой-нибудь гром. Мы возобновим войну из Салмонессы!

Эйрар вновь подал голос:

— Так значит — не все еще потеряно?..

— Потеряно? Кто говорит — потеряно? Наша тайна раскрыта, только и всего. А битва еще и не начиналась!

Рудр поднялся и прошелся по комнате, опустив голову и заложив за спину руки.

— А что там наши юные вастманстедские выскочки? — спросил он наконец. — Восстали-таки? Или угодили в сети Рыжего Барона еще до восстания?

— Точно не знаю, — ответил Рогей, — но думаю, что скорее всего нет. Черный Галлиль должен был держать их на поводке, пока не получат сигнала,

— а у него рука крепкая.

— Ну добро... уф-ф... А что слышно про герцога Роджера?

— О, он уже отправил гонцов к Изелэ с наказом напомнить ему о старом договоре насчет Мариоланской Привилегии: он ведь считается сюзереном Мариолы и сам должен разбирать все дела, касающиеся измен. Одним словом, вызов брошен, надо ждать войны. Я дал ему слово, что все мариоланцы, которых соберет моя боевая стрела, встанут под его знамя. И тогда мы начнем!..

— Да... похоже, другого пути у нас нет. — Загребной вольных рыбаков тяжело вздохнул. — А может, и вообще никакого. Но, будь что будет, мы с него не свернем. Эрб! Паури! А ну, зовите-ка тех, что должны были ехать. Будите их, если придется. Нынче же ночью они отправятся в Салмонессу... и ты с ними, сударь чародей. Я бы сказал больше и напутствовал тебя по-другому... но придется обождать до лучших времен. Рогей! Ты тоже поедешь.

Долговязый Эрб вытаращил глаза:

— Прямо сейчас?.. — Но Рудр свирепо обернулся к нему:

— Да, прямо сейчас. Неужели ты не понимаешь, дурень — если не нааросский Рыжий Барон, так его хозяин Вальк скоро смекнет, что Мариола собиралась подниматься не в одиночку? И уж тогда боевые когти хоть завтра могут оказаться у наших причалов. Вот разве шторм их задержит...

Люди зашевелились. Эрб поднялся и хотел говорить, но кто-то опередил его, пробасив недоуменно:

— Погоди, Рудр, а хартия? Мы же вольные рыбаки! Какое они имеют право?..

Рудр надтреснуто засмеялся:

— Хартия написана на пергаменте, а у Рыжего Барона в руках сталь! Что, по-твоему, перешибет?..

— Но как же морские демоны? — вмешался чернобородый рыбак, чье имя Эйрар так и не запомнил.

— Демоны подождут, — огрызнулся Рудр. — Это важней!

Висто помог Эйрару одеться: тот был еще не в себе и с трудом вдевал пуговицы в петли. Эйрар тщетно оглядывался в поисках Гитоны. Девушка бесследно исчезла — ему оставалось лишь сожалеть, сколь неласковым оказалось их прощание. Ни доброго слова, ни пожелания!.. Опираясь на плечо Висто, он вышел наружу. Ночной вихрь хлестнул в лицо несущимся снегом. Слышались крики. Кто-то пробежал мимо с факелом — штормовой ветер рвал пламя и уносил в сторону слова, мешая даже дышать. Теплый плащ не спасал — казалось, ветер пронизывал тело насквозь.

Люди сбегались к причалу по двое, по трое. В свете факелов там и сям поблескивали стальные шлемы, мелькали наконечники копий. Слышались крики:

— Кто видел Вардомила?

— Эй там, держи...

— Вардомил ушел на «Недиль-Галлае»...

Накануне вечером, в преддверии шторма, рыбаки позаботились как следует закрепить корабли, заведя растяжки на причал и с судна на судно. Теперь шхуны бились и терлись одна о другую, раскачиваясь на волнах, вкатывавшихся меж лап Вагейского Сфинкса. У Эйрара невольно екнуло сердце при виде вздымающейся черной воды в провале между обледелым причалом и бортом корабля, тяжело ходившим вверх-вниз... дружеские руки живо перетаскивали его через провал на ближайший корабль и сразу

провели в каюту, где уже теплился очажок.

— Присмотри за огнем, молодой господин, — попросили его рыбаки. — Мы все будем нужны наверху.

— Могу я чем-нибудь помочь?..

— Нет. Ты — наш груз!

Его оставили одного. Крышка люка бухнула над головой. Послышался топот ног по палубе и невнятные крики, а потом вдруг прекратились рывки канатов с одного борта корабля, и Эйрар понял: это отчалила соседняя шхуна. А вот и они, похоже, двинулись в путь: беспорядочные рывки и толчки сменились размеренным ритмом морской зыби. Качка усилилась, когда они вышли из-за мола. Кутаясь в плащ, Эйрар прилег возле огня, но задремать так и не смог. Он подумал о Салмонессе и о том, какой прием их там ожидал. Но скоро вновь вспомнилась Гитона и ее неожиданный гнев.

Право, это было сродни предательству — так оттолкнуть его, когда он, до предела измотанный ворожкой, отчаянно нуждался в человеческом участии и поддержке!.. Потом, однако, он попробовал взглянуть на вещи беспристрастно. «Все это минуло и не вернется, — сказал он себе. — Гитона навсегда ушла из моей жизни.» Но не смог не сознаться, что ее тоже можно было понять. Особенно, если учесть, что Рудр хотел их поженить. «Женщины ценят в своих мужчинах силу и смелость, — размышлял Эйрар. — Ни одна не потерпит, чтобы муж искал в ней опоры... — И тут же поправился: — Почти ни одна. Сколько раз отец отводил душу слезами в маминых объятиях; она всегда старалась его утешить. То-то с ее смертью старика совсем покинуло мужество, вот он и отправился в конце концов в Наарос к брату Толо, к Леонсо Фабрицию...»

Однако Гитона была сделана совсем из другого теста. Эйрар заворочался на лавке, вспомнив, как облегала ее тело одежда, вьющаяся на ветру... Нет! Минуло, не вернется! Теперь она скорее всего пойдет замуж за Висто и нарожает ему полный дом будущих рыбаков. Эйрар не чувствовал особой своей вины в том, что она не узнает лучшей судьбы. Он был виноват разве в том только, что позволил Рудру заставить себя колдовать. И тем не менее — именно это поставило его во главе пятидесяти молодцов, с которыми, как ни крути, была связана вся его будущность. Что еще давало ему права предводителя, как не его искусство лучника — и чародея?..

Да, клубок был туго запутан, не вдруг размотаешь. Эйрар поднялся добавить дров в очажок. Корабль отчаянно качало, он схватился за бимсы, чтобы не упасть, и твердо решил ни под каким видом не прибегать более к магии — только если при последней нужде!

Потом он самодовольно подумал о том, что сказал бы лучник Пертвит, доведись ему увидеть его сейчас, на пути в Салмонессу — и притом не нищим наемником, а предводителем пятидесяти бойцов!.. Размечтавшись, он вскоре уже двигался от города к городу, под радостные клики ликующих горожан, и колокола звонили на башнях, и цветы сыпались под копыта коня... пока не стукнула, открываясь, крышка люка, и озябшие рыбаки не стали спускаться вниз за глотком горячего питья.

К утру качка ослабла. Когда Эйрар выбрался наверх, корабль резво бежал на северо-восток. Румпель был подвязан, в небе — ни облачка. Шхуна плавно взбиралась на отлогие водяные горы и столь же плавно скатывалась вниз. Нос так и сверкал, разукрашенный замысловатыми ожерельями сосуллек. Кто-то из команды стоял там, привязавшись канатом, и скалывал лед. Было холодно.

Эйрар огляделся, придерживаясь за снасти. Рядом с ними бежала по ветру еще одна шхуна, и далеко-далеко у горизонта едва заметным пятнышком мелькала третья. Когда волны одновременно поднимали корабли, видны были макушки ее парусов.

Ледяные брызги иглами впивались в лицо.

— Доброе утро, — поздоровался с Эйраром хозяин судна. И мрачно добавил:

— Сдается мне, молодой господин, из твоих пятидесяти попадут в Салмонессу хорошо если двадцать...

— Почему?

— Потому, что «Брэйхед» разбился на рифах в Вагейском проливе, и никто не знает, скольких спасли. Рядом с нами идет «Гулринг», а «Недиль-Галлай» пропал без вести. Не очень-то радостное дело для всего Джентебби, молодой господин!

Он искоса посмотрел на Эйрара и как бы подчеркнул последние слова — «молодой господин».

Эйрар указал вдаль:

— Как ты думаешь, чей это корабль там, у горизонта?

Хозяин судна смерил его пристальным взглядом. Потом вскочил на фальшборт, одной рукой хватаясь за ванты, другой прикрывая от солнца глаза.

— Клянусь Миром Колодца!.. — воскликнул он, вновь спрыгнув на палубу. — Ты прав! Эй, все наверх, все наверх, на шкотах приготовиться!.. — И, обратясь к мачте, приложил ладони ко рту; — Ове, бездельник! Наш... наш молодой господин с палубы видит зорче, чем ты сверху!.. — И продолжал распоряжаться: — Всем взять копыя и надеть шлемы, вдруг это враги!

Но это были не враги. Когда корабли сошлись, парусник оказался запропавшим «Недиль-Галлаем». Вдобавок выяснилось, что он подобрал всех моряков, кроме одного, с разбитого «Брэйхеда». Люди дружно хвалили Эйрара за острое зрение, ибо ему первому удалось высмотреть «Недиль-Галлай». Его репутация удачливого вождя заметно упрочилась.

Двое суток после этого длилось поистине безмятежное путешествие под лучезарными небесами, с попутным ветром, быстро несшим корабли вперед. Наконец, к исходу третьего дня, впереди показалась тонкая ниточка берета. Вскоре открылось широкое речное устье. Реку пересекал укрепленный мост, а с восточной стороны, призрачные на фоне темнеющего вечернего неба, вырисовывались высокие башни. Цитадель Салмонесского Бастарда! Ничем иным эта твердыня быть не могла.

Паруса были убраны, люди сели на весла. Солнце опускалось в облака, река свинцово блестела. А к северу и к западу, сколько хватало глаз, расстилались бурые поля, колыхавшиеся на ветру. Через поля к городу тянулась дорога.

— Не торопятся они тут с урожаем, — заметил Эйрар. Висто, слышавший это, засмеялся в ответ:

— Ну да, только весь урожай со здешних полей — лягушки да рыба. Это не поля, а знаменитые топи Салма, что тянутся отсюда до самых границ Мариолы!

В это время к ним приблизился на веслах «Недиль-Галлай», и Долговязый Эрб прокричал оттуда, что салмонесцы, насколько ему известно, сами не свои насчет церемоний и титулов — словом, будет лучше всего, если Эйрар, когда подойдет к мосту, станет разговаривать с ними от имени всех.

Отлив обнажил по обоим берегам широкие полосы грязи, морозец уже успел прихватить ее сверху. В главном пролете моста был оставлен меж сваями проход всего для одного корабля, да и тот нынче перекрывала ржавая железная цепь, натянутая низко над водой. Когда корабли подошли вплотную, рядом с баллистой, висевшей на мосту, возникла голова в стальном шлеме:

— Кто идет?

Эйрар помахал белым значком, навязанным на копье:

— Вольные рыбаки с архипелага Джентебби... Идем сражаться за герцога!

— Поворачивайте назад, — откликнулся страж. — Его светлость принимают на службу лишь тех, кто следует за благороднорожденным предводителем. Его светлости не нужны ни чванные западные дейлкарлы, ни варвары-валькинги, у которых один и тот же человек сегодня господин, а завтра крепостной...

— Я здесь вождь!.. — прокричал Эйрар. — И мой род не уступит ни одному из салмонесских. Я — Эйрар Эльварсон из Трангстеда!

Рядом с первой головой на мосту возникла вторая:

— Ага! Судя по имени, ты — вастманстедский дейлкарл. И какие, интересно знать, цвета на твоём гербе, дейлкарл?..

Тон был обидно-насмешливый, и Эйрар на мгновение растерялся, ибо у его отца герба не было вовсе, а мать хоть и впрямь происходила из дворянского рода — титулы и гербы редко обсуждались в семье. Тем не менее, надо было что-то ответить, и Эйрар храбро сказал:

— Лазурь и золотая стрела.

— Никогда не слыхал о подобном, — проворчал второй страж, и оба отошли за баллисту посоветоваться. Затем сверху послышалось:

— Эти рыбаки присягали тебе на верность, как полагается?

На палубе «Недиль-Галлая» кто-то вскочил на ноги и возмущенно потряс кулаком:

— Еще чего, присягать!.. Мы, вольные рыбаки, никому никаких присяг не даем, кроме самого императора! Как гласит наша священная хартия... — но Эрб живо заставил парня заткнуться и прокричал в ответ:

— А хотя бы и не водилось такого прежде у нас, народа Джентебби — что до меня, я готов поклясться Колодцем всюду следовать за Эйраром Эльварсоном Ясноглазым и признаю его своим вождем и господином, пока длится эта война!

— И я! — крикнул Висто.

— И я! — друг за дружкой подхватили остальные. — И я!..

Эйрар, исполненный гордости, принялся благодарить их. Между тем стражи моста вновь удалились посоветоваться и наконец приговорили так:

— Это дело серьезное. Надо уведомить его милость канцлера, пусть сам с вами разбирается. В общем, ждите — тем более что после захода солнца все равно никого не ведено пропускать...

Корабельщики попробовали спорить, но без толку. Им даже не позволили пришвартоваться на ночь к сваям моста. Делать нечего, пришлось отойти назад, вниз по течению, и бросить в воду каменные якоря, коротая вечер у кромки зловонных болот. Однако нет худа без добра: Рогей переправился к Эйрару в шлюпке со своего корабля и знатно позабавил товарищей рассказом о том, как один из военачальников виконта Изелэ заявился полюбезничать с дамой, у которой Рогей прятался в Мариаполе. Рогей с друзьями хорошенько подпоили его слугу-миктонца и довели беднягу до дрожи рассказами о проделках злых духов, да еще незаметно приволокли в соседний чулан маленькие меха, так что в самый нужный момент из угла послышались кошмарные стоны... в конце концов перепуганный слуга влетел в комнату к своему господину с отчаянным воплем: «Спасайтесь, не то мы пропали!..» — и оба хабреца сбежали полуодетыми.

— Я взял их камзолы и с обоих срезал валькингговские значки в качестве боевого трофея. Вот они, — под общий смех закончил Рогей.

10. САЛМОНЕССА. КЛЯТВА ВЕРНОСТИ

К утру поднялся ветер. Он приглаживал болотные тростники и нес реденькие снежинки. Корабли не без труда подтянулись к мосту. Оказывается, стражники успели уже получить приказание герцога: новоприбывших велено было пропустить — впрочем, с условием, что все люди Эйрара в присутствии Бастарда немедленно присягнут ему на верность как своему повелителю и вождю, а сам он в свою очередь даст ту же клятву правителю Салмонессы. Эйрар видел, что подобная перспектива была поперек горла большинству рыбаков. Иные протестовали вслух, топчась по палубам шхун на утреннем холоду. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не Эрб.

— Кому неохота присягать, — сказал долговязый рыбак, — могут взять один корабль, и счастливый путь назад на Вагей!

Тем все и решилось. Самые строптивые предпочли унять свою гордость. Никому не улыбалось предстать перед старым Рудром, не выполнив приказания...

Река Виверрида частью обтекала Салмонессу, частью бежала прямо сквозь город, отсекая что-то вроде выселок — сараи и скромные домики, в которых, по словам Висто, селились летом купцы, приезжавшие в основном из Мариополя и Двенадцати Городов ради знаменитых герцогских ярмарок. Теперь выселки были покинуты — пустые сараи напоминали кожуру съеденных фруктов. А позади них из стоячей воды рва вздымались гигантские стены — вверх, вверх, под самые облака. Стены были чуть вогнуты и оттого казались еще выше и еще более походили на каменную волну, увенчанную кружевным гребнем башенок и зубцов. Речные ворота, устроенные в стене, выглядели настоящей пещерой, ведущей в самое сердце горы. Тяжелые опускаемые решетки нависали над обоими концами тоннеля. За тоннелем вновь показалась каменная стена с крохотными отверстиями бойниц. Лишь миновав этот угрюмый портал, можно было увидеть, что внутренняя стена отходила от основного кольца городских укреплений прямо в реку как раз там, где Виверрида поворачивала и устремлялась к морю. Стену завершала высокая башня. И ни души не было видно ни на верху бастаионов, ни возле окошек; хотя внимательный наблюдатель, пожалуй, сумел бы подметить настороженный блеск глаз в полутьме.

Корабли понемногу продвигались дальше; тот, где был Эйрар, шел впереди. Вот они обогнули башню, и взглядам предстала Внешняя Салмонесса: сплошные причалы по берегу Виверриды, широко разливавшейся здесь и замедлявшей свой бег. Ярко раскрашенные деревянные дома над причалами, толпы народа, снующие туда и сюда... и, наконец, над кровлями домишек и людской суетой — вновь стены и башни, взбирающиеся по крутому горному склону: цитадель, неприступный Внутренний Город.

У Эйрара не было времени как следует полюбоваться открывшимся зрелищем. Его внимание сразу привлек ближайший по левому борту причал. Там выстроилось десятка два воинов исполинского роста, в полном вооружении; они глядели прямо перед собой, замерев в ожидании. У каждого была алебарда и короткий меч при бедре, а за плечом висел маленький круглый щит. Все были в кольчугах, искусно украшенных изображениями дельфина и башни — городского герба Салмонессы.

Присмотревшись к этим воинам, Эйрар невольно засмеялся, потом присвистнул и сказал хозяину судна (ибо все остальные были заняты на веслах):

— Вот это, я понимаю, молодцы так молодцы. Я и сам не из маленьких, но эти!.. Самый плюгавый и то будет повыше меня!

— Ну да, — отозвался корабельщик равнодушно. — Это же Бритоголовые, ты что, никогда не слышал о них? Телохранители его светлости Незаконнорожденного. Имеют, между прочим, право первыми грабить любой город, который возьмет его войско. Хотя я лично думаю — как бы не отстали они в бою от других воинов, помельче. Они ведь набраны с бору по сосенке, из всех племен, кроме миктонских. И живут у герцога на готовеньком... как хряки перед ярмаркой, да!

Корабль подошел к берегу, и несколько рыбаков выпрыгнули на причал — швартовать шхуну к тяжелому кольцу, вделанному в набережную. В это время мимо гигантов-стражников просеменил молодой, изысканно одетый мужчина: башмаки на нем были темно-фиолетового бархата, такой же бархат виднелся в прорезях желтого камзола. Он шел с непокрытой головой, черные волосы были гладко

напомажены и завиты по концам. Левой рукой он придерживал тончайшей работы кинжал; с запястья свешивался шарик благовоний.

Заметив Эйрара, он отвесил ему глубокий поклон.

— Я — принц Урданецца... а ты, должно быть, высокочтимый господин Эйрар? — проговорил он тонким, жеманным голосом, протягивая руку для пожатия и бросая взгляд знатока на оружие на поясе Эйрара: — О, подобный кинжал поистине может носить лишь человек благородных кровей... прошу принять тысячу извинений за мерзостный запах, царящий на этих причалах! — Он поднял свой шарик и изящно понюхал. — Умоляю, отправимся же скорей во дворец: его светлость сгорает от нетерпения скорее услышать своими ушами, как это ты заставил негнущихся трескоедов Джентебби признать тебя своим повелителем. И госпожа Мелина тоже хотела бы послушать...

Он подхватил Эйрара под руку — тот едва успел пробормотать несколько слов в ответ и только надеялся, что они были в достаточной мере учтивы, — и продолжал неостановимо болтать:

— Скажу больше: его светлость склонен заранее благоволить тебе. Вот видишь, тебе выслали эскорт из двадцати одного Столпа Салмонессы — такой чести не удостоился даже епископ Морангский в его последний визит... прикажи своим людям, чтобы следовали за нами!

Он провел Эйрара мимо великанов-алебардщиков к изящно разукрашенным носилкам с роскошными драпировками, волочившимися прямо по уличной грязи. Восемь лоснящихся чернокожих — здоровенных, но все же не чета Бритоголовым

— немедля подняли носилки на плечи. Эйрар поспешно высунул голову наружу: позвать Эрба, — и гиганты-стражники, разделившись по двое, зашагали с обеих сторон носилок, оглашая улицу размеренным криком: «Эй-я! Эй-я!..»

Прохожие оборачивались, провожая взглядами шествие. Эйрар пригляделся к ним сквозь занавески и подумал, что выглядели они далеко не столь горделиво, как он ожидал, насмотревшись на выстроенные ими твердыни. Между тем носилки плыли вперед, покачиваясь в такт мерным возгласам Бритоголовых, а принц Урданецца знай себе говорил:

— ...заговор, несомненно. Подумай только: этот Вальк, наглец, требует руки принцессы Аурии на том основании, что давние связи Императорского Дома с Мариолой подразумевают сюзеренитет старшей дочери его величества в этих местах. И это при том, что рука принцессы вот уже семь лет, со дня подписания капитуляции Лектиса, обещана его светлости! Случись что — и Вальк не преминет отстранить принца Аурария или попросту послать ему «черного вина», а себя провозгласить императором Вальком Первым. И будет править нами этот ужасный Бриельский Совет с его бесконечными голосованиями и законами о том, кто и сколько драгоценных камней имеет право надеть... — Он зевнул. — Однако что я тебе рассказываю? Это ведь давным-давно у всех на устах...

Эйрар не ответил, и принц Урданецца улыбнулся с таким невыносимым очарованием, что оно ощущалось подобно прикосновению:

— Скажи лучше, есть ли теперь на Вагее где провести время? Я был там однажды, проездом в Стассию, ко двору... Ах, эта рыбная вонь, стаи летучих мышей и ни одного дома, который стоило бы посетить — кроме разве что виллы, куда рыцарь Бреммери любил ездить на воды...

— Не знаю, — сказал Эйрар честно. — Я сам там пробыл всего неделю и больше имел дело с Рудром... Загребным рыбаков.

— О, сочувствую тебе, досточтимый Эйрар! Сочувствую и надеюсь, что в Салмонессе тебе не придется скучать. Его светлость никогда не садится за стол без свиты в дюжину знатнейших вельмож и стольких же дам, хоть и надо признать, что иным из них он сам даровал дворянство. А теперь скажи мне...

— Он вдруг наклонился к Эйрару, явно желая сообщить тайну, и от его движения чуть накренились носилки: — Скажи, как ты думаешь, достойны ли эти карренские Воеводы места за высоким столом? Видишь ли, двор весьма обеспокоен этим вопросом, и мнение вастманстедского дворянина для нас ценно вдвойне, ибо в ваших краях столь мало знатных людей...

Громкий рев труб избавил Эйрара от необходимости отвечать. Носилки опустили наземь, принц

Урданецца выскочил первым и подал Эйрару руку. Они стояли у подножия широкой каменной лестницы, великолепно вздымавшейся к сводчатой двери, на каждой ступени лестницы стояло по трубачу, и выпел на каждой трубе был украшен дельфином и башней. Вот Эйрар ступил на землю, и трубы вновь прокричали все разом. Оглянувшись, он увидел, как подались в стороны Столпы Салмонессы и показались его вольные рыбаки: кое-кто посмеивался, большинство благоговело. Долговязый Эрб молча страдал, не зная, куда себя деть от смущения. Висто держался лучше всех: глядел вежливо, но и достоинства не терял.

— При дворе его светлости соблюдается полный этикет, — шепнул Эйрару на ухо принц Урданецца. — Не забудь поклониться трижды, как подобает!

Наверху обнаружился большой зал с мозаичным каменным полом, битком набитый кланяющимися придворными. Зал упирался в огромные двери, распахнувшиеся настезь по сигналу труб. У порога стояли на страже все те же исполинские алебардщики; тронный зал за их спинами, казалось, простирался в бесконечность. С потолка свешивались светильники пермандосского кружевного стекла, впрочем, не заправленные, ибо солнце щедро лилось в зал сквозь многоцветные витражи. Разодетые дамы и блестящие кавалеры двигались туда и сюда в этих цветных лучах, прикрываясь веерами и разговаривая о чем-то. Вдаль — к трону, должно быть — вела коврая дорожка; принц Урданецца обратился в ту сторону и отвесил нижайший поклон, ткнув при этом зазевавшегося Эйрара локтем. Тот поспешно склонился — и, склонившись, заметил, что пол в зале был не особенно чист.

Третий поклон они совершили уже у самого подножия трона. На троне сидел, развалясь, крупный чернобородый мужчина и подле него — женщина в платье с глубоким вырезом, почти не скрывавшим груди. У нее были пухлые губы и, если верить лицу, она была любительницей посмеяться. У него на голове поблескивала герцогская корона с зубцами в форме земляничных листьев. Роджер, Салмонесский Бастард, показался Эйрару грубым и вкрадчивым одновременно.

— Приветствуем тебя в наших владениях! — проговорил герцог голосом более тонким, чем можно было ожидать. — Приветствуем от души, ибо мы слышали о тебе такое, чему трудно поверить: ты, говорят, сумел поставить под наши знамена рыбаков Джентебби, чем и подтвердил старинную дружбу между Дейларной и Домом Салма. Наши книжники недавно поведали нам, что согласно закону и по всей справедливости мы являемся государем этих островов — мы, а вовсе не потомки императора Аргентария, чьей хартии они так долго вверялись... Однако мы будем к ним милосердны. Слушайте же все и будьте свидетелями: если ты, избранный ими бароном, принесешь нам клятву вассала, мы больше не будем в претензии за прошлое. Справедливо ли это, мои благородные господа?

Краем глаза Эйрар подметил, как двое-трое сановников, стоявших у самого возвышения, склонили головы как бы в немом восхищении. Потом раздалась возгласы:

— О, непостижимо!..

— Благороднейшее деяние!.. — И так далее, и тому подобное, пока волна рукоплесканий не устремилась вдаль по стенам зала. Что же до Эйрара, он никак не мог придумать ответ, понятия не имея, как еще примут все это его пятьдесят отчаянных удалцов — и уж тем более не желая перечить столь могущественному государю.

— Я не барон, — выговорил он наконец. — Я просто вождь, избранный этими людьми, решившими драться под знаменем Салма против угнетателей-валькинггов...

Герцог поудобнее устроился на троне.

— В данное время, — сказал он, — мы не воюем с Вальком Бриельским. И не собираемся воевать, покуда он будет блюсти свой долг согласно закону и нашему с ним договору... — И растянул губы в улыбке, поворачиваясь к какому-то человеку с тусклыми глазами и реденькими волосами у рта — судя по его месту справа от возвышения, имперскому посланцу. — Будем говорить лишь о службе, а не о войне. А что касается баронства — имей в виду, верных слуг мы обычно вознаграждаем. Итак, мы ждем присяги.

Эйрар покосился через плечо на своих рыбаков, сгрудившихся в сторонке... Долговязый Эрб стоял самым первым, острый кадык ходил по длинной шее вверх-вниз, глаза были озадаченные. Зато Висто, не размышляя, кивнул головой и шагнул вперед:

— Я готов поклясться.

И тотчас подле них как из воздуха сгустился церемониймейстер в ливрее, сплошь затканной башнями и дельфинами.

— Встань на колени перед своим господином, — объяснил он Висто. — Вложи свои руки в его руки, вот так. Повторяй за мной...

Придворные, стоявшие вдоль стен тронного зала, вновь начали шушукаться, но Висто говорил звонко и четко до самого конца, до обещания вассала следовать в битву за господином. Тут он на мгновение запнулся, сглотнул и добавил уже от себя:

— ...до тех пор, пока продлится война с валькингами.

Эйрар заметил, как герцог Роджер нахмурился и подался вперед, внимательно вслушиваясь. Но один из вельмож, стоявших за тронном, что-то тихо шепнул — и герцог успокоился, а Висто поднялся с колен, и его место занял другой.

— Я, Вардомил с Вагея, клянусь...

— Я, Ове с Вагея...

— Я, Нени из Баска... — И так далее, один за другим, между тем как шепот придворных постепенно делался громче, кое-где зазвучал смех, а потом и разговоры в полный голос. Герцог молча наблюдал за церемонией, лишь изредка наклоняясь сказать что-то своей даме. Что до самого Эйрара — он видел происходившее как бы со стороны и слегка изумлялся, с ним ли все это на самом деле происходило. Он едва замечал сменявшиеся лица, как вдруг — которым по счету был этот рыбак? сороковым?.. — ему померещилось нечто знакомое в движениях опустившего голову светловолосого паренька, и голос, девичье контральто, выговорил:

— Я, Эйтор с Вагея...

Жар и холод одновременно охватили тело, Эйрар вздрогнул, невольно дернув к себе коленопреклоненного... и в самом деле глянул в глаза Гитоне, дочери Рудра.

И не было времени расспросить ее: как?.. каким образом?.. почему?.. — и звенели слова клятвы, и, наконец, она тихонько выпростала из его ладоней маленькие холодные руки и вернулась, одетая в грубую рыбацкую робу, на свое место, и герцог Роджер проводил ее глазами, потом пристально глянул на Ове Губошлепа, стоявшего подле нее, и Эйрара внезапно охватила беспричинная ярость... однако новый рыбак уже преклонил перед ним колена, произнося клятву.

В это время еще один распорядитель приблизился к герцогу и хотел что-то сказать, но Бастард лишь отмахнулся:

— Я занят! Пусть подождут!

И вот последний из полусотни принес клятву на верность; церемониймейстер подвел Эйрара к подножию трона, и он склонился точно так же, как только что — рыбаки, и успел произнести присягу до половины, когда его постигло новое неожиданное потрясение — второе по счету за столь краткое время. На одной из униженных перстнями рук, меж которых он вложил свои ладони... недоставало двух пальцев.

Его голос сорвался, а перед глазами вмиг встала та ночь в хижине Мелибоэ и слова колдуна об удаче и неудаче трехпалого государя. Сердце сжалось в предчувствии неминуемой опасности... однако Эйрар справился с собой и договорил до конца, и герцог Роджер позволил ему поцеловать свою руку и с довольной улыбкой откинулся к спинке трона:

— Итак, ради такого случая ты сегодня с нами обедаешь. — И небрежным мановением отпустил рыбаков. — Да, это напоминает мне... а впрочем, стой! Тебе полезно будет послушать. Зовите герольда!

Принц Урданецца тронул Эйрара за локоть, отводя его на приличествующее место в зале, и какая-то темноглазая девушка с готовностью потеснилась, не забыв многообещающе ему улыбнуться. Герольд уже шел к трону по ковровой дорожке, меж двумя шеренгами придворных. Он был одет в белое, но даже и без Алого Пика Бриеллы, горевшего на белом камзоле, всякий мог без труда признать в нем валькинга по широкому плоскому лицу и ястребиному носу. Остановившись у подножия трона, он отдал поклон и, не

глядя ни влево, ни вправо, громко и отчетливо проговорил:

— Властелин Салмонессы! Меня прислал мой повелитель, граф Вальк Бриельский, владыка Ос Эригу и, с санкции Совета, представитель Империи во всех провинциях Дейларны. Мне поручено передать тебе следующее. Ввиду своего положения в Империи мой повелитель граф не считает возможным, чтобы некто, к ней отнюдь не принадлежащий, присваивал себе сюзеренитет и право творить суд во вверенных ему странах, объясняя эти права единственно так называемой Привилегией Мариолы или другими документами, давно утратившими силу. Мой повелитель поступает и впредь собирается поступать с Мариаполем так, как сам сочтет нужным. Тебе же следует немедленно отозвать и войска, и всех своих разбойников из Марсхауна и иных мест в пределах Дейларны, а также возместить причиненный убыток, размеры которого предстоит установить Верховному Суду в Стассии и, в завершение, выдать предателя и изменника Рогая из Мариолы, а также прочих, ныне в твоём городе пребывающих.

Губы герцога скривились в усмешке:

— А не надлежит мне явиться в Бриеллу с кольцом в носу и лично засвидетельствовать мое почтение графу?

Огромный зал так и взорвался издевательским хохотом, но лицо герольда осталось бесстрастным. Его голос перекрыл шум:

— Властелин Салмонессы, каков будет твой ответ?

— А вот каков! — герцог Роджер наклонился с трона вперед, приподнялся и плюнул. Плевков оставил мокрое пятно на белом плаще. Вновь послышалось улюлюкание и смех, герольд же переломил свой белый жезл и швырнул обломки под ноги герцогу, крикнув:

— Это война!.. — И лишь Эйрар, да, может, еще некоторые подле него, слышали, как, стиснув обеими руками край испоганенного плаща, посланник добавил: — Мой плащ посерел, но он станет алым, когда его выполощут в твоей крови, Салм!..

11. САЛМОНЕССА. ГЕРЦОГ СТРОИТ ПЛАНЫ

Разбуженный среди ночи, Эйрар по старой охотничьей привычке остался лежать неподвижно, пытаясь понять, что же его разбудило. Потом вновь ощутил прикосновение чьего-то пальца к шее под ухом.

— Что случилось? — спросил он шепотом. Спустил ноги с постели и сел, натягивая на плечи одеяло, ибо в комнате было зябко. В мерцании звезд и пепельном отблеске луны, светившей мимо окна, возник острый профиль мариоланца. Эйрар повторил тихо: — Что случилось, Рогей?

Охотник хмыкнул вполголоса:

— Нет, как тебе все это нравится?.. — И взмахом руки изобразил пародию на придворный поклон. — Его вельможная светлость... надушенные придворные... ты заметил, с каким презрением смотрят они на карренских Воевод? А ведь по всей справедливости это им бы вести нас в бой, не ему. Ох, сомневаюсь я что-то, чтобы его светлость умел хоть как следует расставить войска, я не говорю уж — сражаться...

— Я всегда считал, что их пятеро, — задумался Эйрар, вспоминая день, когда прибыли карренские корабли и наемники проскакали по улицам в нарядных сверкающих латах, со шлемами, позвякивающими у поясов, а позади двигались конные латники, и народ приветствовал Воевод громкими криками, радуясь их воинственному виду и изумляясь врожденным седым прядям на черноволосых макушках, по которым их и называли Звездными Воеводами.

Рогей снова хмыкнул из темноты.

— Ты что, вправду не знал? Их матушка дважды рожала тройню, и младшенькой была девочка — Эвадне. Она называет себя Эвандером и всюду следует за братьями, разве что в бой они ее все-таки с собой не берут. Должен тебе сообщить, кстати, что твой Эрб обо всем пронюхал прежде тебя и уже ходит за ней хвостом... издали, понимаешь ли, обожает. С другой стороны, не тебе выяснять, кто там еще прячет девчонку, у тебя ведь у самого рыльце в пуху.

— Кто тебе рассказал?!..

— Тс-с! Не так громко. Незачем, чтобы об этом болтали. А насчет того, кто мне рассказал — пожалуйста: Альсид-карренец и еще барон Базали из... не помню, откуда. Да, дружище, весь двор потешается, глядя, какие влюбленные взгляды ты бросаешь на стрельбище на этого якобы рыбака. Между прочим, если тебе интересно — не думаю я, чтобы тебе удалось сделать стоящих лучников из этих парней. Руку они, может, и набьют, но, поверь мне, дойдет дело до боя — мигом все позабудут.

— Я... — пробормотал Эйрар растерянно. — Я не думал...

— Брось, милый мой. И послушай совета — избавляйся-ка ты поскорее от этой своей вастманстедской девической скромности. Не то они здесь перестанут верить в твое благородное происхождение. Здесь все балуются любовью, один ты помираешь от застенчивости. Посмотри на Урданеццу и даму Ирену, на карренца Альсандера и Далмонею... а хоть и на меня, я ведь тоже лелею кое-какие планы на случай, если его светлости вдруг опостылеет госпожа Мелина... я слышал, он уже поглядывает в сторону, да. Ты же у нас прямо в священника превратился. Пойми наконец: нам осталась всего неделя на ахи, вздохи и прочее угождение дамам, а потом мы уйдем драться и, вполне может быть, назад не вернемся. Но вообще-то я к тебе не за этим пришел.

Эйрар предостерегающе положил руку ему на колено, заслышав шорох в углу. Но нет, это была всего лишь крыса. И Рогей продолжал — впрочем, понизив голос до шепота:

— Я вот все думаю: что в самом деле у герцога на уме?.. Я надеюсь, ты понимаешь, что он согласился держать тебя за дворянина только ради того, чтобы наложить лапу на Джентебби?

— Но моя мама...

— Твоя вастманстедская мама? Ой, уморил! — Однако Рогей не засмеялся. — Да, парень, могучие у тебя доводы. Я еще понял бы, если бы речь шла об отце... Скажи-ка лучше, чем, по-твоему, он привязал к себе Воевод?

— Так ведь ты сам... и Альсандер с графиней Далмонеей...

— Ну да, и Альсид с этой миктонской девкой, которую он чуть не на колени себе за обедом сажает. Все верно, любимая забава, — но ведь они наемники, не забывай. А герцог-то наш на самом деле нищ, как языческий пророк, Вальк в Мариополе мощну у него с пояса срезал, вот оно что. Так почему же наши заморские птички смиренно сидят на насесте и не думают улетать?

Эйрар молчал, не в силах придумать разумный ответ. И Рогей продолжал, жестикулируя с такой яростью, что соломенный тюфяк под ними заходил ходуном:

— Сказать тебе, чем все это пахнет? Изменой, вот чем! Иначе зачем, по-твоему, он тянет кота за хвост вместо того, чтобы выступить против Ванетт-Миллепига? Чего ждет — чтобы Рыжий Барон стянул к границе войска со всей страны? Почему не спешит созывать салмонесских вассалов? Ты, может быть, скажешь — как так, весь город полон войск? Ха, послушать Мелину, так это едва-едва четверть обычного войска. Она-то уж знает, что к чему, ведь еще ни солдата не прибыло из Дейдеи... это крупное баронство в горах, там правит ее отец.

Эйрар нерешительно пробормотал, что все могло быть и не связано одно с другим, что герцог, скорее всего, как раз и собирал силы для решительного сражения... куда там! Рогей неслась неудержимо, точно лосось на нерест через речные пороги:

— Роджер — изменник! Надумал стакнуться с Вальком и вместе обрушиться на Двенадцатиградье или на Ос Эригу. А мы, как всегда, попадем между молотом и наковальней!

— Что же нам теперь делать? — спросил Эйрар. — Бежать?..

— Пожалуй... если бы удалось как-нибудь перепрыгнуть всю эту пропасть запертых ворот... и если бы я мог бросить на произвол судьбы пятьсот моих мариоланских изгнанников. погоди! А не мог бы ты навести на герцога чары? Чтобы он исполнил обещанное, а?

— Такого заклинания не существует, — сказал Эйрар. — Но даже если бы существовало, я предпочел бы не связываться. Эти дела... мужество у меня отнимают.

— А у Дейларны отнимают свободу, пока ты ломаешься! Слушай, ну неужели нет заклятий, чтобы покорить чью-то волю своей? Я слыхал — есть!

Эйрар проговорил медленно, вспоминая подчиняющие чары и то, как отец учил его ими пользоваться:

— Есть... только действуют они недолго... и околдованный нипочем не станет ничего делать, если ему самому не приходилось уже над этим задумываться... да, и еще нужно что-нибудь от того человека. Ну там, ноготь состриженный или я не знаю...

— И все? Так за этим дело не станет. Стало быть, решено: если Роджер вправду выйдет предателем, ты заставишь его явиться, куда я укажу. А там уж мои мариоланцы найдут, о чем потолковать с ним накоротке...

Он стиснул руку Эйрара в своей и исчез, не тратя времени на прощание. Дверь бесшумно приоткрылась — полоска слабого света проникла извне — и вновь закрылась за ним. Эйрар вытянулся под одеялом, раздумывая, достаточно ли основательны были пылкие доводы Рогей, чтобы впрямь заподозрить герцога в измене. И если да, то действительно ли судьба не оставила им никаких средств, кроме колдовских? Тем, кто мало смыслит в магии, она кажется панацеей от всех бед. Но кому станет легче, если герцога, пусть даже в самом деле предателя, схватят мариоланцы и после пыток убьют?..

С тем он и уснул.

На другой день в полях за городом должен был пройти смотр войск, во время которого герцог собирался давать указания полководцам.

Его светлость сидел на коне на пригорке неподалеку от речных ворот; циклопические стены высились у него за спиной, вокруг стояли вельможи. Столпы Салмонессы должны были первыми пройти мимо него и встать по сторонам, как положено телохранителям. Эйрар, ожидавший со своими людьми на улице Азага, видел, как они шли. Ничего не скажешь, зрелище было поистине впечатляющее: хвостатые шлемы, смыкавшиеся с отполированными до блеска наплечниками, щиты на левой руке и размеренный клич:

«Эй-я! Эй-я!..»

Эйрар искал глазами Гитону, думая сказать ей что-нибудь насчет Бритоголовых и, может, снова услышать в ответ ее голосок... но нет — она, как обычно, пряталась далеко за спинами рыбаков, с трудом узнаваемая в солдатской одежде... Чьи-то пальцы легли на его локоть, и Висто тихо позвал:

— Господин Эйрар...

— Что, Висто? Что-то случилось?

— Нет пока, но может случиться. Мне бы поговорить с тобой, господин...

— Ну так говори!

— Не здесь и не теперь. Дело-то больно непростое, господин.

Эйрар с досадой подумал, что после смотра наверняка будет пир, и ведь нипочем не отвертишься — этикет есть этикет. Он сказал:

— Хорошо. Давай ночью, когда все разойдутся. Где я живу, знаешь? В северной круглой башне верхнего этажа, на третьем этаже.

— Кто же меня туда пустит? Там стража повсюду... только и следят, чтобы мы, черная кость, вам, дворянам, не докучали.

— С этим, — сказал Эйрар, — ничего не поделаешь, раз уж мы хотим от них помощи. Вот что! Помнишь тот дикарский лук, что Стин Сопливый вчера всем показывал? Захвати-ка его с собой и наплети чего-нибудь страже — мол, с поручением...

Мимо них по главной улице с боевым кличем шагали к воротам изгнанники Мариолы, в ржавых кольчугах, не слишком ровно построенные и довольно пестро вооруженные. Потрепанное войско, издевавшееся разгром и бегство через болота — но все, как один, рослые парни и решительные на вид, более пяти сотен числом. Рыбаки Джентебби двинулись следом за ними, потом — городское ополчение Салмонессы и наконец — баронская конница: рыцари, оруженосцы и тяжелая кавалерия, закованная в лязгающую сталь.

Когда все они, салютуя, прошествовали мимо герцога, он спешил и собрал военный совет прямо на холме, под серыми облаками, плывшими над головой.

— Господа и дворяне! — начал он своим тонким голосом, чертя на земле план концом меча, вдетого в ножны. — Все вы знаете — должны, по крайней мере, знать, — что через наши болота в Мариолу ведут всего две дороги. Одна — та, что я сейчас нарисовал — тянется к устью Виверриды и далее берегом. Другая — по дамбе, вот так, и за болотами сворачивает на север, к Марскхауну, а потом снова на юг и соединяется с главной прибрежной дорогой. Валькинги наверняка ждут, что мы направимся берегом, потому что дамба узка и не предназначена для передвижения войск. Кроме того, тамошний наместник сеньор Мораэ нам докладывает со слов болотных охотников, что виконт Изелэ со своей полутерцией уже следит за прибрежной дорогой, а у выхода с дамбы держит лишь разъезды легкой кавалерии. Теперь собственно о нашем замысле. Мы выступим через неделю и двинемся дамбой, откуда нас не ждут, и таким образом совершенно их одурачим. Тебе же, Базали, мы поручаем отправиться южным путем и теребить Изелэ, чтобы ему некогда было особо вертеть головой, пока мы не навалимся с тыла. Все!

Герцог Роджер кончил речь и гордо оглядывался, привычно ожидая похвал. И похвалы в самом деле посыпались со всех сторон — от восхищенного шепота до восторженных кликов. Но один из карренских Воевод все же спросил:

— Для чего ждать целую неделю? Вот оно, войско, снаряженное и готовое... почему не прямо сейчас?

Салмонесский Бастард поднял вверх палец, полные губы раздвинулись в хитрой усмешке:

— А как ты думаешь, милый мой, с кем мы вознамерились драться? С Изелэ? Нет, Изелэ — слишком мелкая рыбешка. Я хочу свернуть шею Рыжему Барону! Самому Ванетт-Миллепигу! Вы, надеюсь, не против, судари мои дейлкарлы?

Он глядел на Эйрара, Рогея и еще одного-двух уроженцев Дейларны, которых сочли достойными

присутствовать здесь. И, дождавшись от каждого кивка либо одобрительного ворчания, продолжал:

— Так вот, судари мои, наши шпионы доносят, что означенный барон во главе полной терции лишь сегодня выступил из Мариолы. И куда же? Несомненно, в Марскхаун, ибо город восстал, просится под нашу руку и уже поднимает знамена с дельфином и башней. Ванетт-Миллепиг спешит расправиться с мятежниками... он, похоже, большой любитель расправ, этот ваш Рыжий Барон. Через неделю он встанет лагерем у городских стен. Вот тут-то мы и свалимся на него с дамбы, на него и на Изелэ, и раздавим обе их терции. Пока к ним подойдет подкрепление из Бриеллы, восстанет вся Хестинга. Между тем к нам присоединится Дейдеи и прочие бароны Северной Салмонессы. Кто тогда посмеет встать у нас на пути?.. Итак, вы, сеньор Урданецца, поведете передовой отряд и примете командование правым флангом, где будет сосредоточена рыцарская кавалерия. Карренские латники вас поддержат, и, мы думаем, исход боя скорее всего решит именно ваше крыло. Легкая кавалерия — пустяк, сомните ее. Так... за карренцами пойдут Джентебби и Мариола. Сеньоры Эйрар и Рогей! Вам поручается разогнать остатки кавалерии и всех этих жалких крестьян, которых валькинги называют своими «союзниками». Мы же сами пойдём со Столпами Салмонессы и городским ополчением и поможем вам, дорогой Урданецца, если вдруг ваш первый натиск будет отбит. Если же все пойдет хорошо — сразу повернем на юг, на Изелэ. Таким образом мы расколем их силы надвое, разгромим и растопчем. Что скажете, господа и дворяне?

— Башня!.. — первым вскричал принц Урданецца. Со звоном выхватил меч, сплошь покрытый золотой вязью — кажется, это были имена прежних Богов — и поцеловал рукоять, салютуя своему государю. Придворные вновь разразились криками, салютуя вслед за принцем. Дейлкарлам такой обычай был чужд; оглядываясь, Эйрар обратил внимание, что карренцы, пятеро Воевод, отступили чуть в сторону и что-то обсуждали между собой, стремительно жестикулируя. Герцог Роджер, как выяснилось, тоже это заметил.

— Господа наемные предводители! — окликнул он резко. — Вам что, не по нраву наш план?

Один из Воевод обернулся:

— Государь... следовало бы выслушать нашего брата Альсида. Он больше всех смыслит в разных хитростях и засадах. Точно так же, как Плейандеру нет равных при осаде крепостей, а Эвиду — в конной атаке...

— Ну и где, — спросил герцог, — этот ваш Альсид?

— Альсид, ха-ха! — опередил Воевод какой-то салмонесский вельможа. — Остался во дворце обнимать свою миктонскую шлюху!..

Герцог Роджер ничуть не разгневался.

— Я вижу, — сказал он, — воистину лучше всего рубить дрова собственным топором. Что ж, вы выслушали наш план. Благородный Базали! Вы отправляетесь завтра.

Герцог махнул музыкантам, дозволяя играть, и, окруженный Бритоголовыми, милостиво разрешил кому-то подержать себе стремя, возглавляя процессию, двинувшуюся к городу. Эйрару невольно подумалось, что карренские Воеводы, с которыми не пожелали даже посоветоваться, наверняка были обижены. Но вокруг гремели трубы, гарцевали всадники, мерно восклицали Столпы... так он и не сумел ни с кем об этом переговорить. Даже к Рогею не удалось пробиться в толкотне.

А потом был пир. Салмонесский пир по полному этикету, со множеством блюд — гости лакомились ими, полулежа за столом на кушетках. У Эйрара не было спутницы — волей-неволей пришлось соседствовать с дочкой какого-то мелкого барона с гор на границе Хестинги. Она была сущей дурнушкой, так что до самого конца пира ему ни разу не захотелось на нее даже взглянуть. Он думал о Висто, гадая, что все-таки тот собирался ему рассказать.

Занятый своими мыслями, он заметил, однако, что подле герцога на кушетке впервые не было дамы...

12. НОЧЬ В САЛМОНЕССЕ

Слегка одурманенный выпитым на пиру, Эйрар все-таки задремал и проснулся, как от толчка, когда вагеец швырнул принесенный лук на пол его комнаты, возмущенно ругаясь:

— Ну здесь и местечко! Люди одной крови не могут спокойно встретиться и поговорить, надо еще разрешения спрашивать!..

— Не злись, не стоит, — сказал Эйрар. — Когда надо поколотить свинью, хватают любую палку, какая под руку попадет... А сдается мне, герцог Роджер — палка все-таки не из худших.

— Все может быть. Если только эта палка не сломается да не проткнет тебе руку.

Эйрар сел на постели, стараясь вытрясти из головы остатки хмеля и сна. Похоже, ему предстоял второй полночный разговор на ту же самую тему. И что им всем не нравится в герцoge, особенно после сегодняшнего смотра?..

— Ну что там еще?.. — спросил он устало.

Прежде, чем ответить, Висто подозрительно оглядел все углы. Он принес с собой маленький светильник — такие делали в Филедии, одном из Двенадцати Городов, назывались они «хризмами». Язычок пламени освещал лицо Висто снизу, бросая на лоб от бровей тени, напоминавшие крылья, отчего вид у молодого рыбака был почти демонический.

Он подошел к Эйрару вплотную:

— Сперва мне придется кое о чем спросить тебя, господин. Только, пожалуйста, не сердись. Ты ведь любишь дочку старого Рудра?

Эйрар почувствовал, как кровь прихлынула к лицу. Он не смог заставить себя поглядеть Висто в глаза:

— Выходит... мы с тобой соперники?

— Да нет, что ты. Мы с ней просто выросли вместе и долго дружили... но ничего более.

Настал его черед смущенно умолкнуть. Эйрар попробовал было закрепить преимущество:

— Ты любишь другую?

Висто беспокойно шевельнулся. Колеблющийся свет скрыл выражение лица.

— Не то чтобы... но уж это мое дело. Я пришел сказать тебе: Гитоне грозит опасность, которую только возлюбленный может от нее отвести.

— Возлюбленный? Я?.. Да Гитона со мной едва здороваются, и то — один раз в день, по-воински!

— Если сердится, — сказал Висто, — значит, не так уж ты ей безразличен. Слушай же. Ты знаешь, почему герцога Роджера называют Бастардом?

— Наверное, потому, что он и есть бастард... незаконнорожденный. За что, кстати, я не решился бы его осуждать.

Висто фыркнул:

— Да если бы только это! Насколько мне известно, салмонесские герцоги не женятся поколениями: бастарды наследуют бастардам, и это не слишком-то нравится Храму. — Он вновь фыркнул: — Точно так же, как и барону Дейдеи, чья дочь — официальная, так сказать, любовница герцога. Старик полагает это бесчестьем...

Тут только Эйрар начал смутно догадываться, в чем дело. И приподнялся на постели:

— Но каким образом... да говори же? Говори!

— В общем, — сказал Висто, — герцог уведомил мою подружку, а твою возлюбленную, что согласно вассальному долгу ей надлежит явиться к нему и возлечь с ним нынешней ночью. Понял теперь?

Эйрар на миг задохнулся от боли, пронзившей сердце. Потом глухо зарычал:

— Я убью его...

И рванул одеяло, спуская ноги на пол.

— Не так легко это, хозяин, — отрезвил его Висто. — Там столько Бритоголовых, что и не сосчитать.

— Но неужели она пойдет? Нет! Она должна отказать ему! Отказать наотрез!.. Я все-таки вождь... Мы будем защищать ее до последнего... Проклятый герцог, я думаю, живо сменит тон, когда мечи заходят по головам в его собственном доме!..

Висто вздохнул.

— Мы уже толковали об этом — она, я и Эрб. Она не хочет, чтобы ее защищали. Она говорит, что герцог, чего доброго, еще откажется воевать за свободу Дейларны. Тогда, мол, погибнет ее отец...

— Свобода Дейларны!.. Господи, какой вздор!.. Чтобы герцог всю свою политику пустил коту под хвост из-за девчонки!.. Да неужели некому было ей объяснить?..

Висто пожал плечами — тени заплесали по стенам.

— А вот Долговязый Эрб с кем-то там советовался и утверждает, что Гитона права, и если она пойдет к герцогу, это уж насмерть втравит Салм в нашу войну. Мужчины платят жизнями за свержение Алого Пика, так почему бы женщине не заплатить своим телом? Что до меня, я... я не очень в этом уверен, хотя и согласился с ним. А еще я подумал, что у тебя в этом деле тоже есть интерес. Вот я и пришел.

— Но что же нам делать?.. — спросил Эйрар в отчаянии. — Бежать... бежать немедленно из проклятого города... нет, не выйдет, мосты подняты, да и некуда, с Джентебби после нас не было ни корабля, валькинги там хозяйничают, как пить дать... Спрятаться? Негде! Жениться на ней немедленно? Так ведь она за меня не пойдет... а и пошла бы, разве герцога это остановит?

Эйрар мучительно шагал туда-сюда босиком по холодному полу. Висто следил за ним, держа хризму на коленях. Наконец он проговорил:

— Я, конечно, плохой законник, хозяин... но что-то я такое слыхал, будто по вассальному праву никто мне через твою голову не смеет приказывать. Во всяком случае, про герцога в нашей присяге точно не говорилось!

Эйрар рывком повернулся к нему:

— Так скажи ей это скорее, друг Висто! Может, это нас спасет! Беги, скажи ей!.. Герцог, да, сюзерен; но приказывать моим людям могу только я сам!..

Он ломал пальцы от нетерпения. Дверь за Висто не успела еще толком закрыться — а он уже мчался к шкафу за светильником и колдовской Книгой. Ему было ясно одно: ради того, чтобы удовлетворить свою похоть, герцог Роджер Салмонесский с легкостью отметет любые законы. Даже если Гитона и в самом деле захочет воспользоваться подобной лазейкой. Ведь не по закону же он овладел дочерью барона Дейдеи! Да, Гитона права: всякое сопротивление его воле может стать для Бастарда поводом переметнуться на сторону валькингов, и тогда прощай освобождение Дейларны... как и предсказывал Рогей. Да, наступил тот самый час смертельной опасности, грозившей всему, чем он дорожил... тот самый час, когда следовало прибегнуть к отцовской науке и призвать на помощь потусторонние силы...

Он разыскал в очаге кусочек угля и, как был полуголый, принялся торопливо вычерчивать пентаграмму.

— Йа, йа, Сабакххани... — прозвучали первые слова заклинания. Вовремя вспомнив, Эйрар вытащил локон, подаренный ему когда-то в знак дружбы, — и присовокупил. Непогожий день за окном давно сменила холодная черная ночь; лишь там и сям далеко внизу поблескивали редкие городские огни. Вряд ли кто-то гулял в этот час по улицам. А если и гулял — скорее всего не должен был обратить внимания на синие колдовские огни, что взвились вокруг Эйрара, напоенные тающими, бледными лицами. Он продолжал: — Именем Семи Сил, покорных мне и властных над вами! Приказываю вам привести ее сюда ко мне и без остатка покорить ее волю моей!

Синее пламя постепенно опало. Эйрар торопливо задул светильник и принялся одеваться впотьмах.

...Гитона подошла так тихо, что он едва услышал ее шаги в коридоре. В неверном свете факела, тускло чадившего за углом, он увидел, что она снова была одета по-женски.

— Гитона... — прошептал он и за руку втянул ее в комнату. Рука показалась ему совершенно безвольной. — Гитона, здесь, наверное, темно? Зажечь свет?..

— Как пожелаешь, мой господин, — ответила она тихо. Он ударил кресалом и не с первого раза сумел уронить искру на трут. Но вот огонь озарил ее милое личико... и безвкусное розовое платье с ужасающим вырезом, почти открывшим грудь. Несомненно, подарок герцога Роджера!

— Здесь ты в безопасности, — сказал Эйрар. — Присядь!

Последствие колдовства уже накрывало его, он и сам рад был сесть, пока ноги не подломились.

— Благодарю тебя, мой господин, — ответила Гитона и, опустившись в пододвинутое креслице, сложила руки на коленях. Она глядела прямо перед собой... впрочем, достаточно дружелюбно...

— Здесь тебе ничто не грозит, — повторил Эйрар. — Герцог не посмеет вломиться сюда, даже если догадается, где ты. Короче, оставайся здесь столько, сколько понадобится.

Она ничего не ответила. Даже губы не дрогнули. Выждав немного, он сказал еще:

— Гитона, прости меня... прости за все. Я не стану больше колдовать. Я все буду делать так, как ты пожелаешь. Только чтобы ты простила меня и мы... снова дружили...

— Конечно, я прощаю тебя, господин, — ответила девушка. — Разве я тебе не присягала на верность?

— Присягал Эйтор... копыеносец, вольный рыбак.

— Да, но клятву произносила Гитона.

Слова были нежными — нежней не придумаешь — но тон оставался холодным, и руки не покидали колен, и взгляд был пустым по-прежнему. Эйрар воскликнул в отчаянии:

— Неужели ты правду пошла бы к герцогу нынешней ночью?..

— Если бы на то была твоя воля, господин мой Эйрар.

— Господин! Я не господин тебе, я твой приятель и посмешище всего Вагея, как ты сама прекрасно знаешь!.. — Он вскочил на ноги и заметался по комнате, забыв про усталость. — Как же нам провести поганого герцога?! Какое убежище найти для тебя, чтобы не проболтался какой-нибудь слуга и тебе снова не приказали явиться?..

— Я ни за что к нему не пойду, если ты не велишь.

Эти слова застали его у очага. Он обернулся к ней, неподвижно сидевшей в креслице, такой прекрасной... и такой безразличной.

— Придумай же что-нибудь! — крикнул он. — Скажи что-нибудь!..

И прежде, чем она успела ответить — бросился к ней, обнял и принялся целовать. И сперва ее губы были безответны, но затем как будто оттаяли, и с коротким счастливым вздохом она теснее притянула его к себе.

— Гитона... — прошептал он, переводя дух. Она покосилась на светильник, и светильник был немедля задут. Гитона отвечала страстью на его страсть... Но когда мир был готов раствориться в вихре блаженства — вдруг содрогнулась всем телом и, не в силах сдержаться, отчаянно зарыдала.

— Любимая... — растерянно шепнул он ей на ухо, но она отвернулась.

— Если бы это был Висто!.. О, если бы только это был Висто!.. — выговорила она каким-то незнакомым голосом...

На другой день герцог Роджер соизволил всего однажды покинуть свои покои, — и на челе его лежала тень, ничего хорошего не предвещавшая.

13. ДАМБА. СРАЖЕНИЕ

...И вот пропели трубы, и армия двинулась через ворота вперед. Совсем как в день смотра, только вот выстроили ее на сей раз в обратном порядке. Первыми выехали салмонесские рыцари и бароны — сырой южный ветер играл выпелами на пиках. Два дня назад выпал легкий снежок, но теперь была оттепель, мостовая сделалась скользкой, кони спотыкались и падали то и дело, нарушая строй. Седоки поднимали их, потя и ругаясь. Урданецца проехал мимо в своей нарядной броне, подходившей, казалось, скорее для турнира, а не для битвы. Впрочем, Эйрар не мог не отметить, что принц управлялся со своими людьми, как истый военачальник — раздавая команды и направляя наиболее тяжело вооруженных в голову колонны. Они примут первый удар, когда придет время сталкиваться войскам. Недаром герцог послал в отряд Урданеццы несколько самых рослых своих телохранителей — нести знамя Салма. Личный штандарт его светлости плыл далеко позади, подле самого Бастарда, ехавшего в окружении Бритоголовых.

Лихорадочно завершались последние приготовления. У Нени из Баска оказались разорваны несколько звеньев кольчуги, и кузнецы нипочем не соглашались чинить их бесплатно, пока не вмешался «дворянин» Эйрар. Потом Берни поссорился из-за чего-то с купцом из Нижнего Города — и вновь Эйрару пришлось разбираться. Так он и не сумел выкроить время и еще раз навестить предмет своей горькой любви. Гитона, как они условились, должна была укрыться меж копыеносцев. Предыдущие несколько дней она провела в его комнате, почти не высываясь наружу. Но после той первой ночи Эйрар спал на полу, подстелив плащ. И они почти не разговаривали...

Труба вновь и вновь подавала сигнал; странной грустью отдавал ее голос, издавелека долетавший в вязком оттепельном воздухе. В распахнутые ворота выезжали карренские всадники. На сей раз Альсид скакал во главе. Треугольное смуглое лицо под шлемом показалось Эйрару угрюмым, стальной колпак скрывал седые фамильные прядки.

Долговязый Эрб подошел к молодому вождю и тронул его за руку:

— Господин... у нас недостает человека. Ове Губошлеп куда-то запропастился, не можем сыскать.

Поздно: подошел их черед двигаться. Эйрар вскочил в седло, по взмаху его руки вольные рыбаки Джентебби дружно крикнули — и зашагали. Они были вооружены привычными копьями, чуть коротковатыми, зато пригодными для метания. Все в стальных шлемах, с круглыми щитами и луками. Луки подарил герцог Роджер, отнесшийся к затеянной Эйраром учебе тем более благосклонно, что собственных лучников у него было не очень-то густо.

Они протопали под гулками сводами — эхо шагов и воинственный клич отдавались в каменных стенах. Бледное зимнее солнце встретило их за городскими стенами. А потом и купеческие амбары на выселках отодвинулись назад, назад, и воины вступили на дамбу, тянувшуюся в глубь болот, меж двух колеблющихся стен гигантского, выше человеческого роста, шуршащего тростника.

Там, впереди, где двигались семь сотен верховых, без конца приключались заторы. Отставший от своих конник с Краеугольным Камнем Каррены, вышитым на груди, ворчливо поделился с Эйраром своим недовольством:

— Уж мне это баронское ополчение!.. На полдня опаздываем, не меньше. Хорошо если к вечеру придем в Мариолу, да вот много ли навоюем до темноты?

Во время следующей остановки к Эйрару подошел Висто:

— А где Гитона, хозяин? Что-то ее не видать среди наших...

Ледяной ужас приковал Эйрара к месту...

— Как же так! — вырвалось у него. — Ведь ты должен был о ней позаботиться! Ты мне ответишь...

— Нет, хозяин, — покачал головой Висто, — вот уж тут ты неправ. Я должен был присматривать за Гитоней в дороге. Но за все, что было прежде выступления — спрос только с тебя!

Больше они ничего не успели друг другу сказать. Карренцы, стоявшие впереди, передали команду двигаться. Эйрар смог лишь послать Висто назад, к мариоланцам, с наказом поискать среди них Гитону: опоздав к месту сбора, она вполне могла примкнуть и к ним. Самому ему оставалось только ехать вперед и

молча терзаться. Он был бы рад немедля броситься на поиски, но не мог. Тростники по сторонам дороги сменились открытыми топиями, залитыми черной жижей; позади дорога была плотно забита людьми. Рыбаки его отряда держались большей частью бодро — смеялись, отпускали соленые шуточки, затягивали песни, — хотя для многих, как и для него самого, это была первая битва.

— Эй, господин волшебник! — весело кричали ему. — Нет ли у тебя какого-нибудь завалящего заклинания от мечей?.. — и так далее, и порой совсем не столь безобидно, но Эйрар при всем желании не мог избавиться от грызущей тревоги за Гитону и разделить их веселье — и пусть, кому охота, думают, что он струсил.

Бледное солнце перевалило полуденную черту; поход продолжался. Топи сменились настоящими плавнями, по левую руку вдали показался даже возделанный остров. На острове виднелся домишко, а рядом с домиком стояла женщина, махавшая и махавшая шедшим мимо войскам. Потом задние донесли приказ герцога: устроить привал и перекусить.

Эйрар слез с лошади и почувствовал, как одеревенели суставы. Он присел рядом с карренцем. Откупоривая бутылку кислого вина, привезенного с родины, тот продолжал ворчать:

— Эх, иначе все выглядело бы, командуй здесь наш Воевода Эвименес! Отправились, как на прогулку, а ведь там, чего доброго, с ходу драться придется. То ли было дело, когда Воеводы вели нас, помню, на Полиолис! Мы тогда скакали весь день и всю ночь и чуть только не падали с седел, а как же, и потом сразу кинулись в бой на...

Досказать ему не пришлось: вернулся Висто.

— Ее там нету, хозяин, никто даже не видел. Правда, там немногие и знают-то, что к чему...

— Одна надежда, — сам с собой рассуждал карренец, — что эти, как их, валькинги не шибко умелые вояки. Сам-то я никогда не имел с ними дела. Только слышал, будто ихняя пехота носит такие большущие круглые щиты с шипом посередке — как раз пырнуть человека. Поэтому, говорят, если валькинг замахивается мечом — смотри в оба, чтобы не получить в бок этим шипом. Говорят еще, здорово они наловчились спастись от стрел. Строятся, собачьи дети, по двое, и один прикрывает обоих здоровенным щитом, а второй знай бросает дротики, и оба топают себе вперед, пока не сойдутся с лучниками грудь на грудь и не разгонят. Так что лучникам против них надо плотной кучей держаться, не то вовсе толку не будет...

Висто терпеливо стоял около Эйрара.

— Что будем делать, хозяин?

— Ищи, спрашивай! — повторил Эйрар. И тут нежданная мысль взметнула его на ноги: — Ове Губошлеп!.. Где он, кто его видел последним?

Но к ним уже шел посланник, с немалым трудом пробившийся из головной части войска:

— Воевода Альсид просит поторопиться, ибо время не ждет!

И вновь крик, суматоха; словно бы медленная волна прошла по колонне — движение возобновилось. И хотя Эйрар не мог уже думать решительно ни о чем, кроме Гитоны, — надо было двигаться дальше, и он двигался, и пели трубы, хотя и не так задорно, как вначале, — ибо музыканты тоже были людьми и шагали, как все.

Плавни, хоть как-то разнообразившие местность, вскоре остались позади; вновь потянулись по сторонам когда топи, когда тростники. Мрачный пейзаж — и мрачны были мысли Эйрара, все думавшего о герцоге и о том, что мог замышлять Салмонесский Бастард...

Впереди снова что-то случилось; послышались возгласы, улюлюканье. По краешку дамбы навстречу воинам пробирался кто-то одетый в длинные белоснежные ризы, с золотым обручем на голове. Он держал резную чашу перед собой на седле. Следом ехал второй всадник, и тоже в церемониальном облачении. Эйрару показалось, это был тот самый пустоглазый представитель Империи, которого он видел тогда при дворе в Салмонессе.

Одетый в белое подъехал к Эйрару и с поклоном спросил, не является ли он предводителем отряда.

Эйрар ответил утвердительно, и священник протянул ему чашу:

— Тогда, во имя Мира Империи, который есть Богом Установленный Мир, повелеваю тебе испить из этой чаши истинной воды, почерпнутой из Колодца Единорога. Испей вместе с графом Вальком, законным наместником Его Священного Величества Императора Аулариса. Испей в знак того, что отказываешься от этой богопротивной войны. И знай: если ответишь отказом — будешь отторгнут от Империи и отлучен от благодати Колодца!

Эйрар ответил:

— Не в моей власти, святой отец, решать что-либо о войне. Поезжайте лучше к герцогу Роджеру, нашему сюзерену...

Судя по лицу священника, иных слов он и не ожидал. Он молча направил коня в гущу воинов, проталкиваясь дальше. Зато имперский представитель повернулся в седле и скрестил пальцы, крикнув:

— Отлучен! Отлучен!..

— Ох, скверно... — шагая у стремени Эйрара, пробормотал Долговязый Эрб. Но юноша был слишком занят собственными тревогами и не ответил. — Да, — продолжал Эрб. — Тут и не поколдуешь!

День клонился к вечеру. Усталые люди разговаривали мало и неохотно. Слышался только шорох шагов, да копыта торчали в разные стороны, щетинясь над головами. Эйрар сделал усилие и попробовал представить себе сражение и как будут выглядеть в нем его молодцы и он сам... но даже и эта мысль каким-то образом снова привела его к Гитоне. А тем временем по сторонам дамбы там и сям уже возникали островки твердой земли, виднелись тропки, явно проложенные людьми — берег болот Салма был близок.

Островки уже смыкались в некое подобие суши, когда нестройный рев труб разом вывел его из задумчивости. К беспорядочным сигналам примешивались далекие крики. Эйрар увидел, как опустили забрала карренцы, ехавшие чуть впереди его рыбаков.

— Скажи людям, пусть надевают тетивы, — велел он подоспевшему Эрбу и сам почувствовал, что голос готов был сорваться. — Пусть выдвигаются с насыпи на твердую землю, вот сюда, вбок. Мы должны прикрывать мариоланцев, а они — герцога!

Произнося это, он на какой-то миг оторвал взгляд от творившегося впереди, и что же? Когда он повернулся обратно, вокруг не было почти никого. Лишь спины последних карренских всадников мелькали там, где дамба переставала быть дамбой и превращалась просто в дорогу, убегавшую на северо-запад по отлогому склону холма, и оттуда слышался стук оружия и воинственные крики. Пущенный кем-то дротик одиноко валился наземь из алого закатного неба. Перепуганная болотная птица пронеслась мимо с жалобным писком, едва не чиркнув крылом по его волосам.

Кто-то дернул стремя, и Эйрар увидел, что рыбаки, пригибаясь, бежали куда-то влево. Иные на миг останавливались выпустить стрелу, но без всякой видимой цели.

— Вот они! — крикнул подбежавший воин, указывая рукой. — Господи помилуй, вот же они!..

С заросшего ивами пригорка прямо на них рысцой ехала кучка всадников в шлемах с яркими плюмажами. Валькинги!

Эйрар, вооруженный как все, завел руку за спину, хватая лук.

— Стреляйте! — услышал он крик Долговязого Эрба. — Стреляйте же, дьявол!..

Один из рыбаков схватил коня Эйрара под уздцы и потащил в кусты и заросли тростника, а над дамбой уже поблескивали, надвигаясь, мариоланские копыта и слышался яростный боевой клич изгнанников, ведомых Рогеем.

Всадники и не подумали поворачивать обратно, — лишь рассыпались цепью. У каждого в левой руке была плеть, и они нахлестывали коней, пока те не пошли галопом. И за миг перед тем, как напороться на копыта мариоланцев — круто развернулись, разом метнув дротики со специальных металок. Эйрару не по силам оказалось целиться и стрелять, одновременно управляя конем. Просвистело рваное облачко стрел, выпущенных его рыбаками, а навстречу стрелам промчались дротики. Конь Эйрара увернулся от

смертоносного острия скорее вопреки усилиям всадника, нежели благодаря им. Эйрар услышал где-то рядом страшный булькающий крик, а всадники уже удалялись, и одна из лошадей бешено брыкалась — в крупе ее торчала стрела.

Эйрар искал взглядом кричавшего... это был Вардомил, славный, дружелюбный парнишка. Дротик пробил ему горло. Обливаясь кровью, с лицом, исковерканным мукой, Вардомил обеими руками пытался выдернуть дротик...

Эйрара скрутила внезапная тошнота. Холодея, он осознал, что война вовсе не была веселой забавой, как ему думалось прежде, война оборачивалась ужасом, болью и гибелью лучших друзей...

Но переживать не было времени. Рыбаки, разбежавшиеся из-под дротиков по кустам, вновь подняли испуганный крик. Сверху, с холма, на них неотвратно двигалась вражеская терция.

Эйрар понял: сколько бы ему ни довелось еще жить, вряд ли он скоро увидит зрелище страшнее. Валькинги не бежали вперед; они шли скорым, уверенным шагом под звуки маленьких флейт, и удар был направлен как раз туда, где болотная дамба переходила в дорогу и где едва-едва только разворачивались к бою мариоланцы Рогей...

— Нас предали!.. — прокричал чей-то молодой голос и сорвался на визг.

Длинная шеренга терциариев была выстроена безупречно; казалось, движениями всех этих воинов управляла единая воля. Над остроконечными шлемами вздымались короткие султаны из конского волоса, щиты соприкасались со щитами, а над ними поблескивали мечи. А позади терциариев и по бокам, прикрывая их фланги, лился целый поток легковооруженных воинов. Кое у кого были луки, и они то и дело приостанавливались спустить тетиву, но большинство, не сбавляя шага, бежало прямо на Эйрара и его рыбаков. «Союзники»!..

— Назад!.. — завопил Эрб. — Их слишком много!.. Назад!..

Эйрар соскочил с лошади, и тотчас рядом с ним впились в землю и затрепетала стрела. Подарок требовал отдарка; внезапная ярость мгновенно смела страх, он рванул к щеке тетиву и увидел, как повалился тот, кому предназначалась стрела. Но «союзники» были уже в двух шагах, а с боку доносился яростный крик и шум отчаянной схватки: это о щиты терциариев ломались мариоланские копыя...

Висто потащил Эйрара прочь:

— Назад, назад, их слишком много... — и вот они уже мчались, спотыкаясь, по кочкам и кустам. Стрела ударила в спину одного из Джентебби. По счастью, она была уже на излете и не пробила кольчуги, но удар был силен — парень подвернул ногу и рухнул лицом вниз, разбрызгивая болотную жижу. Висто, нагнувшись, схватил его за руку, а Эйрар повернулся лицом к погоне, покрепче расставив ноги и натягивая лук. С полдюжины «союзников» наступали им на пятки. Бежавший первым был вооружен тяжелым копьем. Он размахнулся, нацеливая широкое острие, но юноша успел спустить тетиву. Выстрел был скверным, однако спас ему жизнь: нападавший получил стрелу прямо в лицо и свалился, так что бежавший следом споткнулся о его ноги, а остальные торопливо припали на колени, прикрываясь щитами, либо свернули в кусты, спасаясь от стрел.

— Остановитесь же!.. — закричал Эйрар рыбакам, но Висто вцепился в его руку, повторяя, как заклинание:

— Бежим, их слишком много... — и вновь он бежал вместе с остальными, сам не зная куда. Скоро они влетели в трясину, с трудом отпуская ноги. Спереди вновь возникли заросли тростников — их пришлось огибать по узкой полоске суши, покрытой затоптанным снегом. За тростниками показалась небольшая возвышенность. У ее подножия Эйрар увидел человек шесть вольных рыбаков. Все они стояли, и только один неподвижно лежал на спине, а другой сидел над ним, закрыв руками лицо. Ни у кого уже не было луков, а у сидевшего — ни шлема, ни копыя.

— Оторвались, — с облегчением сказал Висто и попытался встать перед Эйраром на колени: Ты снова спас мне жизнь, друг и господин...

— И мне, — сказал второй, и только тут Эйрар признал Длиннорукого Сварлога с острова Мьель. Но в это время кто-то буркнул угрюмо:

— Кого это там он спас? Скорее наоборот! Если бы не эти его бабские штучки... луки я имею в виду... уж мы бы им показали!

— Да, показали бы! — крикнул Эйрар ему в лицо. — Особенно с вашими-то цыплячьими душонками!.. Дважды вы нынче поворачивались спиной к врагу, вольные рыбаки! И оба раза всего-то нужно было чуточку мужества да несколько стрел!.. И держи руки подальше от оружия, парень: у меня, знаешь ли, остались еще стрелы в колчане...

Он был готов ко всему, но тут сидевший поднял глаза:

— Не горячись, Сивальд, Ясноглазый дело говорит... И больше толку подумать всем вместе, как выбраться отсюда живыми, а не ссориться с тем, кто тебя сюда привел... Ну, что скажете, ребята?

Никто не ответил. Эйрар обвел взглядом лица и на каждом прочел тот же страх, что снедал и его самого. И всем было ясно: неспроста они напоролись на терциариев именно здесь, возле дамбы, в самом невыгодном месте...

— Не очень-то похоже на нашу победу, — раздался чей-то голос. — Эй, слышите?..

Издалека доносился размеренный, торжествующий крик многих сотен людей... но ничего общего с «Улла-улла!» — победным кличем воинов Крылатого Волка Дейларны. Ничем не напоминал этот крик и привычное уханье герцогских Бритоголовых... Лица рыбаков, одно за другим, помрачнели еще больше.

— Мы все-таки должны сделать все, что мы можем, — сказал Эйрар. — Воины Джентебби! Я, конечно, тот еще предводитель... Даже Эрб знает и умеет больше меня. Но раз уж вы клялись мне в верности, вот мой приказ. Сивальд

— он здесь, по-моему, не самый неповоротливый, да и не трус — пускай идет вперед. Я, как лучший среди вас лучник, буду держаться шагах в двадцати позади и прикрою его. Сварлог и Висто в случае чего защитят меня в рукопашной... А теперь вперед! Не торчать же здесь до утра.

Никто не стал перечить ему, и вот они тронулись — пристыженный Сивальд впереди всех. Темнело. Они огибали заросли высохшего тростника, оставляя дотлевавший закат по левую руку и осторожно продвигаясь к дамбе. Вот справа открылась черная топь; Сивальд, пригнувшись, тихонько двинулся мимо. Эйрар держал стрелу на тетиве... Но только шагов через триста они увидели первого человека — судя по одежде, мариоланца. Ему выпала незавидная смерть: сраженный в спину стрелой, он свалился лицом в воду и захлебнулся. А слева — на западе, там, где остались «союзники» — все было по-прежнему тихо. Надвигавшаяся ночь, казалось, приглушала все звуки.

И снова перед ними была трясина, заросшая порыжелыми от холода тростниками. Сивальд стал обходить ее, но тут тростники зашуршали, и Эйрар мгновенно вскинул натянутый лук и держал стрелу наготове, пока спереди не послышалось.

— Эй, кто идет?..

Не узнать рыбацкий выговор Джентебби было невозможно, и Эйрар откликнулся сам:

— Кольцо!..

И вот еще трое из его отряда, наглотавшиеся болотной воды и промерзшие до костей, зато живые, присоединились к товарищам.

— Эрба не видели? — спросили их.

— Никого не видели, — был ответ. — Только мариоланец один пробежал...

Все вместе двинулись дальше. Темнота быстро сгущалась, но картина страшного поражения делалась все яснее. Немного попозже из гущи кустов извлекли еще человека — мариоланского горца по имени Толкейл. Он поведал им, как Рогей при первой сшибке ворвался в строй валькинггов и был тут же зарублен. Герцог, рассказал Толкейл, удрал, а Эвименес и Плейандер — Звездные Воеводы Каррены — пали в бою. Такие известия добавили всем немало печали, но потом Эйрар смекнул, что парень никак не мог присутствовать в стольких местах одновременно, а значит, и видеть своими глазами все, о чем плел.

Наконец темнота вынудила их остановиться: Сивальд вернулся к отряду и объявил, что не видит

дальше собственного носа и не в состоянии больше выискивать путь. Эйрар предложил развести костерок, обсушиться и как-нибудь пересидеть ночь.

Их было теперь около дюжины, и слова Эйрара встретили дружный отпор. Валькинги, сказали ему, непременно заметят костер и явятся проверять. Пришлось уступить, тем более, что в поясных сумках людей сыскалось несколько бутылочек крепкой настойки. Все по очереди стали прикладываться к вину, пытаясь хоть немного согреться.

И вот тут-то по болоту прочавкали копыта коня, и человеческий голос окликнул:

— Кто здесь?

Рыбаки схватились за копья.

— Кольцо, — сказал Эйрар, снизу вверх глядя на всадника, возникшего из темноты.

— Железное Кольцо! — ответил тот странно знакомым голосом. Потом поднял забрало и подался вперед, давая как следует себя разглядеть. Эйрару показалось, что он увидел призрак: перед ним был чародей Мелибоэ.

14. НОЧЬ В МАРИОЛЕ

— Вот об этом-то я тебя и предупреждал, — проговорил колдун, когда Эйрар взял коня под уздцы. — Помнишь? «Удача оставит тебя подле трехпалого государя»...

Сидевшие у костра настороженно переглянулись, подталкивая друг дружку локтями. Мелибоэ спешил и спросил:

— Ну и что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю, — ответил Эйрар. — Карренские Воеводы...

— Разбиты наголову, — перебил Мелибоэ, — и удирают в сторону хестингарских гор. Альсид погиб, Эвид — у Бордвина в застенке...

— Батюшки!.. — ахнул кто-то из рыбаков. — Сам Бордвин Дикий Клык!..

— Да, Бордвин. Рыжий Барон — слишком мелкая птичка для таких дел. Бордвин привел три полные терции и стер в порошок все ваши войска. А герцог Салмонессы к утру будет владеть одним лишь собственным замком, ха-ха...

Вместо ответа Сивальд яростно замахнулся коротким копьём, но оно отскочило от нагрудника, не причинив Мелибоэ вреда. Чародей лишь рассмеялся:

— Ох, до чего же нетерпеливы вы, рыбаки. Прощу тебя, благородный господин Эйрар... — и в голосе его звучала насмешка пополам с угрозой, — покорнейше прошу тебя, прикажи своим людям вести себя чуть-чуть почтительнее, пока я не напустил на них что-нибудь еще похуже морских демонов...

— Благородный господин Эйрар, — язвительно отвечал Сивальд, — прикажи-ка лучше этому лягушачьему отродью убираться отсюда, пока мы не выковыряли его из панциря, как рака!

— Если ты нам вправду не враг — докажи это, — промолвил Эйрар угрюмо. Жуткие призраки, с которыми ему выпало сражаться на рыбацких кораблях, вновь замаячили перед глазами.

— Э, юноша... я думал, ты умней, — покачал головой Мелибоэ. — Если уж я сумел разыскать вас здесь в зарослях, — как ты думаешь, почему я не захватил с собой, скажем, децию солдат? Или стайку всадников, а? Я пришел один — разве это не доказательство?

— А кто тебя знает, может, солдаты следом идут, — проворчал Сивальд, но волшебник даже не удостоил его ответом:

— Ну ладно... чтобы окончательно вас убедить... Куда вы теперь думаете направиться?

— Куда бы мы ни направлялись — тебе-то, приятелю Валька, это зачем? — сказал Эйрар, поглаживая рукоять меча. Однако потом сообразил, что от игры в вопросы толку не будет, и ответил прямо: — Если угодно — особенно никуда. Покамест мы двигались к дамбе, надеясь разведать, что происходит, а там уж думали и решить, что следует делать...

— Мудрое намерение, о достойнейший молодой вождь, но...

— В плавнях живут добрые люди, — перебил кто-то. — Они бы помогли нам выбраться к морю...

— И что с того, глупец? — повернулся к нему Мелибоэ. — Вплавь отправитесь на Джентебби?

Эйрар вновь вспомнил о Гитоне, и сердце заныло.

— Скорее уж мы пойдем в Салмонессу... если только это удастся. Там можно будет продолжить борьбу!

— И не только борьбу, а, молодой человек?.. — В голосе Мелибоэ явственно прозвучала ядовитая насмешка. — Но с этим тоже ничего не получится: Салмонесса сегодня стала ловушкой для всех, кому не по нраву Алый Пик. Или ты готов снова ввериться герцогу, чье злосчастье тебя чуть не сгубило сегодня?

— Хорошо, но куда же тогда? Ты нам прямо все пути отрезал, колдун!

— Не я, а Бордвин. Кстати, если вы пожелаете меня выслушать, то поймете, что пути отрезаны не все. Но для начала, юноша, приказал бы ты своим молодцам собрать сухих камышей да развести костерок. В

мои лета да в этих доспехах недолго и простудиться...

— Но ведь валькинги!..

— Э, молодой господин, хорошенького же ты мнения о старом философе, как я погляжу! Ручаюсь тебе: нас никто не найдет. А если сомневаешься — что ж, приставь ко мне парнишку с кинжалом, чтобы в случае чего успел меня покарать!

Некоторое время Эйрар молча смотрел на него, но волшебник не отвел взгляда. Тогда Эйрар отдал приказ, и алые язычки пламени озарили напряженные, угрюмые лица. Сварлога и Толкейла-мариоланца, вымокших, озябших, колотила крупная дрожь. Люди с облегчением потянулись к огню, начали тихо переговариваться, искать в сумках еду.

Висто обратился к волшебнику:

— Не припоминаешь меня, господин?.. Я — Висто с Вагея. Когда-то я просился к тебе в ученики. Я давал вождю Эйрару присягу на верность, как все, и пойду за ним, куда бы он ни повел. Если можно, я хотел бы только спросить: тебе-то какая корысть в нас, бездомных беглецах, объявленных вне закона?

— Помню, помню, — кивнул Мелибоэ. — И тебя, и почтенную даму, не разрешившую тебе стать моим учеником. Она еще жива?

Набрякшие снежной влагой камышовые головки шипели и трещали в огне. Вновь воцарилось молчание; волшебник смотрел в костер, и Эйрару показалось (хотя отблески пламени не давали сказать наверняка), то глаза его снова стали далекими, как в ту ночь, когда он рассуждал о злосчастии герцога и провидел грядущее.

— Не о том спрашиваешь, — медленно выговорил Мелибоэ наконец. — Тебе хочется знать, с какой стати я, любитель уюта и удобств, я, обласканный при дворе, вздумал разделять ваши тяготы? Между тем истинная причина, приведшая меня сюда, лежит глубже... Все дело в том, что я — верноподданный Империи и не валькинг по крови. И я отнюдь не желаю, чтобы граф Вальк вознесся чрезмерно высоко и в конце концов сверг с престола Дом Аргименеса...

В ответ послышались сдержанные смешки. Висто опустил глаза, но потом и сам, не выдержав, кашлянул.

— Не верите? — спросил Мелибоэ. — Ладно, можете считать, что у меня с графом личные счеты за то, что он воспретил изучать и использовать некромантические науки... конечно, за исключением тех случаев, когда это требуется непосредственно ему самому. Да, если Боги желают покарать мыслителя, они ставят его под начало какого-нибудь болвана... Или, допустим, мне прискучило одолевать пустячные препятствия: так лакомке надоедает даже паштет из угря. Кстати, все эти причины одинаково правдивы... и я перечислил не все. Человек руководствуется смешанными побуждениями, и я не исключение. Но в любом случае — я пришел спасти вас от смерти и ничего за это требовать не собираюсь. Так что давайте-ка перейдем к более полезным вопросам!

— Полезный вопрос, — сказал Эйрар, — касается того, стоит ли нам отправиться к великому барону Дейдеи? Он опоздал на сбор герцогских войск, но сила у него, надобно думать, изрядная?

— Если пойдете туда — расстанетесь с жизнью и проиграете войну окончательно. Дейдеи — умнейший негодяй во всем герцогстве, и когда-нибудь возглавит его, дай срок. Он люто ненавидит герцога Роджера, растлившего его дочь Мелину, и не долго думая переметнулся к Бордвину и епископам Храма, которые хотят посадить его на престол Салма и покончить таким образом с династией незаконнорожденных... Храм ведь никогда им не благоволил.

— Так, еще один путь отрезан. Похоже, ты ведешь нас за кольца в ноздрях, как бычков, не позволяя свернуть... Вот только куда?

— Кто не любит гнуть шею, тот часто спотыкается, — сказал Мелибоэ. — Знай же: дела ваши столь плохи, что во всех землях, прилежащих с севера к великому морю, осталась лишь одна сила, до конца враждебная валькигам. Это — герцог Микалегон, владелец крепости Ос Эригу.

Снова вокруг костра раздались смешки, кто-то бросил вполголоса: «Сумасшедший!..» Но в это самое

время один из сидевших поодаль предостерегающе вскинул руку, указывая в сторону поля. Там, в тростниковых зарослях, мелькнул свет факела, а может быть, фонаря: огонек двигался к ним. Мигом все оказались на ногах, и Сивальд проговорил тихо, но свирепо:

— Ну вот что, колдун... — Однако Мелибоэ лишь отмахнулся, как от назойливой мухи. Его пальцы переступали по мягкой земле, танцуя, вычерчивая замысловатые фигуры. Одновременно Мелибоэ негромко насвистывал какой-то странный мотив...

— А теперь — тихо! — властно приказал он, ненадолго оборвав свист. — Ни слова, ни звука, если не хотите, чтобы валькинги сделали из ваших черепов чаши для пира!

Эйрар жестом велел рыбакам подчиниться. По правде говоря, особого приказа им и не потребовалось: все так и замерли, боясь даже дышать. Мелибоэ творил волшебство, какого Эйрар никогда прежде не видел. Вот явственно слышались чужие шаги... ближе... еще ближе... остановились перед самыми тростниками, за которыми горел их костер. Долетел шепот и вдруг прорвался испуганным криком:

— Нет! Не пойду!.. И пусть дезерион говорит, что хочет, или сам лезет в это жуткое место! Здесь нечисто!.. Мы только что ясно видели костер и людей — куда они подевались?.. Смотри, как мерцают гнилушки... и что там так стонет? Ветер? Или... не ветер? Давай-ка отсюда!..

Подошедшие как будто попятились... потом кинулись бежать с отчаянными воплями: «Нет! Нет!..»

Губы Мелибоэ кривились в бороде, но слишком свирепо, чтобы можно было назвать это улыбкой. Рыбаки с облегчением переводили дух. Избавившись от смертельной опасности, они готовы были и дальше прислушиваться к советам волшебника. Впрочем, решать предстояло Эйрару: остальные были слишком измотаны долгим переходом, сражением и бегством. Вдобавок всех мучил голод. Кое-кто уже улегся, надеясь хотя бы поспать, и Мелибоэ, как все, расшнуровал на себе доспехи и снял их до утра. Эйрар выставил караульных, наказав дежурить по двое.

Ему самому так и не удалось уснуть почти до рассвета. Только под утро он задремал и во сне снова вздрагивал от лязга оружия и треска ломающихся копий. Он сознавал, что спит, и все пытался думать о Гитоне, и не мог, и стыдился этого. Все-таки он заставил себя мысленно произнести ее имя... но вместо Гитоны явился белый единорог, вынюхивавший что-то в зеленой листве.

Он проснулся совершенно разбитым и безуспешно попытался вспомнить, как выглядела любимая. Рассвет медленно сочился сквозь низкие, тяжелые тучи. Ветер раскачивал рыжевато-серые тростники. Кому-то удалось изловить пару уток, их собирались изжарить. Мелибоэ стоял поблизости, опустив голову на грудь и кутаясь в плащ. Борода чародея вилась по ветру. Он прижимался спиной к боку своего коня, неохотно щипавшего сухую болотную траву, что росла на их острове.

— С добрым утром, господин, и пусть оно вправду окажется добрым, — бодро окликнул Эйрара Висто. Он умудрился раздобыть хвороста для костра. Мелибоэ поднял голову и глянул на них откуда-то из иных миров. А потом — словно бы получив долгожданный сигнал — опустил на корточки и принялся чертить на земле пентаграмму. И не просто чертить, — время от времени он запускал руку в поясной кошель и сыпал в бороздку пентаграммы щепотки разноцветных порошков. Он явно собирался гадать; но каким образом, Эйрар плохо себе представлял, не видя привычного дыма. Рыбаки, греясь, сгрудились у огня и тихо беседовали, порою поглядывая через плечо. Утки уже жарились, ветер нес чудесный запах съестного. Пища и колдовство поспели одновременно. Когда все занялись едой, Эйрар спросил Мелибоэ, куда же все-таки, по его мнению, следовало направиться.

— Сегодня, — ответил волшебник, — нам ничто не грозит... если только ты не повернешь назад в Салмонессу. Решать, конечно, тебе, но я бы двинулся на юго-запад, прочь от дамбы, в прибрежную Мариолу, а оттуда — на северо-запад, пешими тропами через Мерилланские горы — это, как ты знаешь, отроги Кабаньей Спины — и далее в Хестингу.

Объясняя, он чертил на земле утиной косточкой план:

— К Марскхауну лучше близко не подходить: город окружен, в округе рыщут верховые...

Люди смотрели внимательно. Было видно, что перспективы отнюдь не казались им вдохновляющими — однако вслух никто ничего не сказал. Мелибоэ уныло разглядывал свой рисунок.

— Как я устал!.. — пробормотал он затем. — Ничто так не изматывает, как беспокойство... — и нашел глазами Висто: — Хочешь доброго совета, недоучка-подмастерье? Присмотри себе глупенькую милашку, женись, обзаведись хозяйством и разводи капусту. Удовлетворись этим и будь счастлив!.. Либо совершать подвиги, либо жить счастливо — то и другое вместе как-то не получается. Только вот без толку объяснять это беспокойным юным сорвиголовам вроде твоего вождя: такие, как он, вечно затевают войны и основывают королевства. Все мы дольше жили бы на свете, если бы у таких, как он, находилось поменьше сторонников!..

Висто засмеялся, а колдун продолжал:

— Впрочем, искать умиротворения — нисколько не легче... На свете полно жаждущих славы, кое-кто спит и видит, подбить свою мантию бородами королей... эти люди еще хуже первых, ибо способны свести с ума весь мир... Но она, она!.. Да, странная судьба тебя ожидает...

Сивальд на это проворчал, что маг, видно, слишком мало имел дела с дамами, чтобы судить. Вскоре они покинули островок, двигаясь почти в том же порядке, что накануне. Мелибоэ ехал в основной части отряда; он только снял с пики флажок. Ветер нес редкие снежинки — идти было заметно теплей, чем стоять.

Они шли уже около часа, когда остроглазый Эйрар заметил слева на холме нечто, двигавшееся против ветра. Наверяд ли там скрывались враги. Эйрар велел людям остановиться и отправил на разведку сразу четверых: там, за тростниками, могли оказаться свои или какое-нибудь животное, годное на обед. Рыбаки стали было ворчать — им не терпелось скорее покинуть гиблое место, — но вскоре разведчики возвратились, и радости не было предела: парни привели с собой Долговязого Эрба с маленьким отрядом, так что всех вместе их собралось уже двадцать два.

Некрасивое лицо Эрба жалобно сморщилось при виде Эйрара. Эрб стиснул руку юноши своими двумя, на глазах показались слезы:

— Это я виноват, что мы побежали вчера... — сказал он. — Раньше за вольными рыбаками такого не водилось... Будет справедливо, если ты заставишь меня носить свой лук... или еще как-нибудь прислуживать...

— Нет, — ответил Эйрар. — Мы все бежали и все одинаково виноваты. Их действительно было слишком много, да и полководцы их побольше думали перед сражением, чем наш трехпалый коронованный ублюдок, спрятавшийся за спинами своих Бритоголовых! А что касается стрельбы из луков, я подумал... — на самом деле ни о чем таком он не думал, эта мысль только что его осенила, — в конце концов, этому тоже надо учиться годы и годы. Так что отныне, пока я вождь, вы, вольные рыбаки, будете копыеносцами. Хотя сам я копыя не больно-то жалую...

Это снискало ему общие похвалы: поистине, за столь великодушным и мудрым предводителем рыбаки готовы были идти на край света и обратно. Эрб обменялся рукопожатием с Мелибоэ; тот и другой проделали это без особого удовольствия, не как друзья, скорее как два настороженно принимающих пса. Эрб одобрил распоряжение Эйрара держать впереди разведчика, лишь добавил, что, если их будет трое-четверо, нет нужды в дополнительном прикрытии. Эйрар согласился с ним и сделал, как он посоветовал.

Снег пошел гуще, началась поземка. К счастью, оттепель изрядно промочила болото, в топких местах снежинки падали в темную воду, зато туда, где намечались сугробы, можно было смело ступить. Оставалось лишь не заблудиться... а кроме того, донимал холод. Эйрар шел неподалеку от Мелибоэ, прикрываясь от ветра плащом, и чувствовал себя очень несчастным. Привычные рыбаки знай шутили: «Эй, на носу, снасти обледеневают!..»; «Юнга, живенько, подогрей-ка вина, да смотри, специи не забудь!..»

Эйрара все еще удивляло, насколько охотно они пошли за ним в неизвестность. Он поделился своим удивлением с Эрбом, и Эрб ответил:

— Никаких чудес... просто старый Рудр знал, кого отобрать на войну. Он отправил с тобой в Салмонессу большей частью одиноких ребят, которых особо ничто дома не держит... вот разве кроме меня. Мне-то пришлось пойти с ними за старшего... хотя там у меня осталась сестренка... трудно ей будет, бедняжке, без мужика в доме...

Эйрар тотчас вспомнил старую гримзу, явившуюся к нему за средством от крыс — и не расхохотался лишь потому, что Эрб отвернулся и, чуть не плача, шумно высморкался в два пальца.

Между тем земля под ногами сделалась тверже. Камыши сменились кустарником, начали попадаться низенькие можжевельнички и тисы, облепленные снегом. Эйрар подозвал ушедших вперед разведчиков, советуясь, как быть дальше. Иные предлагали устроить привал и переждать усиливавшуюся метель.

— Как только прояснится, — возразил Эрб, — верховые валькингов прочешут округу, ища беглецов и добычу. Надо идти!

И маленький отряд, тесно сбившись, двинулся дальше. Но миновал полдень, похожий больше на сумерки, и стало ясно, что особенно далеко они нынче не уйдут. Многие, в том числе Сварлог, уже спотыкались и стучали зубами от холода.

В это время передовые наткнулись на тропу, по которой местные жители, видно, гоняли коров. Эйрар решил проследить, куда она приведет, хотя при этом они и отклонялись несколько к югу от избранного направления — или того, что они считали нужным направлением. Тропа беспорядочно извивалась по отлогому склону, но решение Эйрара вскоре принесло плоды: в несущемся снегу замаячил сперва хлев, а затем, чуть дальше и ниже — крестьянский дом, под стенами которого намело уже изрядные сугробы.

Некоторое время на стук в дверь никто не отзывался, но стоило Эрбу громко сказать:

— Там, внутри, верно, никого нет — высадим-ка ее, ребята! — дверь распахнулась, точно по волшебству. На пороге появился крепкий, широкоплечий крестьянин. Крюконосый и мрачный на вид, он был не слишком высок для дейлкарла. Крестьянин помрачнел еще больше при виде двух десятков вооруженных людей. Он назвался Бритгальтом и не особенно охотно пригласил их войти. Перешагивая порог, Эйрар чуть слышно пропел:

— Горе, и слезы, и стенанья повсюду... — однако ответа не последовало.

В доме оказалась всего одна комната, в которую они все и набились. Двое сыновей стояли подле хозяина, такие же кислотицы, как и он сам. Женщин не было видно.

Эйрар подтолкнул Сварлога поближе к огню и стал греть воду, чтобы напоить парня горячим. Мелибоэ сбросил свои латы кучей на пол и уселся рядом со Сварлогом, невнятно бормоча и натянув на голову угол плаща. Зачем-то сунул палец в золу...

Эрб и Эйрар тем временем уговаривали Бритгальта продать им свинью за горсть серебряных айнов, собранных по карманам. Бритгальт взял серебро, и Висто с Сивальдом и одним из его сыновей отправились в хлев. Остальные молча грелись у очага, радуясь долгожданному теплу и крову над головой.

Свинина уже варилась — вкусный запах из котла смешивался с испарениями промокших одежд, — когда Висто вдруг спохватился:

— А где же тот малый, что ходил с нами в хлев?..

— Он вернулся с тобой, когда ты понес окорок, — сказал Сивальд, но Висто покачал головой:

— Нет, он пошел назад в хлев. Слушайте, а вдруг он заблудился в снегу?

Молодой рыбак готов был броситься на поиски, а на угрюмом лице Бритгальта появилось что-то вроде улыбки, но в это время Мелибоэ поднял голову:

— Он отправился навстречу конному разъезду валькингов — предупредить, что вы здесь.

Хозяин дома потянулся к ножнам на поясе, но Долговязый Эрб перехватил его руку и локтем сдавил предателю горло. Раздался крик, началась свалка: второй сын Бритгальта сцапал было охотничье копье, но на него налетело сразу несколько человек — все вместе покатились по полу, сокрушая утварь.

Голос волшебника перекрыл шум.

— Оставьте! — проговорил он, повелительно подняв руку. — Садитесь и ешьте спокойно. Думаете, зря вы возите с собой мага? Я-то ведь сразу понял, что это «союзники»... Когда хозяйский сын проходил мимо меня, я напутствовал его крупницей золы и коротеньким заклинанием, известным, кстати, даже вашему молодому вождю... Он собьется с дороги. Пожалуй, к весне отыщется его тело... или кости, если

волки почуют.

Бритгалът страшно выпучил глаза при этих словах. Брызжа слюной, он выкрикивал проклятия и бился так, что Эрбу, державшему его, понадобилась подмога.

— Мясо почти готово! — сказал Эрб. — А в качестве приправы — прежде, чем есть, вздернем-ка этих двоих вероломных на балке в хлеву!

Эйрар, чье сердце по молодости лет не успело еще очерстветь, хотел было вступиться, но одобрителный рев, раздавшийся со всех сторон, вынудил его промолчать. Когда яростно отбивающихся отца и сына выволокли наружу, Мелибоэ сказал ему:

— Мне приходилось видеть таких, что боялись раздавить даже жучка... Большой частью они со временем обращались к Храму и жили тем, что морочили головы набожным старушкам».

Той ночью Эйрар вновь долго лежал без сна меж громко храпевшими воинами. И вспоминал Гитону, гадая, можно ли на самом деле умереть от разбитого сердца. Еще он думал о старом Рудре и о том, как обошлись с его народом безжалостные каратели Бриеллы...

15. ХЕСТИНГА. НАСТАЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Звезды одна за другой загорались в небесах, но луна еще не взошла, когда Эйрар вышел из дому взглянуть на догоравший закат. В тот день они выжигали траву в поле, стоявшем под паром, чтобы легче было пахать. Дым еще плавал в безветренном воздухе по низинам, его запах примешивался к аромату только что проклюнувшейся зелени. Поодаль, между отрогами, бродила кобылица, возле нее резвился, скакал жеребенок.

Эйрар вздохнул полной грудью и огляделся. На севере и на западе громоздились изломанные кручи Драконова Хребта. На покрытых снегом вершинах лежали последние отблески уходящего солнца. Горы выглядели обманчиво близкими — казалось, до них можно было не спеша дойти за какой-нибудь час...

— И как ты думаешь, чьи это могут быть всадники там, возле рощи? — подал голос Долговязый Эрб. — Мои глаза, конечно, твоим не чета, но я думаю — вряд ли это Хольмунд с ребятами. Что-то их многовато!

Эйрар лениво повернулся, разминая руки.

— Скорее всего, они из Храппстеда, с юга, приехали за двадцать лиг, — ответил он Эрбу. — Помнишь, гостили здесь и еще собирались идти с нами через горы весной? Что ж, как раз и пора... — однако потом он взглянул из-под руки и встревоженно поправился: — Нет, Эрб, знаешь, ты был прав, их и в самом деле многовато... да и не похожи они на здешних... О! Сталь сверкнула!.. Поднимай-ка, Эрб, тревогу!

Эрб повернулся, раскрывая рот, но его опередил крик соглядателя, сторожившего, как было принято в Хестинге, в высоком гнезде на макушке крыши. Люди кинулись в дом и приготовились к обороне. Эйрар с Эрбом не забыли никого, даже повара, раба-миктонца, чистившего котлы.

Приближавшийся отряд в густых сумерках казался еще многочисленнее; все были хорошо вооружены. Лучники ждали у верхних окон со стрелами наготове, вдоль частокола притаились копейщики... но тут предводитель чужаков вскинул правую руку и выехал вперед, громко окликая:

— Эй, в доме! Это хутор Седу? — И когда из-за забора ответили утвердительно — прокричал во все горло: — «Горе, и слезы, и стенанья повсюду!..» А нет ли тут среди вас такого Эйрара из Вастманстеда, прозванного Ясноглазым?..

— «Погибает Дейларна!» — радостно отозвался Эйрар, выбегая из дверей. Он узнал голос, и точно: спустя мгновение охотник Рогей стиснул его в объятиях.

— Что слышно новенького, дружище?

— А ты, я смотрю, со свитой стал ездить, — сказал Эйрар. — Я-то ведь думал, ты либо погиб, либо за стенами отсиживаешься вместе с герцогом Роджером...

— Только не говори мне про Роджера! Редкий был негодяй, но теперь его нет больше, так что не будем о нем. Впусти-ка нас лучше!

Эйрар нынче был за хозяина на хуторе Седу, ибо владелец имения, Хольмунд-Коновод, уехал на несколько дней по делам. Как выяснилось, Рогей привел с собой чуть не тридцать всадников. Зажглись факелы, рабы повели коней в стойла и принялись накрывать в доме длинный стол.

Четверо, въехавшие в ворота первыми, вместе с Рогеем, были схожи между собой, словно четыре горошины: черноволосые, с одинаковыми белыми прядками на макушках и худыми, продолговатыми лицами. Эйрар страшно смутился, впервые увидев столь близко прославленных карренских Воевод. Что до Рогей, он держался с ними запросто, как равный.

— Альсандер, Плейандер, Эвименес, Эвандер, — представил он их Эйрару. Если Эйрар что-нибудь понимал, безусый Эвандер приходился остальным сестрой, а вовсе не братом.

— Очень рад, — один за другим буркнули Воеводы. Войдя в дом, они сразу направились к местам подле хозяйского — но на одном уже сидел Мелибоэ, а возле другого стоял Эрб. Эвандер скривил губы, остальные нахмурились, однако безропотно обошли стол вслед за Рогеем и уселись напротив. Эйрар последним из всех занял свое обычное место — по правую руку от Хольмундова хозяйского сидения, слуги

забегали, подавая еду.

— А теперь, предводитель Эйрар, расскажи-ка нам, как это ты с горсткой людей разогнал такую тьму кавалерии и исчез, точно под корой, — потребовал Рогей. — Занятная, должно быть, история, раз уж валькинги судачат об этом деле вторую зиму подряд!

— Гораздо занятнее, — сказал Эйрар, — как это ты выведал, о чем они судачат?

— Ну, с этим-то просто, — усмехнулся Рогей. — Дело в том, что Эвименес...

Карренец начал что-то говорить с набитым ртом, потом, не дожидаясь, проглотил:

— ...поймал валькинговского виконта и сварил его. Он был похож на рака, ха-ха-ха!..

— Как мы вызнали... — искоса взглянув на него, снова начал Рогей, но Воевода грохнул по столу кружкой:

— Я тогда прятался в замке у графини Далмонеи. После той битвы, будь она проклята, я вымазался ореховым соком и остриг волосы, притворяясь ничтожным миктонцем. Так вот, после падения Салмонессы этот самый виконт заявился конфисковать замок в пользу Валька, — а как же, ведь муженек моей графини погиб там в городе, во время штурма. Поглядел виконтишка на мою Далмонею — и надумал с ней переспать. Она, не будь дура, принялась строить ему глазки, но для начала предложила помыться, а мне, рабу, велела все приготовить. Ну, я завел недоноска в ванную и быстренько захлопнул за ним дверь, а потом знай подкладывал в бак раскаленные камни. Ну и славно же он повизжал, пока пар его не прикончил, ха-ха-ха-ха-ха!

— Ага, славно, — сказал Рогей и вновь глянул искоса, и Эйрар понял, что его новые товарищи не слишком-то ладили. — А потом ты сбежал и оставил ее отдуваться! Они же наверняка прислали людей выяснять, что такое с виконтом! Ты об этом подумал?

— А что, по-твоему, я должен был делать? — отвечал Эвименес, невозмутимо жуя. — Взять ее с собой? Пожалуй, далеко бы я ушел с этой неженкой на руках, ведь за нами гнались. Ну, да уж моя-то красotka не пропадет! С ее ножками...

— Погоня? Именно о погоне мы и хотели послушать, — перебил Рогей. — Давай, Эйрар, рассказывай наконец.

Эйрар посмотрел на молчаливого Воеводу Альсандера и невольно подумал, какими пустячными должны были казаться все его подвиги этим развязным и опытным полководцам, наделенным холодным и жестоким разумом, которому вполне соответствовали непроницаемые, жесткие лица... А всего больше Эйрару хотелось крикнуть: Рогей!.. Ты ведь был в Салмонессе — где Гитона?!..

Он уставился в свою кружку и сказал только:

— Мне нечем особенно хвастаться, господа... Наш философ, уважаемый Мелибоэ, заранее узнал об их приближении. Мы устроили засаду в теснине. Вот, собственно, и все.

Волшебник впервые поднял голову:

— Господа мои, только не верьте на слово нашему юному предводителю, чья скромность сравнима разве что с его воинскими делами. Что же до меня, я — всего лишь бедный философ, мало смыслящий в высоком искусстве войны. На мой непросвещенный взгляд, впрочем, больше чести истребить двадцать пять врагов в битве, чем одного — в ванной...

— Вот что, старик, — начал было Плейандер, но Эвандер-Эвадне, сидевшая подле него, накрыла его руку своей.

— Оставь, брат. Охота все же послушать, что там совершил этот славенький молодой вождь! — Эйрар вскинул глаза: голос у нее был гортанный и хриловатый, почти мужской. — Рассказывай же, господин философ, — продолжала Эвадне, — ибо из вашего вождя, видно, клещами слова не вытянешь.

— Ну что ж, это было так, — сказал Мелибоэ. — Когда мы пробирались сюда в Хестингу через Мерилланские горы, мое искусство помогло обнаружить неприятельский разъезд, двигавшийся по нашим следам. Мы тоже все были верхом, но наши кони устали, и следовало ожидать, что нас рано или поздно

настигнут. Я предложил присутствующему здесь молодому вождю подсунуть преследователям призрак и увести их далеко в сторону, но он не согласился. Он вспомнил, что мы только что миновали узкое ущелье, изогнутое, как собачья задняя лапа, не знаю уж, как оно называется...

— Каменный Проход, — подсказал мариоланец Толкейл, сидевший внизу стола.

— Да, подходящее название. Его склоны были сплошь загромождены валунами, покрытыми снегом. Так вот, наш юный предводитель велел всем вернуться назад и одних расположил у выхода из ущелья, за камнями, других, напротив, — у входа, перед изгибом, где оно было всего уже. Третьи залегли по сторонам. Когда же всадники оказались прямо под нами — право, любо-дорого было глянуть, как весело они мчались по горячим следам, — все разом выскочили и забросали их копьями и камнями. Видите ли, они не могли прорваться вперед, ибо там между скалами сидели копейщики, не могли и вернуться, поскольку вождь Эйрар застрелил из лука пару лошадей, загромоздив тропу. Склоны же были слишком крутыми для всадников и вдобавок скользкими от снега. Словом, когда человек двадцать пять пали мертвыми, остальные запросили пощады...

— Это все Эрб, — вмешался было Эйрар, но тут кулак Плейандера со стуком опустился на стол:

— И только-то?.. Может, для вас это в самом деле великая битва, но для нас — самая заурядная маленькая засада. Детская забава... ловля лягушек. То ли было дело во время войны с Полиолисом, когда наш брат Альсид...

Из четырех одинаковых физиономий его лицо выделяла чуть более тяжелая нижняя челюсть, впрочем, увенчанная все тем же фамильным подбородком, круглым в профиль и острым, треугольным, если смотреть спереди.

— Нет! — Эрб протестующе вскинул ладонь, кадык на длинной шее ходил туда-сюда от волнения. — Дело не в засаде, а в том, что было после, и вот тут-то наш молодой господин и показал себя настоящим вождем, можете мне поверить. Знаете, судари карренцы, я ведь из вольных рыбаков, что от века торгуют с вашими Двенадцатью Городами. И, между прочим, мой корабль стоял в Полиолисе у причала, когда Воевода Альсид устроил ту знаменитую засаду за стенами, о которой вы говорите. Но там речь шла только о битве: захлопнули ловушку — и делу конец. А у нас в Каменном Проходе только после боя главное-то и началось! Нам предстояло пересечь всю Хестингу с пленными, которых было чуть не больше, чем нас... либо всех их перерезать. Ну, будь я за старшего, у меня рука бы не дрогнула... у них ведь в кавалерии все больше язычники из Дзика, знаете ли... Только вот господин Эйрар, предводитель наш, умней оказался. Придумал ведь, как устроить, чтобы волки были сыты и овцы целы. Продержал их под стражей дня два или три и знай обсуждал с нами погромче, рубить им головы или не рубить, да все выспрашивал насчет ближней дороги в Дейдеи. И после этого позволил им удрать, нарочно затем, чтобы сообщили своим новости. Уж они сообщили своим новости. Уж они сообщили, ха!.. А мы себе спокойненько свернули в сторонку, и три дня спустя люди Железного Кольца уже вели нас по Хестинге сюда, в это убежище. Ну, то есть, как рассчитал господин Эйрар, так все и случилось. А что, неужто даже в осажденной Салмонессе об этом прослышали?

— Как раз перед зимним солнцеворотом, — ответил Рогей. — Вскоре после того, как Мелина, дочка барона Дейдеи, заколола герцога кинжалом прямо за обеденным столом... обиделась, понимаешь, что его светлость изволили к ней охладеть и завести новую любовницу — ага, ту белоголовую милашку, что еще одевалась мальчиком... ты еще все вздыхал по ней, дружище Эйрар. После убийства герцога я и смекнул, что падение Салмонессы не за горами, и счел за благо там не засиживаться. Вот когда, скажу вам, пригодились мне валькингговские значки, которые я стащил тогда в Мариаполе! Да... говорят, Бордвин Дикий Клык мало не рехнулся от ярости, узнав про вашу засаду. Не из-за потерь, конечно, какие там потери, — из-за того, что философ Мелибоэ ускользнул у него между пальцами. Он, видите ли, считает тебя, господин философ, своим злейшим личным врагом. Бордвин и сам волшебник хоть куда и принимает все меры, чтобы защититься от враждебного колдовства. Он решил, что ты применил новые чары, о которых он понятия не имеет!

— Никаких чар — только находчивость нашего молодого вождя, — сказал Мелибоэ. — Хотя, на мой взгляд, магией пренебрегли зря. Сейчас они чувствуют себя одураченными и хотят отомстить. Но если бы вмешались сверхчеловеческие силы, им бы осталось только смириться...

Все это время Эйрар сжимал руками край стола с такой отчаянной силой, что пальцы, казалось, готовы были вдавиться в твердое дерево. Ему не хватало воздуха. Наконец он сумел кое-как выговорить:

— Где она... теперь?..

Он смотрел на Рогея, и Рогей ответил:

— Мелина? Ее побили кам... погоди, ты про беленькую, должно быть? Я точно не знаю, но слышал, будто она просила, чтобы ее отпустили в Стассию

— испить из Колодца. А вот парня, приведшего девушку к герцогу — как бишь его звали, Уви? Ове! — так вот, его вздернули. Люди решили, что это он навлек несчастье на Салм, ведь после того, что случилось, барон Дейдеи перешел на сторону врага.

Эйрар оттолкнул свое кресло назад так, что оно не устояло и опрокинулось. Когда же он заговорил — сидевшие за столом разом смолкли и повернулись к нему. Собственный голос показался ему чужим и незнакомым:

— Господа мои... позвольте вас покинуть... у меня нынче выдался нелегкий день... Прошу вас, угощайтесь и веселитесь, а завтра поговорим о делах...

Провожаемый взглядами, он направился к двери. Он едва сдерживался, чтобы не пуститься бегом. Слезы душили его... Вот все и кончилось, мир рухнул. Добравшись к себе, он упал на кровать и разрыдался. Он знал, что это не по-мужски, но ничего поделать не мог...

Потом на его плечо легла чья-то рука. Он приподнял голову и увидел Мелибоэ, и в глазах волшебника ему померещилось сочувствие. Но старец молчал, и спустя время Эйрар спросил:

— Нет ли у тебя... заклинания от разбитого сердца?

— Сердца не разбиваются, — отвечал Мелибоэ. — А если даже и разбиваются, то быстро срастаются вновь, согретые теплом новых весен. Между прочим, девушка-воин очень ласково поглядывала на тебя. И, если я еще не ослеп, ее голос тронул кое-какие струнки в твоём сердце... которое ты с присущей тебе поспешностью величаешь разбитым.

Эйрар протянул было руку, но тотчас беспомощно уронил ее:

— Если бы я тогда наплевал на твое гадание и повернул в Салмонессу — я мог бы спасти ее...

— Спасти? От чего? Скоро она достигнет Колодца и обретет мир. Если ты не желаешь, чтобы ей было лучше, значит, твое чувство себялюбиво. А что касается гадания, оно ведь не солгало. Всем твоим надеждам и планам в Салмонессе грозила смертельная опасность!

— Но ведь Рогей вырвался...

— Вырвался, потому что не был по уши замешан во всех этих делах с ненавистью, любовью и убийством коронованного герцога. Лучше посмотри, как удачно для тебя все разрешилось. Тебе даже мстить некому, все твои обидчики уже мертвы — и Ове, и герцог. Не пора ли задуматься о вещах более значительных, чем объятия и поцелуи?

Эйрару безумно захотелось ударить Мелибоэ... Его лицо жалко исказилось, он выкрикнул:

— Ты не знаешь! Ты не... Нет! Я поеду за ней в Стассию...

Маг присел рядом с ним на кровать.

— Что ж, как хочешь. Может, тебе даже удастся добраться до какого-нибудь порта... до Наароса там или до Малого Лектиса... Милый мой, ты неглупый парень и когда-нибудь, я надеюсь, поймешь, что в этом мире за кого-то цепляться — значит отнимать шанс у обоих. Ну да, как же, боль утраты и прочая чепуха. Подумай, однако, сам — что ты утратил? Насколько вы в действительности знали друг друга и принадлежали друг другу? Ну, спроси себя не лукавя. Потеря, вправду способная потрясти — это потеря многолетнего спутника, к которому привык, как к себе самому. Хочешь, я создам видение, и оно доставит тебе точно ту же боль или радость? И тоже, кстати, лишь на краткое время, ибо любовь на всю жизнь — совсем другое дело...

Он извлек из кармана нечто, ярко блеснувшее в свете единственного факела, горевшего в комнате. Щелкнул пальцами и, бормоча, стал водить руками в воздухе, словно ткач за станком.

Вот перед Эйраром у стены затрепетала неясная тень... Тень росла, облакалась плотью... и наконец превратилась в Гитону — совсем настоящую, живую Гитону!.. Но лицо ее было неподвижным и отрешенным, как в то утро на Вагее, когда она бросила ему такие злые, хлещущие слова... И он вдруг понял, что именно это было правдой в их отношениях — именно это, а вовсе не призрачная, мимолетная нежность, добытая заклинаниями... И еще: теперь он знал, что Гитона присоединилась к его отряду только ради того, чтобы не оказаться выданной за него по воле отца... «Если бы это был Висто!..»

Видение рассеялось. Эйрар понял, что сам только что выкрикнул эти слова

— или что-то похожее.

На какой-то миг дьявольская улыбка скривила губы Мелибоэ... Потом волшебник сказал:

— Доброй ночи, молодой вождь. Завтра — новый день! Нас ждут горные дороги и великие битвы!

16. ПРАВОСУДИЕ В ХЕСТИНГЕ

Коновод Хольмунд, хозяин двора, приехал на следующий день. Это был рослый, рассудительный человек с изборожденным морщинами, бесстрастным лицом. Навряд ли он очень обрадовался, застав у себя дома такую толпу новоприбывших гостей — однако виду не подал. Когда собрали военный совет, он принялся обсуждать дальнейшие действия с невозмутимым спокойствием, словно речь шла не о сражениях, а о статях кобылицы. Кроме него, на совете присутствовал Рогей и, конечно, Эйрар, как предводитель самого многочисленного отряда; Мелибоэ, как предсказатель, и карренские Воеводы с сестрой. Долговязого Эрба на совет не допустили, хотя Эйрар и просил за него, считая Эрба разумным и опытным воином.

— Вокруг нас враги, — объяснил ему Рогей, — и я, в отличие от герцога Роджера, вовсе не расположен выбалтывать им наши секреты. Ну, да, твой Эрб, конечно, парень-кремень, но и у него, знаешь ли, язык есть во рту. И чем меньше будет языков...

Эйрар считал несправедливым подобное обращение с Эрбом, человеком безусловно преданным и вдобавок наделенным немалыми полномочиями. Но протестовать не решился, ибо на его глазах Хольмунд обошелся точно так же со своим собственным сыном:

— Вот выберут тебя Коноводом, тогда и будешь с нами сидеть. А пока — чем ты лучше всех остальных хуторян?

Что же касалось планов на будущее — Воеводы, как и Рогей, пребывали в полной растерянности. Все они — кроме Эвименеса — две зимы прятались в Хестинге, пока их не привели на хутор Седу люди Железного Кольца, проведавшие, что здесь находился Эйрар с Мелибоэ и наиболее значительным отрядом, уцелевшим после разгрома у дамбы. Но, по словам Хольмунда, скрываться далее не представлялось возможным. Как только подсохнут дороги, кавалерия Бордвина наверняка перевернет всю Хестингу вверх дном, выискивая беглецов. Кто-то предложил кочевать, не задерживаясь на хуторах подолгу.

— С одной стороны, вас слишком мало, с другой — слишком много, — сказал Хольмунд-Коновод. — Слишком много, чтобы жить подобно разбойникам, что гнездятся в ущельях Драконова Хребта и порою грабят наши стада. И слишком мало, чтобы поднять Хестингу против терций, сокрушивших Салмонессу...

— Кто хочет — всегда может сдаться на милость Империи, — заметил Рогей. И украдкой покосился на карренцев: как-то они примут эти слова?

— Не выйдет: нас всех прокляли, — ответил Плейандер, а Альтандер добавил:

— Не забывай, что наместником числится Вальк. Судить нас поручат ему — и уж он-то наматывает наши кишки на дерево. Право слово, Рогей! То ли ты веришь в его благородство, то ли у тебя мозги не в порядке...

— Не так, брат, — прозвучал хриловатый голос Эвадне. — Разве ты не понял, что эти полумужчины-дейлкарлы все еще подначивают нас, выясняя, можно ли нам доверять? — и повернулась к Рогей: — Вот что, хватит уже проверок! Мы все загнаны в угол и не выживем, если не будем доверять друг другу, как себе самим! Мы, братья-Воеводы, сражаемся ради чести — а кроме того, за плату. Того и другого нам в этой вашей ублюдочной войне, как видно, немного достанется. Да, мы пробовали договориться с графом Вальком. Мы обещали ему навсегда покинуть эту страну, если только он освободит из заточения нашего брата Эвида. Валькинги оказались невежами: либо полная сдача, либо и разговаривать не хотят. Так что мы теперь с вами... и безо всякой платы, если уже на то пошло, потому что нам нет места в Империи, а в языческие края мы и сами не поедem. Однако что нам теперь делать — ума не приложу!

Рогей улыбался — он выведал-таки все, что хотел. Потом покачал головой, мрачней:

— Обвязать тряпками шлемы и на время поднять зеленое знамя Дзика... иного пути я, честное слово, не вижу.

— А не попробовать ли вам пробиться в Ос Эригу, как я предлагал еще на болоте два года назад? — вставил слово Мелибоэ.

— Нет, нет, — раздалось со всех сторон. — Ничего не получится, герцог Микалегон — пират и разбойник, да и крепость его — на другом конце страны...

— А я слышал, что он человек щедрый, — сказал Альсандер. — Говорят, после боя все его люди получают равную долю добычи!

Остальные карренцы согласно закивали. И вскоре, мало-помалу, все присутствовавшие начали присоединяться, пусть и без особой охоты, к плану Мелибоэ; один Эйрар, уже обдумывавший его прежде, не произнес ни слова. По его мнению, затевавшийся поход ничем хорошим кончиться не мог. Да, герцог Микалегон наверняка примет их с радостью. Хотя бы потому, что Бордвин, усмирив Салмонессу, собирался повернуть свои терции на север, на Ос Эригу, а после — в большой завоевательный поход на Миктон, за новыми рабами для усадеб и мануфактур. Таковы, по крайней мере, были слухи, подхваченные Рогеем у солдатских костров...

Так или иначе, решение было принято. Оставалось обдумать маршрут. Отряд был все-таки довольно велик, а путь предстоял неблизкий.

Слово вновь взял Хольмунд-Коновод:

— Много троп ведет на юг и восток с хутора Седу к большаку, соединяющему Бриеллу с Марскхауном и Мариаполем. И всего одна уходит на северо-восток, через ущелья Драконова Хребта, прямо к истокам Белой реки. На этом пути, однако, не миновать узкой долины, через которую проложена дорога из Бриеллы в Белоречье и Наарос. Валькинги понастроили там укреплений и внимательно следят за дорогой. И это ущелье можно пройти только вдоль, ибо с севера над ним нависают горы Корсора.

К западу есть еще один перевал, — продолжал Коновод, — но им редко пользуются, так как он почти непроходим для лошадей... а про нас, хестингарцев, верно говорят, будто наши бабки водили шашни с кентаврами. Зато на этом пути вам пришлось бы миновать только одну — даже не крепость, а всего-навсего виллу, зовется она «Графская Подушка»; девятому графу Вальку случалось преклонять там голову. По имени виллы назван и перевал.

Этот путь выведет вас прямо в Белоречье. Он тоже пересекает большак из Бриеллы в Наарос, но те места изобилуют оврагами и перелесками, а чуть западнее начинаются Высокие Холмы Фроя, где легко заманить преследователей в засаду вроде той, что Эйрар устроил тогда в Каменном Проходе... — Хольмунд одобрительно глянул на юношу, не скупясь, в отличие от карренских Воевод, на похвалу для дейлкарла. И продолжал: — Когда спуститесь с холмов в Шелланд, можно будет двинуться к побережью и попробовать переправиться в Ос Эригу морским путем. А то поверните на север, к Ставорне. У Железного Кольца в этих провинциях немало сторонников — они проведут вас безопасными тропами...

— Нас шестьдесят, — скептически напомнил Плейандер.

— Ну и что? — пожал плечами хестингарец. Недовольный Плейандер хотел еще что-то сказать, но Альсандер, которого карренские братья считали главным своим знатоком по части походов и передвижения войск, уже засыпал Коновода вопросами:

— Каковы же расстояния, Хольмунд? И как там насчет пополнения припасов?

...Эйрар добросовестно заставлял себя слушать, но в голову сами собой лезли совершенно посторонние мысли. Никогда больше он не полюбит женщину, никогда. Теперь в его жизни будут разве что девушки вроде тех — из заведения Мамаши Корин в Нааросе, о которых ему рассказывал лучник Пертвит в тот самый первый день его скитаний...

Маленькое войско стало готовиться к выступлению. После ужина провели смотр, благо полная луна светила достаточно ярко. Их было шестьдесят шесть против всей мощи Империи: двадцать вольных рыбаков, двадцать два карренских конных латника, включая самих Воевод, остальные — большей частью мариоланцы, чьим вождем стал, конечно, Рогей. К нему же, как к наиболее известному дейлкарлу, пошли и примкнувшие хестингарцы — кроме троих, отдавших предпочтение Эйрару. До утра подъехали еще трое крепких парней с хутора Храппстед — и тоже влились в отряд Эйрара, так что в итоге у него оказалось даже чуть больше людей, чем у Рогей и Воевод.

Утром двинулись в путь. Это был первый день Месяца Волчат, и, хотя шел дождь, все сошлись на том,

что Крылатый Волк, древний символ Дейларны, посылал им свое благословение. Эйрар и Рогей ехали рядом во главе войска, вместе с проводником, которого дал им Хольмунд. Облака сочились влагой, равнины Хестинги пологими волнами уходили вдаль — не на чем остановить взгляд. Ехали медленно: почва здесь изобиловала норами грызунов, приходилось смотреть в оба, тем более что вольные рыбаки, прожив два года в Хестинге, так и остались весьма неуклюжими всадниками. Мелибоэ ехал сам по себе, нахохлившийся и ворчливый — как всегда, когда небеса принимались хмуриться над головой.

Проводник указал Рогею и Эйрару на сложенный из камней обелиск, показавшийся по левую руку:

— Мы, хестингарцы, редко проводим межи, — сказал он, — но издавна считается, что в этом месте Надел Седу граничит с наделом западного соседа. Здесь, под обелиском, лежит аббат Ставорны: девятый граф Вальк убил его на этом самом месте при похищении госпожи Деодаты...

Эйрар еще не слышал этой истории и собрался было скоротать путь, расспрашивая проводника. Но не успел он раскрыть рот, как сзади послышался шум, потом жалобный вскрик, и мимо промчалась неоседланная лошадь без седока.

Рогей с Эйраром одновременно повернули коней назад, туда, где за пеленой дождя беспорядочно крутились всадники. Но тут конь Эйрара все-таки угодил копытом в норку зверька, — Эйрар вылетел из седла и так ударился оземь, что голова пошла кругом. Подоспевший Висто помог ему подняться. Пока Эйрар ощупывал себя и стряхивал грязь, ссора там, позади, разгорелась вовсю. Кто-то уже валялся на земле, под копытами лошадей.

— Что происходит?.. — спросил Эйрар растерянно. Висто ответил:

— Похоже, южане передрались.

Молодой рыбак не ошибся. Когда они подросли, Рогей рвал меч из ножен, яростно крича:

— Раз так — посмотрим, кто кого!

Гибкий Плейандер протянул руку к палице, висевшей на луке седла, Эрб стиснул копьё, готовясь, кажется, защищать Эвадне в случае схватки, но Эйрар успел перехватить обоих коней сразу:

— Во имя всего святого!.. Вам что, не с кем больше сражаться, кроме как между собой?..

По счастью, дело еще не успело зайти непоправимо далеко. Рогей и Плейандер рычали, как обозленные псы, но все-таки дали себя удержать. Лежавший на земле человек приподнялся и сел, держась за голову. Дождь смывал кровь, сочившуюся между его пальцев. Это был миктонец и, судя по одежде — раб.

— Что случилось? Неужели нельзя... — начал Эйрар, но Эвадне толкнула пятками лошадь, выезжая вперед.

— Пускай он рассудит вас, брат! — воскликнула девушка. — Он не замешан в ссоре и к тому же неглуп и чистосердечен... как говорят. Пусть он и решит этот спор, а если мы не примем его приговора — что ж, отделимся от них и поедem сами по себе!

Плейандер что-то проворчал, меряя Эйрара презрительным взглядом. Но руку с рукояти палицы все же убрал. Рогей сунул меч в ножны.

— Ну? — сказала Эвадне и, наклонясь, притронулась к плечу трангстедца.

— Я, как один из карренских братьев, клянусь принять приговор, который Эйрар Ясноглазый вынесет по поводу происшедшего — или оставить дейлкарлов и никогда больше с ними не связываться!

Альсандер, подумав, повторил клятву сестры. Сердце Эйрара заколотилось у горла: ему предстояло судить людей поистине великих — хотя бы и попавших нынче в беду. И все-таки он сказал:

— Если вы мне доверяете — будьте добры не ставить условий. А не доверяете — ищите себе другого судью.

— Что, уже штаны промочил? — хмыкнул Плейандер, но Эвадне снова вмешалась:

— Не глупи, брат, парень прав. Слушай, разве мы ушли из твоего войска, когда ты заставил нас рыть

этот идиотский тоннель под наружной башней Филедии? Лично я приму его приговор, каким бы он ни был!

Эвименес заявил о своем согласии с ней, за Эвименесом — Альсандер. Последним, недовольно насупившись, сдался Плейандер. Эйрар повернулся к Рогей и одному из хестингарцев, тоже, как выяснилось, замешанному в деле. Они принялись говорить все разом, а к рабу-миктонцу подбежал другой и стал его перевязывать.

Эвименес повел речь от имени карренцев:

— Все из-за лошадей. У нас их в обрез, а ведь мы, чего доброго, потеряем еще пару-тройку в этих горах. Надо же иметь хоть несколько запасных, верховых и вьючных! А на здешних равнинах полно бесхозных табунов, вот мы и решили наловить себе лошадок. И вдруг подбегает этот немытый и верещит что-то на своем дикарском наречии, а потом хватает под уздцы лошадь Плейандера — чего тот, учти, даже и от меня не потерпит, куда уж там от раба. Плейандер и вмазал ему, как то пристало человеку наших кровей. Тут появляется Рогей и вступается, видите ли, за невольника, да еще кричит: «Воровство, воровство!» А мы, между прочим, покамест не пали так низко, чтобы кому-нибудь спускать подобные речи...

Эйрар повернулся к противоположной стороне:

— Это верно, Рогей?

Рогей ответил:

— Да, верно... если запретить называть черное — черным, а воровство — воровством. Я...

Плейандер с яростным ревом пришпорил коня, но Эйрар загородил ему дорогу, крикнув Рогей:

— Хватит оскорблений!.. — и вновь обратился к хестингарцу: — А ты — прости, не знаю, как тебя звать — что обо всем этом скажешь?

Человек с хутора Хольмунда поскреб мокрый щетинистый подбородок:

— Ну... в общем, чужеземец не так уж сильно приврал. Он забыл только упомянуть, что Рузи... невольник то есть... как раз и пытался ему объяснить, что эти лошади не бродячие. У них метки на ушах, вот посмотри. Рузи отстаивал хозяйское добро, как и следует доброму слуге...

Эйрар спросил Звездных Воевод:

— Вы в самом деле не знали, что в Хестинге коням метят уши?

Эвименес свел черные брови, но ответил:

— Не знали — клянусь честью солдата.

Альсандер согласно поднял ладонь.

— В таком случае, — проговорил Эйрар, — я нахожу, что вы хотя и обидели наших гостеприимных хозяев, но по незнанию и сами не желая того, и это вас извиняет... Деньги у вас с собой есть?

— Есть немножко, — проворчал Эвименес.

— Вы люди бывалые, — продолжал Эйрар. — Если вы говорите, что нам нужны еще лошади, значит, вправду нужны. Но за каждую обьезженную лошадь следует заплатить по меньшей мере пол-золотого человеку, представляющему здесь Коновода Хольмунда. Тебя устроит такая цена, друг? — Хестингарец кивнул, и Эйрар продолжал: — Что же касается раба, которому разбили голову, — пусть он получит виру в тридцать айнов.

Эвадне скривила тонкие губы:

— В нашей стране не платят виру рабам...

— А в нашей платят, — сказал Эйрар. — Ибо мы полагаем, что неволя — скорее беда, а не вина. С другой стороны, у нас не принято и доводить человека оскорблениями до кровопролития. Если, конечно, речь не идет о кровной вражде. Поэтому я считаю, что и Рогей виноват перед вами, а посему возлагаю на него виру в те же тридцать айнов, и пусть он сопровождает их извинениями, которые удовлетворят Плейандера из Каррены. Вот таков мой приговор.

Что ж, все остались довольны. Отряд благополучно двинулся дальше, люди хвалили Эйрара за справедливость, но сам он, по-прежнему ехавший рядом с Рогеем и проводником, узнал об этом лишь вечером, когда остановились на ночлег.

Они расположились поужинать в домике, сложенном из камней и земли, одном из многих, выстроенных хестингарцами на равнинах. В домике разожгли костерок из сухой травы, дававший тепла ровно столько, чтобы не лязгать зубами от холода. Волшебник Мелибоэ протиснулся на лучшее место и тихо сказал Эйрару, сидевшему рядом:

— Вот видишь теперь, молодой человек, как славно сочетаются моя философия и твои прекрасные свойства? Я-то ведь с первого взгляда понял — ты парень что надо, да к тому же из счастливчиков. А сегодня, благодаря маленькому испытанию, которое я тебе устроил, все поняли, какой вождь со временем из тебя выйдет... если только ты и дальше будешь разыгрывать из себя того же простодушного мальчика, что и теперь.

— Что?.. — изумился Эйрар. — Испытание? Ты мне устроил?..

— А кто же, если не я? Кто, по-твоему, сделал так, чтобы тебя сбросила лошадь и, соответственно, ты остался вне ссоры, а значит, смог по праву судить? А сама ссора?.. Эти карренцы не способны удержаться и не стащить, если что плохо лежит, — кидаются, точно орлы на кролика. Стоило лишь подгадать, чтобы им на глаза попались бесхозные кони...

Эйрар не ответил. Он думал о том, насколько счастливее была бы его жизнь, окажись Гитона хоть в половину так добра, как грубиянка Эвадне, девушка-воин из Каррены...

17. ГРАФСКАЯ ПОДУШКА. ВТОРОЙ СКАЗ О КОЛОДЦЕ

На другой день дождь еще моросил, но тучи приподнялись, и кое-где в небе проглядывала синева. Отряд пересек речку, быстро бежавшую между крутых берегов, и начал подниматься в предгорья. Слева и справа обозначились далекие кряжи, появились сосновые рощицы, заросли акаций.

К Эйрару, ехавшему во главе войска, присоединился Эвименес и с ним Эвадне, которую он называл «Эвандером» и «братишкой». Карренцы весело болтали, припоминая то одну историю, то другую, и Эйрару невольно подумалось — а ну как четверо Воевод посоветовались накануне вечером и решили, что он заслуживает их дружбы?.. Впрочем, все разговоры Эвименеса и Эвадне вертелись вокруг бессмысленных междоусобных войн Двенадцати Городов

— они называли их еще Додекаполисом, — и в основном сводились к тому, что в Народной партии, отстаивавшей интересы Империи, были сплошь изменники и мерзавцы.

— Мы зовем их смердюками, — сказал Эвименес. — Они теперь заправляют повсюду, кроме Филедии, но от Филедии нам проку немного: там на дух не выносят Каррены и знай радуются, что в нашем прекрасном городе к власти пришли смердюки...

— Есть еще Пермандос, — напомнила Эвадне. Эвименес кивнул:

— Да, Пермандос... одна надежда на лучшие денечки. Пермандосцы не станут вечно терпеть!

— Терпеть что? — не понял Эйрар.

— Выходки мерзавца Стенофона, которого они посадили себе на шею, разогнав законное правительство. Он, конечно, спадарион, но мозгов у него оказалось немного: быстренько заделался сущим тираном и велит убивать людей без суда и закона... Смотри-ка, а ведь погода разгуливается! — Эвименес глянул вверх из-под руки. — Да, Стенофон этот точно с цепи сорвался. Он же начал с того, что конфисковал все имущество членов гильдий

— а ведь именно им Пермандос обязан своим величием и расцветом. Это они покончили с пиратством и следили за честностью торговли!.. Ну, совать нос в чужой кошелек — тут уж все смердюки одинаковы. Но Стенофону мало добра, ему подавай и жизни! Он велел страшно пытать и казнить уже многих своих прежних сторонников — только за то, что их воззрения каким-то боком смыкались со взглядами сторонников партии Гильдий... Одно неосторожное словечко за обедом, и тебя волокут на дыбу!

— В Додекаполисе о таком прежде не слыхивали, — сказала Эвадне.

— И даже у валькинггов, как они ни дики, — добавил Эвименес. — Они, по крайней мере, позволяют человеку следовать любым убеждениям, лишь бы он не нарушал их порядков.

— Но откуда знать Стенофону, что там у кого на уме?..

— Да он и не знает. Не в том дело! Пермандос — деловой город, и там еще не забыли, как славно жилось при умеренном правительстве Гильдий. Они восстанут, и скоро! И тогда, Эвандер, мальчик мой, у нас появится сильный союзник. И мы еще увидим, как колышутся ветви олив над нашей Карреной...

— Оливы, точно зеленый дым по холмам над городом у берега моря, — мечтательно проговорила Эвадне. — О, наши холмы совсем не таковы, как здешние скалистые и безлюдные горы! Мягкие, круглые вершины... А какое там множество прохладных лощин, зеленых уголков и родничков, где можно переждать дневную жару, слушая музыку и потягивая вино... Слышишь, сударь Эйрар? Может статься — придет день, и мы все это тебе покажем!

Эйрар быстро глянул на нее при этих словах, казалось, стронувших в закоулках памяти что-то очень болезненное. Он попытался вспомнить, что именно, но не смог и сказал только:

— Сделай одолжение, господин Эвименес, растолкуй мне — с какой все же стати Империя поддерживает Народную партию в Двенадцати Городах? Ведь здесь, в Дейларне, имперские прихвостни за Валька горой, убить готовы, кто против...

— Занятный вопрос! — вмешался Рогей. — Рыцарь Ладомир Ладомирсон — единственный из всего нашего племени, кто вхож ко двору. Кстати, Эйрар, Железное Кольцо передало мне весточку от него. Он где-то в Скогаланге — держит связь с Железным Кольцом Наароса и тоже ждет лучших времен. Валькинги назначили награду за его голову!

— Что до твоего вопроса — не знаю, — сказал Эвименес. — Никогда не думал об этом. Эти колодезные евнухи знай только твердят: «мир, мир, порядок, порядок», и никому не дают ничего менять... кроме налогов, которые знай растут и растут!

— Дозволь сказать слово, братец, — проговорила Эвадне. — Ты, по-моему, попал в цель, но не совсем в яблочко. Вот смотри. Если бы эти сопливые ублюдки-империалы и вправду хотели только порядка и мира, как они повсюду трубят, — спрашивается, чего им не хватало в Каррене при партии Гильдий или хоть здесь в Дейларне, пока дейлкарлы жили свободными? Нет, им подавай не просто мир, они хотят, чтобы все было строго по-ихнему — никаких столкновений и никаких перемен. И никакой гордости ни у кого, разве что имперская. Послушай меня, братец: в Стассии хорошо знают, что люди, уверенные в ежедневном куске хлеба, нипочем не захотят перемен — даже если эти люди прикованы к жерновам, мелющим муку. Так что, в сущности, где разница между валькингами и смердюками? Ну да, действуют они малость по-разному, но суть-то одна: те и другие рады жить со свету все, что мешает людям смирно сидеть по местам... и оставаться безмозглыми, словно солнечные часы!

— Ну, братишка! — от души расхохотался Эвименес. — Что-то ты нынче заговорил прямо как тот унылый философ с бородой, поеденной молью!..

Эвадне залилась краской и принялась обзывать его старым козлом и еще словечками похлеще, так что Эйрар с радостью отъехал бы прочь, будь это возможно. Узкая тропа, однако, делалась чем дальше, тем круче; лошади шли медленно, пригнув головы, каждая словно тащила нагруженную повозку, сзади то и дело слышалось: «но, но, пошла!», а по обеим сторонам уходили в поднебесье лесистые откосы, снег под деревьями казался рябым от дождя.

Темный сосновый лес постепенно густел. Вот остался позади первый невысокий кряж, — и на противоположном его склоне могучие стволы и уступы скал прижали путников к самому берегу бешеной горной реки. Здесь проводник предпочел сойти с коня. За ним спешил Рогей, и Эйрар посчитал за благо последовать примеру охотника, выросшего в горах. Эвадне осталась в седле и посматривала на них с улыбкой, в которой на первый взгляд можно было заподозрить насмешливое превосходство, — но нет, улыбка была доброй.

Мариоланец отцепил от седла два дротика:

— Мало ли, вдруг медведи уже начали просыпаться, не вздумали бы напасть с голодухи... или горные кошки унюхают лошадей, тоже не лучше... зверюги, скажу вам, страшные!

Эйрар на всякий случай повесил за спину колчан и приготовил лук, взяв его в одну руку, а поводья — в другую.

И хотя никакое зверье в тот день на них не напало — трудов хватило с лихвой. Подъем оказался изматывающим и долгим. Начинало темнеть, пасмурные небеса понемногу наливались свинцом, когда неожиданно стало легче идти, и вскоре отряд оказался в горной долине, со всех сторон окруженной снежными пиками. Чаща уступила место широкому лугу, на котором росло всего одно-два дерева, а за ними, на фоне темного лесистого склона, показалась и вилла.

— Графская Подушка, — сказал проводник.

Снаружи вилла напоминала крестьянский дом с несколькими сараями, но все постройки были сложены из чужеземного дерева и ярко раскрашены. Альсандер и Плейандер выехали вперед, в голову войска. Вот проблеяла коза, звякнул колокольчик, и из зарослей высокой сухой травы навстречу всадникам вышел человек.

Приблизившись, они заметили у него алый валькинговский значок и невольно переглянулись. Однако перед ними был всего лишь ветхий, рассеянного вида старик. Вдобавок он был один.

— Добро пожаловать во имя Мира Колодца, — приветствовал он нежданных гостей. — Да, корм для

лошадок и солома в сараях на ночь у меня, пожалуй, найдется, но вот чем я буду вас угощать? Надо же, как вас много... как много...

И сокрушенно покачал седой головой.

— Об этом, дед, не волнуйся, — успокоил его Эвименес и отправился устраивать людей, не забыв, впрочем, дать знак Эвадне, чтобы не спускала со старца глаз: вдруг он не так прост, как притворяется. Вскоре сумерки озарились веселым светом костров. Проголодавшиеся люди взялись за ужин, от души хваля хестингарцев, припасших, по своему обычаю, вяленой говядины. Эйрар, Рогей и карренцы направились было к одному из костров, но тут подле них появилась Эвадне. Оказывается, старичок-сторож — по ее словам, малость выживший из ума и безобидный, как капустаный кочан — согласно давнему обычаю приглашал предводителей заночевать на самой вилле:

— Пошли, он там ужин состряпал, просит не обижать.

— Не отравить ли надумал? — усомнился Рогей. Эвадне только расхохоталась.

Они отправились на виллу, взяв с собой Мелибоз. Дряхлый валькинг выставил на стол отличную посуду и своими руками, в торжественном молчании подал им ужин — козленка, приправленного чесноком, — а после еды сел с ними у огня и обвел гостей старицки тусклыми глазами.

— Простите меня великодушно, благородные господа, но я должен поведать вам одну историю. Видите ли, прежде меня эту виллу сторожил мой отец, а еще прежде того — мой дед. Все мы носим одно и то же имя: Булард, и на всех лежал и лежит долг — рассказывать каждому проезжающему эту повесть, посвященную благословенной памяти девятого графа Валька. Увы, господа! У меня нет ни сына, ни внука, так что я, право, не знаю, кому этот долг перейдет после моей кончины, и...

— Ладно, рассказывай, дед, — буркнул Плейандер. — Только, если можно, давай покороче: сегодня мы одолели немалый путь и, ей-Богу, умаялись!

Старец вскинул обе руки к лицу, словно пытаясь схватить что-то невидимое, потом медленно опустил их. Руки его мелко дрожали.

— Не прогневайся, доблестный воин, — сказал он покаянно. — Я вовсе не имел в виду занимать твое драгоценное внимание рассказами о своей недостойной особе... да и как бы я отважился смешивать столь низменные материи со столь высокими и душеполезными — в этом последнем ты сейчас и сам убедишься, — я лишь тревожусь, что по бренности моей земной плоти наш мир в один прекрасный день невосполнимо оскудеет духовно... Так вот, благородные господа, вот она, история девятого графа Валька, Валька Благословенного! Знайте же, что это случилось во дни, когда страна еще кишела язычниками, и граф, исполняясь благой любви к Храму, отважно бился с ними там, внизу, в Белоречье; впрочем, это-то вам известно, моя же речь о другом...

Тут распахнулась дверь, вошел Эрб. Он хотел что-то сказать, но Эвадне жестом призвала его к молчанию и подвинулась, давая ему место. Эрб сел подле нее, робея по-мальчишески и стараясь не помешать старику.

— ...Знайте же, что граф Вальк был тогда совсем еще молод: его выбрали графом в неполные восемнадцать лет, дело неслыханное, но такова была его несравненная доблесть, не говоря уж о славном имени его отца. Говорят также, что среди всех Вальков он был прекраснейшим: рослым, как стройное дерево, с волосами гладкими и черными, как безлунная полночь, со смеющимися глазами и голосом, в котором, казалось, всегда слышался отзвук веселья... что говорить, счастливый принц, взысканный судьбой, совершенный телом и духом!.. Когда, одержав великую победу в Белоречье, он приехал в город Ставорну, народ встречал его как избавителя. В храмах шли благодарственные молебны, а потом устроили пир. Ах, какие там были белые скатерти, какая сверкающая посуда, какая еда!.. Тысяча свечей озаряла зал ратуши, и звучала музыка, и юный Вальк был всех веселее и громче всех пел...

Старец откашлялся, прочищая горло, и задребезжал:

Будем пить, до утра будем пить, позабыв о завтрашнем дне.

И всю ночь напролет любить — эй, подсядь, милашка, ко мне!..

Да, милостивые государи, легко представить себе, что служители Храма, присутствовавшие на пиру, отнюдь не пришли в восторг от таких песнопений

— ибо Храм видит свой первейший долг в сдерживании тех низменных и беззаконных страстей, о которых в них говорилось. И надо же, судьбе было угодно, чтобы по левую руку властителя Бриеллы в тот вечер оказалась молодая монахиня! Видите ли, все это происходило еще до того, как Храм изменил некоторые свои правила; в те времена полагали, что Божьим невестам следует посещать мирские праздники вроде этого пира, дабы изучать природу грехов и искушений, которые надлежит отвергать, а также, чтобы иметь представление о хитростях и уловках Дьявола и, стало быть, в случае чего наилучшим образом спасти свою душу. А кроме того, означенная монахиня имела самые веские причины пойти на тот пир, ибо это была не кто иная, как Эгонилла, дочь великого герцога Ос Эригу, вступившая в Ставорненский монастырь ради славы и святости тамошнего аббата...

Так вот, юная монахиня, чье кроткое сердце было преисполнено любви к Богу, веселилась вместе со всеми, хотя вина, конечно, и не пила. Когда же зазвучала столь разгульная песня, она осенила себя святым знамением и потупила взгляд. Ну, а графу Вальку к тому времени море было по колено. Говорят, он посмотрел на нее и заметил, какие длинные у нее были ресницы.

«Клянусь Колодцем! — вскричал он. — Вот сидит та, что могла бы любить меня всю ночь напролет! Слушай, крошка, а не поступить ли нам с тобой, как в песне поется?» — и обнял ее, милостивые государи, вот так прямо и обнял за талию. Поистине, скверный поступок; другое дело, что граф был тогда неразумен и юн, и потом, его дурные дела да послужат нам, грешным, наукой.

«Государь мой, — отвечала монахиня, — я привыкла любить не только ночи напролет, но также и днем: я знаю совершеннейшую любовь — любовь к Богу. Ты же обнял меня и тем самым, пусть мимолетно и во отрицание, но все-таки заронил в мою душу мысль об иной любви; поистине, мне следовало бы преклонить колена и принести покаяние. А посему, умоляю тебя, убери руку!»

«Чем больше искушение, тем слаще победа над ним!» — сказал Вальк, однако убрал руку и повернулся в другую сторону, отвечая на тост Но не успел еще он осушить чашу, как Враг рода человеческого нашептал ему новую мысль.

«Послушай! — сказал он сестре Эгонилле. — Вы, монастырские, время от времени выходите в мир посмотреть на все то, чего следует избегать. Что же, блажен тот, кто постигнет ловушки зла и научится не клевать на приманку! Однако ты, как я погляжу, ученица не из первых. Если ты до такой степени плохо представляешь себе мирскую любовь, что простое прикосновение кажется тебе ужасным грехом — это не добродетель, а простое невежество. Может, ты еще скажешь, что родилась от прегрешения своих родителей? Соединение мужчины и женщины — это таинство, а не грех!»

«Государь мой, — снова отвечала монахиня, — на всех нас — первородный грех, а святые таинства даруют нам его отпущение».

«Но если бы таинство вело к новому греху, — возразил он, — отпущение не имело бы смысла!» — и вот так они спорили, точно два философа на пиру, не обращая внимания на остальных. Когда же о том разговоре поведали благочестивому аббату, тот нахмурил брови и сделался очень серьезен, ибо понял, что граф, кажется, готов был впасть в страшнейшую ересь. Но стоит ли ссориться с тем, кого прозвали Мечом Храма?.. Итак, добрый аббат уполномочил сестру Эгониллу разъяснить графу его богословские заблуждения; ибо среди всех монахинь она в наибольшей степени обладала даром кроткого убеждения, и притом была достаточно знатной...

— Ясно, к чему идет дело, — засмеялся волшебник Мелибоэ.

Старец лишь глянул на него с мукой в глазах — точно так же, как конь по имени Пилль глядел когда-то на Эйрара, покидавшего Трангстед — и продолжал:

— Да, милостивые государи, пути Господни неисповедимы, и не нам с нашим простым умишком судить Божью премудрость. Граф и монахиня стали встречаться в приемной монастыря, что отнюдь не противоречило правилам, и беседовать сквозь окошечко в стене. Святейший аббат пожелал однажды принять участие в разговоре. Он вошел без предупреждения — и что же, вы думаете, увидел? Представить себе невозможно: они целовались и нежно ласкали друг друга сквозь это окошко!.. Аббат, конечно, тотчас

велел сестре Эгонилле вернуться в келью и наложил на нее строгую епитимью, а сам со всей любовью и кротостью принялся урезонивать графа. Но все без толку. Граф знай согласно кивал, а потом взял да и скрылся, и вместе с ним сбежала монахиня, ибо он сумел убедить ее, что без греха нет и спасения... как будто первородного греха недостаточно. Вот в те дни, судари мои, граф и велел выстроить эту виллу. С тех пор здесь ничего не изменилось. Вот здесь, на этом самом полу, сидел перед огнем победитель язычников, граф Вальк Благословенный... впрочем, тогда еще не благословенный... и с ним девица Эгонилла!

Что говорить, немалые беды обрушились тогда на страну. Укрощенные язычники, правда, покамест сидели тихо, зато старый Ос Эригу счел свою дочь обесчещенной, а с нею — и весь свой род; с другой стороны, епископы и аббаты углядели во всем этом большой урон для Храма. Герцог Ос Эригу не выпускал торговые корабли из Лектисов, Большого и Малого, и грозился войной, а в Норби пылали пожары, ибо он больше не сдерживал диких миктонцев, не ведающих закона Божия и людского. Да, государи мои, воистину тяжкие наступили времена! Кто только ни приходил сюда по дорогам и из Белоречья, и из Бриеллы, и каждый на что-нибудь жаловался, и то и дело прибывали послы из Ос Эригу и от имени Империи, так что влюбленным решительно некогда было уединиться. И вот наконец явился сам канцлер и рассказал, что Ос Эригу требует немедленно вернуть дочь — либо объявляет войну. Тут Эгонилла, сидевшая подле графа Валька, упала ему в объятия и зарыдала:

«Возлюбленный и повелитель!.. Ведь он погибнет, погибнет! Мой батюшка уже стар; если он вынудит тебя сражаться, так разве что себе на погибель!..» — Да, господа мои, вот на эти самые половицы, на камни этого очага капали слезы несравненной Эгониллы.

«Смерть и жизнь и мы двое, — сказал тогда граф. — Я променял великие планы на твою любовь, дорогая. И что же, я должен теперь тебя потерять? Никогда! Лучше уж откажусь от короны!»

«Какой смысл в этом? — возразила она. — Моего отца разобьет тот, кого изберут десятым графом Вальком, только и всего...»

Граф нахмурился и снял руки с ее плеч.

«Есть еще девятый Вальк: это я, — молвил он. Канцлер тогда кашлянул, желая говорить, но граф продолжал: — Это я, и я не стану воевать с отцом моей возлюбленной. Нет, я подниму знамя...»

«Против кого? — спросила она и встала перед ним, выскользнув из его объятий. — Придется тебе выбирать, любимый... нет-нет, и не пытайся сбить меня с толку поцелуями... Одно либо другое, третьего не дано! Или я сей же час возвращаюсь и принимаю всякое наказание, какое ни возложат на меня за наш сладостный грех... или мы вместе пригубим из Колодца чудес, из Колодца Единорога, и обретем умиротворение, которое он нам дарует!»

«Но ведь я воин! Мне надлежит вести терции валькинггов на врага!»

«А кто только что отказывался от мечты о величии — ради мира вдвоем со мной?»

И на этот раз, милостивые государи, победительницей в споре вышла она. Напрасно гневался граф, напрасно молил, тщетно напускал на себя холодность. Пришлось-таки ему уступить, и вот было объявлено, что они едут к Колодцу. Конечно, вельможи графства вовсе не пришли от этого в восторг. Нашлось немало таких, кто желал бы немедленно сместить графа и обрушить Ос Эригу в морские волны. Но тех, кто по-прежнему хотел видеть его на троне, в тот раз оказалось все-таки больше, и в особенности потому, что язычники не преминули воспользоваться разладом в стране и возобновили набеги. Ну а наши паломники... рассказывают, их приняли в Стассии со всеми должными почестями, и они испили из Колодца, как и многие прежде них. Правда, осушив чашу, они не ощутили в себе никаких перемен, так что на обратном пути оба чувствовали себя несколько странно и только гадали: каким будет умиротворение, которое им предстояло познать?

Немногие явились приветствовать Валька, когда он возвратился в страну. Когда же он вновь прибыл сюда, на виллу Графская Подушка, здесь ждал его лишь мой дед-сторож и с ним один-единственный гость — представьте себе, ставорненский аббат, вот уж воистину святой человек!

Мы не знаем, о чем они беседовали поначалу — только то, что ни слова не было сказано ни о каком

возвращении в монастырь. Добрый аббат поздравил их с обретением мира» но тут на лица влюбленных легла какая-то тень.

«Долгим было путешествие», — сказала госпожа Эгонилла, граф же добавил:

«И холодная встреча в конце. Что-то я не чувствую пока никакого умиротворения! Ос Эригу по-прежнему грозит война, только все дела с ним ведут теперь советники, как если бы я уже лишился короны!»

«Колодец никогда не обманывает, — ответил аббат. — Разве на корабле вы не вкусили мира и счастья вдвоем, как вам мечталось?»

«О да, конечно», — пробормотал Вальк и хотел, казалось, молвить что-то еще... но промолчал.

«Колодец никогда не обманывает, — повторил аббат. — Дело лишь в том, что никому не дано знать заранее, какого рода умиротворение ему суждено. Никто не волен понуждать Господа нашего поступать именно так, а не иначе. Наш долг — следовать тому пути, что Он нам предначертал...»

И вот тогда-то, милостивые государи мои, дама Эгонилла, все больше молчавшая с самого начала беседы, подняла голову, и прекрасные черты ее озарились внутренним светом:

«Святой отец! Отверзлись глаза мои, теперь я вижу свой путь! Так вот почему наша страсть обернулась унынием и скукой. Это потому, что я уклонилась от своего истинного пути! Нет мира и любви, кроме любви к Богу, ибо она есть сущность всякой другой любви. О, простите меня, отец!..» — и она повалилась на колени перед аббатом.

Вот как обернулось дело, и кто бы мог ожидать!.. Почтенный мой дед, находившийся тогда с ними в комнате, рассказывал: кровь бросилась Вальку в лицо, и, выхватив смертоносный кинжал, он воскликнул:

«Ты не посмеешь отнять у меня Эгониллу! Я лучше убью и ее, и тебя!»

«Спокойствие, сын мой, — ответил аббат. — Здесь больше нет Эгониллы...

— И, вынув скляночку святой воды, окропил коленопреклоненную даму: — Нарекаю тебе новое имя: отныне ты Деодата, сиречь Предназначенная Богу и к Богу Вернувшаяся. А теперь убей нас, если желаешь, сын мой, только помни, что вы пили с ней из Колодца, желая умиротворения. И ты обрешь умиротворение — хотя бы пришлось понудить тебя к тому розгой...»

Вскоре он уехал и увез с собой Деодату, точно так же, как сам граф некогда увез из монастыря Эгониллу. Вальк остался один. Говорят, спустя некоторое время он раскаялся в своей яростной вспышке и отправился следом за ними, желая помириться с Деодатой и подарить ей кое-что на память. А надобно молвить, святой аббат был тогда уже стар и не решился ехать в Белоречье горной дорогой, изобиловавшей оползнями. Вот и вышло, что они с Деодатой отправились на восток, через Хестингу, граф же поскакал на запад и в ближайшем хуторе Белоречья узнал, что они там не проезжали. И тогда-то, милостивые государи, несправедливый гнев разгорелся в нем с утроенной силой.

«Они обманули меня! — вскричал граф. — А теперь пытаются скрыться! Но нет, от меня им не уйти!..»

И повернул коня, и поскакал, как безумный, через перевалы Драконова Хребта, по кручам и чашам. Он настиг их как раз у выхода на равнину, налетел — и добрый аббат, обливаясь кровью, рухнул наземь с коня!

Мы не знаем, молил ли Вальк Деодату вернуться с ним сюда в горы, на Графскую Подушку. Но если и молил, так без толку: она лишь холодно глянула на него и поехала дальше — прочь. А вскоре на графа и на все его государство обрушились новые беды, ибо Империя объявила его вне закона за надругательство над Миром Колодца, а Храм предал его анафеме за расправу над добродетельным аббатом. Тогда непокорные дейлкарлы учинили восстание, и часть валькингов, подумав только, приняла их сторону. Пришлось графу Вальку вновь облачаться в боевую броню; но тут оказалось, что у прежнего несравненного полководца больше не было ни сил, ни желания драться, так что скоро враги оттеснили его назад в родные пределы. Проиграв наконец битву в Северной Хестинге, он бежал в горы Корсора. Погоня мчалась за ним по пятам, вскоре были схвачены все его люди, и он остался один. И вот под вечер попалась ему на глаза неприметная тропка, уводившая куда-то в сторону. Поехал по ней граф и вскоре увидел пещеру, а перед

пещерой — источник. Граф расседлал измученного коня и направился к пещере, думая отсидеться в ней либо ускользнуть от погони — и что же? Не успел он войти, как чья-то рука отдернула завесу у входа, и глазам его предстала госпожа Деодата.

Говорят, она сделалась еще краше с тех пор, как он ее последний раз видел, вот только теперь ее черты были отмечены воистину божественным спокойствием и благодатью. Она ужаснулась, увидев перед собой вооруженного мужчину, которого когда-то, в иной жизни, она так хорошо знала.

«Неужели, — воскликнула она, — ты никогда не оставишь меня в покое и не позволишь жить своей жизнью, как я позволила это тебе?»

Но он лишь горестно рассмеялся:

«Ты, как и прежде, слишком тщеславна и слишком высоко себя ценишь, дорогая моя. Я только что проиграл битву, я, как ты видишь, ранен и одинок

— и, конечно, явился сюда лишь за тем, чтобы тебя похищать. Отойди-ка с дороги: я собираюсь дорого продать свою жизнь. Есть ли другой вход в эту пещеру?»

В это время из долины послышались крики, и вот Деодата поглядела на него долгим взором, а потом спросила:

«Примешь ли ты умиротворение?»

И он ответил ей столь же долгим взглядом и преклонил перед нею колени:

«Да».

Так, коленопреклоненным, и застала его погоня.

«Госпожа! — вскричали подъехавшие — ибо в те времена все местные жители чтили святую монахиню. — Госпожа, позволь нам удалить с твоих глаз недостойного графа Валька, предателя и изменника!»

«Успокойтесь, — отвечала она, — ибо здесь больше нет графа Валька... — И, зачерпнув пригоршню воды из источника, окропила его: — Нарекаю этого человека новым именем. Отныне он зовется Теофилоном, что на древнем языке означает: Любящий Бога...»

И вот, милостивые государи, — те люди, что гнались за ним, принадлежали к Епископской партии, а посему не осмелились перечить ей и предпочли удалиться. Сказывают — после того, как граф Вальк вновь припал к Храму, он сделался славен не менее, чем сама Деодата; не зря его называют Благословенным и причисляют к Святым. А еще тогда же был издан указ, чтобы эта вилла, именуемая Графской Подушкой, вечно сохранялась в назидание потомкам, и чтобы при ней всегда жил кто-нибудь, кто давал бы приют всем проезжающим и рассказывал им эту историю. Вот так-то, государи мои!

18. КОНЕЦ ТРОПЫ. ПРЕДВОДИТЕЛИ СОВЕЩАЮТСЯ

...Спуск, как и ожидалось, оказался куда труднее подъема. И намного длинней: изрезанные оврагами долины Белоречья лежали гораздо ниже высокогорного плато Хестинги, опиравшегося на плечи Драконова Хребта. Тропа вилась по головокружительным уступам, и скоро они в самом деле лишились нескольких лошадей — как и предсказывал Эвименес. Хорошо хоть, горец Рогей чувствовал себя здесь в родной стихии: самолично разведывал опасные участки пути, а в одном месте, где тропа огибала скалу, нависая над бесновавшейся внизу рекой — заставил своих мариоланцев соорудить на скорую руку плетень, чтобы неверный шаг ни для кого не оказался последним.

Но кто мог предвидеть, что однажды, когда они заночуют в расщелине и совы бесшумными призраками заснут в отблесках костров — девушка-воин Эвадне вдруг поднимется на ноги и поманит Эйрара за собой в темноту?..

Мгновение Эйрар промедлил, растерянно соображая, следовало ли идти, но тотчас решился: собственно, а почему бы и нет?.. И шагнул вслед за Эвадне, негромко наказав товарищам отдыхать.

Ночь выдалась не слишком холодная. Погода последнее время стояла безоблачная, и даже здесь, высоко в горах, почки набухали по-вешнему. Между стволами плясали отсветы пламени. Спотыкаясь впотьмах, они наконец нашли удобный древесный корень и уселись.

— Послушай, друг Эйрар, — начала Эвадне. — Чего ты ищешь в Дейларне?

— Как чего? — отозвался он изумленно. — Освобождения от валькингов, конечно! Они не нашего племени, однако почему-то правят нами, и правят жестоко! Я же помню, как славно жилось у нас на хуторах, когда я был мальчишкой. Мы были добрыми друзьями и честными соседями и сходились все вместе повеселиться в праздник. А теперь? Мы-то еще продержались подольше других... Всюду магнаты-валькинги и рабы-миктонцы, а нас сгоняют с земель!

— Брось читать мне смердюковские проповеди! — презрительно фыркнула Эвадне. — Да плевать я хотела на «всех», я про тебя спрашиваю, про тебя одного! Для себя-то ты чего добиваешься?

Он долго молчал, но в ответ смог лишь сказать:

— Не знаю. Я... как-то не думал...

— Ну-ну. Так я и поверила, будто ты лезешь в огонь из одних высоких побуждений и ради общего блага... точно святоша какой-нибудь или империал. Вот что, давай-ка без трепачки: чего ты на самом деле хочешь? Дворянского титула? Надумал заделаться рыцарем и держать в страхе язычников? Или тебя, как того недоумка-графа, разлучили с красоткой, и ты жаждешь ее отвоевать?

Эйрара бросило в жар, потом в холод. Казалось, хлынувший пот так и замерз прямо на коже.

— Возлюбленной... у меня... нет, — выдавил он с трудом. Дальше пошло легче: — А за титулами мы, дейлкарлы, не больно гоняемся. У нас, если надо, созывают сходку и избирают вождя. Мы считаем, что люди имеют право следовать за тем, кто им по сердцу.

Ее смех прозвучал, как таяние лисички:

— Чего еще ждать от крестьян! Однако, я смотрю, ты и сам из таких же: дальше завтрашнего дня не заглядываешь!.. — Эйрар уже довольно освоился с темнотой, чтобы заметить, как она отвела взгляд, прежде чем тихо добавить:

— А ведь кое-кто мог бы указать тебе более достойную цель...

Ее колено коснулось его колена. От звуков тихого, хриповатого голоса, от этого прикосновения у Эйрара мурашки побежали по телу. «Можно ли обнять ее?..» — пронеслось в голове. Как жаль, что он был столь мало сведущ по части придворного обхождения. Промедлишь — и окажешься в дураках. А еще была боязнь обидеть ее и смутное чувство, что тем самым он как бы продает ни за айн карренцам свой меч... Так он ни на что и не решился, лишь тихо вздохнул.

Эвадне повернулась к нему и вновь рассмеялась:

— Да, приятель. В свиньях ты определенно больше понимаешь, чем в людях.

Тут он смекнул наконец, что безвозвратно упускает нечто важное, неуклюже потянулся к ней... но опоздал и самым плачевным образом растянулся поперек корневища, на котором они сидели. Эвадне легко увернулась и встала:

— Продолжим в другой раз, мой... — договорить ей не пришлось: громадная горная кошка беззвучно свалилась ей на голову откуда-то сверху, из путаницы черных ветвей. Краем глаза девушка успела заметить опасность и увернуться, но не вполне: когтистая задняя лапа зацепила плечо и швырнула ее наземь. Эвадне отчаянно закричала. Эйрар мгновенно выхватил свой нааросский кинжал, бросаясь на выручку, но, опередив его, из-за деревьев ринулась какая-то тень с копьём наперевес. Горная кошка как раз припала к земле, готовя новый прыжок — копьё ударило ее в брюхо. Жуткий звериный вопль заглушил крики Эвадне. Пронзенная кошка ползла вверх по копьё, полосуя отточенными когтями. Подоспевший Эйрар ударил кинжалом, кинжал скользнул по гладкому меху, одевшему железные мышцы, но юноша схватил кошку за шиворот и со второго удара вогнал лезвие ей в горло. Горячая кровь хлынула ему на руку. Он отскочил, ударившись о дерево... и только тут услышал встревоженные крики и увидел людей, бежавших к ним с факелами в руках.

Эйрар поднялся. Первым к месту схватки примчался Альсандер:

— Братишка, малыш, что с тобой? Ты ранен?..

В голосе храброго и всегда хладнокровного воеводы слышался неподдельный испуг.

— Царапина! — отнимая руку ото лба, отвечала Эвадне. Парень с копьём — оказывается, это был Эрб — вдруг жалко сморщился и, отвернувшись, высморкался в два пальца, пытаясь скрыть слезы.

— Ты спас мне жизнь! — торжественно сказала Эвадне, подавая ему руку. И ушла с ним, даже не взглянув на Эйрара. Следом уволокли кошку — снимать шкуру на память о происшедшем. Эйрар вернулся к костру и расстелил одеяло, чувствуя себя неотесанной деревенщиной и предвидя, что не скоро заснет.

Мелибоэ мирно похрапывал по другую сторону огня; казалось, шум и гам его нимало не потревожили. Он приоткрыл глаза и сонно спросил:

— Ну так что, переспал ты с ней наконец?

Эйрару до смерти захотелось всадить в него окровавленный кинжал по самую рукоятку... волшебник повернулся к нему спиной и вновь безмятежно захрапел.

Утром отряд продолжил свой путь — нелегкий путь сквозь теснины и по узким уступам. Около полудня выехали к хуторку: в горной долине приютился домик, крытый соломой, вокруг паслись козы. Молчаливый хозяин глядел туповато и ничего не ответил на «Горе, и слезы, и стенанья повсюду...» — а впрочем, он производил впечатление честного малого, да и волосы были светлые: настоящий дейлкарл. Проводник-хестингарец не знал дальше дороги, и по совету Эвименеса в долине устроили привал, лишь несколько мариоланцев Рогая, привычные к горам, отправились на разведку.

Воины отдыхали, болтая о том и о сем, в том числе и о приключении с кошкой. Мелибоэ отозвал Эйрара в сторонку.

— До каких пор я должен буду водить тебя за руку, юноша? Я гадал: эта девушка должна принести тебе удачу. Ты же умудрился каким-то образом упустить шанс, который я тебе предоставил. Послушай, я же не могу ее к тебе привязать! И попробуй-ка теперь заставь ее тебя простить. Мужское безразличие женщины ох и трудно прощают...

— Да не нужна она мне! — огрызнулся Эйрар, помимо воли вспомнив рассказ, услышанный когда-то на йоле: о гордой королеве Край и о несчастном короле, ее муже.

— Нужна, не нужна... — проворчал Мелибоэ. — Никто не заставляет тебя жениться, переспи с ней, и все, это же карренка. Если приспичит, ну, наплетешь что-нибудь там о вечной любви, язык не отвалится. Зато развлечешься, да и Воеводы — твои с потрохами. Я-то уж знаю, о чем говорю: ей они ни в чем не откажут.

Эйрар молчал, не ведая, как объяснить старому цинику — предать таким образом Эвадне значило предать себя самого. Заполучить карренские мечи, отдав в обмен свою душу?.. Но Мелибоэ живо утопит все его доводы в своей философии, точно так, как мудрец Астли — доводы того древнего короля. Нет, требовались иные причины.

— Ты, конечно, мастер гадать, — сказал он наконец. — И, наверное, вправду знаешь, о чем говоришь. Но не выйдет ли, что союз, столь легкомысленно заключенный, и расторгнут будет так же легко?

— Ну и что? Найдутся другие союзники. Высот можно достичь, лишь прыгая по ступенькам... хотя бы они тресали и ломались под ногами. Если же тебе всего милее надежность... отправляйся к Колодцу. Или иди в услужение к Леонсо Фабрицию вместе с папашей...

Он отвернулся и хотел идти, но Эйрар, не стерпев, удержал его за руку в меховом рукаве:

— Хорошо, будь по-твоему... но с одним условием, слышишь? Хватит помогать мне магией и заклинаниями! Что я, сам без Семи Сил уже сделать ничего не могу?

— Да делай, делай все сам, кто тебе мешает! — бросил Мелибоэ через плечо. — Я только даю тебе возможность что-то сделать! Не более!

В это время стали возвращаться разведчики, и предводители собрались послушать, что они скажут.

Оказывается, в долинах Белоречья, прилегавших к хребту, люди жили тихо и мирно, совсем как в старые времена. Валькинги сюда редко заглядывали. Их здесь мало что привлекало — разве только серебряные копи на севере провинции. Поэтому стоящих сведений разведчики не добыли. Те, что ездили на юго-запад, смогли рассказать лишь о том, как набрели на дорогу и доехали по ней до какой-то горюшки, с которой был виден небольшой торговый городок. Воины понаблюдали из-за деревьев за людьми, сновавшими туда-сюда по своим делам — и вернулись не солоно хлебавши.

— Молодцы, что не полезли на глаза горожанам, — похвалил разведчиков Эвименес. — Наверняка там так и кишели «Союзники»! Премся без дороги неведомо куда, до побережья еще шагать и шагать, про безопасное убежище я уж и не говорю... только погони нам для полного счастья не хватало!

Ездившие на запад не нашли вообще ничего, зато изрядно намучились, карабкаясь по кручам, скалам и буеракам. Собственно, именно в ту сторону и следовало бы двигаться, — но всем было ясно, что с лошадьми туда нечего и соваться, разве только при последней нужде.

Посланные на север уперлись в неприступные откосы; эти трое доставили лишь дичь, подстреленную по дороге.

Последними вернулись ездившие на северо-запад. Они привезли с собой человека — здоровенного бородача, одетого по-белореченски. Он настороженно оглядывался кругом, с подозрением — не хуже Рогея — косясь на карренцев с их невиданными доспехами. У него было железное колечко на большом пальце руки. Мариоланец Толкейл, ездивший с разведчиками, рассказал, что белореченец первым напел им песню-пароль и, видно, не только ее имел за душою.

Немного успокоенный рассказом предводителей о том, что их сюда привело, о Салмонессе и Эйраровой битве в Каменном Проходе, он поведал им местные новости:

— Мы, в общем, слышали, будто на юге что-то там такое творится... Но что именно? К нам сюда, в долины, если какие слухи кто и заносит, так только торговцы шерстью, что ездят на ярмарки в Ставорну и Наарос... Осенью, ничего не скажешь, ярмарка прошла почти как обычно, а весенняя будет только через неделю, так что... В этом году валькинги запретили все празднества и собрания на зимний солнцеворот. А еще пригнали миктонских рабов — строить новые укрепления вдоль большака, что ведет из Бриеллы восточными долами — он потом поворачивает на юг, через Вастманстед к Нааросу. А еще — дело неслыханное! — в долине Годмансдаля всех дейлкарлов согнали с земель либо выкупили наделы — и на их месте тут же устроились колонисты! Частью это ветераны-терциарии, но другие... при них женщины, а сами они такие из себя невысокие, все больше темноволосые да рыжие, и кожа

— точно немытая. А как едят! — тьфу, лежат!.. — и не говорят по-людски, а будто мяукают: ау-вау-вау...

— Салмонесцы! — переглянулись предводители, а Мелибоэ добавил, что в бытность его при

графском дворе тамошний совет именно это и обсуждал — как бы понадежнее укрепиться на вновь завоеванных землях, — и было решено повсюду сажать переселенцев с других территорий:

— Они же двумя руками будут держаться за валькингговскую власть, чтобы только выжить. Думаете, зачем бы еще графу понадобилось так потворствовать купцам-дейлкарлам, обосновавшимся в Двенадцатиградье? У него ведь, кажется, и без них дела неплохо идут. Но он знает: придет день, и эти дейлкарлы будут драться за валькинггов — в Каррене, Пермандосе, Бербиксане, Полиолисе... всюду!

— Пусть попробуют, — сухо заметил Альсандер. Однако потом, поразмыслив, засыпал чародея вопросами об этих переселенцах, о купцах и обо всем, что было с ними связано. Его с трудом уговорили повременить: надо же было выслушать белореченца до конца.

— Насколько я понимаю, — продолжал тот, — вы теперь направитесь либо в Ставорну, либо на шелландское побережье. Если хотите совета — двигайтесь лучше к Ставорне. Ну да, трудновато, конечно, скрытно провести такой здоровый отряд мимо гарнизона в крепости и мимо города, тем более, что через перевалы Корсора ведет одна-единственная дорога. Зато Высокие Холмы Фроя, которые вам предстоит миновать, совершенно пустынные. А в Шелланде у Железного Кольца не так-то много сторонников. Дело в том, что Вальк взялся оборонять тамошних жителей от морских пиратов, то и дело нападающих из Ос Эригу и из языческих краев...

— Но ведь именно в Ос Эригу мы и... — начал было Плейандер, но Эвадне стиснула его руку, и он поспешно прикусил язык. Впрочем, рассказчик мало что услышал за шумом, царившим вокруг. Не заметил он и движения Эвадне: уже вечерело, в долине зажигались костры. Он продолжал увлеченно:

— Я, правда, не знаю, много ли у вас провианта... и как долго вы сумеете оставаться незамеченными... такой большой отряд! У нас тут, чтобы вы знали, охотники один другого искусней, пересчитают все стрелы в ваших колчанах, а вы и не заподозрите, что кто-то вас видел. И «союзников» хватает, что говорить. Да, на вашем месте я бы поостерегся, ибо вон за тем лесистым отрогом, — он показал рукой, где именно, — проходит большак и на нем стоят укрепленные форты. И, между прочим. Железное Кольцо выведало, что по этой дороге как раз движется целая деция солдат: завтра днем они будут здесь. Стоит им пронюхать, что в долине прячутся восставшие дейлкарлы...

Рогей только присвистнул.

— Что еще за деция? — насторожился Плейандер.

— Полная и отлично вооруженная, только что из Бриеллы. Сорок пять терциариев и «союзники» при них — все как положено.

— А наших — не более двадцати, — нахмурился Плейандер. — Многовато, чума их заberi!

— Многовато, — неохотно согласился Рогей. — Может, правда лучше отсидеться? Укроемся по склонам, в лесах... назад в Хестингу перевалим, если совсем уж туго придется. Мои горцы разыщут безопасные тропы, я за это ручаюсь.

— А как же наши конные латники? — хмуро спросил Альсандер.

— Латы придется бросить, а может, и коней. Жизнь-то дороже.

Худое лицо Плейандера потемнело от ярости.

— Ну довольно! — взорвался он. — Больно много берешь на себя, мариоланский смердюк! Все одно к одному, братья! В этой Дейларне все только и смотрят, как бы загнать нас в угол! Я теперь, кажется, понимаю, в чем дело — особенно после того, как проболтался старый колдун! Сколько пообещали вам старейшины Филедии за головы Звездных Воевод, ну-ка?

Рогей отскочил в сторону, хватая кинжал, готовый бросить в глаза карренцу непоправимые, разящие слова... по счастью, Эйрар успел крепко схватить Рогей за плащ, Альсандер же тем временем успокаивал брата:

— Среди нас нет предателей... ну, наговорили глупостей, с кем не бывает. А что до валькинггов... я думаю, лучше всего нам остаться здесь, в этой долине. Может, мимо пройдут. Или, я не знаю, попробовать заманить их в засаду... хотя погодите-ка! — и обратился к Мелибоэ: — А не мог бы ты, господин

заклинатель, устроить этим ребятам что-нибудь наподобие слепоты или там слабодушия — чтобы прошли себе с миром?

Волшебник угрюмо покачал головой:

— Нет. Если там в самом деле терциарии, они наверняка надежно защищены. Я сам учил Бордвина Дикого Клыка, как это делается. Чары, направленные против этих людей, только падут на голову тому, кто их пытался наслать.

Эвадне пятерней убрала со лба черные волосы, стриженные коротко, почти как у братьев:

— Если бы с нами был наш Альсид!.. А впрочем, здесь сидит предводитель, однажды устроивший валькингам совсем не слабую засаду в... как бишь его? Каменном Проходе. Ко всему прочему, наш длинноногий лягушонок еще и ведет самый крупный отряд. Почему он молчит?

— Потому, — ответил Эйрар, — что в подобных делах я и в подмастерья вам не гожусь. Но если на то пошло, я бы для начала предложил не тратить времени попусту, а сразу решить: деремся или бежим?

— Бежим, — сказал Рогей. — Лично я никакого бесчестия в этом не вижу. Их много, и вооружены они не чета нам.

— Да, я бы тоже не советовал связываться, господа, — поддержал его белореченец, но тут же смущенно заморгал, и все поняли, как не хотелось ему, чтобы сражение нарушило мирную жизнь обитателей долин и навлекло на их головы неизбежную кару.

— Для начала — ты прав, Эйрар, — медленно выговорил Альсандер. — Дальше что?

— Дальше надо позвать Долговязого Эрба и выслушать, что он предложит.

Карренцы недовольно переглянулись, Плейандер вполголоса пробормотал что-то нелестное о крестьянах, однако Эвадне с восторгом поддержала Эйрара, а когда Эрб пришел — за руку усадила его рядом с собой и не преминула вновь воздать должное его отваге и силе, отчего Эрб покраснел, как мальчишка.

Альсандер в задумчивости теребил пальцами подбородок:

— Скверное это занятие — бегать... Мы вот все бегаем и бегаем от них, ну и что — много набегали? Войны так не выигрывают. Я вам больше скажу: нынешнее дело для нас вроде испытания. Чем бы ни кончилось, будьте уверены, шум пойдет на все Белоречье. Если нынче отступим — навсегда распишемся в том, что у нас кишка тонка против них драться — разве только числом давить. Люди склонны уважать силу, и ничего тут не поделаешь. Сколько бы вы, дейлкарлы, ни плевались по поводу Алого Пика Бриеллы — ничего, как-нибудь притерпитесь, приживетесь, со временем заделаетесь примерными подданными и внукам то же накажете... если сегодня мы не попытаемся что-то изменить. Нам, четверым, собственно, без разницы, мы — карренцы и еще не позабыли, в какой стороне наш дом. А вы, дейлкарлы... нынче судьба испытывает ваш дух, и оружие тут — дело десятое...

Эйрар различил насмешливое фыркание Мелибоз: колдун сидел чуть поодаль, зябко кутаясь в плащ.

— Тебе, как всегда, нет равных в стратегии, брат, — сказал Эвименес. — Остается маленькая загвоздка: как же нам их все-таки расколотить?

— А вот как, например, — подал голос Плейандер. — Пусть сколько-то дейлкарлов выйдет им навстречу, этак тихо-спокойно, но с оружием под полой. Пусть скажут, что, мол, желают присоединиться к «союзникам». А когда те сломают строй и столбятся вокруг — пускай по условленному сигналу разом выхватывают мечи и налетают на ближайшего врага. Да, еще надо где-нибудь на дереве пристроить соглядатая. Он даст знак, и наши карренцы всадят в них пики, прежде чем они успеют снова построиться.

Мелибоз поднял голову и, казалось, хотел что-то сказать, но Рогей опередил его:

— Здорово!.. А ты, Плейандер, право, не такой уж дурак, как я было подумал?

Эйрару, напротив, предложенный план совсем не понравился, он только не взялся бы сразу сказать, почему. Он увидел, как нахмурился белореченец. Эрб же кашлянул, прочищая горло, и Эйрар кивнул ему — говори.

— Мы — всего только вольные рыбаки, — начал Эрб. — Мы тонкостей всяких не знаем, не то что береговые дейлкарлы... Но вот что я вам скажу: выдай кто этакий план у нас на Джентебби, мы бы его послали подальше. Мало того, что это само по себе вонючее вероломство — кому охота, чтобы на нас разом насели все епископы Храма, про Сынов Колодца я уж и вовсе молчу...

— Вот именно, — начал было белореченец, но Плейандер его перебил.

— Ишь каковы!.. — прорычал карренец. — Нашего крестьянина благородство заело! Желаем воевать чистенькими ручками!.. Это же война, понимаешь ты! Когда тушат пожар, сгодится даже моча... или ты бы сперва за благовониями побежал?

Эйрар вскинул руку, поспешно соображая:

— Да погодите вы... Твой план, Плейандер, слишком легко может сорваться из-за пустяков. Скажем, кто-то прохлопает сигнал нападать. А другой раньше времени схватиться — да так оно и будет скорее всего, помани мое слово. И потом, мы, дейлкарлы, без лат и с одним кинжалом окажемся среди терциариев

— с головы до пяток в железе. И как бы не поспешили ваши конники, Плейандер, вовремя они не поспеют: валькинги всех нас искрошат. Я бы все-таки предпочел такой план, чтобы никому в петлю голову не совать...

— Ну так предложи, — кривя рот, бросил Плейандер.

— И предложу, — сказал Эйрар и замолчал. Эвадне засмеялась, но Альсандер заметил:

— Бесспорно одно: наша сила — конники. Вот только как быстро они подоспеют...

И эти слова наконец-то подсказали Эйрару решение. Он повернулся к белореченцу:

— Скажи, друг, нет ли чуть подальше еще такого местечка, где над дорогой нависал бы лесистый склон, вроде как здесь?

Белореченец запустил пальцы в бороду и ответил утвердительно:

— Есть! Урочище Воронья Башня, восемь не то девять тысяч шагов будет отсюда. Дорога там дважды круто поворачивает, огибая отроги. На другой стороне, правда, стоит ихний форт — но не так чтобы особенно близко...

— Далековато, конечно, да и форт нам вроде как ни к чему, — продолжал Эйрар. — Но я думаю, это не очень уж страшно. Вот что: пускай Рогей возьмет своих горцев и прямо сейчас отправляется к Вороньей Башне. Пусть они залягут там над дорогой. Они отменные лучники: когда появится деция, они обстреляют ее, особенно «союзников», причем урон тут даже не особенно важен. Главное — обозлить их как следует, чтобы эти легковооруженные кинулись за вами в погоню, а на дороге остались одни терциари. Ваше дело

— увести подальше «союзников». Если увидите, что они надумали вернуться — стреляйте еще, чтобы не бросили погони. Вряд ли они сумеют вас настичь: там будут скорее всего салмонесцы, миктонцы, изменники-дейлкарлы — это все, в отличие от вас, равнинные жители. Другое дело, не помешало бы заранее найти проводников...

— Железное Кольцо доставит проводников, не беспокойся об этом, — сказал белореченец. Уверенный вид Эйрара развеял все его сомнения, он знай возбужденно прищелкивал пальцами.

— Добро, — продолжал Эйрар. — Здесь, на плече горы, затаятся вольные рыбаки с метательными копьями наготове. Когда подойдут терциари, наступит их черед. Где-то я слышал: в таких случаях валькинги разбиваются по двое, один держит щит, прикрывая обоих, второй мечет дротики, и оба идут вперед, пока не сомнут нападающих. Вот тут-то карренские латники со своими пиками и вылетят на них из-за поворота, прямо в бок. Если же они успеют сомкнуть ряды, мы опять достанем их копьями...

Эвадне захлопала в ладоши:

— Я не зря вспоминала Альсида! Братя, Альсид вернулся! Этого парня надо принять в семью; сам ведь он нипочем за себя не попросит, ну так скажу я — вот за кем я пошла бы до конца!

Плейандер зло кусал губы, ища и не находя возражений. Альсандер все-таки спросил:

— Но если нас разобьют?

— Отойдем в горы, как Рогей только что предлагал. В случае чего встретимся у Графской Подушки.

Карренец провел рукой по губам:

— Ну что ж, план хорош... и как раз выгодно использует наши сильные стороны. Хотя, конечно, очень многое зависит от изгнанников Мариолы...

— Я согласен, — заявил Эвименес. — Смотрите: даже если их предупредят и даже если они надумают пройти сомкнутым строем, не принимая сражения — это опять-таки добавит славы нам, а не им!

Делать нечего, с этим пришлось скрепя сердце согласиться даже Плейандеру. Однако тут Долговязый Эрб вновь подал голос:

— Простите меня великодушно, вождь Эйрар и вы, Воеводы: такой план, честно, мог бы сочинить король Арги менее во дни Серебряной Поры, но, правда, тут все-таки есть, к чему прицепиться. Так что с вашего позволения...

— Давай, чего там, — сказал Рогей.

— Я вот про что. Среди твоих мариоланцев ведь есть конники, так? Потом, с нами же хестингарцы. Может, пустим их по флангам карренских латников, вроде той легкой кавалерии, что валькинги держат? Пусть займутся хоть теми, кто побежит.

— Принимаю, — кивнул Эйрар. — И в особенности, если их поведет Эвименес: он ведь главный мастер во всем, что касается летучих атак.

На том порешили. Рогей отправился поднимать людей, прихватив с собой белореченца: переход в восемь тысяч шагов, да по горам — не шуточка, вдобавок стоял уже поздний вечер, а к рассвету им следовало уже занять свое место. Эйрар велел Эрбу выставить часовых и прилег возле костра.

— Неплохо справился, юноша, — вполголоса сказал ему Мелибоэ. — Да нет, я не о битве. Меня меньше всего интересуют столь грубые материи. К тому же выиграете вы или нет — решит судьба. Я к тому, что в тебе все-таки проявляются задатки философа. Я же заметил, как ты уклонился от спора с Плейандером на темы морали и предпочел сокрушить его план чисто практическими доводами. То есть на самом деле хвалить тебя еще не за что, ибо ты начал с цели, а доказательства подбирал на ходу. Но вот как ты это проделал — неплохо, юноша, очень даже неплохо!

19. БЕЛОРЕЧЬЕ. ЩИТ И КОПЬЕ

— Вставай, хозяин! — сказал Висто. — Сегодня сражаемся! — И Эйрар выкатился из-под плаща, проснувшись мгновенно и полностью, несмотря на то, что добрых пол-ночи провел среди своих рыбаков, объясняя чуть ли не каждому, как много зависело от этой битвы и что следовало делать. Без конников Хестинги их осталось всего двадцать один, да еще одного пришлось оставить приглядывать за лошадьми, уведенными подальше в ущелье. Эрб уже выслал вперед соглядатая. Торопливо и скудно перекусив, они выступили к месту засады, мимо верховых, половина которых еще завтракала, а половина сидела в седлах в полном вооружении, чтобы неприятель, нагрянувший раньше времени, никого не застал врасплох.

Волшебник Мелибоэ остался стеречь коней. Эвадне вышла попрощаться, прежде чем присоединиться к нему. Она обняла и расцеловала Долговязого Эрба, Эйрару же лишь пожала руку, и он вдруг ощутил ревность. Он мимолетно удивился себе: разве бывает ревность без любви?.. — но времени на размышления не было, разом навалилось множество неотложных забот.

На его веку это будет уже третье сражение... Больше не было отчаянного смятения той первой, незабываемой битвы, Эйрар ощущал лишь знакомое странноватое возбуждение — ни дать ни взять предстояло прижать к сердцу красавицу. И сама собой вспомнилась песня нищего бродяги-трубадура, заглянувшего однажды на хутор Сумарбо — когда-то давно, когда Эйрар сбивал пикой яблоки с веток, оседлав старого Пилля...

«Пусть травой наши кости в полях порастут — тот, кто завтра придет, соберет урожай.

Наша жизнь — краткий миг, огонек на ветру.

Что почем, что во имя чего отдаем?..»

— Проклятье!.. — выругался кто-то рядом, зацепившись рукавом за сучок. Утро занималось пасмурное, плотные облака явно собирались пролиться дождем. Крутой склон зарос буками, еще не сбросившими бурую прошлогоднюю листву, между тем как юные березы уже одевала прозрачная зелень...

Отряд перевалил гребень и углубился в подлесок. Весна, медленно добиравшаяся до высокогорного плато Хестинги, здесь бушевала уже вовсю. Узловатые, цепкие ветки кустов украсились трогательными листочками; неистово голосили птицы, потревоженные вторжением человека...

Эйрар глянул на север. Он увидел дорогу, выбегавшую из распадка и плавно поворачивавшую на юго-запад. Там, вдали, прочно и основательно стоял каменный город, виденный разведчиками накануне. За дорогой вздымался лесистый склон, подобный тому, на котором они находились; внизу, у подножия, бежала река. Эйрар обратил внимание, что предусмотрительные валькинги вырубili всю растительность на сто шагов в ту и другую сторону от дороги — не доверяли, знать, здешним чащобам, боялись засад. Похвальная осторожность!

— По местам, по местам! — командовал Эрб. Под его присмотром вольные рыбаки устраивались за кустами, готовясь залечь. — Когда они появятся, — продолжал Эрб, — всем приподняться и припасть на колено, но не вставать, пока вождь Эйрар не выстрелит из лука: это будет сигналом. Как только прозвенит тетива, все дружно вскакиваем и выбегаем вперед для броска. А потом сразу назад, чтобы наши друзья сломали строй и погнались...

В общем, все шло, как и предполагалось.

— Давайте-ка я спущусь и гляну с дороги, — предложил Эйрар. — Вы залягте, а ты, Эрб, дашь знак приготовиться. Попробуем, как получится: нельзя же допустить, чтобы нас заметили прежде времени.

Это была поистине счастливая мысль. Конечно, на деле все оказалось далеко не так гладко, как на словах. Широкоплечий Сивальд выбрал для укрытия слишком маленький куст, при первом движении выдавший его трепетом веток. А Нени из Баска додумался нацепить ярко-красную рубашку — рукава, торчавшие из-под кольчуги, так и светили сквозь зелень.

— Она счастливая, — заулыбался было Нени, когда Эйрар велел снять рубашку.

Потом подошел Висто:

— Вот бы нам еще знамя, хозяин! Негоже как-то без знамени воевать.

У них не оказалось под руками ничего, что могло бы сойти за символ Крылатого Волка Дейларны. Собственно, Эйрару было все равно, но рыбаки переживали не на шутку, и его осенило:

— Наденьте на шест череп той кошки: мы бросимся на валькинггов, как горные коты!

Эту идею приняли с восторгом, Висто бегом кинулся в лагерь. И вот наконец им осталось лишь ждать. Шуршали палые листья, когда кто-нибудь устраивался поудобнее. Громкие разговоры вскоре смолкли сами собой; люди невольно вспоминали свою последнюю встречу с этими самыми терциариями — возле дамбы — и чем тогда кончилось дело. Вспоминали прежних друзей из числа полусотни — погибших либо взятых в плен и наверняка проданных в рабство...

Вскоре возвратился Висто с кошачьим черепом, насаженным на жердь. И почти сразу острые глаза Эйрара различили какое-то движение вдаль, там, где дорога выворачивала из-за горы.

— Ложись!.. — велел он немедленно, но это оказался всего лишь одинокий всадник, скакавший легким галопом. Эйрар дал ему проехать невозбранно, надеясь, что чуть подальше его перехватят карренцы. Судя по одежде, всадник был валькинггом, а спешка говорила о том, что это скорее всего был гонец, несший весть о нападении Рогей на децию. Проводив его взглядом, Эйрар немедленно усомнился в правильности своих действий и крадучись отправился на другой конец засады — посоветоваться с Эрбом.

Люди по кустам тихо переговаривались:

— А вот помнишь, тот раз...

— ...отправился в Ураведу, а когда вернулся, ни один из домашних...

— ...вот смотри: замахиваешься левой... — долетали до слуха обрывки фраз. Кажется, вольные рыбаки не падали духом. Эйрар порадовался за них и за себя... но потом добрался к Эрбу и увидел: долговязый малый сидел молча и неподвижно, обхватив руками колени и уткнувшись в них лицом. Эйрар тронул его за плечо. Эрб поднял голову: на его глазах блеснули слезы.

— Что с тобой?.. — спросил Эйрар растерянно. — Дурные предчувствия?..

— Куда уж хуже... — с трудом выговорил Эрб. — Да нет, битва тут ни при чем... честно, вождь, твой верный пес нынче отгрызет себе ноги, но не побежит первым из драки, как тогда под Салмонессой. Так что покамест, с твоего позволения, меня вроде не за что разжаловать в рядовые...

— Знаешь, давай-ка безо всяких там «псов», — покорило Эйрара. — Скажи лучше, что у тебя за беда?

— Да все эта карренка! — Эрб высморкался и сердито глянул вокруг. — Ведьма она, что ли?.. Тебе-то хорошо, вождь, тебе девки так на шею и прыгают... а каково старому пугалу вроде меня? Я ведь... в жизни никогда ни с одной... а ее... в Салмонессе... с первого взгляда... наглядеться не мог, точно на королеву какую-нибудь или фею из сказки... а сегодня вдруг сама целует меня и тычется этими своими штуками... и вот сижу я теперь и думаю, а ну убьют меня нынче — и уж не обниму ее больше никогда... и ведь сам знаю, не нужен я ей, играет она со мной...

Эйрар почувствовал, что краснеет — неведомо почему. И сказал, пытаясь спрятать смущение:

— Я слышал, Эрб, карренки порой... дарят любовь... просто ради удовольствия. И не считают это бесчестьем...

— Но коли так, она уж тем более присмотрит молодого вождя вроде тебя. С тобой-то небось ей повеселее будет наедине, чем со мной!

И Эрб всхлипнул.

Тут до Эйрара дошло, что он едва ли не слово в слово повторил мысль, высказанную Мелибоэ — и юноша глаз не мог поднять от стыда.

— Не принимай близко... — начал было он, чтобы хоть что-то сказать, но услышал встревоженный голос, бросил торопливый взгляд в долину и...

Они приближались — темный поток колыхался вдали на дороге, и уже некогда было бежать на тот конец, к заранее облюбованному месту. Эйрар остался около Эрба, вытащил из колчана несколько стрел и воткнул их в землю перед собой.

Они приближались — сомкнутым строем, по шестеро в ряд, в полном вооружении, стремительным валькинговским шагом, настороженные, каждый со щитом на левой руке и с остроконечным дротиком в правой. Пыли не было: алый треугольник колебался на древке посередине отряда, а под ним ехал дезерион в красном плаще, откинута за спину, без шлема, пренебрегая возможной опасностью. За ним ехало еще двое всадников — младшие командиры либо рассыльные. Эйрар присмотрелся к коням и понял, что предназначит самую первую стрелу великолепному карему под дезерионом.

Он перевел взгляд на своих парней. Невидимые с дороги, вольные рыбаки приподнялись на колени и приготовили копья. Валькинги быстро двигались к повороту, не глядя ни вправо, ни влево — живая змея, лязгавшая оружием. И горстка «союзников», бурым пятном выделявшаяся на ее фоне.

Вот колонна поравнялась с засадой... поплыли мимо широкие, увенчанные шипами щиты. Эйрар медленно поднялся, расставил ноги, тетива коснулась щеки. Жало стрелы глянуло сквозь развилку цветущей ветви кизила. Когда перед глазами возник дезерион на карем коне, Эйрар спустил тетиву. И во все горло закричал что-то вслед стреле — что именно, он никогда впоследствии вспомнить не мог.

Он успел увидеть, что не промазал: стрела вошла по самые перья, брызнула кровь, конь начал оседать на задние ноги. Торопливо нагнувшись, Эйрар схватил вторую стрелу — а рыбаки уже мчались из-за кустов, и валькинги изумленно разворачивались навстречу — стрела угодила в окованный край щита и отскочила вверх, — промах! — он схватил третью, а рыбаки выскочили на расчищенную обочину, разом метнули короткие копья, и вот уже какой-то валькинг из крайнего ряда с лязгом рухнул на землю: копьё пробило ему обе икры. Стрелять сделалось невозможно. Эйрар выхватил меч из ножен и ринулся вниз.

Внутри деции фальшиво прокричала труба, полетели дротики, строй начал распадаться на пары — как он и рассчитывал. Он увернулся от свистнувшего острия, а в следующий миг перед ним оказался терциарий — лица не было видно под шлемом — удар Эйрара, нацеленный в его правую руку, пришелся в щит, Эйрар неуклюже шатнулся вперед, и был миг смертельного ужаса, когда напарник терциария занес над ним безжалостный дротик... но ударить не успел — кто-то из рыбаков вогнал ему в бок копьё, и валькинг с воплем свалился.

Его напарник стремительно повернулся, прикрываясь щитом... Тут Эйрар вспомнил наконец о своих обязанностях вождя и поспешно отбежал прочь. Он слышал, как за его спиной подавала отчаянные сигналы труба. Достигнув края кустов, он оглянулся: обочина была усеяна мертвыми и умирающими. Прямо перед Эйраром, раскинув руки, лежал один из Джентебби — вражеский дротик пробил ему грудь, не спасла и кольчуга. Еще один корчился в предсмертной агонии — удар короткого меча пришелся прямо в лицо. Рядом с ними валялись два или три терциария и несколько «союзников», а мимо Эйрара со всех ног бежали вольные рыбаки, преследуемые солдатами. Трубач, казалось, пытался предостеречь терциариев, но поздно: из-за поворота с пиками наперевес на них во весь опор летели карренцы.

Что ж, валькинги были воинами отменной выучки, к тому же погоней за рыбаками была занята едва половина. Оставшиеся на дороге, услышав трубу, развернулись навстречу новой опасности: передний ряд мигом опустился на колени, упирая древки дротиков в землю, другие стали отбегать в сторону, собираясь напасть на немногочисленных конников сбоку.

— Улла-улла!.. — завопил Эйрар. — За мной!.. — и кинулся назад на дорогу, не оглянувшись, последовал ли за ним хоть кто-то — любой ценой ударить по валькинкам сзади. Вот уже рухнул наземь один из коней, терциарий бросился добивать седока, однако остановить всадников было уже невозможно. Мгновение — и с треском и лязгом они обрушились на децию, проломив строй щитоносцев. Еще одного коня тотчас ударили дротиком в бок и одновременно по ногам, но лишь себе на беду; подбитые на полном скаку, конь и закованный в латы седок полетели кувырком, точно камни из катапульты, тараня вражеский строй. Пики уцелевших карренцев произвели страшное опустошение. Какое-то время по дороге катился кровавый клубок из падающих людей и коней, а потом...

Потом валькинги побежали — назад по большаку, в речку, вверх по склонам. Иные бросали щиты и высоко поднимали дротики, сдаваясь в плен.

Эйрар увидел, как кто-то из карренцев отбросил пику и уложил одного из сдававшихся ударом палицы, отстегнутой от луки седла. Прыгнув вперед, юноша успел сгрести в охапку второго обреченного — и покатился с ним по земле.

— Сдаюсь!.. — просипел тот полузадушенно. Карренский конь промчался мимо, обдав их ветром из-под копыт. Эйрар поднялся сам и поднял взятого в плен. У того на кольчуге поблескивали серебряные бляхи: оказывается, ему повезло схватить самого дезериона. Эйрар огляделся, высматривая, не удастся ли спасти еще кого-нибудь. Увы, не в его власти было остановить разъяренных карренцев — всадники гонялись за бегущими терциариями, убивая и убивая... в живых остались лишь те, кто сдался в плен рыбакам. Когда стали считать живых и убитых и поздравлять друг друга с победой, этих счастливицков обнаружилось всего трое.

Что до карренцев — оба, упавшие с коней, были убиты, еще один сломал ногу. Остальные отделались синяками, настолько стремительной и быстротечной была их яростная атака. У Эйрара погибло четверо: два вольных рыбака, два примкнувших. Еще несколько были ранены, причем один серьезно — удар меча перебил ему сухожилие на ноге.

Собравшиеся вожди согласились друг с другом, что следовало как можно скорее покинуть место сражения. Из ближайшего форта в любое время мог нагрянуть новый отряд: в самом деле, карренцы, как выяснилось, еще перед боем перехватили нескольких верховых, ехавших из торгового города на север. Что ж, восставших здесь ничто не задерживало; оставалось лишь с честью похоронить своих павших да снять все ценное с мертвых врагов — в основном, конечно, оружие. По счастью, Эвименес привел лишних лошадей, — на них и погрузили добычу. Из широких валькинговских щитов соорудили носилки для раненого. Нести их заставили пленных, привязав их за руки к носилкам, чтобы не разбежались.

Солнце, скрытое тучами, клонилось к западу. От Рогея все еще не было известий. По предложению Альсандера по дороге на север отправили двоих проворных всадников-хестингарцев. Они держали оружие не на виду, а по одежде могли сойти за белореченцев. За ними потянулось и остальное войско, ибо надо же было куда-то двигаться. Еще двое разведчиков поскакали сзади...

Немного попозже начал моросить медленный дождик, и Эвименес принялся ворчать, что, мол, дождь испортит его латы, которые он перед сражением отчистил от смазки. Они едва успели одолеть пару тысяч шагов, то есть добрались до следующего поворота, когда на дорогу выбежала большая собака с хвостом калачиком и приветствовала их лаем.

— Где-то рядом пастух и стадо при нем! — уверенно заявил Эйрар, выросший в деревне. И точно, почти сразу издали послышался свист. Смышленный пес насторожил уши, перебежал по камешкам речку и исчез в лесу на западном склоне.

— Нам пригодился бы проводник, — сказал Эйрар товарищам. Спешился и полез вслед за собакой, по крутому, мокрому, заросшему откосу. И наконец, перевалив гребень, оказался в маленькой уютной долине.

На дальней стороне ее под деревьями паслись серые овцы, но пастуха нигде не было видно, и никто не ответил трангстедцу, когда он громко просвистел «Горе, и слезы, и стенанья повсюду...» Делать нечего, Эйрар сбежал вниз по склону, крича:

— Мир всем, кто бы здесь ни был!

Только тогда рядом с овцами появился пастух — угрюмый, дремучего вида малый в кожаной шапке, с которой стекала вода. В руках у него была увесистая, утыканная гвоздями дубинка. Эйрар дружески заговорил с ним, поделился новостями. Пастух только крякнул, узнав об уничтожении целой деции валькинггов.

— В Шелланд через Высокие Холмы Фроя можно пройти только мимо Вороньей Башни, — сказал он Эйрару. — Эта долина — тупик.

До него медленно доходило, что нынче над воинственными сынами Бриеллы в самом Деле была одержана победа. Но наконец дошло — и, растаяв, он сам предложил отряду заночевать в его долине, надежно укрытой со стороны дороги. И даже согласился продать за серебро овечку-другую, чтобы люди

могли подкрепиться.

Легко представить себе, — карренские Воеводы не пришли в особый восторг, когда Эйрар возвратился и выяснилось, что он самолично переменил весь план похода. Но Рогей по-прежнему не давал знать о себе, к тому же шел дождь, и опытные полководцы видели, какой страшной усталостью отзывалось в людях короткое напряжение боя. Нахохлившиеся воины хмурились и были больше похожи не на победителей, а на побежденных.

На дороге оставили несколько человек — дать знать разведчикам-хестингарцам, когда те возвратятся. Кое-как отряд взобрался по круче и спустился в долину. Не без труда развели на сырой поляне костры. Но вот запахло едой, и осталось жалеть лишь о том, что маловато было корма для лошадей.

20. БЕЛОРЕЧЬЕ. СПОР С ДЕЗЕРИОНОМ

— Давайте-ка сюда этого ублюдка-дезериона! — потребовал Плейандер после ужина. — Поболтаем с ним на сладкое!

Эйрар хотел возразить, полагая неблагородным поступать таким образом со сдавшимся врагом. Но Эвадне захлопала в ладоши, Мелибоэ усмехнулся в бороду, а Эрб сказал:

— Может, вытянем из него что-нибудь полезное.

И вот приведенный дезерион стоял перед ними в свете костра — крючконосый и невысокий, но отменно сложенный, как почти все знатные валькинги. Дождь лился на его непокрытую курчавую голову. Тем не менее, черноволосый дезерион держался с достоинством, даже вызываясь. Плейандер смерил его взглядом.

— «А-пакс, а-пакс!» — передразнил он валькинговский боевой клич. — Уж то-то радости будет в Бриелле, когда ты вернешься туда и похвастаешься, какие славные дела совершил. Что, весело командовать децией, а?

Дезерион не ответил.

— Молчишь? — продолжал Плейандер. — Не по вкусу наше веселье? Ладно, шутки в сторону. Куда вы шли — в Наарос? И сколько солдат в форте Вороньей Башни?

Дезерион молчал по-прежнему, и Звездный Воевода прищурился:

— Учти — жизнь и свобода зависят от твоей разговорчивости. Будешь молчать, щенок, — пеняй на себя.

Дезерион пожал плечами, как бы желая сказать, что свобода или несвобода, жизнь или смерть от руки врага — ему было едино.

— Можешь убить и меня, и тех троих, — сказал он наконец. — Всех валькингов тебе все равно не перерезать. А кроме того, не тебе я сдавался, не тебе меня и допрашивать.

Плейандер дернулся встать, но Эйрар опередил его, сказав:

— Это я взял тебя в плен. Как твое имя?

— Люронн Младший из Аннэ в Восточной Ласии, дезерион Двенадцатой.

Двенадцатая была новой, только что сформированной терцией.

— Ты — пленник и можешь быть продан, как последний миктонец. Так много ли солдат в форте Вороньей Башни?

Дезерион наморщил лоб, мучительно соображая. Потом ответил:

— Этого я сказать не могу. Это противоречило бы моей воинской присяге.

Эйрар растерянно смолк: ему не хотелось ни грозить, ни издеваться, подобно Плейандеру. Эвадне насмешливо фыркнула, но тут поднял седую голову волшебник Мелибоэ:

— Ты неправ, — сказал он дезериону. — Я знаю эту присягу. Ты клялся верно служить своей державе. Но как, хотел бы я знать, ты собираешься ей служить, если тебя убьют? Право слово, это измена. Не говоря уж о том, что за тобой — еще трое. Живи я по-прежнему в Бриелле, я не задумываясь привлек бы тебя за это к суду!

— Нет, я прав, — упрямо ответил Люронн. — У меня строгий приказ: держать в тайне численность наших армий и где они расположены. Нарушить его — вот это в самом деле будет измена. Тем более, что я вижу здесь всем известных изменников-дейлкарлов...

Теперь уже у Эйрара повисли на языке яростные слова, а смуглолицый Плейандер взирал на него с насмешкой. Но Мелибоэ поднял руку, призывая к молчанию, и спокойно спросил:

— Кому же они изменили?

— Как кому? Графу Вальку, именем императора правителю этой страны.

Волшебник поерзал на месте, устраиваясь поудобнее и прикрываясь от дождя.

— Но разве наш высший долг — перед Вальком? Разве у нас нет долга перед Богом и Его Храмом? А также перед нашими душами, которые суть отражения Господа? Я надеюсь, тебе известно, что вот это твое чудесное молодое тело

— кстати, столь близкое к разрушению — общается с Вечностью через посредство души?.. С какой же стати ты именуешь этих дейлкарлов изменниками только за то, что они следуют зову своих душ, а не приказам из Бриеллы? И сам ради этих приказов — или как ты их понимаешь — посягаешь разлучить свою душу и тело. У тебя что, иного долга нет, кроме как перед графом?

Люронн, казалось, собирался почесать затылок, однако раздумал.

— Насчет души... — выговорил он медленно. — Вообще-то покамест я ни одной не видал, но коли священник говорит, что она у меня есть, значит — в самом деле есть. Но вот что я доподлинно знаю: чтобы этой самой душе не пропасть, сперва разузнай, чем дышит твой народ — и старайся думать и поступать в согласии с общей волей. Видишь ли, господин мудрец, человек не живет сам по себе, сам по себе он — овца, отбившаяся от стада... или разбойник, объявленный вне закона, которого всякий волен убить.

— И, соответственно, каждый, точно овца в стаде, должен выполнять приказы ближайшей пастушьей собаки? — рассудительно вставил Плейандер. — Так, что ли?

— Нет, не так, — серьезно ответил дезерион. — Однако чего вы хотите? Чтобы любой мог сказать: «Моя душа велела мне присвоить твое имущество, пока ты был в походе»? На самом деле так не бывает потому, что большинство народа этого не желает. Люди хотят надежности и спокойствия, и наша власть им это дает. А кто против — те на самом деле просто хотят все брать силой, попирая закон!

...Эйрар с некоторым ужасом слушал речи Люронна, не в силах отделаться от мысли, что все это произносил человек, стоявший буквально у края могилы; но притом доводы дезериона казались ему безупречными, — он готов был согласиться поистине с каждым его словом...

Впрочем, Мелибоэ улыбался по-прежнему:

— Ты отличный спорщик и неплохой философ, — сказал он. — Сразу видать выучку лица Аннэ. Позволь только задать тебе еще вопрос: а кто, собственно, определяет эту самую общую волю народа? Ты же вот, например, не станешь обходить всех поголовно и спрашивать мнение по каждому случаю, когда надо что-то предпринять сообща?

— Как кто определяет? Сам граф Вальк, конечно. Весь народ выбирал его, он и выражает его юлю.

— Ну-ну. Значит, та воля, что он изъявляет устами своих наместников — все та же общая воля, поскольку он избран всеми. Но что, если это не так? Разве не могут честолюбивые люди, жаждущие власти и почестей, сговориться и протолкнуть вверх кого-нибудь из своего числа?

На лице дезериона отразилось искреннее недоумение:

— Сговориться? Кто, зачем?.. Но хотя бы и сговорились — что с того? Слава и власть графа по праву принадлежит всем валькигам, всему народу. Все, что мы совершаем, делается по воле графа и во исполнение его предначертаний, которые суть замыслы всего народа — большинства, я имею в виду... И всем это нравится, кроме некоторых из числа дейлкарлов, которые желали бы подменить нашу мощь простым почитанием Империи и Колодца — и это при том, что язычники и миктонцы только ждут, чтобы мы передрались между собой! Неужели не ясно: царства рождаются и уходят, и будущее принадлежит нам, валькигам, потому что мы — едины! И в наше единство может влиться всякий, кто пожелает...

— А как насчет других народов? — Мелибоэ повел глазами вокруг. — Дозволено ли будет влиться в это замечательное единство, ну скажем, тем же карренцам?

— Кому, им?.. Помилуйте, господин мудрец, да они же мигом растлевают все, чего ни коснутся. Если откуда-нибудь воняет — значит, там побывали жители Двенадцати Городов. Нет, право же...

Плейандер взвился на ноги с невнятным рычанием. Никто не успел его остановить. Подлетев к дезериону, он сгреб его за шею и ударил в бок кинжалом — раз, другой, третий... Хлынула кровь, Люронн

Младший издал булькающий звук и подломился в коленях. Эйрар увидел, как закатились его глаза. Плейандер стоял над ним, кривя рот и сжимая в руке окровавленный кинжал.

— Диад, убрать... это! — наконец выговорил карренец. — Где Висто?

Мелибоэ рассмеялся, но остальные молчали, не находя слов. Потом по одному разошлись.

Эйрару долго не удавалось уснуть... Рыбаки, намучившись за день, давно и крепко спали вокруг, ему же, напротив, напряжение битвы отозвалось возбуждением, не дававшим сомкнуть глаз. Он слышал, как вздыхал ветер в кронах деревьев, как щелкали крупные капли по краю плаща, натянутого на голову, а перед умственным взором в который раз проходили события дня. На время позабыв даже про войну, Эйрар силился разобраться в себе.

Что же с ним творилось?.. Карренка Эвадне в открытую пообещала идти за ним до конца — по счастью, мало кто обратил на это внимание в запале перед сражением. Теперь ее слова так и звучали у него в ушах, не давая заснуть. Верно, Эвадне была постарше его... но эта оливково-смуглая кожа и высокая грудь... как сладко было бы обнять ее... ой ли? Что-то заставило его мысленно отпрянуть и содрогнуться. Так, словно на ней лежало отвращающее заклятие. Заклятие совсем иного свойства, нежели то, которым Мелибоэ пытался связать ее с ним. Заклятие!.. Он с болью и горечью вспомнил, как сам творил приворотные чары, стараясь привлечь к себе... нет, имени он даже мысленно не произнесет... Он стал думать о магии и о том, что ни разу еще на его памяти она не приводила к добру. Взять хоть изменение внешности, благодаря которому Рогей проник в Мариаполь — и едва не погиб. Чары Мелибоэ, погубившие в метельную ночь Бритгальта и двоих его сыновей. Или злосчастная история с расколдованием кораблей на Вагее. И наконец... та ночь в Салмонессе, в замковой башне... нет, нет, слишком больно, не думать... могла ли вообще магия приносить добро? После битвы, в болоте, она спасла их от валькинггов... но и тогда Мелибоэ предал тех, кто ему доверял. И если бы не гадание, которое он якобы предпринял, Эйрар тогда отправился бы в Салмонессу и... быть может, спас бы ее...

Эйрар перевернулся на другой бок и стал думать о том, не было ли какого волшебства замешано в давешнем споре с дезерионом. Да, было весьма похоже на то — и до чего скверный конец, даже для валькинга — умереть единственно из-за того, что Плейандер не нашелся ответить словами, только оружием!.. «И вообще, это был мой пленник; какое он имел право?» — запоздало возмутился Эйрар, начиная понемногу озлобляться сразу на всех карренцев. Несчастный Люронн не так уж сильно ошибся: было в них что-то неприятно грубое... подлое. Развязная болтовня Эвадне и все эти ласки, так легко расточаемые Эрбу. А Эвименес, не постеснявшийся угнать лошадей у гостеприимного Хольмунда! А... вот это, пожалуй, раздражало Эйрара сильнее всего: беспрестанное нежничанье Плейандера с Висто — зачем, интересно, парнишка понадобился ему после убийства дезериона?.. Собственно, Эйрар успел уже с сожалением понять — Висто был куда мельче, чем ему казалось когда-то. Ну да, услужливый, верный... как пудель, готовый бежать со всех ног на голос хозяина. Слуга из него неплохой, но друг — никудышный. Как, впрочем, и из Рогей. Смешно вспомнить, было время, он надеялся с ним подружиться. Теперь видел: во всем поведении мариоланца не только сквозило что-то холодное, отчужденное — у него словно и времени не было на друзей...

Да, так вот, стало быть, отчего Висто и не подумал спорить с ним из-за Гитоны. «Просто подружка...» — с еле заметным сарказмом сказал он о ней тогда в башне... и так легко согласился с ее решением отправиться к герцогу... и все-таки пришел к нему, Эйрару, и предупредил... Нет, Висто нет нужды в друге, ему нужен только хозяин.

Эйрар вдруг понял, что у него не было друзей. Настоящих друзей. Все хотели только брать у него, ничего не давая взамен. Нет друзей и, верно, не будет никогда. Неужели никогда?.. Эйрар продолжал беспокойно вертеться под плащом, пока до него не дошло, что это снова была та самая жалость к себе, та самая, недостойная мужчины, что отняла у него когда-то Гитону.

Нет, нет. Если Висто нравилось жить так, как он жил — его право. Хотя... до чего же противно. Люронн был прав: каждый человек живет среди подобных себе и должен соразмерять свою волю с желаниями других. Иначе будешь, как Плейандер, убивать из-за неосторожного слова... якшаться с мальчиками. Как герцог Роджер, не ведавший никакого закона, кроме собственных прихотей. Нет, снова не то; и на герцога все-таки сыскался закон, пусть неписанный, но от этого не менее сурово покаравший несправедливость,

гордыню, жестокосердие, сопровождавшие его своеволие и разврат... То-то собственный народ отвернулся от герцога, когда на него обрушилась сперва вооруженная мощь Бриеллы, а потом и кинжал оскорбленной Мелины.

«За каждый ли грех этот закон карает столь же неотвратимо?.. — невольно подумалось Эйрару; неожиданная мысль заворожила. — За всякую, самую ничтожную провинность? Война не дала трехпалому герцогу преуспеть в любовных делах, а любовные шашни не дали выиграть войну. Или, если бы он совладал и с тем и с другим — судьба послала бы еще что-нибудь ему на погибель?..»

Видно, людские уложения лишь как-то отражали этот надчеловеческий, надмирный закон. Сверхзакон, сметавший все земные установления, учрежденные ему вопреки. «Бастарды наследуют бастардам», — гласило вековое правило государей Салма, и что же? Именно это правило и погубило герцогский дом...

Эйрар понял наконец причину своих душевных терзаний: кажется, мечта дезериона Люронна об общей воле народа, о единении валькингов и дейлкарлов не противоречила ни одному закону — ни Божьему, ни людскому. «Но как же так?.. — растерянno спросил он себя. — Неужели правы валькинги, а мы, рвущиеся к свободе, не правы? Значит ли все это, что мы подобны вздорным жителям Двенадцатиградья?..»

Окончательно запутавшись, отчаявшись разобраться самостоятельно, Эйрар поднялся, неловко зацепив нависшую ветку — в рукав тотчас протекла струйка мерзко-холодной воды — и отправился разыскивать Мелибоэ, дабы философ облегчил его муки.

В дождливом небе над поляной уже угадывались первые признаки рассвета, но под деревьями было совершенно черно. Пробираясь впотьмах, Эйрар немедленно наступил на лежавшего человека.

— Кто там? — рявкнул тот, вскакивая, и Эйрар узнал карренца Альсандера.

— Не знаю и знать не хочу, где твой Мелибоэ, — продолжал он, когда Эйрар назвался. — Тебе что, делать больше нечего, кроме как бродить по ночам и пинать ногами людей?..

Эйрар сердечно извинился, и Воевода, ворча, улегся досыпать. В это время на другой стороне долины мелькнул огонек: это наконец-то возвратился соглядатай, оставленный на дороге. Он привел разведчиков, ездивших к Вороньей Башне. При свете фонаря со свечкой внутри Эйрар увидел с ними еще человека.

По словам разведчиков, они бродили по окрестностям весь вечер и большую часть ночи, но не нашли ни особых примет сражения, ни каких-либо следов Рогея. Они избегали приближаться к валькинговскому укреплению, где горели огни и явно что-то затевалось. Они устроились на ночлег в самой Башне — древнем полуразрушенном сооружении, выстроенном еще при язычниках, — и принялись наблюдать. Потом к ним подошел вот этот малый, белореченец из сторонников Железного Кольца, посланец Рогея, сообразившего, что, если другой отряд уцелеет в бою, гонцов оттуда следует искать именно в Башне. Что до самого Рогея — у них все прошло гладко; вот только «союзников», сопровождавших децию, оказалось больше, чем ждали, и они, погнавшись, начали было окружать маленький отряд — пришлось им вместо того, чтобы спешить назад к Эйрару и остальным, уводить врагов по горным тропам Фроя. По счастью, «союзники» были большей частью салмонесцами и, потеряв в схватке вождей, бросили погоню. Так что в отряде всего двое были убиты и лишь немногие ранены. Однако к тому времени Рогей успел далеко уйти по тропе и уже не стал возвращаться, предпочтя двигаться вперед...

Альсандер перебил, не дослушав:

— Много ли солдат в укреплении?

— Не больше полудеции, — ответил посланник. — Господин Рогей — вот это, я вам доложу, предводитель! — уж подумывал, не напасть ли на них. Вы-то легко могли бы это сделать: я вижу, у вас достаточно воинов, да и вооружены хорошо...

— Тебя-то не спросили, — буркнул Воевода. — Какие вообще войска у валькингов в Белоречье?

Проводник глянул угрюмо:

— Точно мы не знаем. Только то, что большая часть Восьмой терции распределена по фортам, а

недавно из Бриеллы прошло по дороге несколько деций Двенадцатой. Та, с которой вы дрались, была третьей по счету, и направлялась она, как мы полагаем, в Наарос. Говорят также, в Ставорне стоит Четвертая терция, но наверняка сказать трудно, поскольку торговцы лесом еще не приезжали...

Альсандер повернулся к Эйрару:

— Надо поднимать людей и двигаться, не дожидаясь рассвета. Иначе мы в ловушке.

— Почему?

— Потому, что в форте целую ночь горели огни — что, как я понимаю, у них не в обычае. Рогей удрал по тропе, так? Неужели не ясно, что ублюдки — «союзники» прибежали в крепость и подняли переполох? Я больше чем уверен, что новости уже разлетелись во все стороны, и Восьмую терцию сейчас вызывают из фортов, а Четвертую подтягивают из Ставорны, чтобы отрезать нас и прихлопнуть здесь, как клопов!

21. СКВОЗЬ ВЫСОКИЕ ХОЛМЫ ФРОЯ

Проводник-белореченец ехал впереди отряда. Его появление пришлось как нельзя более кстати, ибо в урочище Вороньей Башни не вело путной дороги — войско двигалось узенькой тропкой через густой лес. В отличие от Драконова Хребта, здесь не было теснин и утесов, — тропа причудливо петляла меж круглых холмов. Жаворонки славили занимавшийся день, небо постепенно прояснялось. Эвименес ехал позади, присматривая за выючными лошадьми: он все боялся, как бы они не отстали. Альтандер и Мелибоэ держались посередине отряда. Плейандер присоединился к Эйрару, ехавшему во главе. Воевода пребывал в отличном расположении духа и был не прочь весело поболтать, но не сумел выжать из трангстедца двух слов и принялся насвистывать лишенную мелодии карренскую песенку, отбивая ладонями такт и вполголоса рвякая вместо припева.

На пути встретился журчащий ручей; лошади бережно ступали, перенося седоков на ту сторону. За переправой Эвадне прищипорила коня и протолкалась вперед — к Эйрару.

— Как там поется в вашей песне — «погибает Дейларна», если не ошибаюсь? Да уж, погибательная страна: сплошной лед и ветер вместо тепла. Когда наконец настанет весна?

— Уже настала, — буркнул Эйрар. Усталый и хмурый после ночи, проведенной без сна, в тягостных размышлениях, он вовсе не расположен был добродушно пикироваться. — По-твоему, после зимы должна сразу наступать жара? Кстати, мы, северяне, не скоро влюбляемся. Зато наша любовь не скоро и отгорает, она — навсегда!

Она захлопала в ладоши:

— С ума сойти, какие придворные речи!.. Хоть сейчас в Пермандос, во дворец к Стенофону с его дамами. Верно, Плейандер?

Но Плейандер, словно повинувшись незаметному знаку сестры, приотстал от них и не ответил, так что она продолжала:

— Нет, в этой стране в самом деле того гляди пропадешь. Надо будет тебе покинуть ее, когда встанешь на ноги. Что она делает с людьми! Поглядеть хоть на моего брата Альтандера: всегда был весельчак и добрый попутчик, а туда же: столкнулся с этим твоим длиннорылым философом, только и слышно: ля-ля-ля, бу-бу-бу, все утро выясняют, на что больше похоже наше воинское ремесло: на искусство вроде живописи, или же на науку вроде астрологии или математики? А кругом-то птицы поют!..

— Ну, это на самом деле философский вопрос... — начал Эйрар серьезно, но она рассмеялась и перебила:

— Вот что, сударь лягушонок, философами нам с тобой в жизни не бывать, так что позабудем про такие вопросы. Давай лучше веселиться, глядишь, подольше проживем на свете. Я-то ведь видела, как вчера ты готов был все бросить и прыгнуть на шею этому вшивому валькингу — пока не заговорил твой бородатый. Небось, и сейчас подумываешь о том же?

— Нет, нет! — с жаром воскликнул Эйрар и вдруг помимо воли заметил, что Эвадне разговаривала с ним чуть не слово в слово так, как он сам разговаривал когда-то с Гитоней... с Гитоней: он больше не боялся мысленно произносить это имя. Эвадне, однако, поняла его порыв лишь как свидетельство интереса к ее словам — и продолжала:

— Помнишь, что я тебе говорила под деревом, где вы с Эрбом убили горную кошку? Вы, дейлкарлы, вечно хотите соединить несоединимое... жить в двух стихиях, как люди-рабы или морские демоны Джентебби. Не желаете признавать ни наследных титулов, ни привилегий, ни постоянных вождей — куда там, это все не для вас. Ну и что мы имеем? Валькинги с их знаменитым единством до сих пор вас били и впредь будут бить. Потому что они выйдут на поле битвы все как один, а ваших явится хорошо если половина, ведь непременно съестся кто-то, кто не захочет...

— Я не хотел бы так думать.

— Ох, лягушонок, лягушонок! Ты будешь верить по-детски, пока жизнь не ткнет тебя во что-нибудь носом. Но если я не права, тогда объясни мне, пожалуйста, почему валькинги всю дорогу выходят

сражаться прекрасно вооруженными и обученными так, что любо-дорого поглядеть, да еще и с «союзниками» из вашего же числа? И, конечно, лупят вас почему зря?

— Не ждал я, — сказал Эйрар, — что ты их станешь расхваливать.

— Да кого я расхваливала?.. А впрочем, даже ту кошку следовало бы похвалить за ее когти. Нет, лягушонок, я от них совсем не в восторге. Это ж надо жить без музыки и веселья, и даже баронство дается не до конца дней, а требует ежегодного обновления на Совете!.. Да чем они лучше смердюков нашего Додекаполиса? Нет, Эйрар, я просто к тому, что, когда перед тобой враг, надо оценить длину его руки. Вот я и говорю, что по всей справедливости валькинги — солдаты что надо, верные и храбрые. А что делает их такими, можешь ответить?

Эйрар молчал, покачиваясь в седле. Утреннее солнце потоками пронизывало чашу. Сзади долетел шум глухого удара, потом смех. Это кто-то из вольных рыбаков свалился с коня — даже пожив в Хестинге, наездниками они так и остались никудышными. Лесная птица пронеслась над тропой. Эвадне, насвистывая, махнула вслед ей рукою.

— Об этом толковать надо не со мной, а с Мелибоэ, — сказал Эйрар наконец. — Я и сам собирался расспросить его минувшей ночью. А я... я, наверное, мало что понимаю, но сдается мне, что большинство из них — порядочные тупицы, боевого духа и жажды славы у них не больше, чем у...

— У кого, лягушонок?

Но Эйрару неожиданно вспомнился отец: старик тоже хвалил валькингов и говорил, что они со всеми поступают честно и по закону, всех признают равными и каждому дают возможность добиться многого, служа их государству. Они, говорил отец, умеют соблюсти честь державы и народа, не смешиваясь в браке ни с миктонцами... ни с Карреной. «За ними будущее, — повторял старый Эльвар. — За ними будущее, и нашему народу следует покориться судьбе. Ибо народы, как звезды на небе, не могут стоять вечно в зените. Одни опускаются за горизонт, другие восходят...»

— То, что предлагает людям Вальк — как раз для тупиц, — закончил он невпопад.

Эвадне рассмеялась.

— Этак ты сам у нас скоро заделаешься валькингом! — и продолжала, несмотря на его возмущенные протесты: — Знаешь, какую притчу рассказывают у нас в Двенадцатиградье? Однажды сколько-то смердюков вздумали отправиться к Колодцу на корабле. Но надо же знать смердюков: разве они допустят, чтобы кто-то один ими командовал? Порешили они нести вахту по очереди и править, кто как умеет. В общем, когда налетел шторм, единственный дельный моряк — а среди них был один капитан — спал, умаявшись после вахты, и они не подумали разбудить его, считая это несправедливым. Корабль разбило о рифы, и все потонули, так и не увидев Колодца. Тебе это ничего не напоминает?

— Если ты имеешь в виду, что во всяком походе должен быть вождь, — сказал Эйрар, — так кто с этим спорит? Уж не мы, дейлкарлы. Вся штука в том, как выбирать этих самых вождей. И сдается мне, что валькинги наловчились это делать немножко лучше нашего...

Она опять засмеялась.

— Ну и кто из нас теперь расхваливает сынов Бриеллы? Ох, лягушонок, говорила же я — философом тебе вовек не бывать. Да и придворным... ибо придворному надлежит спорить с женщиной лишь о делах сердечных, более ни о чем. Капитан на корабле должен быть капитаном... хотят того смердюки или не хотят. Вот мы шестеро: много ли мы получили в наследство от отца, кроме места в Гильдиях и военного искусства? Неужели вы, дейлкарлы, считаете, будто сын сапожника, выросший среди запаха кож, сумеет выжечь уголь сноровистее, чем природный сын угольщика? Короче: путь Бриеллы — либо путь Каррены, лягушонок. Каким пойдете вы, молодые правители Дейларны?

— Я не согласен... — начал было он, но она развернула коня и ускакала назад, сердито бросив напоследок:

— Я-то думала, что разговариваю с мужчиной! А ты, оказывается, все еще мальчишка!

Скрылась, и солнечный день как будто померк.

Вскоре после этого они выехали к сожженному дому. Обугленные, покосившиеся бревна еще дымились, пригашенные ночным дождем. Несколько всадников отправилось проверить, не осталось ли кого живого, но не нашли ни души. Эйрар собирался уже вернуться к отряду, когда из-под копыт коня раздалось тоненькое мяуканье. Эйрар присмотрелся и увидел котенка: полосатый малыш жалобно плакал, раскрывая розовый ротик. Эйрар спешился и протянул к нему руку. Котенок не испугался — сам подбежал, потерся о ладонь и дал себя погладить. Он был голодный и тощий, с глубоко запавшим брюшком. Плохо придется ему в лесной глуши под дождем, без хозяина, убитого, либо изгнанного «союзниками»...

— Иди-ка сюда, — сказал Эйрар и поднял котенка. Забрался в седло и устроил его под плащом — скоро тот пригрелся у тела и замурлыкал.

Тропа постепенно взбиралась все выше, пересекая лесные речушки, убежавшие на юго-восток, чтобы где-то там, далеко, слиться с притоками великого Наара. Около полудня отряд остановился у одного из таких ручьев на привал, выбрав под нависшей скалой местечко посуше. Эйрар крошил мясо для котенка, когда к нему подошел Эвименес.

— Не нравится мне все это! — хмурясь, сказал Звездный Воевода. — Когда мы ехали мимо форта, было уже светло. Наверняка они нас видели. И если только тамошний командир не вовсе дурак, по нашему следу рано или поздно помчится легкая кавалерия. И догонит — у них ведь с собою ни раненых, ни обоза. И уж они постараются нас задержать, пока не подоспеют тяжеловооруженные всадники...

— Ну и что? — спросил Плейандер. — Может, еще одну засаду устроим? Благо среди нас есть великий знаток по этой части...

Эйрар залился краской, но Альсандер сказал серьезно:

— Нет, это нас только еще больше задержит, чего они и добиваются. Ты-то сам что посоветуешь, брат?

Эвименес продолжал хмуриться:

— Было бы у нас побольше лучников... или мариоланских горцев, умеющих прятаться, как пауки по щелям... Холера возьми Рогей, вот же неугомонный! Только и думает что о собственной славе, а всю неблагодарную черную работу оставляет другим!.. Хестингарцы, опять же, носятся как ветер, но что от них толку здесь, в лесу? Нет, братья, нынче наш самый надежный заслон — Эйрар с его рыбаками. Будь моя воля, я бы попросил его встать позади отряда, вместе с полудюжиной наших латников, на случай внезапного нападения. А вьючных лошадей, наоборот, хорошо бы пустить вперед. Если появится погоня, рыбаки встретят ее копьями в пешем строю. Латники же в случае чего отобьют тяжеловооруженных.

Эйрар согласился, и отряд двинулся дальше. Они глубоко уже забрались в Холмы Фроя; здесь издавна мало кто жил, кроме угольщиков, так что на частые встречи рассчитывать не приходилось — и все-таки новая весточка от Рогей определенно не помешала бы!

Вечером расположились у одного из озер, которыми изобиловали впадины между холмами — и чем дальше на запад, в сторону дождливого Шелланда, тем более. На ночь выставили часовых. Утром послали в лес охотников, поскольку съестные запасы приближались к концу. Эйрар уложил из лука дикого кабана, кто-то настрелял птиц — и тем не менее, подгоняемые Эвименесом, лагерь свернули задолго до полудня. Полдень же ознаменовался серединой пути: проводник объявил, что они пересекли границу Шелланда. А спустя некоторое время по левую руку меж двух горушек открылось озеро и на прибрежной лужайке — скромный дом.

Эйрар ехал среди своих рыбаков, позади отряда. Он пришпорил коня, когда ему передали, что в доме их ждал еще один проводник-белореченец, оставленный Рогеем. По словам этого человека, сам Рогей поспешил дальше, уверенный, что основной отряд не собьется с дороги. Он разослал своих людей на север и на запад, к Ставорне, желая выведать, за кого стоит местный люд и много ли валькинггов в городе. Рогей предлагал встретиться в Геспелнице: так назывался постоялый двор и таверна на дороге, проложенной из Ставорны в Скогаланг вдоль подножия Холмов.

Выслушав, Альсандер принялся недовольно ворчать, но делать было нечего: Геспелниц, так Геспелниц. Когда рыбаки Эйрара показались между деревьями, передовая часть отряда во главе с новым

проводником и вьючные лошади уже меряли копытами дорогу по направлению к неведомой таверне. Они едва дождались, пока подтянутся остальные. Словом, прошли в тот день не особенно много, но зато на пустое брюхо, отчего, понятно, люди были не в восторге. Перед сном Эйрар вновь поделился едой с котенком, который затем свернулся клубочком у его шеи и, мурлыча, щекотал его шерсткой, пока не заснул. «Первый искренний друг, — грустно думалось Эйрару. — Как же мне назвать тебя, киска?»

Утром снова начало моросить — по-шелландски занудно, при полном безветрии. Почки на глазах раскрывались под этим дождиком, а вдоль дороги проклевывались цветы, но голодным и измученным людям было не до того. Они ехали и ехали вперед, то и дело минув озерца и пруды, дававшие начало речушкам. Долины становились постепенно все шире, а дорога — наезженной, с четкими следами колес, а за полями, на которых растили лен, виднелись крыши хуторов. И тем не менее, чего-то недоставало, но чего именно, Эйрару, по-прежнему занятому размышлениями о Каррене и Вальке, выяснять было недосуг. И лишь когда они близко проехали мимо одного такого хутора в три домика, мимо человека с суровым лицом, опиравшегося на мотыгу и не ответившего на приветствие — Эйрар осознал, что вокруг не было видно ни человека, ни дымка над крышей, ни даже собаки. Словно они были завоевательской армией, перед которой в ужасе разбегалось население.

Это показалось ему столь странным, что на привале — а привал вновь устроили натошак, причем перед тем пришлось пересекать довольно большую реку, в которой все вымочили ноги — он подошел к другим вождям посоветоваться. Звездные Воеводы, как выяснилось, тоже отметили царившее в Шелланде безлюдье. Они посылали людей на два или три хутора за едой, но те обнаружили лишь немного овса в одном из сараев.

— Самое скверное, — подытожил Альсандер, — мы не знаем, то ли это Рогей умудрился напакостить, то ли у шелландцев такие уж нравы... либо это валькинги подстраивают нам ловушку. Ох, до чего не люблю я вот так блуждать с завязанными глазами! Мы с братьями привыкли за себя отвечать, но для этого неплохо бы знать, что все-таки происходит. Паршивец Рогей — взялся, понимаешь, командовать! Иди туда, иди сюда. А нас спросил? Да еще скрывает свои намерения, хотя мы имеем полное право знать все!

— Кажется, слепой недоволен, что у него хромой поводырь, — хмыкнул Мелибоэ. Альсандер ответил злым взглядом, но Эвименес вмешался:

— Вспомним-ка лучше, брат, доброе старое правило: пролитого не поднимаешь, так что давай займемся тем, что нам предстоит. Рогей подождет, с ним мы еще разберемся. А вот как быть с этими бесконечными переходами на голодное брюхо? Люди измотаны и, случись что, пожалуй, не выдержат новой битвы вроде той, четыре дня назад!

— Может быть, остановимся здесь? — предложил Альсандер. — Отправим людей пополнить припасы, а в Геспелниц, или как его там, пошлем разведчика. Пусть перехватит нашего шустрого мариоланца... — И мрачно глянул на Эйрара: — Что скажешь, господин дейлкарл?

— Я... — начал Эйрар, но осекся: — Прежде, чем что-то решать, надо бы вывести побольше. Где проводник?

Позвали белореченца. Эйрар пригласил его сесть, и тот поведал, что до Геспелница осталось не менее пятнадцати тысяч шагов; постоянный двор был расположен на перекрестке дорог в местности, славившейся молочными стадами. Там часто собирались погонщики скота, и если уж где-то можно было раздобыть последние новости, так скорее всего именно там («Ну да, и так же точно разрезвонят про нас...» — недовольно проворчал Плейандер). Гостиница была выстроена из дерева и покрыта дранкой, а расположена в низине, что, в общем, затрудняло ее оборону (это на вопрос Плейандера, что представлял собой Геспелниц). Вокруг было чистое поле, но саму харчевню окружала рошица (это Эйрар спросил, легко ли, например, всадникам с пиками добраться до ее стен). Но на вопрос о настроениях хозяина проводник только развел руками — чего и следовало ожидать, поскольку белореченцы были в большинстве своем домоседами и равно не любили ходить в гости сами и принимать у себя чужих.

— Ну так вот вам мое слово, — сказал Эйрар. — По-моему, надо бы нам немедленно двигаться вперед и добраться до Геспелница, чего бы это ни стоило. Мы найдем там еду, это уж точно, и либо встретим Рогей с его парнями, отчего нас сразу станет в полтора раза больше, либо, во всяком случае, будем загодя предупреждены об опасности и сможем вернее оторваться от погони.

Разгорелся короткий спор. К немалому удивлению Эйрара, Плейандер его поддержал, а Эвименес был против. Эвадне хмурилась и кусала губу, Альсандер осторожничал, но, в общем, тоже склонялся к мнению Эйрара. Мелибоэ сидел по другую сторону огня, шипевшего в сырых дровах. Пальцы волшебника переступали по мягкому зеленому мху. Котенок, выбравшийся из-под Эйрарова плаща, подкрался к магу и принялся ловить лапками его пальцы, уверенный, что с ним играют. Когда решение о раннем выступлении и долгом переходе назавтра было почти уже принято, Мелибоэ неожиданно поднялся и перебросил котенка на колени трангстедцу.

— Ни один зверь, — сказал он, — не понимает человека лучше, чем кошка... Юноша, я не воитель и не стратег и не берусь советовать, что следует делать. Однако гадание открыло мне, что в Геспелнице тебя подстерегает страшная опасность. Лучше избери иной путь!

— И нас... тоже подстерегает? — осведомился Плейандер. Судя по голосу, карронец был потрясен, чему Эйрар несказанно удивился.

Глаза волшебника закатились:

— Да, и вас тоже... но не столь грозная, ибо у вас свои судьбы. Опасность, о которой я говорю, относится лишь к нему.

Эйрар почувствовал, как стянуло кожу на скулах.

— Раз дело касается меня одного, я повторяю — надо идти. Прошлый раз я прислушался к такому вот гаданию об опасности и потерял... слишком много потерял!

Тем дело и кончилось. Эйрар отправился к своим рыбакам, и к нему присоединился Мелибоэ.

— Уж очень ты прямолинеен, молодой человек, — сказал он ему, пока шли.

— Да нет, я не о предсказании, юные храбрецы вроде тебя постоянно ими пренебрегают, вы ведь ужасно самостоятельные и не терпите никакого принуждения... ну да нам, философам, к подобному отношению не привыкать... Но зачем было говорить об этом так прямо и при всех, да еще после того, как Плейандер выдал свой страх? Эвадне, милый мой, к тебе как раз то и влечет, что ты не такой резкий и грубый, как она сама. Тоже избранник судьбы, но помягче; кое в чем она тебя превосходит. Да, с такими бесстрашными и дерзкими девушками — свои сложности. Проявишь жесткость, властность — и тотчас ее потеряешь. Короче говоря, делай что хочешь — но тоньше, дружок, тоньше, если в самом деле намереваешься чего-то добиться!

22. ШЕЛЛАНД. ЗЛО, ПОДСТЕРЕГАЮЩЕЕ В ГОСТИНИЦЕ

Они ехали. Мучимые голодом и мозолями, натертыми о седла, они все-таки ехали. Люди сделались молчаливы и открывали рот большей частью для ругани. Однажды Эйрар еле успел вмешаться, чтобы предотвратить драку между карренским латником и одним из своих рыбаков. Хорошо хоть, погода чуть-чуть разгулялась, дождь больше не донимал их, но и без того переход выдался тяжкий и вдобавок до невозможности скучный. Когда котенок начал беспокойно возиться и пришлось выпустить его погулять — даже это показалось Эйрару разнообразием. Правда, шустрый малыш тут же исчез в зарослях бурьяна. Пришлось Эйрару побегать за ним, краснея под градом насмешек, которыми засыпали его карренцы.

Будь он в другом настроении, он бы заметил, как редели кругом леса и все чаще появлялись фермы, а на фермах — люди и скот. Но ему было не до того, и он искренне изумился, когда за одним из поворотов, за отлогим подъемом, его глазам предстали люди, ожидавшие отряд. Спешившись, они стояли подле коней, а позади них уже виден был Геспелниц: широкий луг плавно сбежал к длинной одноэтажной гостинице под сенью древних дубов. На дубах чернели грачиные гнезда, вокруг стояли большие хлева, выстроенные, должно быть, нарочно ради погонщиков скота и их стад. А дальше — далеко-далеко, за рощей и хлевами, за мягкими увалами полей и лугов — острое зрение Эйрара различило мерцающую серебряную полоску. Это была главная река Шелланда — Веллингсведен. Так вот почему постоянный двор выстроили именно здесь: снизу по реке приходили корабли из южных земель, сверху — лодки из окруженной горами Ставорны. Нежданно открывшийся вид был до того хорош, что Эйрар, спускаясь с холма, едва прислушивался к разговорам товарищей — да, в общем, ни о чем особо важном они и не говорили. До цели было рукой подать; казалось, от этого усталость сразу навалилась вдвое сильнее.

Трое или четверо, выехавшие навстречу отряду, издали казались похожими на смуглых мариоланцев. Подъехав поближе, Эйрар увидел, что они были без кольчуг. Потом он узнал Толкейла — того самого, некогда извлеченного мокрым и трясущимся из болота близ Салмонессы. Толкейлу определенно было о чем порассказать, но он держал язык за зубами, пока все не спешили и не прошли на негнущихся ногах внутрь таверны, где служанки и несколько миктонских девчонок во главе с хозяином уже выкладывали на столы окорока и разливали пиво. Эйрару с первого взгляда не понравился хозяин, мордастый здоровяк, чьи коротко остриженные волосы щеткой торчали надо лбом — он сновал туда-сюда по-собачьи, то гавкая на прислужниц, то угодливо кланяясь гостям, готовый, кажется, им пятки лизать. Толкейл еще больше настроил Эйрара против толстяка, рассказав, что тот не принадлежал ни к Железному Кольцу, ни к «союзникам»: желая вернее сберечь себя и гостиницу во время нынешних смут, он принял священнический сан. Звали его Виндхугом.

— Хорош священник: выбирай любую девчонку — и не моргнет, только плати,

— хмыкнул Толкейл. По его словам, местные жители пытались жаловаться епископу Шелланда, но епископ, будучи валькингом, не больно-то опечалился оттого, что дейлкарлы рассорились со своим священником: пусть, мол, идут жениться в валькинговские суды, а за сердечным успокоением — едут к Колодцу. Одним словом, епископ палец о палец не ударил — и Виндхуг по-прежнему процветал.

Утолив голод, военачальники смогли наконец отделаться от священника и служанок и, собравшись в уголке, послушать Толкейла. Кое-что из рассказанного им они уже знали. Например, то, что, перебив и разогнав у Вороньей Башни валькинговских «союзников», Рогей разослал свой отряд по окрестностям группками по три-четыре человека. А вот то, что он велел им открыто говорить, кто они таковы, и всем сообщать, будто на самом деле они

— лишь авангард громадного войска хестингарцев и салмонесцев, только что одержавших важную победу и идущих освобождать Шелланд — это было уже нечто новенькое.

— Кто надоумил болвана?.. — зарычал Альтсандер.

— Погодите, — изумился мариоланец, — но ведь в Ставорне стоит полная терция, с кавалерией и «союзниками». Вождь Рогей рассудил, по-моему, разумно: пусть их думают, что нас больше, и не высовываются. Разве не так?

Стало быть, вот почему шелландские хутора у Холмов стояли пустыми...

— Нет, не так, — мрачно сказал Альтандер. — Впрочем, давай рассказывай дальше.

— Что до меня, — продолжал Толкейл, — мы с ребятами проехали до Глоса — это укрепленный город у дельты Веллингсведена, там, где река разделяется на множество рукавов. Донеся свои якобы вести чуть не до городских ворот, мы заночевали поблизости, а потом вернулись в Геспелниц подождать остальных. Правда, та ночевка едва не стала последней: хозяин оказался изменником и среди ночи подпалил сеновал, где мы расположились. И, что самое обидное — удрал безнаказанным. Ему, знать, нравится жечь костры, ну так мы и устроили славенький костерок из его дома...

— Ступай, — сказал Альтандер коротко и повернулся к остальным вождям: — Ну и кашу заварил наш дружок, прах его побери! Я не большой знаток валькинговских способов воевать, но если я вообще что-нибудь смыслю, командир ставорненской терции поступит теперь так, как поступил бы на его месте я, а именно — двинет всю силу к Холмам, чтобы не пустить на равнину войско, о котором раззвонили эти балбесы... то есть свалится прямо нам на головы. Так что мы, похоже, в ловушке!

— Я думаю, отдых и еда придадут людям силы, — сказал Эвименес. — Можно будет, пожалуй, предпринять еще один такой переход, как нынче. Но вот как удрать от легкой конницы с нашими тяжелыми латниками? Да и рыбаки — наездники еще те...

— Остается море, но где раздобыть лодки? Хорошо бы, конечно, посоветоваться с каким-нибудь верным шелландцем... хотя я скорее поверил бы Дракону Филедии, чем нашему любезному хозяину!

— Рогей принадлежит к Железному Кольцу, — сказал Эйрар. — Когда он вернется, я думаю, он уж кого-нибудь да приведет. Но вот что мне, например, непонятно, так это зачем бы вообще в Ставорне стоять полной терции? Не знаю, заметили вы или нет, но, по-моему, здесь, на севере, и под валькингами не так уж плохо живут. Тем не менее, даже в столь беспокойном месте, как Мариола, держат всего полутерцию. А здесь — целую! Почему?

— Для дейлкарла ты наблюдателен, — сказал Альтандер. — Однако к нынешним делам все это мало относится. Хотя вообще я слышал что-то там такое насчет похода против герцога Ос Эригу...

Волшебник Мелибоэ, по давней привычке слушавший молча, при этих словах поднял голову:

— Ты неправ, Воевода. Прав молодой вождь, который, в отличие от тебя, постиг, что все очевидное и хоть как-то имеющее отношение к делу есть лишь отражение вещей невидимых и вообще не из этого мира... Метафизика, говоришь? Ладно, попробую объяснить. Кажется, вы связывали с Ос Эригу какие-то надежды?

— Никаких! — горячо воскликнул Плейандер. — Мы надеемся лишь на себя, а больше — ни на кого!.. — Но брат-стратег перебил:

— До некоторой степени. Ну и что?

— Стало быть, — продолжал Мелибоэ, — вы считаете его умелым и опытным воином, так?

— Это уж точно, — покривил тонкие губы Альтандер. — Если бы не его набег, у нас и сил и времени больше было бы для борьбы со смердюками. И тем не менее, ненависти между нами никакой нет. Он всегда вел свои игры, а мы — свои, так что при случае мы пожмем друг другу руки... я полагаю.

— Не сомневаюсь... Вы, уроженцы Додекаполиса, и черту лапу пожмете, если он пообещает приделывать женщинам хвосты. Но я не об этом. Если Микалегон и вправду стоящий воин — в отличие от того другого герцога — он скорее всего знает, куда собралась двинуться ставорненская терция, верно?

— Пожалуй. — Альтандер взялся за подбородок, потом ударил кулаком по ладони: — Ха! Ты хочешь сказать, что он, как и я бы на его месте, скорее всего, решит опередить их! Ударить первым, а?

— А если, — сказал Эвименес, — если он надумает пройти сушей — северными провинциями, через Железные Горы?

Мелибоэ и Эйрар засмеялись разом, хорошо зная, что герцог-пират Ос Эригу с его замком, стоявшим почти на острове, всей своей славой был обязан исключительно морю.

— Добро, — улыбнулся Альсандер. — Но нам-то с этого что?

— А я, кажется, догадываюсь, — сказал Эйрар. — Мы должны достичь побережья и выйти в море хотя бы на нескольких кораблях. Пусть они разыщут в море врага наших врагов: он станет нашим союзником. Только вот шелландцам все это вряд ли понравится...

Мелибоэ поглядел на него снисходительно.

— Юноша, ты, бесспорно, счастливчик и притом не лишен некоторых талантов. Но я не устану удивляться твоему желанию непременно устроить так, чтобы все были довольны. Давать каждому выбор — это правило валькингов. Кончится тем, что ты сокрушишь их в бою, но по сути победа будет за ними!

...Было решено отправиться к морю без промедления, как только люди и особенно раненые смогут двинуться с места. Как далеко до берега — никто толком не знал, а хозяина спрашивать не хотелось. Позвали проводника-белореченца, и тот сказал, что не менее двадцати лиг. Потом речь зашла о Рогее. Карренцы ждать его не желали, но тут уж Эйрар уперся.

— Это, если хотите, еще одно испытание духа, — сказал он твердо. — Такое же, как тот бой на дороге. Не годится бросать в беде товарищей, даже провинившихся!

Вскоре, выставив караульных внутри гостиницы и снаружи, все разошлись спать. По мнению предводителей, Мелибоэ дал дельный совет.

На другой день, перед рассветом, их разбудила вновь прибывшая группка мариоланцев и с ними трое-четверо шелландских юношей, решивших примкнуть к восстанию. Все они приехали на собственных лошадях, но мечей у них не было. Многие парни неплохо знали местность и при нужде могли послужить проводниками. Они рассказали, что дорога от Геспелница на запад вела прямо к перевозу через рукав Веллингсведена — почти точно к тому месту, где Эйрар видел воду с холма при подъезде к гостинице. Они подтвердили, что до берега моря было в самом деле лиг двадцать, только вот найти там лодку было нелегко, ибо мало кто из жителей промышлял рыболовством. А торговые корабли обычно проходили вверх по течению, в Глос, славившийся рынком.

Тут с новой силой разгорелся спор, который вчера посчитали было оконченным.

— Надо выступать немедленно! — настаивал Эвименес. — Захватить перевоз и быстренько переправиться в дельту. Пусть между нами и валькингами будет река, хоть тогда спокойно вздохнем!

— Подождем Рогей и остальных, — стоял на своем Эйрар. — Иначе нельзя.

Спор грозил кончиться ссорой. Напрасно Эйрар с мольбой поглядывал на Мелибоэ, ожидая от мага каких-то примиряющих слов. Мелибоэ молча слушал и лишь рассеянно поглаживал бороду. И вышло так, что все решила Эвадне, взявшая сторону Эйрара со словами:

— Братья! Я тоже считаю, что это бессмысленное упрямство. Но, как я слышала, войны выигрывают преданные сердца. И если теперь мы не уступим — ей же ей, никакой верности нам больше здесь не видеть.

И трое Звездных Воевод, как всегда, тотчас уступили сестре. Войско осталось в Геспелнице еще на день.

Уединясь в укромном уголке, Эйрар возился с котенком и думал свою невеселую думу. Да, карренская девушка ему помогла; но не потому, что видела его правоту. Вовсе нет: просто хотела заслужить его благодарность. А он совсем не желал быть ее должником, и вообще, не нравилась ему эта двойная игра... В его родных местах подобного не водилось. Уж не ловушку ли ему снова подстраивали?..

К вечеру едва не разразилась гроза: с севера приехал очень довольный собою Рогей и с ним еще двое шелландцев. Альсандер тотчас схлестнулся с мариоланским вождем — пришлось Эйрару напомнить Звездным Воеводам их собственное любимое правило: «кто старое помянет, тому глаз вон». Это предотвратило ссору, хотя тот и другой долго еще продолжали ворчать.

О передвижении ставорненской терции по-прежнему ничего не было слышно, но Рогей рассказал, что дороги точно вымерли, Глос стоял с запертыми воротами, а из придорожных укреплений зачем-то отозвали всех солдат.

Следовало при первой возможности двигаться к перевозу. Рогей предложил послать Толкейла с кем-нибудь из верных шелландцев на ближнюю горку:

— Пусть направляют следом за нами всех, кто подъедет позже. Пускай зажгут факел или костер и...

Но надо же было случиться, чтобы как раз тут Плейандер вскинул голову — и встретил недобрый взгляд Виндхуга, стоявшего поблизости с полуоткрытым ртом и ни дать ни взять жадно глотавшего их разговор. Мгновенно вскочив, карронец сгреб толстяка за жирный загривок:

— Ах ты, собака! Шпионить вздумал?! Собрался продать за медный айн и нас, и все наши планы? Ну-ка, братья, чикнем ему глотку да вобьем в нее монету, чтобы побыстрее добралась до брюха!

Заливаясь слезами, Виндхуг упал на колени.

— Я священник!.. — рыдал он. — Вас проклянут в Храме... Я никому, никому не скажу ни единого слова, только, пожалуйста, не убивайте меня...

Безжалостный Плейандер пропустил все это мимо ушей. Он готов был прямо сейчас же выволочь сутенера-священника за порог и не дрогнув прикончить — но Эйрар протестующе поднял руку:

— Так не поступают в Дейларне! У нас не принято убивать за дурные манеры. Сперва докажи, что он нарушил закон, Божеский или людской. Этот малый и мне не больно-то нравится, но никакого преступления за ним я пока что не вижу!

Между тем на крики и плач Виндхуга сбежалась чуть не половина отряда. Видя, что это просто-напросто их вождь наказывает головореза, карренские латники вернулись к своему пиву и игре в кости, а дейлкарлы остались, и Эйрар, не забывший расправы, учиненной этими самыми людьми над Бритгальтом и его сыновьями, с удивлением услышал одобрительный ропот, встретивший его слова. Плейандер с не меньшим удивлением обвел глазами лица воинов... и выпустил Виндхуга. Тот на карачках подполз к трангстедцу и попытался облобызать его руку. Эйрар отпихнул его:

— Поди прочь.

Они покинули постоянный двор ночью, при факелах, под морозящим дождем. Кони фыркали и трясли гривами, недовольные тем, что вместо ночного отдыха снова приходилось работать. Дорога впотьмах показалась много длиннее, чем днем. Эвадне ядовито посмеялась над Эйраром, взявшим с собой котенка:

— Ты что, вроде братца Плейандера? Тоже предпочитаешь... не с женщиной, а как-нибудь по-другому?

— Нет, — отвечал Эйрар хмуро. — Кошка — мой талисман и защита от всякого зла, которое вздумало бы одолеть мою душу. Мое счастье и знамя...

— и кивнул на череп горного кота, плывший над головами на высоком шесте: со дня битвы рыбаки с ним не расставались. По правде говоря, до сего дня Эйрар думать не думал ни о каких знаменах и талисманах — эти слова сорвались с языка, порожденные нечаянным вдохновением. Эвадне странно глянула на него и отъехала прочь. Эйрар поискал глазами Мелибоэ, но не нашел.

На берегу Веллингсведена не оказалось ни парома, ни перевозчика, а до другого берега — добрая тысяча шагов. Воины принялись кричать и размахивать факелами, но никто так и не появился из темноты. Несколько вольных рыбаков, привычных к воде, вызвались разведать, в чем дело. Молодые шелландцы живо извлекли короткие боевые топоры, что у них от века в ходу — тяжелые, кованые из одного куска железа вместе с топорщами, — и принялись рубить прибрежные деревья. Из бревен связали плот, на котором отчалило во мрак несколько Эйраровых молодцов. Остальные уселись на берегу ждать их возвращения — или рассвета.

В предутренних сумерках рыбаки возвратились и пригнали дырявую лодку: двое гребли, третий без устали вычерпывал воду. С ними в лодке был седой старик, которого они повстречали в мазанке за рекой.

— Три дня назад священник из Геспелница передал весть, будто в стране появилось войско захватчиков, — рассказал дед. — Надо, мол, задержать их у берега, пока не подойдут терциарии. Откуда же нам было знать, что на самом деле вы — восставшие дейлкарлы?.. Мы думали — опять язычники из Дзика пожаловали. Словом, угнали паром вверх по реке, в Глос...

Плейандер зло повернулся к Эйрару:

— Ты и теперь станешь утверждать, что твой Виндхуг — не предатель?

— Это еще ничего не доказывает, — ответил Эйрар. — Мало ли как могли аукнуться те слухи, что распустил Рогей.

— Предатель, не предатель, — сказал Эвименес, — у нас в любом случае нет времени возвращаться для сладостной мести. Надо уносить ноги, да поживей!

К счастью, старый шелландец припомнил, будто в нескольких сотнях шагов ниже по течению вроде стояла какая-то бесхозная баржа. Он повел часть людей на поиски, остальные снова принялись рубить деревья и делать плоты. Вскоре первые несколько плотов отчалили от берега; лошади плыли следом. В это время подъехала еще группка мариоланцев из отряда Рогей. По их словам, они без отдыха скакали всю ночь, преследуемые по пятам валькинговской кавалерией. Один из коней хромал, другой нес сразу двоих.

Услыхав такие вести, люди еще больше заторопились.

С рассветом вернулись отправившиеся за баржей. Баржа текла по всем швам и выглядела до крайности неприглядно, но делать нечего — ведя лошадей, на нее без промедления начали грузиться воины, не умевшие плавать.

Солнце встало в тумане; дождь все еще моросил. Никто не спал в эту ночь, все были голодны, и тем не менее Эйраром владело странное возбуждение. Он даже запел:

К далекому морю речная волна любимую скоро умчит от меня.

Пускай за кормою растает и след — мы с ней не забудем этот рассвет...

Прощай!

— Смелое деяние, от которого многие пострадают! — подал голос Висто. — Ты, Эйрар, поистине вождь смельчаков! Пусть Кошка станет нашим знаком и боевым кличем навек! Крылатый Волк был хорош, но с ним Дейларна погибла.

Эйрар умолк и призадумался.

К полудню через реку перебрались все, за исключением троих парней из отряда Рогей, так и не явившихся в условленное место. Стоя у края воды, воины смотрели через реку на валькинговских конников, гарцевавших и потрясавших копьями на оставленном ими берегу.

23. ШЕЛЛАНД. СПОР С ЧАРОДЕЕМ

К северо-западу от Веллингсведена лежит низменная, болотистая страна. В бедных мазанках ее жителей из-за постоянных набегов морских разбойников трудно обнаружить что-либо ценное. Живущих здесь шелландцев никто не считает особенно доблестными; тем не менее, они не желают никуда уезжать из родных мест, во-первых, потому, что земли здесь баснословно тучны, а во-вторых, потому, что среди всех дейлкарлов здешние жители по праву слывут первейшими упрямыми. Валькинги выстроили у моря всего один или два форта и прислали туда конников, способных быстро доставлять вести о появлении пиратских судов. Берега проток и рукавов Веллингсведена густо заросли ивняком, сухопутные дороги извилисты.

Остаток дня маленькое войско шло на юго-запад по одной из таких дорог. Теперь в нем было более семидесяти бойцов. Иные присоединились к нему в Белоречье, иные — в Шелланде. Даже здесь, в стране болот, сыскались один-два добровольца — но не более, ибо местные не считали бесчестьем числиться в «союзниках» и не торопились приветствовать восставших.

К вечеру отряд вошел в деревеньку — два ряда низеньких домиков по сторонам дороги. Здесь устроили привал на ночь; воины опускались наземь и засыпали мгновенно, порою не дожидаясь еды.

Да, теперь все зависело от скорости, да еще от герцога Микалегона, который мог прийти с океана, а мог и не прийти. Если он не придет — ловушка захлопнется. Хотя валькинги, конечно, тоже намучаются, пересекая Веллингсведен, да и их знаменитая кавалерия никого больше не пугала, ведь у восставших были и карренские тяжелые латники, и легковооруженные всадники-хестингарцы.

Чумазные ребяташки разбудили отряд рано поутру криками и шумной возней. Деревенский люд проводил воинов вполне дружелюбно. Им даже предлагали местное вино в бурдюках, настоящее на кореньях и травах — но только за деньги.

Эйрар теперь и сам был бы рад избавиться от котенка, которому, останься он и дальше при нем, предстояла бы нелегкая жизнь. Одна из деревенских женщин и вправду присматривалась к малышу, но Эйрар счел ее неряхой и не смог заставить себя отдать полосатого приятеля в заведомо скверные руки.

Они ехали и ехали в тумане сквозь густые заросли ив, по раскисшей дороге...

— Выше нос! — сказала Эйрару подъехавшая Эвадне. — Нам с братьями хуже пришлось, когда в Каррене взяла верх Народная партия и нас шестерых мало не вздернули. Тем только спаслись, что как раз в те дни прибыли гонцы от мариапольских гильдий — звать нас в Дейларну. Даже смердюки сразу расчухали, как это прославило бы Каррену! И все-таки, — продолжала она, — удивляюсь я этой твоей слепой вере в удачу. Взять хоть нас: мы знаем, что правы, и поэтому верим, что сумеем в конце концов победить. А ты? Сам не ведаешь, прав или нет, и только знай надеешься на свое счастье...

Он хотел возразить, но тут они въехали в очередную болотную деревушку, пришлось расспрашивать о новостях, а потом подошел Эрб, чем-то страшно довольный.

— Эгей, молодой вождь! — крикнул он весело. — Наши друзья валькинги куда как бойко дерутся у себя в горах — посмотрим теперь, как-то они будут выглядеть в море, носом к носу с герцогом Микалегоном! Чего доброго, еще заплатим им должок-другой, а?

— Чему это ты так радуешься? — спросил Эйрар. — Покамест мы удираем, и еще никому не известно, сумеем ли удрать...

Долговязый рыбак снял стальной шлем и поскреб в затылке:

— Да, вождь Эйрар, ну и вопросы ты иной раз задаешь — ни дать ни взять моя сестрица Эрвилла... или священник. Ну что тут ответить?.. Может, просто ветер опять стал соленым? Вот — можно унюхать... хватит уже с нас неподвижных каменных гор, похожих на валькинговские значки!

Эйрар заметил:

— Это, между прочим, горы Дейларны.

— Ну да, конечно... — Рыбак скривился, усердно соображая. Дейларна под Пиком Бриеллы. Горный

пик, нависший над холмами нашей Дейларны, и под его сенью уже развелось полным-полно таких, как Виндхуг — рабов, довольных ярмом. Мы, народ Джентебби, в большинстве своем бедняки, но, по мне, лучше жить в бедности, чем так, как иные богатеи-шелландцы!

— А что ты скажешь про герцога Микалегона?

— Про Микалегона? Да что говорить, молодой хозяин, мы, вольные рыбаки, плохо петрим во всей этой тонкой политике. Нам хватит и того, что мы избрали Загребным старого Рудра — вот уж кто, я тебе доложу, голова! — но вообще-то я кое с кем перекидывался словечком, и все как один говорят: верно, вовсе не худо было бы поставить его над нами герцогом или там королем. Он человек щедрый, да и отваги ему не занимать. Сидит, понимаешь, в своем замке и плевать хотел что на Валька, что на Империю!

Это было уже интересно.

— Присоединиться к его пиратскому братству — и щипать Империю? Так, что ли? — спросил Эйрар. — Но ведь мы, кажется, восставали против Валька, чтобы вытащить нашу Дейларну из болота, а не затем, чтобы погубить ее окончательно!

— Погубить? Да каким образом, вождь? С Микалегоном мы ее никак не погубим. Он живет свободным в своей высокой твердыне на скале Эригу, и с ним его люди. Слышал я, главный зал там разубран еще побогаче, чем в императорском дворце в Стассии. У герцога всякий вечер по шесть блюд на столе, а воинов развлекают хорошенькие танцовщицы, и самые храбрые и прославленные вольны выбирать любых...

— Прямо как в Салмонессе, — пробормотал Эйрар и тотчас вспомнил Гитону, отданную герцогу Роджеру. — Да, там, должно быть, великолепно... А что, скажи, эти девушки — они тоже вольны выбирать?

Эрб поднял на него глаза, полные искреннего недоумения.

— Выбирать? Но они же танцовщицы... и ведут такую жизнь, потому что она им нравится. Ладно, вождь Эйрар, прости старика, никогда не бывшего молодым — откуда же мне было знать, что ты так смотришь на вещи... ну да Бог с ними с танцовщицами. Я к тому, что на Ос Эригу никто ни перед кем шею не гнет, а герцог знай себе отбивает вылазки миктонцев и держит в страхе язычников и не спрашивает у Империи ни дозволения, ни подмоги. Вот это, я понимаю, жизнь для настоящих мужчин, со сражениями время от времени, чтобы не разжиреть!

Эйрар не ответил, глядя на металлически блестящую ленту реки, вновь показавшуюся по левую руку — дорога, уведшая было их прочь, вновь приблизилась к берегу. В глубине души Эйрар начал уже надеяться, что герцог Микалегон подскажет ему ту золотую середину между Бриеллой и Карреной, которую он почти отчаялся отыскать. Однако покамест говорить об этом не стоило: Эйрар был достаточно умен, чтобы спросить себя самого — а если все дейлкарлы отправятся пиратствовать, подобно Микалегону и его людям? И, конечно, неминуемо начнут при этом нападать один на другого?.. «Без Мелибоэ не разобраться», — решил он наконец, а пока он был занят этими мыслями, ивы стали редеть и постепенно пропали совсем, и к западу, сколько хватит глаз, простерлась равнина песка и грязи, потом — чистый песок, а дальше было только синее море и бурые воды Веллингсведена, тихо изливавшиеся в синеву.

Это значило, что наступил самый напряженный момент. Всадники замерли в седлах, следя за тем, как Эйрар Ясноглазый смотрит из-под руки в морскую даль, ища корабли, которым следовало там появиться... если только судьба и вправду сулила им вырваться из западни.

— Они не пришли!.. — яростно выкрикнул Эвименес, но Эйрар перебил:

— А ну гляньте вон туда, на север: что там за светлые пятнышки на горизонте — то появятся, то пропадут? Эй, рыбаки! Не паруса ли играют на солнце?

— Ничего не вижу, — сказал кто-то, но Эрб пригляделся и радостно завопил:

— Клянусь Колодцем, паруса! Паруса!..

Некоторое время прошло в молчании. Корабли приближались, и вскоре ни у кого не осталось сомнений — это шел Ос Эригу. Шел прямо к ним. Многие воины спешили, разминая ноги, кое-кто начал шарить по седельным сумкам в поисках еды и питья. Вожди советовались, соображая, что предпринять.

— Все зависит, — сказал Альдандер, — от того, делал ли уже герцог высадку на берег в этом походе. Если да, он скорее всего примет нас, стоящих вооруженными на берегу, за местное ополчение и валькингговскую конницу, поднятую по тревоге. В этом случае он, пожалуй, решит высадиться и напасть. А вот если он не подходил еще к берегу — кабы он не посчитал нас терциариями, подоспевшими из Ставорны. Тогда он, чего доброго, повернет прочь. Этот человек знает, что делает, и военного опыта ему не занимать. Он вывел в море всю свою силу ради неожиданного удара — но на рожон не полезет, за это я поручусь.

— Не больно по-рыцарски... — заметил Эйрар, на что карренец расхохотался, а Рогей буркнул сквозь зубы:

— Настоящие рыцари нынче — вроде господина Ладомира Ладомирсона, сидят по щелям, слушая, как герольды объявляют награды, назначенные за их головы. Когда же рыцарь заплывает жирком, он превращается в герцога Роджера... Ну да не в том речь. Надо бы нам как-нибудь дать знать на корабли, что мы не враги. Но и тогда остается только гадать, как-то еще нас встретят!

Да, тут без толку было махать руками с берега — герцог мог счесть, что его заманивали в засаду. Но в это время к вождям обратились шелландцы и предложили пойти поискать кожаную лодку из тех, что были в ходу в здешних местах. С ними отправились Эрб, несколько рыбаков и Рогей — на всякий случай, в качестве посла.

— А не поехать ли и тебе с ними? — подтолкнула Эйрара Эвадне, но того одолела внезапная робость при мысли о встрече — вот так прямо, лицом к лицу! — со столь знаменитым воином и вельможей... да еще и вести с ним переговоры! Он пробормотал нечто невразумительное, отговариваясь котенком... Плейандер глумливо усмехнулся, Эвадне заметила его усмешку и тотчас сцепилась с братом из-за какого-то пустяка. Эйрар затосковал и отправился разыскивать Мелибоэ, а воины, рассевшись на песке, знай беспечно болтали между собой, строили какие-то планы...

Философ расположился на склоне дюны, аккуратно подстелив плащ и привалившись спиной к жесткому кусту. Доспехов на нем не было; он пристально глядел в море, где уже совсем отчетливо виднелись стройные корабли.

— Я хотел бы, — сказал ему Эйрар, — узнать твое просвещенное мнение по одному философскому вопросу. Сам я долго над ним размышлял, но так и не нашел решения по душе.

— Что за вопрос? — Казалось, волшебнику было вовсе не до него.

— Я к тому, что — неужели по любой дороге можно прийти только в Бриеллу либо в Каррену? Или все-таки есть еще какой-нибудь путь?

— Юноша, я отвечу на любой твой вопрос, только, ради всего святого, прекрати изъясняться загадками. Так что тебе от меня надобно?

— Вот что... — Котенок гонялся по песку за сухим листиком, и Эйрар рассеянно наблюдал за ним, подыскивая слова. — Вот что: должны ли все люди полностью подчиняться общему мнению, как утверждал тот дезерион, убитый Плейандером? По мне, это все равно, что быть слепым муравьем. А Эвадне говорит, что другой путь всего один — как у них в Каррене: дети слепцов тоже должны просить милостыню. Но какой же дейлкарл на это согласится?

Тут послышался крик, люди побежали к реке, указывая пальцами. Эйрар поднялся на ноги: из-за поворота реки появилась лодка. Она шла как-то странно, боком, чуть ли не вприпрыжку. Потом океанские волны приняли и закачали ее. Воины захохотали, когда сидевший в лодке Рогей очень понятным движением свесил голову через борт: где уж ему, сухопутному человеку, было вынести качку.

Мелибоэ даже не повернулся в ту сторону:

— Они нашли лодку, не так ли? Что ж, значит, мы спасены... и твоя Дейларна, похоже, на время избавлена от обоих зол. Однако я думаю, что девочка в конечном счете права... как правы утверждающие, будто ни один из нас в итоге не уйдет от старухи с косой. Видишь ли... насколько я понимаю, твой идеал — быть свободным и трудиться всем вместе. Тут все хорошо, пока вместе собираются двое-трое — строить хлев или охотиться на медведя. Но если в страну вторглись враги или случилось что-то еще, с чем не

справиться поодиночке — что остается делать, как не признать вождем человека, которого добрая половина в глаза-то не видела, а кое-кто даже и не слышал, что такой вообще есть? Может ли человек отдать больше, чем его верность и сила мышц? Может ли каждый править? Нет, не может.

— Я не вижу, каким образом...

— Вот заладил — не вижу, не вижу! Сын Эльвара, я могу лишь раскрыть перед тобой книгу, но читать ее ты должен сам. Однако, так уж и быть, помогу тебе разобраться ее по складам... Итак, — начал он, пристукивая пальцем, — допустим, военный вождь избран. Неважно, каким образом. Итак, у него власть. Но ведь он не бессмертен. Если его убьют в битве — считай, все пропало... если только не сыщется человек, способный без промедления занять его место. Вот так, милый мой, и образуются постоянные правительства: верхи, облеченные властью, и доверяющие этой власти низы. И мне известны лишь два способа поддерживать все это в равновесии. Путь Бриеллы — либо путь Каррены. Ну да, тут, конечно, полно всяких тонкостей и хитростей; все они поименованы в книгах — книги, видишь ли, для того именно и существуют, — но ежели покопаться, всякий раз приходишь либо к одному, либо к другому. Как распознать? Да очень просто: если дело решается происхождением — мы в Каррене. А если арифметикой — перед нами Бриелла. И в любом случае те, что внизу, не больно-то свободны...

— Есть еще герцог Микалегон, — напомнил Эйрар. Ему до смерти хотелось спросить, какой путь предпочел бы сам чародей, но робость перед философом и боязнь показаться совсем уж наивным сковывали язык.

— Да, есть такой, — ответил Мелибоэ. — Вон он там, в море, на кораблях. Ишь как они сгрудились вокруг лодки — верно, смекнули, что она доставила важные новости. Да, приглядишься к нему повнимательнее, Эйрар Счастливчик! Вот у кого свобода, так свобода — хочешь, оставайся при нем, а не хочешь — ступай на все четыре стороны...

И маг откинулся назад, прислонясь к кусту и обратив взор на море. Эйрар понял, что разговор кончен, но все-таки спросил еще:

— А что за опасность ждала меня в Геспелнице?

— Случилось такое, чего тебе, пожалуй, до смерти не расхлебать, — загадочно ответил волшебник и отказался что-либо пояснить, лишь почесал подбежавшего котенка под подбородком...

Между тем парусники совсем заслонили уютную лодку; на иных спустили пестрые паруса, так что корабли дрейфовали почти не приметно для глаза. Потом донесся еле слышный за расстоянием голос сигнальной трубы. Эйрар напряг зрение и различил, как по палубам засновали крохотные фигурки, как спущенные шлюпки коснулись воды и побежали к берегу по гребням волн, точно водяные жуки.

Один из Звездных Воевод окликнул Эйрара по имени. Пора было снова становиться вождем. Следовало позаботиться о Сивальде, в кровь стершем ногу, разобраться с Гиннбредом, клявшимся, будто у него стащили кинжал. Люди столпились у кромки прибора, Эвименес ругался, пытаясь навести порядок, а конники снимали выюки с лошадей.

...Эйрару второй раз предстояло путешествие по морю, но впервые — на таком большом корабле, и оттого он слегка растерялся, когда, взобравшись на борт, увидел трапы вниз и вверх — на полуют — и множество грозных с виду воинов, стоявших на шканцах. Корабль показался ему сущим городом на плаву.

— Осторожно — третья ступенька, — сказал кто-то над ухом, но предупреждение запоздало — Эйрар запнулся о сломанную доску и едва не упал. Там, наверху, рядом с похожей на огромного кузнечика баллистой стоял в окружении свиты богатырского роста мужчина, казавшийся еще выше оттого, что Эйрар поднимался к нему снизу по трапу. Он был облачен в ржавую кольчугу, продранную на плече, ни дать ни взять лопнувшую под напором могучих мышц, распиравших ее изнутри. Спутанная грива жестких черных волос падала на широченные плечи, густая борода торчала во все стороны, обрамляя лицо, на котором выделялись кустистые брови и широкий нос.

— А это, — прозвучал голос Рогея, — благородный господин Эйрар, владелец имения Трангстед, что в Вастманстеде, родовитый и доблестный вождь, уже дважды преуспевший в том, чего карренским Воеводам не удалось еще ни разу — а именно, повергнуть наземь алый треугольник Бриеллы...

— Добро пожаловать, Эйрар из Трангстеда! — прогудел богатырь и сам подался на три шага вперед, чтобы пожать Эйрару руку, словно тот был самое меньшее принцем. — По совести молвить, не Бог знает какая честь переплюнуть карренцев — я-то уж всласть пограбил тамошние города, — но чтобы одолеть Пик Бриеллы, надо быть воистину верхолазом!

— Карренские Воеводы... — начал было Эйрар, но прежде, чем он успел хоть словом засвидетельствовать их славу и свою собственную скромность — прославленный герцог уже повернулся навстречу следующему, взобравшемуся по трапу. Это был Альсандрер.

— Хо-хо! — загремел Микалегон и не просто пожал ему руку, — до хруста стиснул в своей. — Вот кому никаких герольдов не надо! Ах ты, старый Мешок Костей!.. Славными ударами мы с тобой обменивались в прежние времена — и, право, я чертовски рад, что ты нынче со мной, а не против меня! Альсид тоже здесь, я надеюсь? С него причитаются: его хитроумие однажды стоило мне доброго корабля...

— Валькинги, скоты, убили его, — глухо ответил Альсандрер, и Эйрар во второй раз удивился ему. Но тут на палубу поднялись остальные; снова зазвучали приветствия, потом началась суета, паруса поползли вверх. Но не успела флотилия повернуть в открытое море, как послышался крик с мачты одного из кораблей, а потом и из «вороньего гнезда» над их головами. Эйрар тоже поглядел туда, куда указывали вытянутые руки, и увидел: вся гладь Веллингсведена, от одного заросшего ивами берега до другого, была покрыта множеством лодок.

— Кажется, мы вовремя оттуда убрались, — сказал Альсандрер задумчиво. — Должно быть, толковый барон командует ставорненской терцией! Кто хоть раз видел, чтобы валькинги передвигались на лодках?

— Я — не видал, — отозвался Микалегон. — Зато кое-кому из них, пожалуй, придется нынче попробовать передвигаться вплавь. Чтобы хорошенько запомнили на будущее, кто в море хозяин. Эй, шкипер! Держи прямо на них! Да приготовьте-ка катапульты!

— Лево руля, — тотчас долетело с кормы. Захлопали над головой паруса, корабль стал разворачиваться. Но командир терциариев вовремя почуял опасность — лодки кинулись под прикрытие берега. Герцог Ос Эригу в гневе топнул ногой по палубным доскам:

— Вот так всегда — за удачу приходится платить неудачей! Господа, нашему походу конец: в Малом Лектисе о нас уже знают, а в Смарнарвиде — наверняка узнают прежде, чем мы туда доберемся. Шкипер! Курс домой!.. А вас, судари мои, прошу со мной: я желаю вам кое-что показать.

24. СЕВЕРНОЕ МОРЕ. ЧТО-ТО КОНЧИЛОСЬ

...И с этими словами он растворил низенькую дверцу под полукотом — такую низенькую, что даже Альсандер, намного уступавший в росте и Эйрару, и герцогу, был вынужден пригнуться. За дверцей обнаружилось помещение шириной от борта до борта, с окнами по сторонам и койками под ними. Корабль покачивался, по полу со стуком перекачивалась всякая всячина, наваленная в беспорядке. Герцог Микалегон нырнул под поперечные бимсы, поддерживавшие низкий потолок, и грохнул кулаком во внутреннюю дверь:

— Эй там, проснулись?

Эйрар не расслышал ответа, но Ос Эригу, явно удовлетворенный им, распахнул дверь. Входя следом за карренцами и Рогеем, Эйрар успел заметить что-то яркое, мелькнувшее в лучах света, вливавшегося сквозь широкие кормовые окна... И вот Микалегон отступил в сторону, поклонился и простер руку жестом ярмарочного зазывалы:

— Морской орел нынче скогтил золотых фазанчиков, хо-хо! Как, незаконные собаки, вы еще не на коленях? Неужели вы не узнаете достославную Аурию, принцессу Империи?

И точно: перед ними стояла высокая светловолосая девушка в зелено-золотом одеянии, с капризным ротиком испорченного ребенка и маленькой, червонного золота короной на бледно-золотых волосах, уложенных в замысловатую прическу. Эйрару бросилось в глаза, что губы у нее были накрашены.

Почтение к Империи сидело все еще крепко: Альсандер первым медленно преклонил колено, за ним Плейандер и остальные, в том числе Эйрар. Никому не хотелось выглядеть невежей и грубияном.

Девушка рассмеялась — звонко, точно золотой колокольчик, — но голос прозвучал почти насмешливо:

— Спасибо вам, господа — и поднимитесь скорее с колен, не то как бы я не приняла всерьез вашу готовность служить, да не приказала вам выхватить мечи и прикончить этого так называемого храбреца, воюющего против беспомощных женщин. Нет-нет, только не пытайтесь меня убедить, что вы бы повиновались...

Ос Эригу хмыкнул в бороду:

— Пожалуй, принцесса. Или... а что, может, найдется среди вас хоть один рьяный поборник Империи, которому захочется треснуть меня по башке? Нету? Жалко, я бы предложил ему честный поединок безо всякого вмешательства со стороны... Другое дело, драться-то ему пришлось бы не за Империю, а за нареченную невесту нашего общего друга, четырнадцатого графа Валька по прозвищу Неразумный... Ладно, хватит трепотни! Мы все-таки воины, а не менестрели. Ступайте, голубки, прогуляйтесь по палубе, а мы пока побеседуем.

— Нет, что за манеры! — возмущенно топнула ножкой золотоволосая девушка, когда герцог крепко взял ее за локоток, выпроваживая за дверь. Но Эйрар, по правде говоря, пропустил половину сказанного мимо ушей — ибо, поднявшись с колен и услышав «голубки», огляделся в поисках второй, увидел... и точно молния пригвоздила его к месту.

Рядом с принцессой стояла еще одна девушка — и откуда-то он уже знал, что будет следовать за Нею... за Нею всю жизнь, только за Нею, хотя бы это было в некотором роде изменой Гитоне и тому идеалу, что жил в его воображении... Она была невысока ростом, но и не мала, с не Бог весть какими правильными чертами лица. Эйрар заметил точеный подбородок, тонкие ноздри... нет, нет, все не то, можно ли словами описать молнию? Он не взялся бы назвать даже цвет Ее глаз, а в голове сама собой зазвенела песня:

«Как я узнаю Ее, Единственную?

Что я смогу к Ее ногам положить?

Только взгляну в Ее глаза и пропою:

жизни не жаль — позволь Тебе послужить...»

Да, да, именно так; если бы вызов, брошенный герцогом, касался Ее — Эйрар не колеблясь вышел бы

на поединок не то что с Микалегонном — со всем его флотом. А окажись Она невестой Валька — впору было бы бросить восстание и Дейларну и последовать за Ней... чтобы только видеть Ее... чтобы служить Ей...

— Ми-и-и-иу!.. — запищал котенок в его поясном кошеле.

Она, как раз проходившая мимо, остановилась:

— Ой, котеночек!.. А можно взглянуть?

Плохо соображая, что делает, Эйрар непослушными пальцами распутал завязки. Во всем мире существовала только Она... только аромат Ее волос и одежд...

Перепуганный котенок стрелой вылетел из кошель, не дался ни ей, ни ему, отчаянно прыгнул — и вцепился коготками в обнаженную руку Эвадне. Выругавшись, воительница яростно встряхнула рукой... котенок сорвался и, отлетев прочь, со стуком ударился в нависающий бимс. Бормоча проклятия, Эвадне рассматривала царапины на руке.» Эйрар в два прыжка пересек просторную каюту и подхватил полосатое тельце. Русая головка тотчас склонилась над несчастным зверьком, но даже Ее присутствие Эйрар едва ощутил. Котенок дернулся раз, другой — и безжизненно обмяк у него на ладонях. Эйрар скрипнул зубами, слезы застлали глаза. Девушка тихонько всхлипнула, а герцог Микалегон сказал:

— Прими, сударь, мои соболезнования. Право, я сожалею, что прискорбная случайность отняла у тебя любимца здесь, на моем корабле. Увы, ни человек, ни зверь не бессмертен. Но к делу, господа, к делу!

Эйрар обрел наконец голос и яростно крикнул:

— Не случайность! Это был злой умысел — и я требую отплаты!

Его рука сжимала кинжал. Герцог сдвинул грозные брови, но Эйрар не заметил.

— Государь, — вмешался Мелибоэ, это не такая уж мелочь, как тебе, должно быть, показалось. Для господина Эйрара кошка — своего рода знамя и талисман, приносящий удачу. Идя в бой, его люди несут перед собой на шесте череп огромной кошки из тех, что водятся в горах Драконова Хребта. Утрата котенка для них — не просто плохое предзнаменование, но и оскорбление...

— Вот как? Значит, в самом деле требуется удовлетворение! — Герцог опустил за привинченный к полу стол и грянул по нему кулаком, призывая ко вниманию и тишине: — Вот вам мой приговор. Карронец Эвандер, тебе следует полностью признать свою вину и заплатить виру, какую господин Эйрар посчитает достойной. Либо — поскольку, я вижу, здесь речь идет не о ценностях, но о чести — ты склонишь свой штандарт перед кошачьим значком трангстедца; ибо в его жилах течет благородная кровь, а в тебе ее — ни капли. Либо же, если господин Эйрар того пожелает, вы оба возьмете оружие и будете биться по закону Вольного Братства, до пролития крови — но после того пожмете друг другу руки и примиритесь!

— Воистину скор твой приговор, государь Микалегон, — заметил Плейандер.

— А кто, собственно, дал тебе право творить над нами суд?

— Верно, никто, — отвечал герцог, — потому что у нас, в Вольном Братстве, всякий волен идти своей дорогой. Если хочешь, я сейчас же прикажу спустить шлюпку и посадить тебя точно в том месте, где ты был подобран.

Плейандер и Эвадне бросали на герцога испепеляющие взгляды... но возразить было нечего. Эвименес вытащил платок и стал очень тщательно стирать кровь с руки сестры, но стирать было почти нечего — крохотные коготки едва поранили кожу. Эйрар торопливо провел рукой по глазам и пробормотал:

— Не надо мне никакой виры.

И пожал руку Альсандеру, зато к Эвадне даже близко не подошел. Ему казалось — если бы их свели вместе, он бы не руку ей протянул, а закричал от ненависти или пырнул карренку кинжалом...

Наконец они сели держать совет. Вернее, сперва говорили в основном путешественники, рассказывая о своих похождениях. Слово брал то один, то другой, и страсти постепенно остывали, ибо каждому волей-неволей вспоминалась та поддержка и помощь, которую в трудный час они оказывали друг другу. И блики солнца, игравшего в морских волнах, бродили по потолку над их головами.

Герцог Ос Эригу слушал их молча и терпеливо, чего на первый взгляд трудно было ожидать от столь шумного и громогласного человека. Когда же они кончили, он сказал:

— Надобно и вам знать, что делается на свете и каким образом весь этот императорский курятник оказался у меня на корабле. Мы отправились в набег, имея в виду пощупать торговцев, что ходят по рекам в Бриеллу. И вот, добравшись до сторожевых мысов Малого Лектиса, что бы вы думали мы видим перед собой? Здоровенное корыто под императорским флагом, заштилевшее у берега. Я, понятное дело, отправляюсь туда в шлюпке засвидетельствовать свое почтение, но тамошний шкипер оказался дурно воспитанным негодяем, вдобавок косым на один глаз... Представляете, велел мне убираться подальше и пригрозил проломить камнем дно моей шлюпки. Ну скажите, разве так принято вести себя в море, где властвует Микалегон? Один из моих ребят живо прострелил ему лапу из арбалета, дабы поучить мерзавца хорошим манерам, и мы с парнями забрались на борт. Боже ты мой, как они там забежали! Точно цыплята из-под ястреба. Одним словом, вместо того, чтобы откланяться и распрощаться, стал я оглядываться по сторонам. И скоро приметил этих двух голубок и их братца, как бишь его там?..

— Принц Аурарий, — подсказал один из моряков.

— Ну да. Хотя я назвал бы его Смазливчиком, паршивца несчастного. Так вот, когда я их обнаружил, поднялся ужасный крик и плач, дескать, имперский корабль с членами правящего Дома на борту отнюдь не должен испрашивать у меня позволения. Вообще-то мы на Ос Эригу не больно шапки ломаем перед Домом Аргименеса, но до сих пор всегда блюли Мир Империи, так что Стассии на меня дуться вроде бы не за что; какого ж, думаю, хрена они меня так усердно гнали? Со Смазливчиком, вижу, каши не сварить, взялись мы снова за косоглазого. Надели ему веревку на шею — тут-то он и раскололся, как миленький. Принцесса, говорит, Аурия едет выходить замуж за графа Валька! Тут я смекаю, что корабль-то, стало быть, уже графов, а не имперский, и в самом лучшем виде захватываю его со всем барахлом. Ну то есть я не знаю, — законники, ученые крысы, может, и придерутся к чему. Вернемся к этому вопросу, когда Вальк запросит мира и свою невесту назад!

Эйрар глотнул, пытаясь справиться с волнением, и спросил:

— А кто... та другая?

— Какая другая? Ах да, это же младшая из сестер, Аргира. Если я что-нибудь понимаю, ты на нее уже глаз положил, а? Что краснеешь? Предупреждаю по-дружески: малышка страсть горда и сварлива, как и все Аргимениды. Представь, отвергла сватовство одного из величайших государей Додекаполиса! Из-за этого ее сюда и послали, вернее, сослали. Девочка, кажется, хочет назло папеньке с маменькой выскочить за какого-нибудь валькинговского графа или барона и ведать не ведает, что семейство именно этого и добивается. Да, не приведи Господь иметь дочерей!.. Однако мы с вами, друзья, заплыли в довольно-таки мутные воды. Может, кто из вас разглядит жемчуг на дне?

— Почему мутные? — осведомился Альсандер. — Я никаких тайн тут что-то не вижу.

— Не прикидывайся простачком, старый Мешок Костей, я так долго дрался с тобой, что вижу тебя насквозь. Ты же прекрасно понимаешь: более чем странно, что великий граф Вальк не выслал должного эскорта навстречу своей царственной невесте. Скажешь, не так?

Альсандер опустил глаза; тени ресниц легли ему на щеки. Вместо него ответил Мелибоз:

— Я могу объяснить, в чем тут дело.

— Сделай милость, дед, растолкуй. Ах, холера! Будь у меня борода вроде твоей, я бы ее хоть выкрасил, что ли, чтобы выглядеть поживее. И как только тебя твоя старуха еще не выгнала?

— Видишь ли, государь, иные люди находят, что седина — спутница мудрости, — отвечивал Мелибоз. — Позволь спросить тебя: а кто канцлер у нашего графа, столь неразумного, что это сделалось его прозвищем?

— Бордвин Дикий Клык, если только его не сместили.

— Граф Вальк — лицо избираемое, не так ли?

— Говорят, так.

— Теперь предположим, что Вальк женился-таки на горделивой златовласой красотке.

— Ну, предположили. Дальше-то что?

— А вот что. Кто должен наследовать корону нашего всемилостивейшего монарха, императора Аулариса?

— Как кто — Смазливчик! То есть принц Ауларий.

— Теперь скажи мне, пожалуйста: сколь вероятно, чтобы этот царственный отпрыск в свою очередь породил наследника? Или хотя бы сумел удержаться на троне — ибо вельможи Скроби куда как горды и пылки?..

— Хо-хо, дед, теперь-то я вижу, куда ты клонишь! Аурия с муженьком становятся наследниками Империи! Да, теперь все ясно, как Божий день. Значит, ты полагаешь, Бордвин нарочно подсунул ее мне? Чтобы никакие имперские фигли-мигли не помешали ему стать пятнадцатым Вальком? Хотя погоди, не слишком ли тонкую игру он затеял — ведь принц-то покамест жив и здоров...

— ...и послан вместе с сестрами ко двору Валька Неразумного, — подхватил Мелибоэ. — Какая жалость, если там с ним что-то случится. Какая-нибудь роковая нелепость...

— Похоже на то, — сказал герцог, — что наш добрый император Ауларис предпочитает валькинговского наследника своей собственной плоти и крови!

Альсандер кашлянул, прочищая горло:

— Или на то, что сановники Империи готовы передать престол младшей ветви, причем править, разумеется, намерены сами. Нет ли у нашего императора, скажем, какого-нибудь двоюродного брата?

Кулак Микалегона с треском опустился на стол:

— Ну и клубок, право слово! Вальк метит в императоры, Бордвин хочет стать Вальком, а императору нужен верный меч для поддержания Мира Колодца в подвластных пределах, что бы там ни вытворяли Двенадцатиградье и Дзик. И самое забавное, что в этой игре мы прикарманили ферзя. Золотого ферзя, хо-хо! Теперь вы. Вы-то чего хотите, люди Дейларны?

— Свободы от валькингков! — тотчас воскликнул Рогей, и Эйрар согласно кивнул, отметив краем глаза, как скривил губы Мелибоэ.

— Этого равно хотим все мы, — сказал Микалегон. — Да, хотел бы я посмотреть на Каррену, если во дворце Стассии засядет валькинг... ведь он, кажется, уже заявлял о своих якобы правах на Додекаполис? — и ни одного сына Колодца, способного его обуздать!

— Незачем ломать голову над таким вздором, — презрительно сказала Эвадне. — Даже провонявшая собачьим дерьмом Народная партия...

— Да они первые приветствовали бы его! — перебил герцог.

— Валькинги ведь и провозглашают народную власть безо всяких наследных титулов и привилегий — только временные выборные должности, которые назначают граф и Совет. Ха, братья-воители, кабы не пришлось вам еще потуже, чем бедолагам дейлкарлам! Им всего-то до смерти надоед нынешний Вальк — а вам, если жить охота, придется искоренить все гнездо!

Чародей Мелибоэ бросил на Эйрара выразительный взгляд, словно желая сказать: «Вот тебе, юноша, все тот же вопрос Бриеллы либо Каррены, только поданный иными словами...»

— А ну их к бесу! — продолжал между тем Микалегон. — Болтовня о политике выматывает хуже сражения... Да, поговорим лучше о сражениях, которые, я полагаю, вскоре нам предстоят. Ты, старик, как я слышал, сживал когда-то на военных советах наших нынешних врагов. Как по-твоему, станут они штурмовать Ос Эригу?

— Да — если решать будет не Бордвин, а Вальк, — ответил Мелибоэ. — А впрочем, похитив невесту, ты больно задел их державную гордость, так что нападение в любом случае сделалось неизбежным... — Пальцы волшебника барабанили по столу. — Бордвин, пожалуй, больше всего обидится за честь державы, а не за себя самого... хотя кто его знает, может, и наоборот. Мы обсуждали подобные вещи в бриельском

Лицее, пока Вальк Неразумный не принял закона о запрещении магии и не выставил философов за порог. Бордвин хотел бы от имени народа валькингов править и Салмонессой, и Двенадцатью Городами; Вальк желает точно так же править от имени Империи, чтобы со временем прибрать к рукам и ее самое, а ты, государь, благополучно объединил обе стороны против себя. Имперским амбициям Валька грош цена, если не вернется принцесса. С другой стороны, Бордвин тоже далеко не дурак и не станет предпринимать серьезных завоеваний, пока у него в тылу, в твердыне Ос Эригу, сидят такие бедокуры, как эти юные вожди из Дейларны и карренские Звездные Воеводы. Не говоря уж обо мне, непритязательном философе, ну, может, самую чуточку сведущем в чернокнижии...

Герцог Микалегон сосредоточенно морщил лоб, силясь не упустить нить его рассуждений. Потом, оживившись, расплылся в улыбке:

— Ну да, я же совсем забыл — ты ведь у нас волшебник и прорицатель. А ну, предскажи-ка мне судьбу! Хо-хо, мне ни разу еще никто не гадал, кроме одной шарлатанки-провидицы в Большом Лектисе, куда я как-то пробрался переодетым. Она посчитала меня торговцем шерстью и посоветовала продавать ткани, дескать, будет барыш!..

Мелибоэ запустил пальцы в бороду:

— Государь, в конечном итоге всех нас ждет смерть... Стоит ли заранее выяснять, какая именно? Ведь избежать ее нам все равно не дано...

— Э нет, дед, так просто ты от меня не отделаешься. Не ленись, давай предсказывай, что ждет нас в этой войне. И вот еще: как бы мне обрести мир и зажить в довольстве, не прикладываясь к Колодцу?

— Ты хочешь, чтобы я сделал это при всех?..

— Да, хочу. Такова моя воля.

Мелибоэ нахмурил белоснежные брови... но без дальнейших возражений извлек из отделений своего вместительного кошелька несколько щепотей разноцветного порошка, перемешал на столе и предложил Микалегону поджечь снадобье собственными кресалом и кремнем. Сам же начертил пентаграмму и, вытащив Книгу, принялся читать заклинания.

Это было Великое Зримое Предсказание! Эйрар тотчас узнал его, хотя сам ни разу не видел, как исполняют его настоящие маги, мастера. Порошки загорелись. Серой змейкой поднялся дымок и, не рассеиваясь, собрался под потолком в плотное неподвижное облачко. Сидевшие смотрели на него, задрвав головы и покачиваясь в такт движениям корабля.

— Амадор, воладор, амблисектон... — пропел Мелибоэ, и прямо на глазах облачко стало светлеть, за клубилось, потом словно бы отвердело — и внутри него возник сказочный замок, стоящий на тучах. Нет, не на тучах; это океан омывал подножие замка! Крепость поворачивалась, как если бы зрители сидели в лодке, проплывающей мимо. Казалось, стояла ночь — сумрак опустился на стены и высокие башни. В крохотных окошках замерцал свет, как будто там, внутри, шло веселое празднество. Только вот почему-то не было видно гостей, съезжающих в замок по опускным местам...

И вдруг смотревшие ахнули! Из одного, потом из другого окошка вырвался язык огня! Вот стали неслышно проваливаться остроконечные кровли башен... у герцога вырвался яростный крик, но повелительный жест Мелибоэ заставил его умолкнуть.

— Эперуаторьон модокаххус... — Облачко за клубилось вокруг обреченного замка и скрыло его, потом вновь прояснилось. Ударил свет, почти невыносимый для глаза. Эйрару показалось, будто кто-то простерся ниц в огромном, величественном зале, выложенном плитами белого и черного мрамора; по сторонам были видны башмаки и юбки придворных. Потом картина сменилась — и вот уже крохотный герцог Микалегон в темно-фиолетовых штанах, при мече, в золоченой кольчуге и белом плаще, украшенном изображением морского орла, гордой походкой шествовал по роскошной мозаике пола, а в вороних, как грозная туча, кудрях его поблескивала седина, которой нынче не было и в помине. Мужчины и женщины провожали его взглядами, почтительно расступаясь... Подойдя к ступеням у подножия трона, он опустился на одно колено и склонил голову, — ярко сверкнула золотая корона. А на троне... Эйрару на миг померещилось, что у королевы были черты принцессы Аргире — или, быть может, смуглолицей

Эвадне?.. — Но приглядеться как следует он не успел: взвился туман, облачко рассеялось, и Микалегон разочарованно прогудел:

— И это все, что ты можешь мне предсказать? Да я и сам справился бы не хуже!

Неведомо откуда взявшийся трупный смрад полз по каюте, от него подступала слабость и ощущение болезни, от которой лишь смерть способна избавить... Чародей пожал плечами и сдул со стола кучку золы:

— Ты вовсе не обязан следовать пути, который я тебе показал, твоя воля остается свободной. Этот путь — всего лишь самый благоприятный среди многих возможных. Иные, увы, кончаются не столь хорошо... Но до чего я устал! Не найдется ли здесь глоточка вина?

— Не родился еще тот, перед кем я по своей охоте преклонил бы колено, — проворчал Микалегон. — А тому, кто вздумает подпалить Ос Эригу, придется сперва проломить головы всему Вольному Братству и мне заодно. Ладно, ну их к дьяволу, все эти колдовские фокусы! Поговорим о насущном. Итак, они нападут. Но какими силами, и кто будет полководцем? Это все, что нам требуется знать — не так ли, а, старый Мешок Костей?..

Он обращался к Альсандеру, и карренец ответил:

— Именно так.

— Четвертая терция — несомненно, — продолжал герцог, думая вслух. — Она стоит сейчас в Ставорне... и подчиняется лично графу Вальку. Она-то уж точно пожалует ко мне под стены; с нею мы, полагаю, сойдемся на равных. Но как насчет Восьмой, сидящей обычно по укреплениям Норби, по всему Шелланду и Белоречью? Достаточно ли влиятелен Бордвин, чтобы она не двинулась с места? А свежая Двенадцатая? Заменит Восьмую — или отправится на юг, в какой-нибудь заморский поход? Вот сколько вопросов, и не помешало бы ответить на них.

— Средство есть, — сказал Эйрар. — В бою на дороге, о котором мы рассказывали тебе, государь, были взяты три пленника — как раз из той самой Двенадцатой. Вели привести их и допросить. Мне приходилось уже убеждаться, что простые воины бывают сговорчивее предводителей.

— Тех троих больше нет, Эйрар, — сказал Альсандер. — Я велел убить их перед уходом из Геспелница: боялся, что они сбегут во время перехода и выдадут нас.

— И это только доказывает, — заметил герцог, — что даже и медным айном не следует пренебрегать: не оказался бы, чего доброго, этот айн платой за вход в райские врата. Ну что ж, ничего не поделаешь. Однако давайте же подкрепимся! Старик, я смотрю, вот-вот упадет!

Эйрар промолчал. Альсандер тоже — да и, пожалуй, правильно сделал.

25. СЕВЕРНОЕ МОРЕ. ТРЕТИЙ СКАЗ О КОЛОДЦЕ

Эйрар помнил, как скрипели и постанывали, идя под парусами, рыбацкие шхуны; этот корабль — пел. Ветер, гудевший в снастях, выводил низкую басовую ноту, искрящиеся брызги разлетались из-под форштевня, море переливалось сапфировой синевой, а над головой выгибались пронизанные солнцем огненно-алые паруса.

— Тяжко терять друга, — сказала Она. — Но ответь мне, что именно ты потерял? Его телесное присутствие? Или его преданность и любовь — и свою любовь к нему тоже? Если присутствие, его уже не вернуть никакими слезами. А если любовь... мне кажется, ее нельзя вот так потерять. Любовь можно убить только предательством...

— Спасибо, милостивая госпожа, — ответил он. — Ты так добра ко мне... («И не только добра, но и прекрасна, прекрасна!..» — стеноло все его существо. Ее присутствие рядом доставляло почти физическую боль.)

— Ох, если ты намерен корчить из себя царедворца, отправляйся к Аурии. Она это оценит. Ей только подавай галантные беседы! А я выросла у крестьян с холмов Скроби и предпочитаю речи попроще...

— Что ж... — выговорил Эйрар. — Мне было жаль, собственно, не столько утратить котенка... сколько утратить его именно таким образом. Лучше бы я отдал его какой-нибудь шелландской хозяйке. Тебя, говоришь, воспитывали в деревне, ну, а я родился крестьянином. В наших краях не принято так обращаться с домашней зверюшкой... И потом — помнишь, что сказал Мелибоэ насчет символа и талисмана? Я тоже смыслю чуточку в магии, но что он имел в виду — не разберусь.

Она выслушала, не перебивая, но потом заметила:

— Только не говори мне о своей магии... она запрещена нам, членам императорского Дома, согласно Закону Колодца. Мне кажется, ты просто имел в виду, что карренский Воевода поступил жестоко и неосторожно.

— Да... примерно это я и хотел сказать. Но не будешь ли ты так любезна, добрая госпожа, поведать мне — что вообще говорят при дворе о Воеводах?

— О, это без сомнения величайшие воины и полководцы из всех, когда-либо живших на свете, но... очень уж большие смутьяны. Они как бы не из нашего времени; им следовало бы жить в Серебряную Поруг, когда мы еще воевали с язычниками. Нам больше подходит Народная партия, которая верует в Колодец и Сынов Колодца... так, во всяком случае, говорит мой папа.

Залитый солнцем корабль раскачивался на волнах, и вот Ее плечо коснулось его плеча. День был холодный, но все тело так и охватило жаром. «Она принцесса!..» — подумал он и застонал про себя. Потом неловко пошевелился и сказал:

— Колодец, Колодец. Все время Колодец. Если я правильно понимаю тебя, с этим тоже не все так уж гладко?

Она засмеялась и погрозила пальцем:

— Что за допрос! Фу!.. Ни дать ни взять ты явился из Ураведу, как моя пра-пра-бабушка по имени Край... вот уж была, между прочим, крестьянка — не чета нам с тобой, несмотря на то, что мы оба выросли в деревне. Однако сюда идет мой брат — я полагаю, как всегда готовый защитить меня от посягательств злых людей...

Эйрар обернулся. Сперва он решил, что принц был постарше него, но потом заметил, что так казалось из-за мешков под глазами на лице капризного, испорченного юнца. У принца был широкий подбородок, но узкая голова и по-ураведийски темные волосы, покрытые роскошной шляпой золотисто-желтого цвета. Он был невысок ростом, но даже на качающейся палубе умудрялся выступать напыщенно-важно.

Принцесса Аргира сделала реверанс; Эйрар сдернул шапку и отвесил глубокий поклон. Его слуха достиг смешок моряка, стоявшего у штурвала.

— Позволь представить тебе, — сказала Аргира, — господина Эйрара из Трангстеда, что в

Вастманстеде, доблестного поборника Дома, Колодца и так далее.

Принц Аурарий сделал приветственный жест, ни дать ни взять команду «вольно» легионам.

— Наши верные слуги никогда не будут нами забыты, — жеманно пришептывая, ответил он согласно этикету. — Сестрица, киска моя, наш достойный друг и доброжелатель Ос Эригу кое-что передает нам; следует обдумать ответ. Я попросил бы тебя сопровождать нашу сестру... — Он повернулся уйти, и девушка последовала за ним. Но вдруг принц оглянулся и смерил Эйрара взглядом: — Отлично сложен, хм, хм... Мы будем ждать тебя в сумерки в наших апартаментах.

— Если ты не придешь — никто тебя не накажет, — приложив ладошку ко рту, шепнула Аргира. Показала брату в спину язык и поспешила за ним.

Но Эйрар все-таки пошел к нему после ужина, — не из почтения или страха, больше из любопытства. Принц возлежал на кушетке, заваленной шелковыми подушками; в воздухе плавал аромат курений, которые привозят с далеких островов Юга. Каюта принца оказалась не особенно велика, но, тем не менее, в ней хватало места и для хозяина, и для двух белокурых юношей, боровшихся по-стассийски — вытянув руки вперед и сцепив пальцы. Тугие узлы мускулов перекатывались на обнаженных телах. Слуги впустили Эйрара, и Аурарий хлопнул в ладоши:

— Довольно. Мы объявляем победителем Балиньяна, выигравшего две схватки из трех. А теперь оставьте нас: мы хотим побеседовать с нашим подданным из Дейларны.

— Я побил бы его, ваше высочество, если бы корабль не качнуло, — подбирая с полу сорочку, надул губы один из борцов. — Позвольте мне еще раз попробовать!

— В другой раз, — изящно отмахнулся принц. — Эта забава начинает надоедать нам...

Второй борец молча натягивал одежду; Эйрар изумился выражению капризной ненависти, мелькнувшему на его лице.

— Поправь фитилек хризмы, — сказал принц Аурарий, когда они вышли. — Как бишь твое имя, дейлкарл?

— Эйрар сын Эльвара из Трангстеда... господин, — отвечал Эйрар, вовсе не в восторге от его снисходительно-величавого тона. Ему была гораздо больше по сердцу простая, дружеская манера, которой придерживались Звездные Воеводы, герцог Микалегон и даже принцесса Аргира, однако он сказал себе, что так уж, видно, было заведено в императорском дворце Стассии — и не захотел выглядеть невежей.

— Сразу видно, что тебе редко случалось бывать при нашем золотом дворе,

— заметил принц. — Иначе ты бы знал, что к твоему будущему императору и властелину следует обращаться «ваше высочество». Какими умениями ты обладаешь, Эйрар?

— Я немного смыслю в волшебном искусстве, ваше высочество, но этим умением я предпочитаю не пользоваться.

— И правильно делаешь, ибо оно под запретом. Поди-ка сюда...

Он ущипнул Эйрара за руку.

— О, какие мускулы! Клянусь, ты уложил бы Балиньяна на обе лопатки, да, пожалуй, и Гарруса. А в чем кроме чернокнижия ты еще преуспел?

— Еще я немного умею сражаться, ваше высочество.

Принц снисходительно улыбнулся.

— Мы, представители цивилизованных народов, считаем это не искусством, но варварством. Только варвары способны калечить прекрасные молодые тела ради того, чтобы похвастаться силой. Вот почему наш мудрый закон не допускает к высоким должностям воинов; после посещения Колодца ты должен был бы придумать себе иное занятие. Что мы можем сделать для тебя, Эйрар?.. Кстати, каким образом тебе досталось подобное имя? Пожалуй, оно могло бы принадлежать члену Дома; мы не вполне уверены в твоём праве носить его...

— Ваше высочество, это имя издревле передается в нашем роду, — отвечал Эйрар, предпочтя обойти молчанием первый вопрос: было в этом принце нечто такое, отчего у Эйрара вставали дыбом волосы сзади на шее.

— Не страшно. Мы даруем тебе разрешение носить его и далее.

Принц вновь улыбнулся, его нога оказалась подле ноги Эйрара, но при следующем же броске корабля трангстедец отодвинулся, сделав вид, что всему виной качка. Улыбка на лице Аурария казалась приклеенной. Он сказал:

— Ты еще не ответил, что мы можем сделать для нашего верного подданного и слуги. Кстати, нам доставляет особое удовольствие вливать, так сказать, новую кровь в жилы древних стран. Даже, если ради этого приходится раздавать титулы дейлкарлам, среди которых вообще нет благороднорожденных...

Он помолчал, выжидая, чтобы укол попал в цель. Эйрар успел подумать о том, как, должно быть, судили о его происхождении Аргира и остальные, ведь достигли же их ушей какие-то разговоры о его происхождении — вплоть до недоброй памяти поспешного заявления у врат Салмонессы. Принц Аурарий сказал с прежней улыбкой:

— В Скроби полным-полно имений, которым недостает лишь крепких хозяев. Впрочем, не лучше ли обсудить это за бокалом вина...

Он уже собрался хлопнуть в ладоши, но Эйрар остановил его отчаянным:

— Ваше высочество...

Улыбка пропала:

— Говори, мы слушаем.

— Как же я могу владеть имением в пределах Империи, если на мне — ее проклятие?

— Как, ты не испил?..

— Из Колодца Единорога? Нет, ваше высочество.

— Ну, это легко поправить. Как только ты пригубишь, никакие проклятия более не властны. Но и это мы можем обсудить... в более непринужденной обстановке...

Пот покатился у Эйрара по спине и выступил на ладонях, хотя в каюте было не жарко.

— Ваше высочество, не сегодня. Мои люди...

— Не бойся Балиньяна, это всего лишь слуга.

— Ваше высочество, я...

Принц Аурарий вздохнул и лениво откинулся на подушки:

— Что ж... значит, в другой раз. Разрешаем удалиться.

...На другой день солнце уже клонилось к западу, когда Эйрар увидел Ее на том же месте, у поручней. Она удивленно посмеялась над его мрачной неразговорчивостью; лишь через несколько минут она сумела вытянуть из него, что-де ее братец склонял его к служению Колодцу: истинную причину Эйрар так и не назвал. Аргира взволнованно играла пальцами, словно разматывая невидимую нить.

— Не хотела бы я, чтобы ты... чтобы вообще кто-то принимал это служение, — сказала она наконец, и теперь уже она надолго замолкла, между тем как Эйрар не сводил с нее вопрошающих глаз. Всей Дейларне было известно, что и процветанием и самым своим основанием Дом Аргименеса был обязан именно Колодцу, этому чуду Вселенной. Он рад был бы спросить, но почтение сковывало уста, и спустя время она заговорила сама:

— Сказать, почему?

— Если желаешь, милостивая госпожа...

— Да оставишь ты когда-нибудь титулы! И как только не надоест? Вот Аурария, та... а впрочем, слушай...

— И она поведала ему эту историю, сидя на нижнем бруске громадной баллисты, прислонившись спиной к

поручням, кутаясь в теплый плащ от свежего морского бриза, что шевелил ее волосы, снова и снова роняя на лицо русую прядь — принцесса убирала ее, едва замечая.

— Колодец — Колодец Единорога — считают сокровищем нашей семьи. Вы, дворяне Дейларны, с завистью смотрите из-за моря и думаете, какое, должно быть, счастье обладать этим чудом, способным исцелить любую душевную рану. Но задумывались ли вы о цене умиротворения, которое он приносит? Ведь умиротворение одного может стать несчастьем другого. Некогда у меня был братик чуть постарше меня самой — славный, веселый мальчик; мы вместе росли. По обычаю нашего Дома, мы, дети, воспитывались в крестьянской семье на западе, в Скроби. Видишь ли, мы, Аргимениды, считаем, что будущие правители должны хорошо знать свой народ и его нужды. В те дни предполагалось, что я со временем выйду замуж за какого-нибудь знатного заморского государя, а для Аурии подыскивали жениха поближе, в графствах внутри страны. Она ведь должна была наследовать после братика, а Дом не желал в случае чего никаких иноземных претендентов на трон... Хотя теперь сомнительно даже, останется ли наш Дом правящим!..

...Хутор, где мы воспитывались, стоял среди чудесных зеленых холмов. Я хорошо помню, как они покатыми волнами уходили вдаль, эти холмы... Ты был когда-нибудь в Скроби? Нет?..

Крестьяне, жившие там, были нам добрыми воспитателями и во всем поступали с нами точно так же, как и со своими собственными детьми. У нас были даже обязанности! Я, например, училась ходить за коровами и доить — да, из-под этих самых пальцев брызгало в подойник теплое молоко... А мой братик вместе со жнецами вязал снопы и вместе с ними возвращался, распевая песни, домой, и пил домашний сидр у костров, которые мы жгли по ночам каждую осень...

Как же мы были тогда счастливы!.. На праздник Зимнего Солнцеворота нас обычно забирали назад во дворец. Мы уезжали по снежной дороге на санях с колокольчиками, с эскортом всадников, распевая веселые песни. Однажды нам было позволено взять с собой Бардиса. Дорогою он заметил песца, которого собаки выпугнули из чащи; Бардис вскочил на ноги в несущихся санях, выстрелил из лука и уложил его. Я помню: все вокруг было белым, на белом снегу лежал белоснежный песец, а рядом — алое пятнышко крови.

«Как красиво!» — воскликнул мой братик, но я очень обиделась, когда Бардис снял шкурку и подарил ее Бродри, а не мне. Я даже плакала потом ночью, в постели. Сейчас бы я, конечно, не стала плакать из-за таких пустяков, а тогда... хотя я думаю, дело было не столько в Бардисе, — понимаешь, я уже привыкла считать своим домом хутор, и вдруг опять оказалась в огромном, холодном дворцовом мраморном зале с его барельефами и каменными кружевами, на огромной кровати с парчовыми занавесями. И мама... она была ласкова со мной... но всегда оставалась величественной императрицей... все время такой царственной, понимаешь? Она как будто не слушала, когда я пыталась рассказать ей о хуторе. Аурия же все время надо мной издевалась, дразнила меня «принцессой Мяу» и твердила, что если я вообще выйду когда-нибудь замуж, то разве только за какого-нибудь светловолосого языческого принца из Дзика...

Эйрар сделал движение, и она спохватилась:

— Ой, да, Бродри и Бардис, я совсем забыла, ведь ты их не знаешь. Бардис был сыном наших приемных родителей. По мне, так он был куда лучше всех этих знатных придворных юнцов. Он был таким сильным и столько умел... а они годились только плясать и хихикать, да еще разливаться соловьями перед девушками, ну, знаешь, нашептывать всякую чепуху вроде «О моя красавица!..» Я-то прекрасно знала, что никакая я не красавица — обычная застенчивая девчонка, ну точно как... Бардис — он тоже погибал от смущения, попав ко двору. Аурия мне быстро указала все мои недостатки; она говорила, что у меня ножки-соломинки и ужасный крестьянский загар. Все правильно, и Бардис в самом деле подарил песцовую шкурку Бродри, а вовсе не мне.

Она доводилась ему двоюродной сестрой и жила на хуторе по соседству, так что мы часто ходили друг к другу и помогали в разных работах — и сеяли вместе, и убирали. Из всех девчонок она была моей самой близкой подругой — сколько ночей мы провели в одной кровати бок о бок, сколькими секретами поделились! Одним из таких секретов было, что она, кажется, начала нравиться моему братику — он всегда подавал ей руку, переходя по камешкам речку, и очень уж нежно целовал, когда мы здоровались, приходя в гости. У девушек, знаешь ли, острый глаз на такие дела. Она часто говорила об этом и все

обдумывала, что сказать и как поступить, если однажды он заговорит с ней о любви.

«Ведь он — наследный принц и станет когда-нибудь императором», — пугалась она, а я отвечала ей:

«Ну и что? Если ты хочешь быть с ним и стать матерью его детей, никто ведь не воспрещает. Ты же знаешь нерушимый закон нашего Дома, установленный еще королем Аргентарием: наследники не должны вступать в брак только из династических соображений. Вот и наша мама была всего лишь дочерью небогатого рыцаря Бреммери...»

«Ах, — вздыхала она и обнимала меня в темноте. — Я и сама не ведаю, чего хочу! Аргира, мне кажется, я люблю, но не знаю, кого — то ли твоего брата, то ли Бардиса... Как странно, правда?»

В этом я при всем желании не могла ей помочь. Мой братик был таким жизнерадостным и веселым, он умел читать и управляться с цифрами лучше всякого мага, он знал древние сказания... Сколько вечеров провели мы на хуторе у очага, грызя орехи и лакомясь печеными яблоками! Весь дом спал, а мы не замечали позднего часа, слушая какую-нибудь легенду, которую рассказывал братик... Да, он был во всем молодец. Нельзя было хоть раз увидеть его и не полюбить. С другой стороны, Бардис тоже был жених хоть куда. Я так завидовала Бродри! «Вот счастливейшая из девушек, — думала я.

— Такие ребята!.. А мне идти безо всякой любви замуж за какого-то иноземного принца...» Мы очень дружили, все четверо; трудно было даже подумать, чтобы кто-то выбрал кого-то и наше братство распалось.

Так дело и шло до тех самых пор, пока после зимнего праздника Бардис не подарил Бродри песцовую шкурку. Грустным было то возвращение домой, на хутор! Мы ведь знали, что наше воспитание у приемных родителей подходило к концу: весной, в первое новолуние после сева, нас заберут во дворец. Братiku предстояло поехать с посольством в какую-нибудь страну — учиться придворному обхождению, а мне — сидеть дома и ждать, пока чужеземный вельможа не позарится на императорское приданое и не согласится взять в жены застенчивую деревенскую девушку, то есть меня...

Так вот, вернулись мы домой, и я очень скоро заметила, как переменялась Бродри. Она больше не была откровенна со мною. Нет, я не берусь осуждать ее — но как только речь у нас заходила о Бардисе или о братике, как будто опускалась завеса, и она говорила о них, точно о полужнакомых.

«Она сделала выбор, — думалось мне. — И не хочет говорить, чтобы каким-то образом не сделать мне больно!» В этом, как потом выяснилось, я ошиблась; но зато я очень ясно видела, что наша дружба перестала быть, как прежде, безоблачной. И вот настал день в самом начале весны, когда братик спозаранку отправился к Бродри на хутор, а мы с Бардисом что-то делали дома. Около полудня мы отправились их искать и пошли по тропинке через лесок на холме между двумя хуторами. Горб холма приглушал наши голоса, так что мы наткнулись на них совсем неожиданно. Взобрались на вершину, обошли старый дуб, глядь — а за ним целуются мой братик и Бродри. Я помню — у нее из руки падали на землю фиалки, собранные в лесу...

Она первая заметила нас и испуганно отшатнулась, а потом повернулась к Бардису и взмолилась:

«Прости меня! Прости!..»

«За что? — спросил братик. — Разве не следует радоваться друзьям, если двое из них решили навек скрепить свою дружбу? А именно об этом я и хочу вам всем объявить!»

И он вновь потянулся к ней, но тут Бардис преклонил перед ним колено, и я видела, как побелело его лицо и напряглись губы. Он сказал:

«Я рад за тебя... мой повелитель и принц...»

А Бродри вдруг заплакала:

«Ой, что же я наделала! — и прижала руки к щекам, а Бардис все стоял коленопреклоненным, низко опустив голову. — Простите меня, — продолжала она, — ведь теперь получается, что я вам обоим дала слово... а сдержать его смогу только перед кем-то одним... но перед кем, я до сих пор не знаю!»

Мой братик так и переменялся в лице: подобного с ним никогда еще не бывало. Он спросил Бардиса:

«Это правда?»

«Господин мой...» — начал тот, но братик перебил:

«Не желаю слышать никаких титулов!.. Я-то думал — мы друзья! Но ты, ты...» — и он яростно взглянул на Бродри, и на миг мне показалось, что он был готов ударить ее. Но она встретила его взгляд так гордо и вместе с тем с такой жалостью, что он не поднял руки. Он сказал: — «Нет, я вижу, ты не дурачила нас, ты в самом деле не могла разобраться. Стало быть, мы вправду дружили. Но теперь наша дружба распалась...»

Никто из нас не произнес ни слова, и он, помолчав, продолжал:

«Задали вы, друзья, задачку вашему принцу... — и довольно резко обратился к Бродри: — Ну так что — выбрала наконец? Должно быть, ты полагаешь, что одержала победу, рассорив друзей?»

Она покачала головой:

«Разве это победа!..»

«Что ж, даже и в это я... почти верю, — сказал тогда братик. — И уж поверьте и вы мне, что я тоже не ищу никаких побед, а хочу, если возможно, сберечь нашу давнюю дружбу: это ведь самое большое наше богатство. И я вижу только один способ — всем вместе отправиться к Колодцу Единорога и испить из него вчетвером. Ты, Бардис, я знаю, жаждешь воинской славы. Ты хочешь, подобно древним героям, с мечом в руке обойти пределы Вселенной. Помнишь, как мы вместе мечтали?.. Теперь выбирай. Ибо я не вижу, каким образом Бродри может достаться одному из нас, не разрушив нашего союза, — разве только у кромки Колодца, куда единорог обмакнет свой завитой рог... Если вам ведом иной путь — научите меня!»

«Это верно, — откликнулась Бродри. — Я во всем виновата: я согласна пойти к Колодцу.»

«А ты, кисонька?» — обратился ко мне братик.

«Ну, если тебе того хочется, — ответила я. — Я же не участвовала в вашей ссоре...»

«Значит, примешь участие в примирении», — сказал он, и я видела, как он надеялся, что Мир Колодца отвлечет Бардиса от Бродри и, может, заставит его обратить внимание на меня. Я-то знала, что на это надежды немного, но кивнула:

«Да, я поеду».

Бардис тем временем поднялся с колен и нахмурился:

«Сдается мне, все без толку. Любовь, я слышал, такая штука, что даже Единорогов Колодец не может ни изменить ее, ни направить. Но коли вы трое собрались идти — за мной дело не станет».

И вот в разгар весны мы совершили паломничество. Под мраморной аркой Колодца мы все взялись за руки и испили, как велит обычай, пригубив из чаш друг у друга, а потом долго сидели возле врат, советуясь, как же быть дальше. И наконец порешили оставить все как оно есть, пока братик не вернется из своего посольства: пусть, значит, чудесная вода успеет толком подействовать. Помнится, мы были счастливы и спокойны... и ссора как бы уже позабылась, ни один из нас не сомневался — все кончится хорошо. Один только Бардис говорил неохотно, и мы за то его упрекали. Откуда же было нам знать, что этот вечер у врат Колодца — наш самый-самый последний, что никогда уже нам не бывать вместе, что я никогда, никогда больше не увижу своего братика...

— Как так?.. — спросил Эйрар изумленно. — Прости великодушно, но до сих пор что-то я не слышал, чтобы Колодец даровал умиротворение в смерти!

— Кто говорит о смерти? — сказала Аргира. — Просто его посольство отправилось в Наарос, а потом... к мерзостному двору Салмонессы. Это там мой брат Аурарий нахватался манер и повадок, от которых... да ты их, кажется, имел уже наблюдать. Уехал мой братик, а вернулся... чужой человек... Он стал так мало похож на Аргименида, что поговаривают даже — хоть сам он про то, конечно, не знает, — не лишить ли его права наследования да не сделать ли Аурию императрицей...

Эйрар пытался выговорить какие-то слова сочувствия — и не мог сыскать достойных.

— А что же... остальные? — спросил он в конце концов. — Те двое... и ты. Даровал ли вам Колодец... лучшее умиротворение?

— Бардис и Бродри уже поженились, я думаю, — сказала Аргира. — Я, впрочем, ни разу не видела их

с тех пор, как Аурарий вернулся из посольства. Что же до меня... я еще не нашла успокоения. Быть может, я обрету его в замужестве... или в отказе от того единственного, которое мне пока предлагали. Меня, видишь ли, собрались было выдать за Стенофона, пермандосского тирана... спадарионишку несчастного. Я сказала им: чем к нему, лучше уж я наложу на себя руки. Вот тогда-то меня и отправили в это путешествие. В ссылку, вернее сказать!

26. ОС ЭРИГУ. КУБОК ВОЙНЫ

Ос Эригу медленно вырастал из моря. Сперва — всего лишь тень у горизонта, затем — словно бы серый перст, указующий в небеса, на фоне чуть более светлого берега, видневшегося за ним. И постепенно взгляду предстал точь-в-точь сказочный замок из колдовского облачка Мелибоэ. Океанские волны омывали его подножие, так что трудно было сказать, где кончалась каменная кладка, сооруженная руками людей, и начинался природный камень скалистого мыса, служившего основанием замку. С восточной, обращенной к берегу стороны крепости в беспорядке громоздились валуны, меж которыми плескался прибой, а поверху проходил мост, опиравшийся на стройные арки. Посередине моста был устроен подъемный пролет; он был разведен и походил на пустую ладонь, простертую к берегу в запрещающем жесте...

— Никак у нас незваные гости! — нахмурился герцог Микалегон. — Я велел держать мост опущенным!

Зато карронец Плейандер с трудом переводил дух от восторга.

— Я никогда прежде не видел твоей крепости, государь, — сказал он. — Братья говорят, будто я кое-что понимаю в осадах и стенах; так вот, твой замок — поистине один из замечательнейших и самых неприступных в пределах этого мира!

Ветер тянул с востока. Корабли обошли замок со стороны моря, где стены, окутанные пеленой брызг, были пониже. Внутренние строения уступами вздымались к сердцу цитадели — главной башне, сложенной из черного железного камня окрестных гор. Башня, мнилось, искоса поглядывала на них крохотными глазами окошек; очень высокая, она тем не менее выглядела приземистой и чем-то похожей на громадную жабу. Никакого флага не взвилось над башней, когда корабли миновали мол, и, попав в затишье у пристани, сбросили паруса и приготовили весла, чтобы причалить.

Набережная была вымощена все тем же темным камнем. Возле нее стояло судно, нуждавшееся, как видно, в починке: стены были сняты, а палубы — сплошь завалены парусами и такелажем, брошенным в беспорядке. На причале валялся распотрошенный и позабытый тюк; конец размотавшейся ткани печально свисал вниз и плавал в воде. Ближе к берегу пирс был снабжен воротами наподобие опускной решетки.

Герцог Микалегон, окруженный воинами, первым сошел с корабля и велел трубить в рог, возвещая о своем прибытии. Эйрар обратил внимание, что люди герцога шли беспорядочной ватагой, даже не пытаясь маршировать стройной колонной, подобно терциариям Бриеллы, Шагала с ними и Висто. Имперские пленники составляли отдельную группку. Принцесса Аурия выступала гордо, не глядя ни влево, ни вправо. Принца Аурария вели под руки двое юношей-борцов; он прижимался то к одному, то к другому, хихикая и что-то нашептывая. Эйрар попытался протолкаться к принцессе Аргире, но не сумел.

Внутренний двор крепости оказался ужасающе захламлен, да и пахло там, как в свинарнике. Эйрар с Эрбом отправились осмотреть помещение, выделенное вольным рыбакам-копьеносцам в пристройках у северной стены, и ему там совсем не понравилось. Однако в тот вечер герцог давал пир в зале совета — длинной, насквозь прокопченной палате внутри цитадели, и там было сколько угодно мяса, а пиво так просто лилось рекой. Герцог Микалегон от души участвовал в шумном веселье, сидя на высоком хозяйском сидении. По одну сторону от него устроился Альсандер, по другую — принц Аурарий, почти не притрагивавшийся к еде. В зале совсем не было женщин, отсутствовала даже Эвадне. Эйрар сперва удивился, ибо считал, что уж ей-то к мужскому разгульному обществу было не привыкать; но потом заметил, как герцог ласково трепал по щеке юного виночерпия, а принц не сводил с Плейандера зачарованных глаз, и решил, что понял, в чем дело. Да, Эвадне здесь действительно было незачем появляться...

Прислуживали в основном миктонцы, по виду — сущие головорезы, иные даже

— в невообразимых головных уборах Дзика. Они проворно наполняли чаши пирующих, но Эйрар избегал пить, гадая, чем могло кончиться нынешнее веселье.

Однако под конец появился всего лишь менестрель, который, промочив горло, завел нескончаемую песнь во славу Ос Эригу, где люди свободны. Герцог Микалегон сам подтягивал припев, отбивая такт

рукояткой ножа. Когда же песнь смолкла, он поднялся на ноги и воскликнул:

— Выпьем за старых Богов сражений и побед — и да сгинет проклятый Колодец!

Певец ударил по струнам арфы. Люди в зале вставали один за другим, нестройно крича. Поднялся среди прочих и Эйрар, но лишь чуть пригубил и вновь сел, чувствуя, как по спине побежали мурашки: ведь это было почти святотатство. Его смущение не укрылось от взгляда соседа по столу — одного из офицеров Микалегона, воина с жестким, изборожденным морщинами лицом и шрамом от раны, которая, видимо, когда-то едва не стоила ему глаза.

— Не обижайся, империял, — сказал он, впрочем, вполне дружелюбно. — Просто Ос Эригу всегда поступает так в начале войны.

— Я дейлкарл, — сказал Эйрар.

— Да? Но тише: сейчас герцог скажет тост, а потом начнутся обеты...

Чаша Микалегона была снова полна, лицо великана сияло.

— Мы в осаде! — провозгласил он. — Там, за мостом, сидит барон Катинэ с Четвертой терцией Бриеллы, и он намерен вести войну до конца. Он хочет разорить гнездо Морского Орла и слышать не желает ни о каких компромиссах. Сегодня утром мы приняли его вызов — посланец барона висит на воротах с той стороны!

Он подождал, пока стихнет взрыв восторженных криков, высоко поднял чашу и продолжал:

— Клянусь этим Кубком Войны ни с кем не заключать мира и не щадить никого, пока трон четырнадцатого графа Валька не будет низвержен, а барон Катинэ — убит! Кто со мной? Кто — вместе с Вольным Братством Ос Эригу и со мной?

И поднес кубок к губам. Пламя факелов заплескало, точно от ветра, когда воины Эригу, а за ними — воины Дейларны и Каррены — вскочили с боевым кличем, размахивая оружием. На сей раз Эйрар осушил чашу до дна, от всей души. Но когда крики стали стихать, а люди — расслаживаться, его шрамолицый сосед остался стоять. Вот он поднял свой кубок и провозгласил:

— Клянусь этим Кубком Войны, что последую за герцогом Микалегоном до конца — и не лягу спать под крышей до тех пор, пока не сойду с бароном Катинэ в поединке или пока он не будет убит!

Он выпил. Зал отозвался приветствиями, хотя и не столь шумными, как в первый раз, воздавая своего рода дань уважения. Следом поднялся Альтандер:

— Я здесь чужеземец и вдобавок бывший ваш враг, — сказал он. — И тем не менее, над этим Кубком Войны я произношу обет сражаться плечом к плечу с герцогом Микалегоном. Клянусь не знать покоя и не заключать мира, пока он сам не заключит мир! Клянусь от своего имени и от имени всех нас, шестерых братьев, увидевших свет чудесным образом, двумя тройнями. Клянусь моей родиной, чьи зеленые холмы навеки запечатлены в наших душах, что я войду в карренский Дворец лишь после того, как вожди Народной партии подметут в нем пол своими бородами. Вот какой обет произношу я над вашим Кубком Войны!

— Клянемся! — в один голос крикнули Плейандер и Эвименес, и еще прежде, чем зал разразился криком, этот последний добавил:

— А я клянусь собственной рукой истребить Стенофона Пермандосского — и возлечь с его сестрой Ликаоникой без его на то дозволения!

Восторженный рев, вырвавшийся из десятков глоток, потряс каменные стены. Если раньше морские короли севера были не очень-то высокого мнения о полководцах с Островов, то теперь виночерпии сбились с ног: люди стучали кулаками по столам и пили за здоровье карренцев. Вот это был обет так обет!..

Непрерывный гул повис под сводами зала. Один за другим вставали свободные воины Ос Эригу и произносили клятвы одна другой хлеще. Кто-то сулился утвердить белое копье на высочайшей башне Бриеллы; слышавшие, впрочем, сочли, что это была пустая болтовня, а не обет. Но следом прозвучало обещание принести домой значки трех валькинговских деций — и заслужило всеобщее одобрение. Поднялся Рогей:

— Над этим Кубком Войны клянусь поступить с бароном Ванетт-Миллепигом точно так же, как сам Рыжий Барон поступил с детьми синдигов Мариополя!..

Он почти прорычал эти слова, и люди невольно притихли, слушая его грозный зарок. Долговязый Эрб хотел говорить, однако герцог Микалегон жестом велел ему обождать и кивнул Эйрару, приглашая его произнести свою клятву.

Пиво северян было крепким, но Эйрар проглотил его куда меньше, чем любой из присутствующих, и на его почти совсем трезвую голову затея с тостами и клятвами выглядела глуповатой. Он видел, как поджал губы волшебник Мелибоэ. И все-таки выпитое изрядно разгорячило в нем кровь, к тому же отступить было некуда:

— Клянусь Кубком Войны, — прозвенел его голос, — что не сложу оружия, пока Дейларна не станет столь же свободной, как Ос Эригу... — он запнулся на миг и с некоторым изумлением услышал из собственных уст: — Клянусь также, что не полюблю и не пойду под венец ни с одной женщиной, кроме Аргире, принцессы из Стассии... хотя бы весь мир лежал между нами!

Поднялся крик, со всех сторон к нему потянулись руки с кубками, но все голоса покрыл раскатистый хохот герцога Микалегона. Принц Аурарий скривился в мерзкой ухмылке. Плейандер надул губы совсем по-мальчишески, а мрачный Эвименес отшатнулся так, что опрокинулось кресло, он приподнялся, опершись на стол кулаком, злые глаза глядели пристально. Волшебник Мелибоэ задумчиво потупился; он выглядел опечаленным — или это только казалось?

— Хорошо сказано, — похвалил Эйрара шрамолицый сосед, а кто-то из воинов Ос Эригу уже клялся не есть ничего, кроме вяленой трески, покуда не скормит рыбам дезериона. Длинный зал словно бы плыл и покачивался среди общего гвалта — Кубок Войны обходил его по кругу, обеты звучали один за другим, но Эйрар Эльварсон почти не слушал, мучительно размышляя: «А правильно ли я поступил?..»

...На деле осада началась на следующий день, рано утром, когда люди в крепости только-только просыпались, раздражительные и с тяжелыми головами после выпитого накануне. Скала Ос Эригу была продолжением самого западного отрога Железных Гор, и оттуда, из сосновых лесов, к подъемному мосту замка вела извилистая дорога. И вот, едва забрезжил рассвет, человек, обладавший зрением Эйрара, мог бы различить на этой дороге сквозь мелкий весенний дождик алый треугольник Бриеллы, колебавшийся на походном древке. А кто-нибудь, наделенный столь же острым слухом, расслышал бы вдалеке сквозь туман тонкое пение воинских флейт. Это шли терциарии.

— Ну и что они намерены делать? — проворчал Микалегон. — Прыгать через пролет?..

Нет, конечно, у них на уме было кое-что поумнее. Эйрар рассмотрел сквозь занавес дождя, как тусклый металлический блеск опоясал ближнюю гору. По дороге спускалась вереница повозок, влекомых лошадьми, мулами и волами; в повозках сидели рабочие — миктонцы и местные крестьяне, насильно согнанные на работу. Возле моста повозки остановились. Рабочие прыгнули наземь и принялись выгружать на скалы поклажу — деревья, срубленные в лесу, глыбы камня и глины. Не требовалось великого ума, чтобы понять вражеский замысел: они собирались навести свой собственный мост через перешеек и таким образом достичь замка, подобраться к которому иным путем было невозможно. И они были покамест вне досягаемости метательных машин, стоявших на стенах.

Вожди собрались на совет; следовало обсудить создавшееся положение и обдумать ответный удар.

— Надо устроить быструю вылазку на лодках, — предложил Микалегон, — и подрубить еще несколько пролетов моста. Добавим им работы!

— Пожалуй, — согласился Альдандер. — Когда начинаешь войну, всегда первым долгом нужна хоть маленькая, но победа, чтобы устроить врагов и заставить их усомниться в себе.

— Ну нет, — сказал Плейандер. — Если барон Катинэ — толковый военачальник, а у меня есть основания полагать, что дело обстоит именно так, — он наверняка предвидит возможность подобного маневра; он наверняка держит наготове лучников и баллисты и еще горшки с горячей смолой, чтобы отбить охоту у всякого, кто покусится на мост — особенно ночью. Какая победа, Альдандер? Они же перестреляют нас, как цыплят!

Злой и мрачный с похмелья, герцог начал было кричать, что не потерпит в своем замке никаких советчиков и указчиков — но затем сдался. Было решено разослать боевой призыв Кольца по Железным Горам и всему Корошу: тамошние рудокопы испокон веку были большими друзьями герцога Микалегона и всего его рода. Их не будут призывать к открытому восстанию — нет, пускай снаряжают маленькие отряды и теребят в горах валькинговские обозы; перспектива пограбить, вероятно, придаст им еще больше решительности (мысль принадлежала Альсандеру).

— Не вижу, кто бы мог справиться с этим лучше Рогея, он дерзок и быстр,

— сказал Эйрар. — И вдобавок его лично знают все предводители, носящие Железное Кольцо.

Карренским Воеводам не слишком понравилось его предложение:

— Ты что, позабыл уже, какую свинью он подложил нам в Шелланде? — Но герцог рявкнул на них и велел заткнуться, и они не стали ни огрызаться, ни спорить: пускай командует сам, да сам и расхлебывает.

Мариоланский горец охотно взялся за дело, лишь попросил, чтобы его высадили на берег подальше к северу, в каком-нибудь укромном местечке.

— Может быть, в Медвежьем фиорде? — предложил шрамолицый капитан, что сидел рядом с Эйраром на пиру, но тут у Эвадне вырвался смешок, и герцог, побагровев, осыпал капитана ужасающей бранью, так что бедняга, казалось, готов был откусить себе язык. На этом совет вождей завершился.

Карренка не обратилась к Эйрару ни словом, и он это заметил. Он побродил немного возле покоев, отведенных имперским наследницам, но, памятуя о своем вчерашнем поступке, так и не решился постучать и спросить принцессу Аргиру. Оставалось надеяться лишь на случай, который ненароком сведет его с ней и даст ему возможность объясниться. Он даже придумал замечательную, с его точки зрения, речь в свое оправдание. Напрасный труд

— принцесса не появилась. Зато появился шрамолицый. Он подошел к Эйрару и пожал ему руку, назвавшись Поэ:

— ...или, что правильнее, Поэ Глупец, ведь теперь государь наш и вождь нипочем меня не простит...

— Почему? — спросил Эйрар больше из вежливости, косясь в сторону двери, из которой в любой миг могла выйти Аргира.

— Оговорка, друг, несчастная оговорка, — вздохнул Поэ. — У нас на Эригу порою достаточно оговорки, чтобы все мечты рассыпались прахом. Да, другой бы, пожалуй, вызвал меня на поединок, а старый герцог — тот попросту выставил бы за ворота. Но не таков Микалегон; он хитер — станет меня доводить, пока я не покину Братство по собственной воле...

— Только за то, что ты упомянул Медвежий фиорд? Да неужели же подобная мелочь...

— Мелочь! Если бы ты только знал, что за нею стоит!.. — Теперь уже Поэ тревожно оглядывался — не подслушивает ли кто. — Дело было почти четыре года назад: нашему государю и предводителю взбрело в голову отправиться на несколько дней порыбачить на маленькой палубной лодке вдвоем с одним уроженцем Короша, не помню точно, как его звали — кажется, Партен или вроде того. Сказано — сделано; вошли они в фиорд, и дул такой славный попутный бриз, и Партен сидел у руля. И вот тут нашему герцогу попался на глаза роскошный медведь, переплывавший с одного берега на другой. Он и возьми в голову, что зверь неплохо смотрелся бы во дворе крепости, если бы исхитриться взять его живьем. Взял он моточек крепкой веревки и велел спутнику править прямо к медведю. Накинул тому петлю на шею... да вот беда, придушить, чтобы не рыпался, не сумел, лишь обозлил. А медведь, не будь дурак, подплыл к лодочке сзади, зацепил когтями корму да и взобрался на борт — его милость, говорят, и ахнуть не успел.

На беду, герцог не взял с собою меча, лишь острогу-трезубец, и этой острой его товарищ ткнул чудовище, когда оно влезало на борт. Тут уж медведь вконец рассвирепел — и ну гоняться вокруг мачты за ними обоими. Что тут было!.. Румпель болтается, парус хлопает!.. Полных три раза обежали они лодку кругом, а потом государев спутник — он, понимаешь, пощуплее был да попроворней — живенько распахнул люк, и они юкнули туда вдвоем, чуть не вниз головами, и успели, по счастью, запереться, пока зверюга раздумывал, лезть за ними или не лезть. Ну и что дальше? Медведь себе расположился на палубе и нипочем не желал уходить, а они сидели внизу, точно два арестанта, а лодку носило по воле волн туда и

сюда.

Тот человек потом говорил, будто государь Микалегон ругался такими словами, что он уж начал бояться, кабы гром небесный не обратил их обоих в поджарки, а с ними заодно и медведя. Ладно, отдышались они, начали искать хоть какое-никакое оружие. На корме был зарешеченный лючок, в который проникал свет; время от времени медведь подходил к нему, рычал на них и совал внутрь когтистую лапу — ну, знаешь, как они делают, когда ловят рыбешку. Разыскали герцог со спутником на дне два ржавых рыбацких ножа... Микалегон их приспособил к шестам наподобие копий, и они попытались достать ими медведя через решетку. Но и с этим не вышло — прутья помешали удару, и зверю даже не продырявили шкуру, зато сам он махнул этак лапой и сломал одно из их копий, только хрустнуло, и нож покатился по палубе. И тут они видят — веревка на шее медведя запуталась в чем-то, так что теперь он никак не мог их покинуть, даже если бы и захотел.

«Что будем делать, государь?» — спросил тот малый. А надо сказать, несмотря на отчаянное положение, ему было безумно смешно, да только он знал, что показывать это Микалегону было небезопасно.

Герцог обозвал его идиотом и еще по-всякому, а потом спросил:

«Не знаешь ли ты, часом, каких-нибудь заклинаний?» — А парень-то ведь был из Короша, как я уже говорил: они там все помаленьку учатся чернокнижию, это из-за миктонцев и троллей, которые им служат.

«Я вправду кое-что знаю, государь, — сказал он. — Боюсь только, медведя мне не одолеть.»

«Колдуй!.. — зарычал герцог. — Не то уши тебе отрежу, бездельник!»

Ничего не напишешь: пришлось бедняге ворожить. Стал он творить заклинание, а герцог знай пыхтел и сопел у него за спиной, да так забавно, что в самый ответственный момент парень все-таки не выдержал, расхохотался и, ежу ясно, испортил все дело. В заклинании-то говорилось о троллях, и они тотчас пожаловали: русалки, тьма-тьмушая русалок, это у нас здесь, на севере, такие тролли морские. Заполонили они всю лодку — и ну украшать ее гирляндами из водорослей и сосновых ветвей, а медведя — гладить да почесывать ему за ушком... еще и отплясывали на палубе, пока государь Микалегон бушевал и ревел от ярости в трюме. Они же страсть любят потешиться, когда кто из нас, людей, вот так сядет в лужу, — если только, конечно, это не горе какое-нибудь.

И вот русалки всю ночь отгоняли лодку от берега, и стоял такой тарарам, что двое бедняг так глаз и не сомкнули. Герцога выручили только на другой день, когда прошел слух о миктонском набеге и из замка за ним отрядили корабль. Когда же выяснилось, что произошло — над ним до коликов хохотала вся страна, от гор Короша на севере до островов Джентебби на юге. А сам он дал страшную клятву, что оторвет голову всякому, кто унижит Ос Эригу, вспомнив в его присутствии про этот случай... Понимаешь теперь, что я натворил?..

27. ОС ЭРИГУ. ОТВЕРГНУТОЕ ВЕЛИКОДУШИЕ

Эйрар увидел Аргиру лишь на другой день. Он издали заметил двоих принцесс, прогуливавшихся по крепостной стене, обращенной к морю. Принцесса Аурия тоже заметила Эйрара. Повернувшись, она взяла сестру за руку и что-то ей со смехом сказала. Когда они поравнялись, он склонился в глубоком поклоне, на что золотая наследница Империи ответила весьма прохладным кивком. Принцесса Аргири произнесла какое-то приветствие, но от волнения он не разобрал слов.

...Валькинги трудились всю ночь напролет при свете факелов, шипевших и брызгавших искрами под тихим дождем. Все новые и новые повозки, громыхая колесами, подъезжали и разгружались. Они были еще далеко, но Плейандер посоветовал герцогу заранее провести в замке кое-какие работы. Микалегон собрал каменщиков и велел им возвести во дворе дополнительную стену в форме полумесяца — от южного угла крепости, куда подходил мост, к главной башне и оттуда до гавани. Каменщики взялись за дело; впрочем, по мнению Эйрара, трудились они медленно и не слишком усердно: все время болтали, смеялись и без конца посылали за вином. Никакого сравнения с лихорадочной работой, что шла по ту сторону стен.

Герцог Микалегон сам взошел на обращенные к берегу укрепления и велел выстрелить из одной катапульты каменным шаром. Камень упал, изрядно не долетев до врага. Герцог невнятно прорычал что-то и отвернулся. В тот же день, только попозже, к Эйрару, смотревшему со стены, подошел Рогей. Мариоланец успел уже облачиться в грубую робу рудокопов Короша. Он так и сиял, радуясь предстоящему делу: нынче ночью он отправлялся в путь.

— Неплохо идут дела у барона, покуда ему никто не мешает, — кивнул он на строительство. — Посмотрим, как запоет Катинэ, когда его люди притомятся и оголодают — а уж об этом мы позаботимся!

Эйрар как раз думал, для чего бы могли быть предназначены груды бревен на строящемся мосту. Для осадных орудий их было, по его понятию, многовато.

— Счастливо тебе, — сказал он мариоланцу.

Потом он спустился во внутренний двор, надеясь застать там если не Аргиру, так Мелибоэ, которого он тоже не видел с той ночи, когда над Кубком Войны звучали обеты. Но вместо них он натолкнулся на Аурария, гулявшего в обществе одного из своих борцов — кажется, Балиньяна. Похоже, и принц, и его спутник пребывали в дурном расположении духа: вслед за хозяином Балиньяна едва кивнул головой, отвечая на приветствие Эйрара, и отвернулся. Юноша хотел удалиться, не ввязываясь в разговор. Принц вроде собирался поступить так же, потом все-таки обернулся и медовым голосом произнес:

— Эльварсон, тебе незачем стыдиться клятвы, которую ты дал. Для императорского Дома нет ничего оскорбительного в подобных знаках любви... хотя ты в ту ночь, конечно, несколько заболтался. Говорят, будто ты дворянин, имеющий герб — и все-таки негоже трепать попусту ничьи имена, кроме вражеских. Людям благородных кровей надлежит причинять боль лишь тем, кого они ненавидят.

— Умоляю, примите мои извинения, — ответил Эйрар. — Ибо, мне кажется, ваша сестра стала меня избегать...

— Ты забыл добавить: «ваше высочество», — сказал принц. — А извинений не требуется. Наша сестрица полностью на твоей стороне и, верно, сама тебе об этом поведает... хотя она и привержена цветам суровым и тусклым, словно какая-нибудь крестьянка с холмов Скроби. Да, она предпочитает привлекать внимание иными путями. Она уже говорила тебе о своем намерении скорее умереть, нежели выйти замуж за Стенофона? Ага, вижу, что говорила. Что ж, берегись, ты произнес весьма опасный обет. Поистине, мы страшимся за тебя!..

И он засмеялся — тонко, визгливо. Эйрар молчал, не зная, как отвечать.

— Впрочем, не отчаивайся, — продолжал принц. — Нашу сестрицу при дворе никто не принимает всерьез — в том числе даже и она сама... Скажи, тебя устроили подобающим образом? Нам, к примеру, предоставлены совсем не плохие апартаменты и услужение, соответствующие нашему рангу. Там нашлось бы местечко и для наших друзей... Мы не позабудем гостеприимства герцога и однажды замолвим за него слово: когда его станут вешать, мы распорядимся, чтобы палачу подали шелковую веревку...

— Спасибо, ваше высочество, я хорошо устроен и ни в чем не нуждаюсь, — отвечивал Эйрар, и на этом разговор прекратился.

Дни потянулись за днями. Однажды с юга пришло маленькое судно и доставило новости с островов Джентебби. Бордвин Дикий Клык сам прибыл на Вагей, отметил хартию, перебил непокорных и занялся возведением замка...

Валькинги за стенами продолжали упорно трудиться. Им еще предстояло строить и строить, но груженные повозки знай подъезжали, и люди в крепости, вынужденные молча наблюдать это, сделались раздражительны.

— Вся штука в том, — сказал как-то Альсандер, — чтобы выучиться терпеливо ждать подходящего случая. На этом зиждется все воинское искусство, о победе я уж не говорю...

Дело было вечером; умница Плейандер тотчас отставил кружку эля и высказал осенившую его мысль:

— Надо выстроить большую метательную машину, чтобы била дальше валькингских катапульт. Пусть-ка попляшут!

Герцог Микалегон немедленно распорядился послать несколько человек на лесистый северный берег за подходящими бревнами. Однако Эйрар услышал, как Звездный Воевода наклонился к Эвадне и сказал ей вполголоса:

— Не то чтобы я особенно верил в эту штуковину... пока мы с ней будем возиться, дело успеет дойти до рукопашной. Однако пусть ребята попотеют: это хотя бы займет их, ведь при осаде самое скверное — сидеть и ждать сложа руки...

Эйрара очень заинтересовали подобные соображения, он бы с радостью послушал еще, но тут Эвадне заметила его любопытство и немедленно спросила:

— Ну и как продвигается твой роман с императорской киской? Имел уже счастье погладить ее по шерстке? Да, таких бестолковых любовников, как ты, девушкам остается только насиловать: иначе вы нипочем не догадаетесь, как с ними следует поступать...

Она звонко расхохоталась, когда он залился мучительной краской смущения. Поспешно отведя глаза, он увидел, что Мелибоэ манил его пальцем, желая, должно быть, перемолвиться словечком наедине.

В тот вечер старый волшебник рано поднялся из-за стола. Эйрар последовал за ним из продымленного зала советов на мощный двор с его рядами домиков у подножия стен. Мелибоэ неторопливо прохаживался, заложив за спину руки, под усеянным звездным небом.

— Юный мой господин, — сказал он Эйрару. — Покамест мне от тебя никакой выгоды, одни сплошные заботы, и я предвижу, что так будет и впредь. И все-таки я продолжаю возиться с тобой, хоть и сам не знаю, зачем.

— Это я уже слышал, — сказал Эйрар, может быть, резковато, но в этот момент он чувствовал себя настолько одиноким и всеми покинутым, что готов был лягнуть лучшего друга. — Я думал, ты мне новенькое что-нибудь скажешь.

— Ах, молодость, нетерпеливая молодость, — вздохнул чернокнижник. — А между тем, юноша, терпение — это та паутина, в которой порой застревают проворные осы. Немалые труды предпринял я ради тебя... — Он сделал несколько шагов. — Не знаю уж, выдержит ли твоя удачливость те испытания, которым ты постоянно ее подвергаешь. Но коли ты взялся сам прокладывать путь, мое дело — позаботиться о коне. Я в самом деле кое-что предпринял ради тебя и не возьмусь утверждать, что это было легко... Одним словом, потрудись постучаться в дверь, и тебя примет сама принцесса Аурия.

— Чего ради? Его светлость герцог Салмонессы тоже меня принимал...

— Сбавь-ка тон, юноша. Ты видел, что собой представляет принц Аурарий? Добавим к этому, что старый император уже далеко не тот, каким был когда-то, — и получается, что истинная глава Дома — именно она, принцесса Аурия.

— Ну и что?

— А вот что: если хочешь все-таки получить свою девочку, не вздумай пренебречь сегодняшним свиданием.

На сей раз Эйрар спросил только:

— Когда?

— Наживка проглочена, — негромко засмеялся волшебник. — Скажем, еще через один оборот песочных часов. Дождись, пока герцог Микалегон напьется до бесчувствия и его унесут почивать, а остальные займутся с танцовщицами. Куда идти, знаешь?

— Дом под зеленой крышей возле главной башни, внизу. Вон там... там, где горит огонек.

— Вижу по твоему лицу, что ты можешь назвать и число ступенек, ведущих к двери. Итак, юноша, постучись и входи смело; я тоже там буду.

Эйрар весь извелся, дожидаясь заветного часа, а потом никак не мог решить, пора или не пора. Люди понемногу покидали зал, слышались громкие возгласы пьяных, которых вели спать, факелы бросали ручейки дрожащего света...

— Кто там? — тотчас раздалось из-за двери, когда он наконец отважился постучать. Это был Ее голос!

— Эйрар из Трангстеда... — отозвался он, и дверь распахнулась, и за нею в самом деле стояла Она, и Она протягивала ему руку в дружеском приветствии... слишком уж, с его точки зрения, дружеском, чуть-чуть не таком, какое ему грезилось... Она оглянулась внутрь дома:

— Все в порядке, Аурия, это он! — И повела его сквозь темную прихожую, а из комнаты донеслось звяканье кресала о камень — это старшая сестра-принцесса встала зажечь лампу. Войдя, он застал ее уже сидящей в кресле и согнулся в неуклюжем поклоне.

— Добро пожаловать, господин Эйрар, — проговорила она милостиво и подала ему руку, и он успел взмокнуть, соображая, что делать с этой рукой

— то ли пожать, то ли поцеловать.

— Какой уж я господин... — пробормотал он и поцеловал тонкие душистые пальцы. И сделал ошибку: он понял это по легкому движению безупречно очерченных губ.

— Сядь, — велела Аурия. — Разговор будет достаточно долгий.

Золотая головка чуть наклонилась — и, точно повинувшись безмолвной команде, Аргира выскользнула за дверь. Аурия проводила ее взглядом, потом неожиданно наклонилась вперед и обхватила руками колени, и к изумлению Эйрара ее лицо обрело совсем человеческое выражение:

— Старый волшебник много говорил о тебе... я и не подозревала, что в Дейларне бытует о тебе столь лестное мнение. Твой совет мог бы быть нам полезен...

— Я... я благодарю вас, любезная госпожа, — воспользовался Эйрар выражением, подхваченным у Рогея.

Алые губы вновь дрогнули недовольно («Господи, — подумалось ему, — ну как еще прикажешь тебе отвечать?»), и принцесса спросила:

— Что ты думаешь о нашем гостеприимном хозяине?

— О герцоге Микалегоне? Он кажется мне человеком, заслуживающим доверия...

— ...когда ему ничего иного не остается. Да его собственное Вольное Братство скинуло бы его в один миг, вздумай он отказать вам в убежище — ведь у вас столько воинов и вдобавок карренские Воеводы: совсем не лишняя подмога в войне. Но я о другом. Ты хоть знаешь, что он водит твоего парня, Висто, в Черную башню?

Эйрар ощутил, как жарко вспыхнули щеки:

— На Ос Эригу всякий свободен... и Висто в том числе...

— Ах, господин Эйрар, но ведь за всякую вольность кто-то другой расплачивается потерей, не так ли?

Однажды наш герцог испустит дух, либо в сражении, либо просто в постели, и что тогда будет с Ос Эригу и его прославленной вольностью? Во всем, что совершает наш герцог, есть некий изъян — неужели ты не обратил на это внимания? Это касается и продления династии: у него нет наследника, а замок, увы, не принадлежит Империи, чтобы можно было решить дело без насилия, судом. Вот я и боюсь: прежде, чем кто-то другой наденет его корону и возглавит Вольное Братство, очень многие лишатся не только вольности, но и жизни. Слишком многие захотят пользоваться большими свободами, нежели все остальные...

— Но стоит ли сейчас об этом задумываться, любезная госпожа?

— Стоит. К тому же... — Она вдруг запнулась на полуслове. Эйрар ждал продолжения, гадая про себя, была ли эта запинка нечаянной или нарочитой.

— Нет, незачем о том говорить, — сказала принцесса. — Конечно, все слышавшие приняли это за сиюминутный порыв... и ничего подобного ты не имел в виду, как я полагаю.

— Чего я не имел в виду, госпожа?..

— Того, в чем ты клялся над Кубком Войны, вступая в Вольное Братство Ос Эригу, а именно, прибрать мою сестрицу к рукам хоть лаской, хоть таской. Я не вижу, кстати, что вообще тебя сдерживает? Действуй, ты ведь вроде бы ходишь здесь в предводителях. А мы — беспомощные пленницы, с которыми всякий может сделать, что хочет!

Эйрара бросило в жар, потом в холод, но он постарался ответить спокойно:

— Кое-что вам передали верно, но кое-что нет. Я ничего не говорил насчет ласки и таски и не записывался в здешнее Братство. Я вправду поклялся следовать за вашей сестрой по всему свету — но следовать с почтением и любовью. И не за тем, чтобы прибрать ее к рукам... я хотел бы взять ее в жены — по добром согласию и любви!

Аурия подперла кулачком подбородок:

— С ума сойти, до чего высокие чувства! Да, с твоими крыльями можно взлететь из маленького имения в Трангстеде к порогу императорского Дома... Неужели все дейлкарлы — вроде тебя? Я припоминаю одного из твоей страны, бывавшего при дворе: Ладомира Ладомирсона, рыцаря. Вот у кого шея, по-моему, вовсе не гнется... И тем не менее, — она вздохнула, — внучке рыцаря Бреммери грех так рассуждать, да и старый колдун утверждает, что ты

— достойнейший человек. Но ты еще поклялся — так мне передавали, — освободить Дейларну от графа Валька, нашего законного наместника. И если это правда, значит, ты провозгласил себя моим врагом — на будущее, когда я стану его женой. А значит, киска-сестрица тоже обратится против меня — если только ты ее завоюешь!

— Но вы еще ему не жена, — сказал Эйрар, впрочем, без особого жара.

— Да, своей клятвой ты провозгласил себя врагом и мне и сестре, — повторила принцесса. — А кроме того, она дитя Колодца и Империи, а ты ими отвергнут и проклят!

— Я думал... — начал было Эйрар, но она перебила:

— Насколько я понимаю, ты вообще ни о чем не думал. Ну, на худой конец, разве только о том, как бы возглавить это Братство Ос Эригу, отрезанное от всего мира. Ты безнадежный романтик, господин Эйрар. А ведь тому, кто присмотрел себе невесту, рожденную для политики, следует и самому становиться политиком!

Отчаяние придало Эйрару решимости:

— Не хотите ли вы таким образом сообщить мне, любезная госпожа, что моя надежда на взаимность тщетна, пока я не откажусь от мысли однажды увидеть свободной и счастливой землю, которую я люблю?

— Да никоим образом, глупый. Я желаю тебе добра не меньше, чем старый кудесник... — Она даже тронула его за руку, но тут в дверь стукнули дважды, и мимо них неслышно скользнула Аргира; Эйрар проводил ее горестным взглядом. Из прихожей долетели негромкие голоса, и в комнате появился волшебник Мелибоэ: в неярком свете лампы казалось, будто он шел с закрытыми глазами. Он ничего не

сказал. Принцесса Аурия мельком глянула на него и вновь обратилась к Эйрару:

— По части политики особых препятствий нет. Я открою тебе тайну — смотри, ни звука о ней кому бы то ни было... — она пристально посмотрела в глаза, — ...так вот, наша Канцелярия далеко не в восторге от того, что вытворяет валькингская держава. Одно дело — разгром Салмонессы, погрязшей в пороке; даже епископы приветствовали ее падение. Можно примириться и с осадой этого замка, ведь, в конце концов, Микалегон — не вассал империи и вдобавок держит нас пленниками. Но невозможно стерпеть то, что они устроили в Мариополе и Белоречье — да хоть бы даже и здесь: что за манера решать дело вооруженной рукой, без переговоров!

— Но ведь все это — деяние графа Валька, разве не так? Я слышал, они...

— Не графа, а Бордвина Дикого Клыка, этого полу-предателя и отъявленного негодяя, который плетет интриги, добиваясь графской короны. Вот видишь, мы с тобой оказались-таки союзниками: у нас один враг.

Эйрар хотел говорить, но так и не нашел слов.

— Так почему бы, — продолжала Аурия, — нам не заключить союз по всей форме, как полагается? Моей сестре как дочери императора приличествует соответствующее приданое... скажем, та самая столица Мариолы, где Бордвин... вел себя столь некрасиво. И к ней любой, какой надо, сюзеренитет в Вастманстеде. Тем самым песенка Бордвина будет спета, а моему будущему супругу останется честь завоевания Салмонессы — он ничего не потеряет. Мы с тобой станем родственниками — неплохо для начала, а?

Эйрар спросил:

— А... насчет герцога Микалегона?

— Как граф Мариолы, ты станешь равен ему. Можешь сразу начинать с ним переговоры — я помогу вам прийти к согласию. Да не забудь, что он-то воюет из-за корысти...

— А Хестинга, Белоречье, с ними что будет?

— Эк ты замахнулся, господин Эйрар! Я полагаю, они останутся у Валька и отойдут к Ласии.

На какой-то миг его умственному взору предстала блистательная картина: Эйрар, бездомный юнец, изгнанный за долги с крохотного хутора — Эйрар, предводитель полусотни — Эйрар, граф Мариолы, получивший все, чего только можно желать... муж принцессы Аргире... даже рот сам собой приоткрылся от изумления и восторга. Но потом перед глазами друг за другом мелькнули Рогей, отец, Леонсо Фабриций (это было как ожог), и наконец, старый Рудр, вольный рыбак. И он не то что закрыл рот — даже закусил губы. Он сказал:

— Нет.

— Как нет, — начала было она, и тут вмешался Мелибоэ, сидевший с закрытыми глазами возле стены:

— Только философы способны понять, почему следует столь осмотрительно внушать детям идею патриотизма, хотя бы его и почитали за добродетель. На самом деле это вовсе не природное свойство, но лишь замещение той общей любви к людям, о которой нам твердят епископы. Эта разновидность любви признает лишь часть людей таковыми, смотря по тому, светлые ли у них волосы или же они говорят на диалекте Ласии...

— Нет, — повторил Эйрар. — Хоть вы герцогом меня сделайте, не соглашусь.

К его удивлению, на лице принцессы Аурии отобразился не столько гнев, сколько разочарование.

— Хорошо еще, — улыбнулась она, — что мы сделали вид, будто не поняли намека господина Эйрара насчет какого-нибудь города побольше, нежели Мариополь. Так вы говорите — патриотизм, господин чародей? На мой взгляд, оно не стоит таких высоких названий, это мелкое и уязвимое чувство, способное поставить интересы маленького кусочка Дейларны превыше интересов громадной и великой Империи...

— Любезная госпожа, — сказал Эйрар упрямо, — как может целое быть великим, если его части унижены?

Мелибоэ промолвил все тем же голосом, ровным и безучастным:

— Я же говорил вам, что он не согласится.

— Что? Ты действительно не согласен? — Аурия поднялась на ноги, одежды зашуршали: — Дозволяем удалиться... как, должно быть, опечалится наша сестра!

Эйрар прошел мимо Мелибоэ, застывшего у стены, точно пустоглазая статуя. Отчаяние и надежда сменяли друг друга, захлестывая сознание. «Наша сестра опечалится!» — не ослышался ли он, было ли это правдой? Она не вышла в прихожую, чтобы выпустить его наружу. Лишь выйдя за дверь, в темноту, расслышал он шорох шагов и скрип задвигаемого засова. Где-то с северной, глядевшей на море стороны двора слышались голоса и девичий смех: девушка взвизгнула и умолкла. Луна давно закатилась, цитадель неясной тенью вырисовывалась на фоне звездного неба. Какое-то время Эйрар стоял неподвижно, глядя в небо... Потом кто-то коснулся его руки и легонько стиснул ее, и он стремительно обернулся, хватая кинжал. И с головы до пят покрывался мурашками, осознав, что это была Она.

— Что вы... — начал было он, но мановение маленькой белой ладони заставило его замолчать.

— Господин Эйрар, — выговорила она торопливо. — Во имя справедливости я должна сказать тебе: это был замысел моей сестры, но не мой. Я уверяю тебя...

Настал его черед перебивать.

— Послушай, да никакой я не господин, — сказал он почти свирепо. — Я всего лишь простой крестьянин с нагорий Дейларны. И все-таки я люблю тебя

— как крот может любить звезду, которую ему не дано даже увидеть...

— Ты... руку мне сейчас оторвешь. Да, я знаю... они пользовались этим словом, чтобы расположить тебя к себе. Я больше не стану звать тебя господином... — Она повернулась и вновь протянула ладонь, и ладонь трепетала, и он разглядел в свете звезд, как она опустила голову, готовая немедля исчезнуть. — И я... я принимаю, Эйрар, твою верную службу.

Он никак не мог выпустить ее руку:

— Я обойду для тебя всю Землю, только скажи. Я остановлю Сатурн, стащу рог у Козерога и призову в союзники Меркурий, заклинаю души умерших...

— Нет, нет, так ты, чего доброго, меня разубедишь. Если ты честен, к чему поэтические красоты? Язык поэзии — лживый язык!

— Но ведь... любовь, это же и есть поэзия, и...

Из-за цитадели донесся громовой удар, потом невнятные крики. Они испуганно оглянулись. Вновь раздался грохот; вдали, на стене, кто-то размахивал факелом. Боевая труба хрипло прокричала во тьме.

Вот теперь осада воистину началась.

28. ОС ЭРИГУ. КОШКА ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ

Оказывается, валькинги соорудили тяжелую катапульту и надежно укрыли ее на макушке деревянной башни, которую передвигали все время вперед, наращивая свой мост. Эйрар запнулся о небольшой валун, на боках которого еще держались кусочки спекшейся глины: валькинги облепляли камень слоем глины и обжигали, готовя снаряд. Перешагнув его, Эйрар подошел к Плейандеру, стоявшему у одной из замковых катапульт в стальном шлеме и с круглым щитом у плеча. В мечущемся факельном свете казалось, будто его лицо то и дело меняло выражение. Люди возились у ворота катапульты: ответный выстрел только что кончился недолетом.

Еще один глиняный снаряд со свистом пронесся над их головами и тяжело грянул о мостовую. Один из карренских воинов вскрикнул, хватаясь за руку у запястья. Плейандер зло выругался:

— На свет бьют, скоты! Эй, Дад, Гонатас! Свесьте-ка пару факелов вниз со стены — подставим им мишень! А вы, ребята, не ленитесь, тяните живее, хей, хей!.. У вас там мускулы или кисель?..

— Что я могу сделать? — спросил Эйрар.

— Для начала надень латы, если хочешь быть здесь, — ответил карронец. Подбравшийся, как пружина, он казался внимательным и злым. — Это тебе дело не на час — трах, бах и готово; здесь ум нужен. Не просто ударить, но так, чтобы самую душу поколебать... Готово? Отпускай!

За бойницей валькингской башни горел огонек. На мгновение его скрыла тень — это вылетел очередной глиняный шар с камнем внутри. Мгновение, другое... и вот он с треском и грохотом разлетелся о стену чуть ниже, там, где болтались факелы. Карренцы закричали, принялись насмешничать, но Плейандер явно был недоволен:

— Ишь куда взгромоздились, то-то и бьют так далеко... Эй, погодите на ворота! Астианакс, живенько принеси мне три-четыре стрелы от арбалета: свяжем их вместе, подожжем и попробуем запустить с катапульты; может, долетят благодаря оперению?

Тут он снова заметил Эйрара:

— Как, ты еще здесь? Говорят же тебе — быстро вниз, и чтобы без доспехов не появлялся! Нынче всякая жизнь ценна, и даже твоя. Ибо я вижу, что у барона Катинэ есть мозги в голове. Чем без толку погибать, поберегись лучше до рукопашной!

Кто-то язвительно захохотал в темноте. Эйрар пошел прочь, задыхаясь от обиды. Почти бессознательно он перекрестил пальцы и начал было произносить первые слова заклинания, долженствующего причинить Звездному Воеводе чесотку, но, спохватившись, успел вовремя остановиться. Потом он вспомнил Аргиру, принцессу, выросшую в деревне, и душу вновь наполнило счастье. Она сказала, что принимает его верную службу. Что она имела в виду? Неужели действительно то же, что и он сам?.. Обратно на стену он не пошел, лег в постель и долго вертелся с боку на бок, не в силах заснуть. Лишь под утро, когда за окном посерело, а шум снаружи вроде примолк, Эйрар смежил наконец глаза и увидел сон — впервые с того самого дня, когда они разлучились с Гитоней.

Ему приснилась одинокая звезда, горевшая над сумрачным морем; где-то далеко медленно, мерно звонил колокол. Затем он ощутил как будто биение могучих невидимых крыл, и вот уже не море было вокруг, но лес, уходивший вдаль колоннадами громадных стволов, вечные сумерки царили у их подножий. Что-то белое мелькнуло неподалеку: это, высоко вскидывая точеные ноги, мчался галопом белоснежный единорог. «Только невинная девственница может его укротить...» — подумал Эйрар во сне. И все-таки не совладал с искушением и начал звать волшебного зверя, припоминая слова древних языков, магические слова: отец говорил ему, что для всех зачарованных созданий это было заклинание дружбы. Остановившись, единорог ласково фыркнул, а потом пошел навстречу, и тут Эйрар заметил, что во лбу у него вместо рога сверкал обнаженный меч, и...

Долговязый Эрб тряс его за плечо:

— Вставай, молодой хозяин, всех зовут на совет, только засонь не ведено приглашать.

Когда Эйрар явился, вожди уже собрались, но было похоже, что в его отсутствие особого единодушия

среди них не возникло.

Плейандер стоял у окна, мурлыча какую-то карренскую песенку и держа руку на рукояти меча; Альсандер внимательно разглядывал носки своих башмаков, а Эвадне смотрела прямо перед собой, и на щеках ее горели красные пятна. Герцог, сидевший напротив, горстями заталкивал в рот свою черную бороду, жевал ее и снова выплевывал. Эйрар удивился столь странной привычке и подумал, что в подобном расположении духа Микалегон, пожалуй, мог бы закусать насмерть гадюку. Поэ не было среди окружавших герцога командиров, зато в сторонке переминался крестьянского вида парень со щегольской шапкой в руках.

— Ага, а вот и наш знаменитый полководец и судья, — съехидничала Эвадне. — Берегитесь его: кабы не продал он нас всех Стассии за поцелуй девочки-молочницы...

— Нехорошо ты сказал, брат, — покачал головой Альсандер. — Это ведь наше общее дело! — И повернулся к герцогу: — Разрешите объяснить ему, государь?

— А что объяснять? — зарычал тот. — Все равно ничего сделать нельзя! Клянусь пламенем преисподней...

— С твоего позволения, государь... — сказал Альсандер и повернулся к Эйрару: — Его милость — хозяин Ос Эригу и наш предводитель, никто с этим не спорит. Однако, согласно его же собственным правилам, все мы — вольные члены Вольного Братства. И вот теперь мы — и, кажется, непоправимо, — разошлись во мнениях относительно того, как же спастись от валькинггов и устроить так, чтобы не пришлось наслаждаться вольностью где-нибудь в Миктонских горах. Сам же его милость говорит, что обязательства надо исполнять до конца, ибо даже вольные люди зависят один от другого, пока не истечет договор. А ты как считаешь?

Эйрар дорого дал бы за то, чтобы оказаться где угодно, только не здесь. Он спросил:

— Вы хотите, чтобы я вас рассудил?

— Только не на таких условиях, как тогда в Хестинге, — бросил Эвименес.

— Это было бы слишком!..

— Судить? — рявкнул герцог, выплевывая спутанный клочок бороды. — Меня? В моем собственном замке?

Эйрар сказал ему:

— Немного же стоит вольность твоего Вольного Братства, если она того и гляди рассыплется от первого же испытания!

— Насчет этого не знаю, — проворчал Микалегон, — но вот когда некоторые бегут с воплями: «Спасите! Помогите!» и чего только не обещают, а как спасешь, не хотят делать ни бельмеса — вот это уж точно клятвопреступники!

— Клятвопреступники! — взвился Плейандер, и его меч голубой молнией вылетел из ножен. Воины Ос Эригу мгновенно вскочили на ноги, лязгая оружием — но Эйрар успел опередить и тех и других и встал между ними, раскидывая руки.

— Слушайте! — сказал он. — Пока вы тут хватаете друг друга за глотки, по стенам лупят из катапульта. Неужели не ясно, что все наши свары, я не говорю уж о драках, только на руку валькингам?

Наступила тишина. Напряжение почти осязаемо уходило из подобранных, готовых к прыжку тел. Наконец Плейандер опустил меч, а Альсандер проговорил:

— Так вот, ближе к делу. Наш брат Плейандер — а он, как известно, больше всех прочих здесь понимает в осадах и крепостях — утверждает, что без удачно проведенной морской вылазки замок неминуемо падет. А герцог Микалегон не желает рисковать кораблями.

— Без кораблей мы пропали, — сказал Микалегон.

— Как только их башня приблизится вплотную к стене — мы пропали, — одновременно с ним сказал Плейандер.

— Просветите меня, — попросил Эйрар. — Кажется, предполагалось, что метание огня с катапульт должно их задержать...

— Не выходит: они обвешали башню сыромятными кожами, чтобы не загоралась.

— А что же Рогей в Короше, в их тылу?..

— Ох-хо-хо-хо! — загромыхал Микалегон, не выпуская из рук бороды. — Вот, парень, перед тобой человек из Короша! Расспроси его, если охота... а впрочем, что зря тратить время. Ну да, ваш Рогей поднял горцев чин чином, но перед нами стоят две с половиной терции и еще половина подходит. А обозы у них такие, что не больно-то выпотрошишь. Едут из самой Бриеллы с полной охраной и притом под защитой таких заклятий, что у корошских ребят от страха кишки к спине прилипают. В общем, толку, что с козла молока.

— Валькинги строят свой мост из дерева и валунов, — добавил Плейандер,

— он растет куда быстрее, чем наша дополнительная стена. Они очистят бастионы Ос Эригу из катапульт и займут их без большого труда. И потом, таран...

— И что же предлагается делать? — спросил Эйрар.

Тут все заговорили разом, но вскоре кое-что прояснилось. Герцог Микалегон настаивал на том, чтобы бросить замок, уйти в море и отправиться на поиски нового дома — где-нибудь в Ураведу или на Островах Пряностей, где можно будет без труда покорить синекожих людей, — или даже в языческом Дзике.

— Умереть здесь, если потребуется, но не уходить, — стояла на своем Эвадне. — Иначе Каррена нам этого никогда не простит!

— А также и Дейларна, — сказал Эйрар. — За что вообще мы деремся? За свою корысть или за освобождение страны?.. — Он помолчал, ожидая ответа или возражения, но даже если Микалегон думал иначе, он постыдился сказать об этом при всех, и Эйрар добавил: — Тем не менее, Плейандер, я не особенно понимаю, каким образом нам должна помочь вылазка с моря.

— А что тут понимать, — пожал плечами карренец. — Сажаем людей на корабли, берем на борт штурмовые лестницы, сходни и все, что положено, подходим вплотную к мосту, захватываем его и сжигаем башню... да, и добрая часть моста сгорает тоже, деревья там предостаточно. Ну, а если мы этого не сделаем — тогда, конечно...

— А я тебе говорю, ни хрена не получится, — проворчал Микалегон. — Да они в щепки расколошматят все мои корабли из своих камнеметалок или спалят, пока мы и подойти-то еще не успеем. Я уж молчу про то, что корабли неминуемо сядут на камни, пока мы будем возиться со штурмовыми лестницами и прочим. Ну а хотя бы мы и спалили их башню, подумаешь, важность какая! Валькинги — это вам не расфуфыренные вояки Двенадцатиградья, у тех, точно, сразу бы перышки опустились, а эти ребятки попросту выстроят все заново, такой они народ, уж я-то их знаю. И где мы будем тогда — все то же самое, но только без кораблей? Короче, если наш знаменитый знаток осад ничего более путного не родит, я приказываю — к черту все и поднять паруса. Ну, что тебе еще?..

Эйрар сказал:

— Надо послушать Альсандера.

Эвадне открыла было рот, но Альсандер опередил ее:

— Я полагаю, наш предводитель и государь по сути прав. Этак и проторговаться недолго, расплачиваясь кораблями за осадные башни. Бывает однако, что даже разум отступает перед необходимостью...

— А может быть, — сказал Эйрар, — примирим необходимость и разум? Сдается мне, государь наш уже молвил нечто, указующее этот путь. Что-то о том, что вражеского моста можно достичь с корабля, проникшего между скал...

Микалегон перестал жевать бороду: все внимательно слушали.

— Мы ведь не собираемся захватывать башню, — вслух рассуждал Эйрар. — Значит, нам незачем

поднимать туда воинов — только огонь. Значит, можно обойтись всего одним кораблем, оснастив его лестницами, а к концам лестниц привязать горшки с горючим — так, чтобы они подпалили башню, когда корабль подойдет достаточно близко. А если его прежде как следует разогнать, он застрянет намертво, и тогда пусть валькинги сколько угодно стреляют — столкнуть его им уже не удастся.

— Я это сделаю! — воодушевился Микалегон. Более осторожный Плейандер потер острый подбородок, скаля зубы в умственном напряжении, а потом заявил:

— Кажется, это и в самом деле возможно, но требует дополнения: скажем, напасть на мост с лодок... или послать лучников через скалы к остаткам прежнего моста — того, что раньше вел из Ос Эригу на сушу...

Похоже, его весьма впечатлили северные лучники, оттягивавшие тетиву до уха, чего отроду не видели в Каррене.

Голос герцога вновь энергично гремел — Микалегон объяснял своим командирам, кому что следовало делать и как утаить в гавани от чужих глаз избранный для вылазки корабль, пока его будут готовить. Никто не мешал ему уточнять замысел нападения, но внимательный наблюдатель мог бы заметить, что немалая доля идей исходила при этом от карренца Плейандера, вставлявшего время от времени словечко-другое. Так, он посоветовал заменить предложенные Эйраром горшки с горючим ивовыми корзинами:

— Они прогорят, и начинка высыплется наружу.

Самому Эйрару с его копейщиками-рыбаками поручили, пожалуй, наиболее трудное: сидя в небольших лодках, прикрывать корабль-поджигатель, ведь его люди были опытны в обращении с маленькими судами. В замке, правда, не нашлось достаточного количества смолы или другого подходящего горючего, но посланец Короша утешил их:

— Наши люди часто гонят смолу, когда не заняты в рудниках. Присылайте через недельку корабль в Медвежий фиорд...

Этим определилась дата вылазки: недельный срок да еще два дня. А чародей Мелибоэ увел рудокопа к себе и немалое время беседовал с ним, обсуждая магические приемы, которыми валькинги защищали свои обозы, и подыскивая способы их превозмочь.

Эйрару так и не удалось послушать их беседу или даже выяснить, получилось ли вообще что-нибудь. Оставалось лишь сожалеть, ибо это весьма и весьма его интересовало: он не знал заклинаний, с помощью которых в подобном случае удалось бы создать щит сразу для всех. Ничего не поделаешь, у него было полно куда более срочных забот, в частности, разыскать принцессу Аргиру. Но и тут ему суждена была неудача; и не только в этот день, но и на следующий, и еще через три дня: приходилось все время проводить на стене, по которой неустанно били уже несколько катапульт Катинэ, между тем как осадная башня бодро подвигалась все ближе, заодно прикрывая собою строителей моста, трудившихся внизу.

Валькинги сменили глиняные ядра на каменные, и они яростно гремели о внешние бастионы, кроша и окапывая темный камень замковых стен. Появились раненые; на нижней стене одна или две боевые машины были начисто разбиты точным попаданием, а двоих воинов Ос Эригу убило на стене-полумесяце, возводимой внутри. Свист каменного ядра, внезапный удар — и все, и два тела остались лежать внизу, точно смятые куклы...

Герцог Микалегон готов был бросить строительство. Зато Плейандер без устали звал людей на стены, к машинам, не забывая присматривать за оружейниками крепости, ковавшими на внутреннем дворе длинные стальные копья. Острый глаз Эйрара и его искусство лучника оказались куда как полезны, когда их метали из катапульт во все, что только двигалось на растущем мосту. Иногда удавалось попасть даже в бойницы башни, нанося сынам Ласии немалый урон. Однажды, когда валькинги меняли стражу, пущенное копьё пригвоздило сразу двоих, как цыплят, надетых на вертел; осажденная крепость приветствовала этот успех торжествующим криком.

Даже волшебник Мелибоэ являлся порою на стены, привлеченный духом непреклонного мужества, почти осязаемо исходившим от карренского Воеводы. Как-то он принес с собою пригоршню крохотных деревянных фигурок, каждая с длинной иглой, вонзенной в нутро. Их метнули через валькинговскую

башню на мост:

— Воины графа, всего вероятней, защищены, — пояснил чернокнижник, — а вот рабочие — вряд ли; тем не менее, в этой войне стен каждый строитель важен не менее, чем солдат...

Ночью, когда солнце угасло в морских волнах, в его домике загорелись синие колдовские огни — он творил заклинания для фигурок. Эйрар в тот час возвращался со стены вместе с Поэ Глупцом, чувствуя себя так, словно прошагал десять миль, и полагая, что вовсе не лишне было бы подкрепиться стаканом вина. При виде колдовских огней Поэ осенил себя знаком истинной веры.

— Господин Эйрар, — сказал он, и голос его звучал неуверенно, — давай примем вправо да прибавим-ка шаг, коли не возражаешь; люди говорят, я воин не из последних — во всяком случае, не стыжусь признаться, когда мне до одури страшно!

Эйрару вовсе не хотелось куда-то сворачивать, так как избранный путь вел как раз мимо двери любимой, но он был готов уступить — и тут совсем рядом, в тени стены, прозвучал Ее смех, и Она сама подошла к ним со словами:

— Господин воин! От твоего страха есть верное средство — Колодец, у края которого любое заклятие утрачивает силу.

— Ну, это не для меня, — коротко бросил Поэ. — С вашего позволения, я лучше пойду... — И исчез, понимая гляннув на Эйрара, но тот и не заметил: для него во всем мире снова существовала только Она.

— Позволь сказать тебе... — начал он, и Она ответила:

— Я здесь — говори.

Но на него вновь напало косноязычие. Трепет и восторг Ее присутствия рядом, отсветы синих огней Мелибоэ, плясавших на Ее лице — давно приготовленные слова испарились бесследно, он стоял и молчал.

— Так что же ты хотел мне сказать? — спросила Аргира. — Ну хорошо, тогда говорить буду я. Послушай, господин Эйрар, видел ли ты маленькую башенку над морской стеной? С таким круговым балконом? Знаешь ли ты, для чего она предназначена?

— Знаю, — сказал он. И покраснел в темноте, и изумился тому, с какой легкостью эта девушка заговорила о вещах, о которых он с трудом заставил себя даже думать: о Черной башне, куда Микалегон водил приглянувшихся юношей.

— Так вот, — продолжала она, — я к тому, что прошлой ночью герцог ходил туда с твоим пареньком — Висто. А нынче Плейандер развлекается там с принцем Аурарием...

Эйрар ощутил, как в нем поднимается гнев: он собирался говорить о высокой и чистой любви... а не слушать про всякую мерзость.

— Ну и на что мне эти сплетни? Что ж теперь, плакать прикажешь? — спросил он раздраженно. — И вообще, какое мне дело...

Она взяла его за руку:

— Я... просто хотела предупредить тебя... и мне, знаешь ли, это кое-чего стоило... благодаря сестре. Право, мне жаль, если я тебя рассердила. Понимаешь... мужчины часто говорят, да и делают нечто очень, странное во имя того, что они называют любовью...

— Значит, когда я говорю тебе о любви, ты не веришь, что я в самом деле люблю? Да я звезды с неба достану и сплету венок, чтобы ты украсила им свои волосы...

Она засмеялась и перебила:

— Ой, нет, куда ж мне так много. И отпусти меня, мне пора. Моя сестра...

— Сестра? Да чем она может тебя здесь обидеть? А если у тебя на первом месте сестра — зачем вообще было выходить ради таких мелочей?

Он крепко держал ее руки; она вдруг перестала отнимать их и тихонько прильнула к нему:

— Ты прав, ты, конечно, прав, господин Логик... но довольно: поговорим в другой раз, когда ты

укротишь Семь Сил — ибо я дочь Колодца, а ты колдун.

Она вновь попыталась ускользнуть быстрым движением, но он удержал одну руку и потянулся к ней губами... и тут она вновь качнулась к нему, и он пошатнулся, ощутив поцелуй, и она убежала, шепнув на прощание:

— На память... до лучших времен...

Эйрар остался раздумывать, что же все-таки означали ее слова. «Порвать с Мелибоэ и его запретной наукой? Так ведь я давно с ней покончил и не намерен больше заниматься никаким колдовством... Нет, тут что-то иное; Мелибоэ ни при чем. Да и как можно проклясть того, кто помогает, чем может, хотя бы это и была, с точки зрения Сынов Колодца, нечистая помощь?

— Колодец, Колодец, который она сама только что все равно что отвергла! Нет, непонятно. И что вообще значит — укротить Семь Сил?..»

Проблема выглядела неразрешимой. В отчаянии ему подумалось даже — а не бросить ли все, не уехать ли в Дзик, где повязывают головы тюрбанами, выбрать послушную девочку, какими славятся те края, и забыться... забыться...

Наследник Трангстеда долго лежал без сна, размышляя о том, что, похоже, вся жизнь была цепью мучительных ежедневных усилий — бесплодных усилий, совершаемых только затем, чтобы встать поутру — и все повторить заново... Да, жизнь была замкнутым кругом без выхода, без радости и без конца.

И все-таки в потаенной глубине души сохранялась радостная надежда и вместе с ней ненависть к обыденному, к тому деревянно-тяжелому быдлу, что окружало его. Быть может, он, Эйрар, все же хоть чем-то отличался от этих людей? Превосходил их?.. Подумать только: Висто в Черной башне!.. Вот тебе и Братство: сбросить одну узду, чтобы оказаться в другой, похуже...

И вновь накатили мрачные мысли: он сказал себе, что его высокий порыв был на самом деле тщеславием; что его угораздило возмечтать о дочери короля — а много ли он, вообще говоря, мог ей предложить? Даже поцелуй «на память» вполне мог быть уловкой умненькой девушки, стремящейся ускользнуть от назойливого ухажера. И вновь дорога вела либо в Бриеллу, либо в Каррену; и вновь его мысль обратилась к Дзику и билась, как птица в клетке, пока он не вспомнил о ее поцелуе, и счастье не захлестнуло его. Он даже дал себе слово отбросить к чертям все нравственные законы и в следующий раз завладеть ее желанным телом, не спрашивая согласия... он прекрасно знал, что никогда этого не совершит...

В конце концов он забылся беспокойным сном, успев вздрогнуть от неожиданной и болезненной мысли: если бы не магия отца и не чары Мелибоэ (да, так уж совпало), он мог бы остаться девственником — и подарить Аргире всего себя, а не то, что осталось после Гитоны с Джентебби и их незаконного союза, вполне достойного Салмонессы... И опять — боль, знакомая боль невыносимой утраты, реквием погибшей любви — пусть даже теперь перед ним горела новая звезда, несравнимо ярче бывшей...

...На рассвете пришел корабль из Медвежьего фиорда и доставил обещанное, и в гавани началась работа, в то время как на стенах сражение шло своим чередом. Для поджога башни избрали судно, называвшееся «Нолберн». К его реям привязывали длинные шесты и крепили на них корзины, как предложил Плейандер. Герцог Микалегон рвался сам вести «Нолберн» в бой, но вынужден был скрепя сердце уступить его одному из своих рыцарей: ему объяснили, что кто-то же должен будет руководить всей битвой с высокого места, откуда все видно. В свою очередь, Плейандеру предстояло возглавить атаку вдоль прежнего, разрушенного моста, а Эйрару с его рыбаками — достичь валькингговской постройки со стороны гавани, с севера.

Назначенный день занялся ясным и солнечным: хорошая погода и доброе предзнаменование. К восходу солнца все были уже на ногах, но утренний бриз тянул к берегу, так что парусникам пришлось потрудиться, лавируя против ветра, обходя укрепленный мыс Эригу. Герцог Микалегон, великолепный и грозный в заржавленных латах и белом плаще, украшенном изображением морского орла, топал ногами и ругался, стоя на палубе. Валькинги на мосту даже стрелять перестали, разглядев вдали паруса. Эйрар видел, как они высовывали головы в отверстия бойниц, определенно гадая, что бы такое мог означать столь неожиданный маневр кораблей. Потом в сторону гавани полетел камень из тяжелой катапульты, но

не достал. Люди заулюлюкали, а герцог приказал:

— Поднять мое знамя!

Эйрар со своей сотней — или даже поболее, ибо в тот день при нем был Эвименес со многими карренцами и воинами Ос Эригу, сколько поместилось в лодках — затаились в тени мола. Когда с южной стороны между арками сломанного моста покажутся паруса, придет их черед.

Ожидание оказалось долгим и тяжким. Всех будоражило ощущение близости битвы, а Вольное Братство вовсю ворчало на герцога, втавившего их в такую невыгодную войну:

— Давно уже мог бы договориться об условиях и выторговать мир, и грабил бы себе где-нибудь в Ураведу под знаменем графа...

— Заделаться бы их союзниками: то-то был бы барыш! Вот кабы у нашего славного герцога чуть-чуть получше гнулись коленки! Одна спесь, а дальше собственного носа не видит.

Эйрар собрался уже отвечать, но его опередил Долговязый Эрб. Кадык на шее рыбака ходил вверх-вниз от возмущения:

— Да, ребята, вы бы им здорово пригодились! Таскали бы себе каштаны из огня и таскали, а потом пришел судебный пристав с кусочком пергамента и...

Вольное Братство принялось возражать, завязался спор. Но вот с обращенной к замку стороны пирса долетел крик:

— Корабли! Корабли идут!

И они вправду шли. Легкий ветер все никак не мог туго натянуть паруса, однако дул он прямо в корму, и корабли двигались быстро. Герцог Ос Эригу управлялся с ними поистине мастерски. А самым первым шел «Нолберн». Его легко было отличить по высоко задранному носу: корму нагрузили нарочно, чтобы легче было выброситься на отмель. Эйрар взглянул на мост. Валькинги забежали, катапульты, разившие замок, остановились. Вот еле слышно пропели походные флейты, и алый треугольник заплясал на ветру.

— Лодки — вперед! — крикнул Эйрар, и Нени из Баска высоко поднял боевой значок рыбаков — тот самый череп горного кота, надетый на шест. За аркой моста взвился к небу фонтан воды и рассыпался алмазными брызгами: это люди Катинэ начали метать камни в атакующие корабли. «Нолберн» шел вперед. Рваная дыра зияла в одном из его верхних парусов.

— Не жалея весел! — приказал Эйрар. Оглянулся и увидел позади, на стене, крохотную фигурку, — она махала рукой, и он вмиг узнал принцессу Аргире, благословлявшую его меч. Он попытался представить ее лицо, но лишь вспышка света мелькнула перед умственным взором.

А башня и мост уже росли впереди, закрывая корабли, подходившие с другой стороны. Эйрар видел, как железное копьё, пущенное из замка, ударило в валькинговскую постройку и засело, тяжело трепеща. Проревела карренская труба: это Плейандер повел свой отряд в атаку. Потом все глаза метнулись вперед — перед самыми носами лодок в воду обрушился камень из катапульты. Это означало, что их заметили и собрались встретить на славу. Лодки закачались на волне.

— Гребите, гребите живей! — прокричал Эйрар: ему казалось, они еле ползли. Новый камень упал так близко, что взметнувшиеся брызги до нитки вымочили половину людей в его лодке, а следующий задел-таки лодку поблизости — раздался крик, брызги окрасились кровью. Кажется, начиналось самое скверное. Катапульта за катапультой разворачивались в их сторону, камни сыпались смертоносным дождем. Одну из лодок разнесло в щепы. Люди спешили на помощь друзьям, барахтавшимся в покрасневшей воде.

Гребцы стали сбавлять скорость...

— Нам не справиться с ними! — раздался чей-то истошный крик. Эйрар, сам до смерти напуганный, попытался встать на ноги в пляшущей лодке, надрывая горло:

— Вперед! Вперед! — между тем как к тяжелым камням катапульт начали примешиваться камешки, пущенные из ручных пращей. Но еще прежде, чем ему удалось подняться, люди закричали все разом, и убийственный каменный ливень начал ослабевать. Взглянув вверх, он заметил у самого края башни

знакомого вида шест с привязанной корзиной; корзина расплескивала свирепый огонь. Сидевшие в башне тщетно пытались ее оттолкнуть, а со стен замка им на головы сыпались железные копья.

Лодка сунулась меж валунов и, накренившись, застряла.

— Эгей, лестницы! — скомандовал Долговязый Эрб. Чуть впереди один из воинов запнулся о кусок скалы, и камень, брошенный сверху, тотчас расколол его шлем, точно ореховую скорлупу. Но ярость битвы уже охватила воинов Ос Эригу, Каррены и Дейларны: они видели, как пламя, выплеснувшееся сразу из нескольких корзин, все увереннее охватывало валькинговскую башню, из которой начали выскакивать люди. Лестницы дружно взлетели вверх, самые нетерпеливые уже карабкались без их помощи, цепляясь за камни. Мечи и копья обрушились сзади на валькинг, еще пытавшихся стрелять в корабли по другую сторону моста или тушить огонь. Три этажа башни пылали вовсю; люди с воплями выбрасывались наружу, чтобы тотчас погибнуть от копий и стрел или попросту разбиться о камни внизу. С кораблей Микалегона спускали шлюпки с людьми на помощь атакующим. Иные из валькинг бросали щиты и поднимали руки, сдаваясь.

Эйрар огляделся: там, где мост соединялся с берегом, отступившие враги пытались вновь выстроиться в боевой порядок. Их вел человек с золотыми бляхами на кольчуге и в шлеме с поднятым забралом. Не все разбежались и со скалы, где стояли боевые машины: кое-кто, хотя и редко, продолжал метать камни в сторону кораблей.

— Туда! — закричал трангстедец. — Не дадим им опомниться!

Первым его услышал Нени из Баска — и повернул знамя Кошки, указывая дорогу. Рыбаки побежали за ним, следом — опытные карренцы и, увы, далеко не все воины Вольного Братства. Эйрар мчался во весь дух, ближе, ближе, и вот уже мимо уха прожужжало пущенное навстречу копьё; другое застряло у края щита, он стряхнул его и ринулся дальше. Он видел, как свалился терциарий, настигнутый чьим-то метким броском. Валькинги пытались построиться, призывно ревели труба, офицер в кольчуге повернулся — а в следующий миг они сшиблись грудь в грудь, щит в щит, вскинулись копья, замелькали мечи, и Эйрар сошелся с офицером. Он успел только поймать ненавидящий взгляд темных глаз в прорези шлема, и сразу стало не до того. Валькинг оказался рубакой что надо. Он едва не выбил меч у Эйрара из руки; трангстедец отступил перед ним на шаг, потом еще на шаг и безо всякого страха, с удивлением и любопытством понял: «Не выстоять!» Чей-то крик раздался слева над ухом, он с трудом ушел от удара и понял, что следующий, скорее всего, будет последним... и тут мимо мелькнула шипастая палица, занесенная могучей рукой, и вражеский вождь, обливаясь кровью, упал. Валькинги еще пытались держаться, но гибель предводителя лишила их мужества: они дрогнули, потом бросились наутек. Копья их настигали...

Эйрар обернулся. Рядом с ним стоял Микалегон, герцог Ос Эригу, и его торжествующий смех гулко отдавался под шлемом. Мимо пронесло ветром полосу вонючего дыма — герцог закашлялся.

— Спасибо тебе, — сказал Эйрар и поднял забрало, переводя дух. — Похоже, ты выполнил половину обета: это был барон Катинэ. Но Вальк жив куда!

Дым повалил гуще. Далеко за деревьями уцелевшие валькинги пытались вновь выстроиться для боя: этих воинов нелегко было заставить признать себя побежденными. Эйрар обратился к западу и вскинул руки, приказывая:

— К лодкам, ребята! Мы победили!..

29. ОС ЭРИГУ. ИЗМЕНА

Несколькими днями позже прибыл мариоланец Рогей, сияющий, с кучей новостей и в кожаной куртке, подаренной рудокопами Железных Гор.

— Осаду, — поведал Рогей, — возглавил новый барон: Вийяр, командир Восьмой терции, а из Бриеллы, говорят, поспешает сам Вальк. Еще говорят, перед отъездом сюда он пошел в храм и дал страшную клятву: любой ценой взять Ос Эригу. Хотя бы, мол, замок был подвешен к звездным сферам цепями и достичь его можно было только на крыльях. Валькинги положили здесь четверть терции, полных три сотни душ, не говоря уж о том, что вся работа пропала. Вальк вызвал Третью и Седьмую терции из центральных графств — обеих Ласий, Брегонды и Аквилема...

— А что в Короше? — спросили его.

— Корош пылает, — ответил Рогей. — В Норби по ночам заседают суды Железного Кольца, дерзко отменяющие приговоры валькинговских судей. Миктонские варвары в кожаных шлемах вовсю разгуливают по Западной Ласии, удивленные и обрадованные пособничеством дейлкарлов...

— А Бордвин Дикий Клык?

— Бордвин, сколь мне известно, на юге. Вроде бы на Джентебби он порядочно накуролесил, наделав пропасть беспорядка вместо порядка: граф Вальк им здорово недоволен. Ходят слухи, будто на Вагее его пощекотал морской демон. Бордвин, собачий сын, с головы до ног в магических защитах, так что уцелел, но досталось ему как следует: проткнул, говорят, дротиком собственного пажа...

Разговор происходил за пивом; вдоль длинного зала прокатывались одобрительные возгласы и смех. Кое на ком были промоченные кровью повязки, но могучий герцог во главе стола гремел заразительным хохотом, отпуская малопрстойные шуточки и угощая Висто вином из своего рога. Эйрар на мгновение перехватил взгляд юного виночерпия, устремленный на пригожего рыбака: жгучая ненависть, смешанная со слезами. Эйрар немедленно припомнил, о чем ему говорила Аргира... но скоро отвлекся, заметив, как четверо Звездных Воевод, совещаясь, склонили друг к другу черноволосые головы с одинаковыми прядками врожденной седины на макушках, а потом один из них — Альсандер — заговорил:

— И все-таки, государь, непонятна нам, карренцам, твоя беспечность. Если ты намерен выиграть войну — скажи на милость, какого дьявола мы вот уже неделю попусту бражничаем вместо того, чтобы что-нибудь делать? Тоже повод для пира: Рогей, видите ли, вернулся. Посмотри на валькингов: трудятся, не покладая рук, а мы? Наш брат Плейандер не далее как вчера попытался заставить кое-кого из твоего Вольного Братства поработать над большой катапультой, и что? Ни один не пошел, даже слуг, и тех не пустили. Да у нас в Каррене давно разжаловали бы спадариона, неспособного заставить людей слушаться. Или такого, который живет лишь сегодняшним днем!

— Вот потому-то вы не в Каррене нынче, а здесь! И кормитесь крошками со стола свободных людей. Отправляйтесь к себе на юг! Станут тамошние рабы драться за вас так, как дрались эти славные парни — каждый сам за себя?

И еще немало обидных слов слетело с его языка, но Эйрар был уверен, что серьезной ссоры не вспыхнет. Герцог был слишком хмелен и весел и попросту упивался своей победой и своим Висто — куда уж тут ссориться. Эйрар выбрался из-за стола и бочком скользнул к двери, спеша на ночное свидание, что обещала ему любимая. Эвадне скривила губы, провожая его злым, насмешливым взглядом. Их глаза встретились, и он понял: издевка относилась вовсе не к его уходу, Эвадне как будто желала сказать ему: «Вот тебе снова

— Бриелла либо Каррена!» Ибо герцог Микалегон, привыкший пиратствовать, воевал, по большому счету, бездарно. Опрокинув врага, следовало бы гнать его, не давая опомниться от поражения. А он наотрез отказался от предложения устроить набег на Джентебби или Наарос и тем не дать валькигам вновь собрать силы в кулак...

Эйрар не переставал думать об этом, даже когда увидел Ее. Он так и сказал:

— Тебя учили править — ответь же мне, есть ли средство принудить людей сообща трудиться? Кроме

кнута?..

Аргира засмеялась:

— И ты туда же — в политику?

Он объяснил ей, в чем дело, умолчав лишь, что эту задачу впервые подкинула ему Эвадне — а почему умолчал, и сам не мог бы толком сказать.

— Боюсь, я мало чем смогу помочь твоему затруднению, — отвечала Аргира.

— В Стассии, во дворце, полагают, что от всех бед есть одно средство — Колодец. И правда, лишь Колодец поддерживает мир между Империей и язычниками Дзика — самыми лютыми воинами, какие только есть в мире. Бриелла или Каррена? Я не знаю, но думаю, что, кроме этих двух, есть и иные способы примирить людей. Например, наша Империя... да ведь и у вас, дейлкарлов, говорят, есть свой какой-то порядок: рыбаки Джентебби избирают Загребных, охотники огаланга — Лесничих.

— Да, все так, но Мелибоэ — он ведь философ, ему, верно, видней — утверждает, что в конечном счете всегда получается то же самое: Бриелла или Каррена.

— Возможно, он прав... Но хочешь, скажу, какой изъян у Бриеллы?

— Что они не дают жить по-людски никому, кроме чистокровных валькинггов? Против этого мы и воюем: меня, например, выгнали за долги с наследной земли...

— Нет, я совсем не о том... Не кажется ли тебе странным — тебе, изгнанному из дому, издевавшему унижение, тебе, готовому воевать с ними до смерти — не кажется ли тебе странным, что ты не видишь недостатка в этой их системе с мнением большинства?

— Суди обо мне как хочешь, — сказал Эйрар, — но я... и вправду не вижу.

— А может быть, — продолжала Аргира, — его действительно нет? Когда я жила в Скроби ребенком, нас учили прясть. Я помню — нити все время перекручивались и рвались. Я просила матушку Валану объяснить, что же я делаю не так, и она, поглядев, отвечала: «Все правильно, деточка; просто у тебя нынче неправильное настроение». Вот я и думаю: законы можно менять, но сами-то валькинги и карренцы от этого не изменятся. Так, может, дело не столько в законах, сколько... в характере народа? В его внутреннем духе?

— Аргира! — окликнул звонкий, ясный голос, голос старшей принцессы, Аурии. Было темно, но от Эйрара не укрылся ледяной взгляд, которым она его наградила. — Никак ты пытаешься завладеть наградой, не уплатив цену? — продолжала она. — Ты полагаешь, что твое поведение благородно? Неужели ты, господин чародей, не мог подыскать лучшей мишени для своих приворотных заклятий, чем наша несмышленная девочка, которую стоит только погладить, и она уже готова мурлыкать, точно котенок? Попробуй-ка лучше заколдовать графа Валька, когда он явится сюда с флотом Двенадцати Городов...

Какое-то время Эйрар ошарашенно молчал, потом уловил взгляд Аргире, исполненный ожидания, и с отчаянием понял: вот он, миг перелома. Если теперь он не отстоит свою любовь, другого случая может и не представиться.

— Да не творю я никаких заклинаний! — с мукой сердечной вырвалось у него. — И что плохого, любезная госпожа, что мы стоим здесь вместе и разговариваем? Знайте, что я люблю ее и буду любить, хотя бы рухнули все империи мира! Или вы хотите принудить меня отступить от моей любви за то, что я не пожелал отступить от Дейларны? Хотите разбить наше счастье?..

— Я пила из Колодца, сестра, — сказала Аргира. — И ты прекрасно знаешь, что магия бессильна против меня — и всегда будет бессильна.

Старшая принцесса лишь фыркнула.

— Красивый жест, господин Эйрар! Поистине, тебе самое место в труппе бродячих фигляров. Не забывай, что перед тобой — дочь императора. Города запалют и страны опустеют, если она сделает неверный выбор... по любви там или не по любви. Что значит ваше жалкое счастье, когда речь идет о судьбах тысяч людей? И не перебивать, когда я говорю!.. Я знаю, что ты хочешь сказать: отречься от наследования, не так ли? Нет, сколько ни отрекайся, ей не изменить ни своего рождения, ни крови,

текущей по жилам. Ты хочешь, чтобы ее замучили на колесе, расчищая кому-то другому путь наверх, к трону — и только из-за того, что ей однажды взбрело в голову поиграть в любовь... с глупым мальчишкой! С предводителем двадцати бродяг, а не армии в двадцать тысяч копий!

...Оставшись один, Эйрар погрузился в горестные размышления. Мог ли он предположить, что высокомерная Аурия способна нанести столь беспощадный удар? Но если так, значит, даже Аурарий — Смазливчик, как называл его герцог — быть может, даже Аурарий еще хранил в себе толику железной крови древнего Аргименеса?.. О смысле слов Аурии Эйрар старался не думать: нет, нет, не могло того быть, чтобы она оказалась права, в ее доводах была некая червоточина, — вот если бы ему удалось ее отыскать...

Размышляя таким образом, Эйрар пересек крепостной двор, направляясь к жилищу Мелибоэ и думая обратиться за утешением к его философии — хотя надежда, признаться, была невелика: его не окажется на месте, он будет занят или вообще не пожелает говорить...

Отнюдь: волшебник был дома и, стоя в дверях, беседовал с Поэ Глупцом. Казалось, он немало обрадовался появлению Эйрара. Поздоровавшись, он провел его в дом, где на столе над разложенным свитком горела пара свечей, усадил его и стал ждать, чтобы тот заговорил. Но Эйрар молчал, и чародею пришлось первым нарушить тишину:

— Я полагаю, юноша, ты явился сюда не ради моих прекрасных глаз, ибо в шатрах танцовщиц можно найти куда более привлекательные...

— Да нет, я... — встрепенулся Эйрар и вновь смолк, не зная, с чего начать.

— Хорошо, шутки в сторону. Выглядишь ты, мой милый, точно солдат, вернувшийся из проигранного сражения. Что, пытался завоевать любовь высокородной девицы, а она обошлась с тобой столь же неласково, как и со Стенофоном Пермандосским?.. Хотя нет; вижу, что нет. По-видимому, тебе досталось от ее сестрицы, что так хотела видеть тебя союзником Валька...

— Она говорит, чтобы я и думать не смел о принцессе из императорского Дома, ибо это может вызвать ужасную войну из-за престолонаследования... и неминуемую гибель всего, что я так хотел бы сберечь... — сказал Эйрар, чувствуя себя подавленным и несчастным.

— И посему ты готов оставить надежду и позволить ей и всему миру поступать, как им вздумается, лишь бы бремя ответственности за будущие войны и всякие неприятности легло не на тебя, а на того другого, кто в конце концов возляжет с ней на брачное ложе?.. Нет, поступить так ты тоже не можешь. Итак, что же ты делаешь? Идешь ко мне, дабы я восхитился тому, сколь возвышенны твои помыслы? Нет, юноша, восторгов ты от меня не дождешься. Ты рассуждаешь подобно священнику — иными словами, себялюбиво. Тебя не очень волнует, что, собственно, там в действительности произойдет

— лишь бы самому не отвечать ни за что. Скажешь, я не прав?

— Скажу, — пробормотал Эйрар и почувствовал, что краснеет. — Принцесса Аурия говорила, что с моей стороны себялюбиво мечтать о ее сестре, в то время как судьбы столь многих людей в Дейларне, да и во всей Империи, зависят от ее брака... — Он запнулся, помолчал и добавил: — Да и я не очень уверен, что она пожелала бы меня... даже будь она совсем свободна в решениях...

Усмешка промелькнула в шелковистой бороде Мелибоэ.

— Что касается этого последнего соображения, а с точки зрения важности для тебя, несомненно, первого, — можешь быть спокоен. А вот насчет всего остального, о чем шла речь... какой там еще у тебя долг перед Империей, или Дейларной, да даже и перед ней? Я понимаю, будь на тебе императорская корона, облакающая величием и властью — вот тогда был бы и долг, ведь за подобные побрякушки всегда приходится чем-то расплачиваться. Но пока ты не император — пока ты не император, у тебя, как и у любого мужчины, всего одна обязанность — стремление к счастью... насколько это возможно. И то же, кстати, касается ее. Возлечь с юношей, зачать и родить крепких сынов — вот ее первейший, истинный долг!

Эйрар спросил:

— Но разве мы ничем не обязаны другим людям?

— Обязаны, — если ты согласен избрать путь Бриеллы и быть крупинкой среди других крупинки в

мешке зерна. Человек не рождается ничьим должником, он им становится. Вот как ты, например. Ты ведь в долгу перед своими рыбаками, которых ты завел так далеко от дома... ради того, чтобы они выкрикивали твой кошачий клич и исполняли разные твои замыслы. И есть еще одна хитрость: когда исполняешь свой так называемый долг, требуется непоколебимая уверенность в том, что людям нужно именно то-то и то-то, а не другое. Но разве ты — Бог? Вот послушай: некий граф ехал мимо и увидел старуху, вскапывавшую поле. Граф посочувствовал ей и подарил серебряный айн, желая хоть как-то облегчить ее долю. Старуха оставила поле и так и не узнала, что там под землей лежало сокровище. Она отправилась со своим айном в город и скоро оказалась в нищете еще худшей...

Эйрар вздохнул:

— Ты советуешь мне изложить это принцессе Аурии?

— Я ничего тебе не советую... я не раз уже убеждался, сколь часто ты, юноша, пренебрегаешь советами. Да и кто может дать тебе лучший совет, чем ты сам? Ты ведь иначе смотришь на мир и по-другому видишь его, нежели я... И вот тебе, кстати, еще один ответ на вопрос о долге перед другими. Да, долг — но перед кем? Ты судишь о людях по тому, что доносят тебе твои глаза и уши, но что ты можешь сказать о сердце, хранящем истинную суть человека? И с какой стати тебе быть перед, этой сутью в долгу? Ах, как хотел бы я истребить в тебе эту глупость!.. Подумай сам: долг перед людьми, которых ты ни разу даже не видел — это, по сути, долг не перед живыми людьми, а перед неким принципом, перед отвлеченной идеей: порядочностью, например, или еще чем-нибудь в том же роде...

— Ну да, конечно, а почему нет? — спросил Эйрар изумленно. — Я и стремился к порядочности...

— Оставь, юноша. — Мелибоэ потянулся к свитку и стал его сворачивать. — Честность, порядочность — всего лишь компромисс с общественным мнением, бытующим там, где данному человеку выпало жить. Скажем, я мог считать себя добропорядочным человеком, творя волшебство в лице Бриллы — пока не вышел закон, возбраняющий чернокнижие. Но, допустим, этот закон был обнародован как раз в тот момент, когда я произносил заклинание. Что же мне делать — довести его до конца и тем самым преступить закон, или остановиться на полуслове и дать демонам меня разорвать?

— Я не согласен... по крайней мере с последним соображением. Ты говоришь о неподчинении закону, а я — о вещах, неподвластных законам. Я и сам всю нарушаю валькингские законы и даже надеюсь совсем их опрокинуть...

Мелибоэ улыбнулся углом рта.

— Чем же ты в таком случае руководишься, юноша? Скажешь, принципами

— но это же смешно. Каким образом ты собираешься выяснять, верен ли твой принцип, если только кто-нибудь уже не додумался возвести его в силу закона, которым могут пользоваться люди? Даже ваша так называемая истинная вера — а я не сомневаюсь, что ты веруешь бездумно, как это свойственно молодым — так вот, даже она есть всего лишь род закона, не так ли? Ты вынужденно полагаешься на чье-то мнение о том, что веровать именно так — хорошо, а по-другому — плохо, и отсюда прямо вытекает все остальное. В том числе и твои знаменитые принципы, на которые опираются второстепенные доводы... как котята, что ловят собственный хвост...

— Сударь волшебник, — сказал Эйрар серьезно, — ты конечно, ученый, ты куда как силен в логике и всегда можешь легко меня переспорить, но...

— ...но больше сегодня я не намерен этим заниматься, — перебил Мелибоэ, вставая. — Нет, я вовсе не намерен загнать тебя в тупик. Я просто хочу, чтобы ты понял: поступай, как тебе больше нравится, и поменьше думай о золотой принцессе... кстати, в этом золоте более чем достаточно меди...

Эйрар вышел во двор. Разговор с Мелибоэ изрядно его укрепил, добавил уверенности в себе. Оставалось только придумать, как бы снова не оплошать перед той, чье мнение было всего важнее — перед Аргирой, стассийской принцессой. Но случая не представилось: на следующий день ее нигде не было видно, и на следующий тоже. Несколько раз он посылал ей записки, но ответа не получил ни на одну. «Очевидно, — думалось ему, — мнение старшей сестры стало и ее мнением...»

Тем временем обитатели крепости вели беззаботную жизнь — за исключением карренских латников,

без конца упражнявшихся на ристалищном дворе под строгим надзором Эвименеса. Звездный Воевода был одинаково проворен что с пикой, что на мече, Эйрар сам в том убедился.

Валькинги на берегу занимались чем-то не вполне понятным — вроде бы пытались восстановить мост, но без особого рвения. Однажды Эйрар смотрел на них со стены замка, одновременно в который раз припоминая свой спор с принцессой и соображая, что следовало бы тогда сказать или сделать иначе... и внезапно застыл, пытаясь ухватить некую мысль, смутно тревожившую его с того самого дня. И наконец вспомнил и вновь явственно услышал голос старшей из сестер: «...графа Валька, когда он явится сюда с флотом Двенадцати Городов...»

«К чему бы это?» — задумался он и пошел разыскивать Альсандера. Карронец был потрясен не менее его самого, и уже вдвоем они отправились уговаривать герцога Микалегона немедленно собрать полный военный совет, хотя был всего только полдень. После немалого крика и беготни совет все же собрали. Эйрар еще раз поведал о странных словах, нечаянно оброненных принцессой; Плейандер мял пальцами нижнюю губу, а черные брови герцога сдвигались все мрачнее, обещая грозу. Когда Эйрар кончил, все заговорили разом, но герцог грохнул по столу кулаком и обратился к Альсандеру:

— Что скажешь, старый Мешок Костей? Неужто весь Додекаполис захочет — и сможет — двинуться на меня? Что ж, я готов в это поверить. Я вообще-то вожу некоторую дружбу с вельможами Филедии... знаю, знаю, что тебе это не по ноздре... Так вот, после того, как мы разбили чертовых валькингов, я послал туда корабль — купить всякой всячины, — но он до сих пор не вернулся. Боюсь, его задержали...

— Возможно, — проговорил Альсандер медленно. — Хотя я и не думаю, чтобы дело было в Филедии. Они там не больно-то жалуют Народную партию, а стало быть, и Империю. Более того, Филедия вряд ли захочет ссориться с Ос Эригу, ведь сильного флота у нее нет. Я думаю, скорее всего за этим стоит Бербиксана, а может быть, Стенофон Пермандосский...

Эйрар вздрогнул и издал восклицание, заставившее всех повернуться к нему.

— Что с тобой, Ясноглазый? — спросил герцог, накручивая бороду на палец.

— Стенофон Пермандосский! — ответил Эйрар. — Это же тот владыка, чье сватовство отвергла принцесса Аргира. Я слышал, он весьма оскорбился...

— Ха, пахнет крысой с лисицу величиной! — сказал Эвименес. — Вальк и Стенофон! И каждый хочет отбить невесту императорских кровей, запертую в здешних стенах!

— А по-моему, здесь еще кое-чем пахнет! — прозвучал хриплый, готовый сорваться голос Эвадне. — Подумайте, братья! Если все сказанное — правда, значит, наши враги внутри и снаружи как-то общаются! И те, что внутри, раньше нас узнают все новости! Я готова заявить вместе с тем носатым мариоланцем: измена! Измена! Гнусная измена! И я знаю, братья, где она свила гнездо!

Эвадне остановилась ради вящего впечатления.

— Где же? — тотчас рявкнул герцог. Он уже озирался, точно ожидая увидеть в каждом углу по дьяволенку.

— Измену, — продолжала Эвадне, — затеяли и выносили империалы... две стассийские девки, которых давно пора подержать калеными щипцами за груди! Ага, затряслись! Евнухи, привыкшие поклоняться замшелому Дому Аргименеса, точно святыне какой! А ну, велите-ка тащить обеих сюда, и я сама, в вашем присутствии, вырву у них правду!

Говоря так, она медленно поднялась на ноги; ее глаза блуждали, и Эйрар невольно изумился, припомнив, что когда-то она казалась ему привлекательной... между тем он и сам был уже на ногах, и рука сжимала рукоять кинжала, украшенную камнями, и невнятный крик рвался из груди:

— Прежде, чем вы хоть пальцем прикоснетесь к Аргире, снимите голову мне! Кто первый, ну?

— Позвольте сказать, — вмешался Мелибоз.

Он воздел кверху палец, и на кончике пальца плясал синий колдовской огонек. Голос волшебника лился точно масло в kloчующие морские волны: все глаза обратились к нему.

— Вот что, — сказал он. — Сведения, как весьма правдиво поведал нам юный господин Эйрар,

исходят от принцессы Аурии. А из нее вам вряд ли удастся хоть что-нибудь вытянуть. Да, горца и притом бессердечна, как загнивший дуб... Но в жилах ее — железная кровь древнего короля Аргименеса. Того самого, что отвоевал у язычников царство сломанным мечом, который он в бытность свою рабом нашел на земле... Младшая же сестра вообще ни при чем. Иначе этот юноша доставил бы нам куда более ясные сведения: он — ее возлюбленный. Если же вы вздумаете попытать этих девушек, против вас ополчится весь мир. Не только Вальк и те из Двенадцати Городов, что ему удалось совратить — придет даже Дзик. Вас ждет страшная война и страшная, позорная смерть, потому что их защищает Колодец. И если уж на то пошло, в измене, скорее всего, повинны не девушки, а их брат...

— Нет!.. — прокаркал Плейандер, и вновь все зашумели разом, перебивая друг друга. Но мгновение ярости Эвадне минуло безвозвратно, и вот к какому решению пришел тот бурный совет: герцог Микалегон пошлет корабли закупить съестного и разведать, что затевается. Быстроходные парусные корабли, способные спешно домчать вести и, коли потребуется, оставить далеко за кормой гребные галеры, на которых ходят мореплаватели Двенадцати Городов...

30. МЕДВЕЖИЙ ФИОРД. ПЛАМЯ В НОЧИ

С береговой горы дважды пропела труба, можно было различить движение, вновь появившиеся знамена. Рабочие облепили дамбу, старательно ее расширяя.

— Похоже, сам Вальк пожаловал, — сказал Микалегон.

Внутри Ос Эригу люди больше не отлынивали, как прежде, от работы на дополнительной стене и у большой катапульты, затеянной Плейандером. Правда, никто особо и не выкладывался, потому что лучшие воины герцога ушли в море на кораблях. К тому же слух об измене постепенно распространялся, пока все не начали косо поглядывать один на другого.

Карренские Воеводы в те дни держались с Эйраром не слишком дружелюбно, и даже Долговязый Эрб все больше отмалчивался. Трангстедец хорошо понимал, в чем дело, то и дело видя его издали прогуливающимся вдвоем с Эвадне. Если бы не Поэ, Эйрар чувствовал бы себя поистине одиноко.

— Собственно, я не то чтобы в большой опале у герцога, — рассказал ему Поэ. — Государь просто взялся как бы не замечать меня и, боюсь, не скоро теперь изменит этот обычай!..

Однако и из Поэ задушевный друг не больно-то получался. Эйрар не знал, куда себя деть.

Потом наступил жаркий летний денек — такой жаркий, что волей-неволей пришлось отказаться от доспехов. Солнце сияло вовсю; синее Северное море играло барашками, а к вечеру у далекого горизонта возникли белые паруса. В сумерках корабль под флагом Морского Орла бросил якорь в гавани замка, и его капитан пришел в зал совета. На сей раз все в зале были трезвы, в том числе и новоприбывший — плотно сбитый рыжеволосый мужчина с носом, когда-то давно перешибленным ударом меча. Звали его Миннэ, по прозвищу Косноязычный — говорил он и в самом деле невразумительно. Вот что, однако, удалось выяснить из его речей: его не впустили в имперский порт Дамарию, поскольку в данное время над Микалегоном тяготело проклятие. Отправившись на северо-запад, он повстречал среди моря корабль из Лектиса, сообщивший: государи Двенадцатиградья в самом деле надумали заключить с Вальком союз против пиратской твердыни, издавна причинявшей им столько хлопот. Но не все города вступили в союз. Например, Бербиксана вовсе отказалась выставить корабли — разве что ей будет предоставлено старшинство, без подчинения кому-либо. А отряд из Ксифона хотя и вышел вместе с остальными, но скоро обособился и ушел в Ураведу — под предлогом добычи золота для платы командам. Людей же для флота набрали все больше по купеческим колониям дейлкарлов...

— В общем, во главе стоит Стенофон, — перебил на этом месте Альсандер.

— Он или нет — точно не знаю, — ответил Миннэ. — Он, во всяком случае, спадарион и вправду срубил головы двоим капитанам из Заскоя. Но тот головорез из Малого Лектиса полагал, что Стенофон, как малая искра, должен выползти из щелки и разжечь большой кровавый пожар. А может, он у них вроде судомойки — грязную посуду скребет...

Кто-то засмеялся. Капитан Миннэ недоуменно повел глазами вокруг, ища причину веселья, не нашел и продолжал рассказывать — о том, как он надумал разжиться новостями у рыбаков Джентебби, ведь туда, как известно, слухи стекаются со всего света. Вблизи островов не оказалось ни одной рыбацкой шхуны — но зато воды не видать было за множеством пестро раскрашенных весельных кораблей. По счастью, дул свежий ветер, так что кораблю Ос Эригу удалось уйти, хотя сперва галеры подошли достаточно близко и даже обстреляли его из баллист. А во время погони на галерах поставили паруса, и на тех парусах была нарисована премудрая лесная крыса — всем известная эмблема Пермандоса...

Итак, никаких сомнений не оставалось: на них шел Стенофон! И как с ним разделаться наверняка, никто не знал. Они без толку мусолили этот вопрос, пока за окнами не легла лиловая тьма.

— Насколько я понимаю в осадах, — сказал карронец Плейандер, — теперь все дело в терпении. Надо запастись побольше провизии — и держаться, пока они не оголодают и не уберутся домой. Пусть-ка южане поищут съестного в Миктоне, я на них погляжу, много ли насобирают. А в море парусники Ос Эригу уже их доймают...

Мысль неплохая, но всем было ясно, что время будет работать не на них. Вальк Неразумный выстроит

новую дамбу и мост, и уже не одна, а две осадные башни рано или поздно приблизятся к стенам. Может, стоило встретить неприятельский флот в море и дать бой?.. Словом, по окончании совета все разошлись неудовлетворенными. Но минуло еще два дня — и они перестали гадать, идти навстречу врагу или выждать.

Стенофон привел корабли. Все население замка столпилось на морской стене. Все видели, как они медленно поднялись из-за южного горизонта и поползли вперед, точно клопы из щели между половицами...

Они шли под парусами, но вблизи мыса и крепости у пермандосского властелина, видать, взыграло тщеславие: замелькали весла, корабли выстроились, как на смотре, а флейты и барабаны принялись выводить изломанный ритм, примениться к которому были способны только южане. Герцог Микалегон, тоже вышедший на стену, приказал попробовать достать их из катапульты, но камень не долетел, и корабли величаво прошествовали мимо — лишь музыка зазвучала еще насмешливее и громче, да белая пена круче заклубилась у форштевней, увенчанных острыми бивнями таранов...

Неожиданно корабли начали вновь перестраиваться. Спускались паруса, появлялись все новые весла. Сперва Эйрар решил, что Стенофон намерен был покрасоваться. Но люди вокруг встревоженно закричали, указывая в море, и Эйрар увидел: из-за горизонта появился еще один парусник герцога, который угораздило вернуться именно теперь — то ли к счастью, то ли к несчастью. Пермандосские галеры разворачивались навстречу, и Эйрар, при всей своей ненависти к врагу, не мог не залюбоваться искусным маневром.

— Назад!.. — заревел Микалегон, словно капитан парусника мог его слышать.

...Это было зрелище из тех, что нередко разыгрываются на аренах жестокого Дзика, только здесь все происходило вдалеке — и оттого беззвучно.

На паруснике вовремя почуяли неладное и переложили руль, пытаясь уйти в открытое море, но тщетно. Ветер был слишком слаб — гребные суда двигались быстрее. Затаив дыхание, люди на стенах следили за тем, как галеры постепенно догнали парусник... начали его окружать...

Герцог Микалегон топал ногами, в бессильной ярости жуя и выплевывая бороду. Далеко в море парусный корабль маневрировал так и этак, пытаясь оторваться от погони, а потом — видно, его капитан понял, что спастись не удастся — развернулся по ветру, целя в самую гущу галер. Черными точками замелькали камни из катапульт... Дыра за дырой возникла в парусах корабля. Он почти протаранил одну из галер — верткое судно ушло от прямого удара, но повреждений избежать не сумело — судя по тому, как оно двигалось, на нем были переломаны весла. Однако прежде, чем корабль Ос Эригу смог использовать свое преимущество, сразу несколько галер всадили острые тараны в его борт. Парусник вздрогнул и замер, было видно, как люди дрались на палубах и падали в море... и вот высокие мачты стали крениться и легли на воду, и со стен замка раздался крик ярости и отчаяния.

Еще какое-то время галеры толпились на том месте, где скрылся корабль Ос Эригу. Потом вновь поставили паруса, выстроились и еще раз прошли мимо мыса и крепости — медленно и близко, ближе, чем прежде, и люди на них улюлюкали и хохотали, указывая на несколько тел, болтавшихся на реях...

— Господин Эйрар... — раздался чей-то голос. — Ты говорил, что любишь... подтверди же свою любовь делом. Спаси меня от этого человека. Иначе придется мне умереть!

И Аргира скрылась прежде, чем он успел ответить хоть словом.

Мрачный вечер и черная ночь опустились на Ос Эригу. В крепости наступили невеселые времена. Теперь в море поодаль от замка все время торчали две или три галеры. Хорошо видимые днем, ночью они зажигали огни, а иногда подходили совсем близко и пытались достать из катапульт три корабля, еще стоявшие в гавани под прикрытием пирса. Другие корабли так и не появились; соответственно, не было и никаких новостей. Никто не знал, какая судьба постигла в море флот Ос Эригу, а сам великий герцог мрачно бродил из угла в угол, как человек, наполовину потерявший рассудок. Из него точно выпустили всю кровь: казалось, само сердце герцога билось меж деревянных ребер кораблей, запропавших неведомо где... Он часто приходил на обращенные к берегу бастионы и угрюмо смотрел туда, где валькинги, прикрываясь щитами, ворочали камни и бревна, восстанавливая сожженный мост... а потом брал за руку юного Висто и

уводил его в Черную Башню, и вскоре ветер доносил оттуда обрывки пьяных песен...

Валькингговские осадные башни приближались неотвратно, хотя Плейандер порой наводил на них тяжелые катапульты, и воинов в доспехах расплющивало, точно жуков. Командование замком полностью перешло теперь к Плейандеру, и Эвадне ему помогала. История же с предательством кончилась тем, что принцессам строго запретили общаться с кем-либо, кроме служанки, единственной на двоих. Служанка эта была танцовщицей, располневшей и переставшей нравиться воинам.

Да, Плейандер и Эвадне нынче командовали. Беда, постигшая осажденную крепость, казалось, лишь придавала карренке бодрости и энергии. Она носилась, как одержимая, она была вездесуща. Накинув кольчужный капюшон, взбиралась на стены, чтобы подбодрить бойцов или перекинуться соленой шуточкой с работниками, доделывавшими большую метательную машину. Вечерами, когда Долговязому Эрбу случалось усомниться в близости победы, она обвивала руками его тощую шею и глядела с улыбкой, не говоря ни слова, пока и он не смолкал. А то, чмокнув герцога Микалегона сквозь бороду, требовала показать ей Черную Башню. Герцог хохотал смущенно и громогласно, не вполне понимая затеянную ею игру. Эйрар тоже не понимал, что у нее на уме. Но вот приносили вино, запасы которого в замке, кстати, таяли день ото дня, и братья поднимали кубки:

— За твоё здоровье, Эвандер! — И Эйрар был почти готов снова восхищаться карренкой... пока кто-нибудь не упоминал случайно о девушках из Стассии, отчего прежняя ненависть вспыхивала в ее глазах.

И все-таки именно она, Эвадне-Эвандер, однажды штормовой ночью зачем-то вышла на мол и увидела, что в море больше не было видно огоньков сторожевых галер; пермандосские моряки предпочли укрыться от бури. А еще в воде у мола она разглядела барахтавшегося человека, спасла его и чуть не на себе притащила в зал советов. Это был Рогей, полуголый и совершенно выбившийся из сил.

— Если бы не ты!.. — прохрипел он, глотая горячее вино. Да, если бы не Эвадне, он вряд ли еще долго продержался бы на воде.

Час стоял поздний, герцог уже ушел спать. Спал и Эйрар, а Плейандер, как обычно, был на стене: валькинги подобрались совсем близко и снова обстреливали одну из башен. К тому времени, когда все проснулись и собрались, мариоланец успел более или менее прийти в себя и был в состоянии говорить, сипя и то и дело чихая.

— Вся Северная Дейларна горит у них под ногами! — рассказывал он возбужденно. — Мы заняли два форта в Короше. Граф Вальк принужден выделить немало войск, чтобы удержать за собою дороги... но, клянусь Колодцем, у него мало что выйдет, если вы сумеете продержаться до снега!

— Не так это просто, — проворчал Микалегон. — Боюсь, парень, ты разговариваешь с обреченными. Съестное у нас на исходе... и море заперто, синее море, которое всегда было нашим верным союзником. В бурную ночь вроде нынешней можно было бы рискнуть отправить корабль — прорвется, коли не потонет, — но их осталось всего-то три, и я не решусь. Это ведь последняя надежда на случай, если сломают ворота... этой крысоловки...

— Я думал, в тебе больше боевого духа! — сказал Рогей. — Отчего бы не напасть на проклятых южан?

— Мы уже видели; чем это кончается, — ответил герцог и стиснул зубами палец. — Их галеры слишком вертки для нас... и их слишком много... нашим кораблям с ними не справиться...

За стенами грохотал о скалы океанский накат; пронизывающий сквозняк сочился сквозь плотно закрытые ставни...

— Тьфу, что за речи! — запальчиво возмутился Рогей. — Что ты плетешь, как какой-нибудь придворный рыцарь из Скроби! Ты за победу дерешься или в игрушки играешь? Ты что, не понял еще, что Лесная Крыса охотится днем, а ночью или в шторм — крепко спит... ап-чи!.. Прихлопни ее в норе, поймай ее, пока вновь не прыгнула в воду!

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Микалегон. В голосе герцога еще звучало сомнение — но вместе с тем и надежда.

— А вот наш друг Альтандер — ап-чи! — уже понял, ответил Рогей, и точно: карренский Воевода,

послюнив палец, коснулся им своей левой ладони и звучно шмякнул о ладонь кулаком. — Да неужели не ясно? — продолжал мариоланец. — Пермандосские гребные галеры по ночам вытаскивают на берег в Медвежьем фиорде — кроме тех, что вас сторожат... Вы что, правда не знали? Ах да, вы же в осаде, откуда вам... ну так я рад, что добрался до вас и могу сообщить. В общем, по ночам они лежат там на бережке, точно зернышки в колосе. Со стороны суши их огородили частоколом, потому что оттуда того и гляди нагрянут мои славные корошские рудокопы... или размалеванные миктонцы. Но с моря — с моря они угрозы не ждут. Они уверены, что море принадлежит им, и утратили бдительность. Так почему бы не наскочить на них как-нибудь в непогожую ночь вроде нынешней да не угостить факелами? Пусть бы поголодали зимой в Медвежьем фиорде... Ей же ей — стоило бы отдать на доброе дело один-два корабля!

— Государь, нынче как раз дует северо-западный ветер, — быстро заговорил Эйрар. — Он дует с моря на берег. Не знаю уж, насколько у вас тут на севере переменчива погода, но у нас в Вастманстеде сказали бы, что этот ветер точно продержится до утра. А моим рыбакам к подобному не привыкать. Государь, отчего не ударить сегодня? Прямо сейчас?

Микалегон поглядел на Альсандера — все еще с некоторым сомнением, и все-таки у него был вид человека, стряхивающего дурной сон.

— Парень прав, слышишь ты, старый мясник, — сказал карренец. — Надо бить! Бить с моря, пока они не доконали нас своими машинами и не наведи мост...

— Я согласен, — присоединился Плейандер. — Осада всегда ведет к победе или к поражению. И наша шла к поражению с тех самых пор, как Стенофон заделался союзником Валька.

— Ну добро... давайте попробуем, — медленно проговорил Микалегон. — Но только с одним условием... в эту вылазку я пойду рядовым добровольцем. Морской Орел под командованием кота-военачальника, мяу, мяу! А ты, старый Мешок Костей, ты останешься за меня. И в случае чего займешь мое место. Понятно?

— Я тоже пойду, — заявил Рогей, — если только ты, государь, одолжишь мне хоть какой-нибудь шлем на голову... ап-чи!

— И я! — сказал Эвименес и великодушно протянул Эйрару рукоять своего меча, чтобы тот коснулся его в знак своего верховенства. Но тут Альсандер и Эвадне разом замотали головами и напомнили Эвименесу:

— Ты забыл наш закон: идти всем вместе — или никому. А Альсандер остается замещать герцога!

Выйдя на пирс, Эйрар увидел, что Эвименес, светлая голова, распорядился приготовить горшочки с зажигательной смесью. Искры летели по ветру, Эрб созывал рыбаков — те таращили спросонья глаза, не особенно понимая, что происходит. Глядя на них, долговязый малый не мог удержаться от смеха, а потом сказал Эйрару:

— Помнишь, молодой хозяин, как мы отчаливали той ночью с Вагея? Я тогда в первый раз шел за старшего... Нет, ты только посмотри на них! Кто бы мог подумать, что мы, вольные рыбаки, заберемся в такую даль, следуя за чернокнижником? Эх, видела бы меня теперь сестренка Эрвилла!..

Эйрар ничего не успел ответить: во главе своих воинов подошел герцог, надо было их разместить.

Тяжелые волны раскачивали корабль, наваливая на каменный пирс. Корабль стонал и скрипел, они едва не разбили его, пока удалось отойти от причала. Бешеный ветер позволил поставить лишь крохотный штормовой парус. Мариоланца Рогей сбilo с ног, он сильно расшибся и чуть не переломал кости, но даже и это не убавило его пыла. Эйрар невольно взглянул на него иными глазами, чем прежде. Рогей вправду бывал безрассуден и резок, но когда доходило до настоящего опасного дела — равного ему по отваге стоило поискать!

Они вышли из гавани в самый глухой ночной час. Держась за поручни, Эйрар думал о том, что им предстояло, но в голову настойчиво лезла мысль о любимой, оставшейся в крепости...

Корабль шел вполветра, с трудом удаляясь от грозных береговых скал. На борту было не более сорока воинов; Эйрар не единожды пытался припомнить и перечесать всех, но раз за разом сбивался. Тучи и дождь, что всегда приносил с собой ветер, были еще далеко, над головой мерцали яркие звезды и

прятались у восточного края неба за острыми зубцами Железных Гор Короша. Герцог Микалегон, вооруженный боевым топором, стоял на полуюте, а вокруг сновали вольные рыбаки, перекликавшиеся на своем островном диалекте. Потом государь Ос Эригу обратился к Эйрару, но за ревом ветра тот разобрал лишь:

— ...изменить правление, — склонился поближе и попросил повторить.

— Мой отец был неправ!.. — проорал герцог во всю мощь легких. — Он говорил, люди хранят верность только тому знамени, которое сами, по своей воле избрали! Черта с два!.. Порядок — вот что им нужно! Железный порядок! Такой, чтобы назавтра же следовало либо наказание, либо награда! И, клянусь Богом, я перевешаю трусов-капитанов, нынче мне изменивших. Они того заслужили!

Но Эйрару было не до того на пляшущей палубе, к тому же по пути в бой. Тем часом впереди по правому борту белое ожерелье прибора, кипевшего у подножья утесов, разорвалось, открывая широкий вход в Медвежий фиорд. Под крики моряков корабль в последний раз встал на дыбы, увалился под ветер и сразу пошел куда легче прежнего, ведь теперь волны сами несли его, накатывая с кормы. «Мелибоэ с вечера не было видно, — подумалось юноше. — Почему бы? — и неожиданная мысль согрела сердце: — Быть может, он помогает нам своим колдовством? Пермандосский тиран, на которого мы собрались напасть, вряд ли так защищен от магии, как люди Валька...»

Но нет! Он совсем позабыл, — магия с ее заклетами, порождающими все новые заклета, навсегда осталась для него в прошлом. А ветер уже нес их меж двух высоченных черных стен, а там, наверху, уж не первый ли отблеск рассвета окрашивал небеса?..

Вот фиорд повернул, неожиданно расширяясь. У дальнего берега виднелось несколько огоньков — там стояли лагерем сыны Лесной Крысы.

— Теперь, вождь, вели приготовить оружие, — посоветовал Эрб-скипер, а Рогей сжал пальцами переносицу, силясь удержаться и в очередной раз не чихнуть. Эйрар загодя разделил воинов на два отряда. Воины Ос Эригу и некоторые рыбаки должны были первыми выскочить на берег, поджечь палатки и постройки врагов и завязать бой с теми, кто выскочит. Остальным, под водительством Эрба, надлежало спихнуть в воду одну из галер (выбраться из фиорда против ветра на паруснике не представлялось возможным), а прочие суда — в том числе и собственный корабль — сжечь. Сам Эйрар сжимал в руках трубу: один сигнал — нападение, два — всем отходить. Сорок смельчаков шло против тысячи, если не более: многие ли возвратятся?..

— Приготовиться! — крикнул Эйрар. — Зажигай!..

И корабль, направляемый искусной рукой Эрба, на всех парусах устремился туда, где у берега смутно виднелись галеры. Еще миг — и он вломился прямо в их строй. Раздался громкий треск дерева: от толчка ломался рангоут и повисал на снастях. Эйрар что было сил дунул в трубу, подавая однократный сигнал. И перескочил через борт на палубу ближайшей галеры. Он видел, как из двери носовой надстройки высунулась чья-то голова с изумленно разинутым ртом. Факелы ярко осветили ее. Герцог Ос Эригу с ревом пронесся мимо Эйрара, его секира обрушилась на эту голову и раскроила ее — тело еще падало, а факельщики уже поджигали галеру... все это заняло миг. Эйрар перебежал по палубе и спрыгнул на мокрую гальку.

— Сюда!.. — крикнул он. — За мной!

Позади него Нени из Баска издал пронзительный кошачий вопль.

В дюжине шагов перед собой Эйрар увидел постройку и человека, ошалело выскочившего наружу. Человек что-то кричал — Эйрар вспоминал потом, кажется, он спрашивал: «Что происходит?..» Вместо ответа трангстедец всадил в него меч. Заметил второго, обменялся с ним несколькими ударами, уложил и вспомнил о своих обязанностях предводителя. Брошенный факел пролетел, кувыряясь, и упал в соломенную кровлю. Ветер подхватил искры — постройка вмиг занялась. Неподалеку уже пылала еще одна...

Лагерь начинал просыпаться — люди с криком забегали. Насколько было видно в свете занимавшихся пожаров, бежали они большей частью влево, прочь от того места, где гремел боевой клич герцога

Микалегона. Значит, за этот отряд не стоило беспокоиться. Эйрар бросился направо, туда, где люди Эрба должны были готовить к отплытию одну из галер. Он бежал мимо длинного ряда форштевней с их окованными блестящей бронзой таранами. Людей не было видно. Что-то попалась ему под ноги, труба в руке помешала удержать равновесие, он упал и растянулся плашмя. Кто-то тут же насел сзади и сгреб его в охапку. Пытаясь подняться, он увидел воинов, сновавших между бортами галер — а чуть поодаль, между качающимися мачтами парусника, уже рвалось в небо яркое пламя.

— Ага, еще один!.. — прорычал голос. Мелькнул занесенный меч, но Эйрар успел узнать рыбацкий акцент и крикнуть:

— Дейларна!..

— Прости, вождь, — смутился человек, едва его не убивший. Потом раздался крик Эрба:

— Навались, навались, ребята! А ну, еще разок!.. — И люди, облепившие одну из галер, уперлись плечами в слитном усилии.

— Что у тебя? Как дела? — спросил Эйрар. Долговязый Эрб обернулся, напряженно морща лоб:

— Да никак не можем спустить эту заразу. Вытаскивали-то лебедками. Эх, еще бы людей!..

Эйрар поднес трубу к губам, лихорадочно соображая: следовало просигнализировать отход, подзывая Микалегона с его молодцами — но ведь за ними набегут и враги, а галера еще не на воде! Однако совсем рядом костром полыхал парусник, далеко выбрасывая горящие головни... кто же мог знать, что он разгорится так скоро! Все-таки Эйрар изготовился дать сигнал к отходу, но неожиданно подскочивший Сивальд выбил трубу из рук:

— Они же нападут!..

Отсветы пожара освещали перекошенное лицо рыбака, голос срывался на визг.

— Пусть нападают, — сказал Эйрар. Сивальд бросился к нему снова, но Эйрар выхватил меч и яростно рубанул. Сивальд упал, жутко изуродованный раной... «Трус», — подумал Эйрар и протрубил дважды. Невесть откуда взявшаяся стрела свистнула мимо уха и впилась в форштевень галеры. Эрб вытянул руку — трое вольных рыбаков, пригибаясь, тотчас кинулись в ту сторону — убивать. Какая-то тень шмыгнула по краю освещенного круга. Брошенное копье, казалось, пронзило ее насквозь, но человек продолжал бежать, пока другое не угодило ему по ногам, и он с воплем покатился по земле. Отовсюду слышались крики. Крутящийся вихрь пламени перелетал с крыши на крышу...

— Неси рычаги! Раскачивай!.. — командовал Эрб. Внезапно он повернулся к Эйрару, сжал его руку и быстро проговорил: — Слушай, хозяин... на случай, если нас всех здесь убьют. Я не держу зла, что ты спишь с женщиной, которую я сам хотел бы целовать... — и, размахнувшись, всадил дротик в мелькнувшего пермандосца.

Было видно, какая паника царила в стане врага. Кто-то кричал: «Спасите, спасите!» — а другие: «Погибаем!» — и бестолково метались между горящими постройками и горящими кораблями. При этом большинство все еще не понимало, что происходит: наиболее смелые погибли в самом начале, уцелевших некому было возглавить...

Пожар разгорался. Многие галеры все лето простояли на берегу, жаркое солнце вытопило смолу меж досок обшивки. Они вспыхивали фейерверками огненных брызг, одна за другой.

Эйрар подавал сигналы снова и снова, и воины герцога мало-помалу начали присоединяться к рыбакам — полубезумные, дрожащие от возбуждения. Эрбу с трудом удавалось впрячь их в работу — но все-таки удавалось. Еще одно дружное усилие, еще — и она пошла, и закачалась на воде, и кто-то закричал: «Отплываем!..», но Эйрар сбил кричавшего с ног, ударив рукояткой меча:

— Дейларна не бросает своих!

Поднял трубу к губам, и труба позвала в последний раз, отчаянно и страшно. Не зная, все ли собрались, Эйрар стоял по щиколотку в воде, с обнаженным мечом. Но мало кто из врагов отважился сунуться следом за ними, на беспощадные копья Вагея, а лагерь и корабли позади пылали, пылали...

— Хозяин!.. — крикнул Эрб. Эйрара схватили за одежду и втащили на палубу, чувствительно

приложив о борт животом. Все сели на весла, даже хохочущий Микалегон. Галера ринулась к устью фиорда, а рвущиеся в небо костры за кормой сливались в одно огромное пламя: оставшимся там явно было не до погони.

Герцог Микалегон на миг придержал весло:

— Вот это я в самом деле назвал бы деянием — слышишь, молодой вождь? Взятие Полиолиса, которым так гордится старый Мешок Костей, перед этим — тьфу, да и только. И вся заслуга твоя, так что можешь хвастаться внукам. И особенно тем, до чего вовремя ты протрубил отход! Я, например, ни о чем уже и не помнил, только знай проламывал черепа... так что горели бы теперь мои бедные косточки в одном костре с костями какого-нибудь крысоеда. Да, парень, поистине это деяние, ибо войну выигрывает тот, у кого светлая голова, и тут мне с тобой не равняться. Я согласен отныне подчиняться тебе!

— Эй, вы там! Гребите!.. — прикрикнул Долговязый Эрб, и галера вырвалась из фиорда в открытое, бушующее море. Навстречу ползли тяжелые тучи, чреватые дождем.

31. ПРОЩАЙ, ОС ЭРИГУ!

— Тебе еще многое предстоит узнать, юноша, — сказал чародей Мелибоэ. — И, в частности, что никакой подвиг не в радость, если он совершен не ради кого-то. Или тебе нужны людские хвалы? Найди того пьяненького певца и брось ему аур — уж он расстареется. А по мне, лучше бы ты потерпел поражение и едва спасся — но принял это мужественно!

— Она говорила, ее жизнь зависит... а теперь — ни словечка...

— Благодарность есть добродетель верного пса. Милый мой, ты лучше держался даже с карренкой Эвадне. Никаких благодарностей и тому подобной чепухи, лишь сильные порывы чувств — ты же прямо кипел! Без такой, как она, ты скоро превратишься в репку на грядке...

Эйрар засмеялся ему в глаза:

— Небось, и об этом уже погадал? Не такие речи ты вел, когда советовал мне насесть на Висто и заставить парня жениться. Ха, так и вижу себя растущим посреди огорода... с зелеными волосами...

Мелибоэ спрятал улыбку в бороду.

— Какая жалость, что без Зримого Предсказания никто не верит неизбежному... пока оно не произойдет. Ладно, смейся, радуйся, гневайся; ты не слушаешь советов, предпочитая верить в судьбу... ну так пусть она и распорядится. — Он поднялся. — Ты, кажется, собирался пойти на стену проведать, как там Плейандер и его замечательная машина. Поистине, Плейандер — выдающийся полководец, весьма честолобивый к тому же. Твой подвиг в фиорде преисполнил его жаждой соперничества. Он из кожи вон лезет и, пожалуй, горы свернет!

Там, снаружи, первые реденькие снежинки слетали наземь из низких темно-синих туч и тотчас таяли на каменных плитах. Эйрару пришлось облачиться в броню и низко пригнуться, идя по стене, сплошь усыпанной осколками камня. С обеих осадных башен по замку били без устали, бастионы Ос Эригу понемногу приобретали потрепанный вид...

Должно быть, валькинги заметили блеск его шлема: свистнуло стальное жало и ударило в стену совсем рядом с его головой. Широкая площадка, где Плейандер возводил свою катапульту, была ограждена прочными щитами, изрядно побитыми и помятыми, — но зато стрела огромной машины глядела в самые небеса, чем-то похожая на колодезный журавль из горных степей Хестинги.

Эйрар никогда прежде не видел подобного устройства, но знал, что правильно выстроить его — большое искусство. Катапульта стояла с натянутыми канатами, почти готовая к первому пробному выстрелу. Когда Эйрар подошел, вместительную корзину набивали обломками камня.

Щиты содрогнулись от очередного удара. Плейандер обернулся и увидел трангстедца.

— Пришел поучиться воевать? — спросил он весело, поглаживая одну из опор с нежностью влюбленного. — Эти игрушки обидчивы и капризны, как женщины. Но стоит им заговорить, и все прочее умолкает!

— Желаю ей удачи, — сказал Эйрар с искренним чувством.

— Удача прилась бы нам кстати, — кивнул Плейандер. И вдруг его настроение мгновенно переменилось, он яростно замотал головой: — Вот где собака зарыта в осадном деле, друг Эйрар... сколько бы ты там не полоскался в своей воде. Я еще не видал никого, кто бы так трудился, невзирая на все поражения и неудачи, как валькинги. Это демоны, а не люди! Не пройдет и месяца, их тараны ударят в основание стен — и прощай. Ос Эригу!

— Но неужели от таранов ничем нельзя защититься? Я слышал...

— Способов тьма, нужно только побольше людей. Нас же горстка — что мы можем против двух полных терций, не считая моряков Пермандоса, оставшихся без кораблей?

Карренский воин тронул за руку Воеводу:

— Все готово, господин, можно стрелять.

Плейандер повернулся, поднял руку и прокричал:

— Руби... во имя Господне!

Сверкнул топор. Тяжелый противовес пошел вниз — сперва медленно и как бы неторопливо, постепенно набирая страшную скорость... стрела и праща взвились, дошли до упора — казалось, удар подбросил всю крепость — и Эйрар с Плейандером кинулись к щитам, глянуть в щелочку, что же получилось. Набитая камнями корзина снижалась по длинной параболе. Растеряв часть содержимого, она пронеслась мимо той из осадных башен, что стояла подальше к северу, и с треском разбилась о камни внизу. Полный промах!.. Эйрар собрался было утешать Плейандера, но сочувственные слова замерли у него на устах: карренец плясал от радости, потрясая кулаком и крича:

— Погодите, скоро вы в штаны у меня наделаете, немые лягушачьи задницы из Ласии...

— По-моему, — сказал Эйрар осторожно, — она упала несколько левее, чем следовало...

— Ерунда! Небольшая регулировка — и все. Диад! Главную ось — вправо на фут!.. Я думаю, управимся до рассвета. Главное дело было проверить дальноточность нашей красавицы; понимаешь, нельзя удлинить стрелу, не распотрошив весь механизм, а время нынче дорого. Но теперь все в порядке — мы выиграли, осада будет снята!

— Одной этой машиной? Но как?

Валькинги за стеной явно уже поняли, как. Ослабленный расстоянием, долетел целый хор яростных криков, и тяжкий град камней ударил в основание площадки. Плейандер вдруг хитро, совершенно по-лисьи, глянул на Эйрара и приложил палец к носу:

— Ну нет, Ясноглазый, слишком многое из того, о чем говорится здесь в крепости, тотчас достигает лишних ушей. Я даже своему милому ничего не скажу, не то что тебе — чтобы ты сразу выложил своей...

Эйрар едва удержался от запальчивого ответа. Но все-таки удержался и отправился разыскивать Поэ, который, будучи спрошен, ответил:

— Я — член Вольного Братства и не шибко разбираюсь в осадах, но больших тайн тут не вижу. Машина, созданная Плейандером — самое страшное из всех орудий войны. Она способна гору пробить...

— Это все мне и сам Плейандер рассказывал, — заметил Эйрар сухо.

— А осадные башни — они же из дерева, — продолжал Поэ. — Им не выдержать ударов этаким камнеметалки. Плейандер проломит перед башни, увешанный кожами, и следом подкинёт им огоньку. Не вечно же он будет промахиваться. То-то славно они поджарятся! Ха! Ну и выпивка будет сегодня на совете!..

Эйрару захотелось спросить — по какому, собственно, поводу, ведь до победы было весьма еще далеко. Ему что-то плохо верилось, чтобы упрямые сыны Бриеллы вот так все бросили, хотя бы их осадные башни были сожжены во второй раз. Однако портить праздник не стоило, и он ничего не сказал ни тогда, ни потом, когда пошло веселье, куда более шумное, чем в честь победы в Медвежьей фиорде. Ну да, ведь тот раз они явились домой после бессонной ночи, израненные и без сил. А может, Плейандеру просто до смерти хотелось утереть ему нос...

На стол было выставлено едва ли не последнее вино из погребов Ос Эригу: морская блокада давно канула в прошлое, но снимать воинов со стен, чтобы отправить их за съестным, пока еще длилась осада с суши, сочли неразумным. Эйрару бросилось в глаза, что герцогу прислуживал новый виночерпий, не тот томный юноша, что прежде... Один Мелибоэ оставался трезв и задумчив, остальные веселились вовсю — даже Эвадне, даже Альсандер, утративший обычную рассудительность. Когда жаркое было роздано и чаши запенились, а между столами закружились танцовщицы, Альсандер подозвал одну из них и принялся наполнять золотыми аурами Империи ямочку меж ее грудей: девушка выносила это с кротостью необычайной...

Вскоре вино развязало языки, со всех сторон зазвучали громкие голоса, так что Эйрар не знал, кому первому отвечать. Потом начали вспоминать предыдущий большой пир — тот самый, когда произносились обеты над Кубком Войны.

— Эй! — крикнули ему. — Так ты уже спал с этой девкой из Стассии?

— А ну поведай нам — она такая же пылкая, как ее матушка? — пьяно хохоча, потребовал Микалегон. — Когда я был молод, а она звалась попросту дочерью рыцаря Бреммери, ни один знатный юноша не считался мужчиной, покуда не побывает в ее опочивальне. Помнится, я тоже поехал было на виллу Бреммери на Джентебби, думая подтвердить свое мужество и право на отцово наследство... да вот незадача: опередил меня сам император, а тогда — принц Аурарис. И так ему это дело понравилось, что он аж обвенчался с ней у Колодца!

Эйрар вскочил, обезумев от ярости... Еще миг, и он, пожалуй, запустил бы в герцога кружкой или наделал еще каких-нибудь дел, но в это самое время распахнулась дверь и вбежал слуга, истощно кричавший:

— Государь!.. Государь!.. Замок горит!..

Тут уж не один Эйрар — все вскочили, причем Альсандер выронил свою девушку — и кинулись в дверь.

Там, где над морской стеной возвышалась Черная башня, и в самом деле пылало. Из каждого окна рвался наружу длинный язык огня, крыша уже провалилась. Вот пламя дотянулось туда, где вдоль южной стены теснились домики Вольного Братства... Пожар распространялся стремительно, сильный морской ветер так и гнал его с крыши на крышу.

— Разбирай дома! Воду, воду неси! Трубач! Где трубач? — проревел Микалегон, с перекошенным лицом бросаясь навстречу огню. Люди со всех сторон сбегались на его зов, но Эйрар нутром чувствовал — этого пожара им не унять. Эвименес закричал, указывая рукой, и они увидели, что головни сыпались уже на самую кровлю зала советов. Плейандер в ужасе вытаращил глаза, и лишь Альсандер сохранил довольно рассудка, чтобы прокричать:

— Это конец! Они пойдут на штурм и перебьют нас, пока мы будем тушить! Братья, собирайте людей — и к кораблям! Карренцы, за мной!

При других обстоятельствах Эйрар, может быть, и попытался бы остановить их бегство. Но между жилищами солдат и залом советов уже занимался огнем домик, где жила Аргира. Эйрар огляделся в поисках Эрба, но того нигде не было видно.

— Альсандер прав!.. — крикнул он первому попавшемуся рыбаку, кажется, Гиннбреду. — Веди всех на пирс! — А сам кинулся через двор.

В окне не было света; Эйрар с разбегу наладился плечом в дверь, думая ее вышибить, но дверь оказалась не заперта. С трудом устояв на ногах, он пролетел сквозь маленькую прихожую и ворвался в комнату с криком:

— Быстро вставайте и выходите — горим!..

Мог бы он и не кричать — все были уже на ногах. В смутном свете хризмы его глазам предстала более чем странная сцена: съездившаяся служанка; Аргира, едва прикрытая наброшенным плащом, прячущая лицо на груди золотоволосой сестры. Аурия неподвижно смотрела прямо перед собой. Туда, где, распластавшись по стене, тяжело дыша сквозь оскаленные зубы, стояла Эвадне. Долговязый Эрб держал короткий меч, приставленный к ее груди.

— Ага, а вот и судья пришел, сейчас всех рассудит, — обратился он к Эйрару. — Хозяин, вот эта дама только что собиралась пырнуть маленькую принцессу — Аргире. Прикажешь проткнуть ее? Я, собственно, это и хотел сделать, но...

— Бей! — гневно приказала Аурия. Эвадне скривила губы:

— Бей, сукин сын, дерьмо! Что мне жизнь, если я все потеряла...

— Нет! — вскрикнула Аргира, впервые поднимая лицо. — Она ничего мне не сделала — не за что мстить!..

— В чем дело, скажите наконец! — потребовал Эйрар. — Эвадне, ты что — вправду хотела?..

Эвадне расхохоталась:

— Это как еще посмотреть — скорее уж я хотела спасти наши жизни и само наше дело... от подлого предательства! Эти красотки держат связь с валькингами за стеной, а теперь вот учинили пожар. Но у меня не вышло, так что бей! Я верно служила тебе — вели же прикончить меня!

Аргира пристально вглядывалась в ее глаза, силясь что-то понять, — даже морщинка пролегла между бровями.

— Я в это не верю, — ясным голосом сказала она наконец. — И думаю, что у тебя в мыслях ничего подобного не было, когда ты входила... Мы с сестрой лежали в постели и крепко спали — неужели бы мы устроили пожар и легли спать на его пути? Скажи, для чего ты хотела убить меня — или я присоединю свой голос к смертному приговору и думаю, что мой друг Эйрар прислушается!..

Ее рука нашла его руку и сомкнулась в волнующем пожатии... Порыв ветра ворвался в растворенную дверь, внеся тучу дыма, от которого все закашлялись и вспомнили о смертельной опасности, нависшей над ними. Одной Эвадне не было дела. Оторвав от стены руки, она закрыла ими лицо, но тотчас вновь выпрямилась:

— Потому что... потому что я люблю его... моего лягушонка... я бы перерезала глотку не то что тебе — тысячам... только бы уберечь его от тебя... Я бы даже согласилась делить его с тобой... но ведь ты... императорская киска, мурлычущая у камина... ты же никогда не допустишь, чтобы у него был кто-то еще... Да откуда тебе знать, что такое любовь! Страсть, которая требует удовлетворения — или смерть! Ну что же, ты победила, он твой. Можешь смеяться, мурлыкать, мяукать! Ну, бей наконец, Урб, Эрб, или как еще тебя там! Кончай!.. — и продолжала еле слышно: — А ты будь проклят, государь Эйрар... ненавистный... любимый... Ты оказался все-таки прав, так что забирай свою домашнюю кошечку, женись на ней, как положено, со священниками... я бы нипочем не пошла с тобой к ним... О, как бы я тебя любила! Яростно и свободно!.. Безо всяких уз, кроме тех, что я сама на себя налагаю — а они держат покрепче любого вашего ритуала — я ведь во всем была верна тебе одному, а ты того и не замечал... да, правда на твоей стороне... мы, карренцы, слишком непокорны, мы не желаем подчиняться ничьим законам, лишь своим собственным... а любовь... любовь — это покорность... все кончено... Ну, бей наконец, дьявол тебя задержи!

И она рванулась грудью на меч, но Эрб успел отвести руку, а Аргира сказала:

— Прошу тебя, посети Колодец Единорога, он утешит. Он излечивает все раны...

Эрб же добавил, оглядываясь на дверь:

— Смотри, хозяин, как густеет дым, да и крыша, слышишь, трещит! Надо бы нам поторапливаться!.. — А у самого стояли слезы в глазах, и по худым щекам пролегли две мокрые дорожки.

Эйрар встряхнулся, точно спросонья.

— Спрячь меч, — сказал он Эрбу. Потом повернулся к Аргире; — Идем! — и потащил ее к двери.

— Но мои платья... — начала принцесса Аурия. Эйрар огрызнулся:

— Идем — или можешь гореть вместе с ними!

Эрб подхватил карренку, и все вместе они выскочили во двор — ревущее пламя заливало его неистовым светом. Крыша зала советов пылала, как пылали когда-то корабли Стенофона, языки огня подбирались к нижним бойницам главной башни. Аргира споткнулась, Эйрар легко вскинул ее на руки и понес. Он успел расслышать какое-то хныканье справа и сзади, и вот они вылетели на причал: оба парусника на веслах отходили прочь, а на галере сутились люди — вот-вот отчалят.

— Мя-а-а-а-ау! — во все горло издал Эйрар отчаянный кошачий клич. И весьма вовремя: вольные рыбаки услышали, и нос галеры, уже нацеленный в море, качнулся назад. Эйрар аккуратно перебросил девушку в протянутые руки:

— Где герцог, ребята? Где Микалегон?

Отозвалось сразу несколько голосов:

— Здесь его нет!

— Он на «Драгге», на паруснике.

— Я видел его...

Эйрар приложил ладони ко рту:

— Эй, на «Драгге»! Государь с вами?

— Нет!.. — долетело издалека. — А разве он не у вас?

Эйрар шагнул назад, к замку:

— Подождите меня.

— Стой, хозяин, куда... — крикнул с палубы Нени из Баска. Но Эйрар уже во весь дух мчался прочь, не слыша ни слов, ни топота ног — двое или трое все-таки выпрыгнули на причал и побежали за ним.

Впереди шевелились тени, расплывчатые и неясные на фоне огня и рушащихся стен. Гарь и головни летали вокруг, было трудно дышать. Шестое чувство вело Эйрара в укромный угол двора, где между главной башней и залом советов был небольшой промежуток. Там герцог выстроил себе личный покой, там он спал в те ночи, когда пустовала Черная башня... Догадка была верна: когда Эйрар, стряхивая с плеча горящие угли, подбежал вплотную — одна из мечущихся теней оказалась-таки Микалегонном. Двумя руками герцог вздымал боевой топор и с маху крушил им столбы косяка. Он обратил к Эйрару лицо безумца:

— Хоть один остался верен, и то хорошо. Бери топор! Если мы успеем разобрать эту стену, пламя не пойдет дальше и цитадель с внутренним двором уцелеет. Во имя ада — поторопимся!

— Государь мой и друг, — сказал Эйрар, — надо уходить: слишком поздно!

Вместо ответа великан замахнулся на Эйрара топором, но тот увернулся. Герцог тотчас забыл про него и снова атаковал расщепленный столб. Делать нечего: Эйрар выхватил свой нааросский кинжал, перевернул его и рукоятью наотмашь ударил Микалегона по голове, когда тот наклонился вытащить засевший топор. Герцог начал падать, Эйрар хотел удержать его, но не рассчитал сил и свалился сам.

— Бери его за ноги, вождь, — раздался чей-то голос. Оказывается, это подоспели Поз Глупец с мариоланцем Толкейлом: видно, была все же благодарность на свете.

Спотыкаясь, шатаясь, волоком таща обмякшего герцога, живо сгорая на палящем ветру, они вновь спустились на набережную, и всех их втащили через борт в галеру. Эрб с непокрытой головой стоял у правила, глаза у парня были дикие.

— Весла на воду!.. — скомандовал он, но Эйрар устремился к носовой надстройке, где, как он понял, поместили Аргирю с сестрой. Возле двери на палубу только что уложили герцога, глядевшего в небеса бессмысленным взором. И в это время с ближней скамьи скатился какой-то парнишка и, осыпаясь проклятиями и пинками, пал ниц подле герцога, лобзая его сапоги. Эйрар пригляделся и узнал того самого виночерпия, похожего на девушку.

— О государь... возлюбленный мой государь... — бормотал он, заливаясь слезами. — Прости!.. Прости меня!.. Я не хотел... я хотел спалить только Черную башню, куда ты ходил с тем другим... Я не мог вынести этого... я не мог...

Поз, зарывав, дотянулся и огрел его кулаком, так, что тот сунулся в палубу носом. Потом оглянулся на замок, где пламя рвалось уже изо всех окон, и сказал Эйрару:

— Подумать только! Наследие поколений и поколений свободных людей!.. И чтобы все вот так пошло прахом из-за одного дрянного маленького предателя!..

В ответ прозвучал голос волшебника Мелибоз:

— Дрянной маленький предатель сыщется всегда и везде. Дело в самом наследии: уцелеет лишь то, что способно противостоять козням подобных ничтожеств...

— Вы там, на носу!.. — прокричал Эрб. — Хватит болтать! Живо берите-ка весла и давайте гребите!

Они сели на весла и погнали галеру вперед, в штормовое предрассветное море. Море врывалось

сквозь гребные люки и через борта, промокшие гребцы тряслись на скамьях. И мало кто удивлялся, почему это валькинги не бросились на штурм, воспользовавшись пожаром.

32. УСТЬЕ ХРАКРЫ. ВАЖНЫЕ ВЕСТИ

Скоро они поняли, что Стенофон был прав, оберегая свои корабли от плавания по морю во время осенних штормов. Галера приняла много воды и к полудню сильно отяжелела, из-под палубы слышался плеск. Положение сделалось угрожающим. Эрб развернул корабль кормой к ветру, обратив его нос в сторону побережья Норби. Ветер по-прежнему дул с северо-запада; удалось даже поставить прямой парус и дать гребцам передышку. Быть может, карренцы, привычные к подобным судам, управились бы с галерой получше, но среди ста семи человек на борту карренец сыскался всего один, да и тот — оруженосец конного латника. Остальные были дейлкарлы из Эйрарова отряда да члены Вольного Братства, и при них восемь женщин, считая Эвадне, воительницу, Звездного Воеводу.

Эвадне глядела мрачней не придумаешь, у губ залегли морщинки, которых не было накануне. Эйрар только подивился ее выдержке и мужеству: когда к ним подошли парусники и братья принялись взволнованно спрашивать: «Не у вас ли Эвандер?..» — она ответила радостным приветствием. У Эйрара у самого сердце рвалось из груди — поговорить с Аргирой. Но когда он заглянул к ней первый раз, она спала, и он не посмел ее разбудить. А во второй раз на него сразу нашла золотоволосая Аурия:

— Ты вождь: какой казни ты велишь предать никчемного юнца, спалившего замок? И не кажется ли тебе странным, что столь смелая девушка, как эта карренка, заговорила о любви лишь тогда, когда ей приставили к груди меч? А как ты думаешь — правду она говорила или пыталась что-то скрыть?.. — и без устали несла всякую чушь, так и не дав ему перемолвиться с любимой даже словечком.

— Но ведь Каррена — часть Империи! — в конце концов заявил он в отчаянии и ушел, оставив ее размышлять, что сие означало.

Герцог Микалегон сидел у борта на лебедке, подперев бороду кулаком. Глаза у него были пустые.

— Да никак ты отчаялся? — спросил его Эйрар. — Послушай, я ведь тоже потерял отцовское наследие. И карренские Воеводы. И ни один из нас еще не умер от разбитого сердца. А философ Мелибоз, между прочим, говорит, что они и не разбиваются...

Великан невнятно пробурчал что-то, даже не повернув головы. Но потом, видя, что от Эйрара просто так не отделаешься, медленно проговорил:

— Да, я слышал. Но что ты потерял? Нищий хуторок в Вастманстеде, каких сотни и сотни. А на мысе Эригу угас яркий светоч... этого дерьмового мира. И все потому, что я оказался неспособен его удержать. Куда прикажешь теперь податься тем, кого тошнит от сонной Империи или от Двенадцати Городов, где человека всю жизнь попрекают происхождением? Или от власти валькингов, у которых и вельможи — те же рабы? В моем Братстве было несколько молодцов даже из Дзика, недовольных запретом есть баранину во вторник... И вот все пропало — погребло, рухнуло, утонуло... и не возродится...

— Ты вправду так думаешь? — спросил Эйрар очень серьезно. — Государь, среди нас есть философ Мелибоз; он был бы тебе лучшим собеседником, нежели я, но, я думаю, вот с чего бы он начал. Пусть это и звучит несколько по-карренски, но наше наследство — и твое, и мое — это не каменные здания и не акры земли, но мужество и кровь в наших жилах, завещанная отцами. Неужто твой светоч может пылать лишь на мысе Эригу?

— Нет... — отозвался герцог глухо. — Вольное Братство распалось. Мои корабли разошлись кто куда, бросили нас, хотя могли бы спасти все. Видно, люди способны действовать вместе только из страха... Морской Орел высидел гусят, а я... я состарился. Уйди, прошу тебя, оставь меня одного. И зачем тебе вчера понадобилось за мной возвращаться?

Эйрар отошел прочь, понимая, что в таком расположении духа с ним и впрямь не столкнешься, но про себя чувствуя, что это минует. Другое дело, не стоило ввязываться в спор и слово за слово заводить его далеко — как тогда в лесу, когда умер Люронн, дезерион. А кроме всего прочего, ему самому о многом надо было поразмыслить. Например — как все-таки вышло, что Ос Эригу пал?..

Глядя на волны, катившиеся вдоль борта галеры, он думал: «Волшебник, похоже, был прав: всюду непременно найдется предатель. Герцога Салмонессы предал барон Дейдеи. А нашу Дейларну — такие, как Бритгальт... такие, как мой собственный дядюшка Толо, лакающий вино у Леонсо Фабриция...

Разбежалось даже Вольное Братство, предав свою вольность и себя самое. А есть ли изменники у валькингов? Никто пока не слышал; они правят жестоко... но предателей у них не бывает. Так неужели истина все-таки на их стороне?..» — Но подобной мысли противилось все его существо, и, отбросив ее, он задался вопросом: — «А сам я — не предатель? Не предал ли я память Гитоны?.. Мама говорила мне перед кончиной: любовь бывает однажды

— и навсегда. Но вот он я: уже во второй раз за неполных два года мне кажется, что это — навеки... Как же так?» — Но стоило вспомнить Аргирю, и все прочее переставало существовать, и он уже снова знал, что ни люди, ни демоны, никакие замки и города не принудят его от нее отказаться...

Голос Эрба вывел его из задумчивости: галера входила в заливчик у побережья Норби. Там все три корабля спустили паруса и встали на якоря.

Сгущались сумерки, ветер понемногу стихал. Заросшие соснами горы круто обрывались в маленький фиорд. Люди вооружились котелками и принялись вычерпывать воду из трюма. Друзья, оказавшиеся на разных кораблях, приставляли ладони ко рту и звали один другого. Карренские Воеводы приехали в лодке проводить сестру. Почувствовав наконец себя в безопасности, все ощутили голод. Заглянули в рундуки на борту, но оказалось, что в свое время никто не позаботился снабдить трофейное судно должным припасом. Хлеба не сыскалось ни крошки, лишь горстка черных маслин

— галера, как-никак, была пермандосская, — и немного тамошнего вина. Так что Эйрар первым долгом отправил на берег несколько мариоланских охотников, привычных к лесам, а рыбаки забросили сеть.

Военачальники собрались на кормовой палубе одного из кораблей... Герцог Микалегон не вымолвил ни слова, лишь подтвердил сказанное в ночь сожжения Стенофоновых кораблей:

— Я согласен подчиняться тебе.

Таким образом, у Эйрара оказался наиболее многочисленный отряд. Юноша, однако, не стал зазнаваться и не пустился немедленно отдавать приказания, но скромно испросил совета у остальных:

— Как вы думаете, что нам теперь следует предпринять?

— Не худо бы сунуть нос в какой-нибудь из этих маленьких северных городишек, — предложил Плейандер. — Лучше всего, по-моему, в Большой Лектис — старый город, что напротив нового, Малого Лектиса, через реку. У нас под триста мечей: если внезапно напасть, да если Железное Кольцо поддержит нас изнутри — чего доброго и возьмем городок. И пусть-ка попробуют еще разок нас осадить. Я слышал, старый город — крепкий орешек, а стоит-то как — на склоне горы! Да и Малый Лектис поможет из-за реки, коли вы, дейлкарлы, и впрямь хотите свободы...

Эвименес осмеял брата:

— Не так весело кончилась первая наша осада, чтобы тут же ввязываться во вторую. Или тебе, может, понравилось?

Мелибоэ отказался давать какой-либо совет на том основании, что в нынешних обстоятельствах они превратились в бродячих искателей приключений, которым все равно — то ли выслушать совета мудреца, то ли метнуть кости:

— Вот что я действительно мог бы для вас предпринять, так это гадание...

— Нет уж! — отказался Альтандер. — Я еще не забыл предсказания Ос Эригу в огне, что ты сделал по дороге туда! Что-то твои пророчества подозрительным образом попадают в яблочко, господин маг! Сбываются, как по писаному! Хватит искушать судьбу: и так уже мы здесь, в Дейларне, слишком многое потеряли. Я считаю, надо идти прямо в Пермандос, пока Стенофон заперт на севере — и поднимать против него партию Гильдий!

Это показалось Эйрару слишком рискованным, ведь из трех кораблей подобное плавание было под силу лишь двум. Зато Рогей пришел в полный восторг и лишь предложил посетить по пути порты Скогаланга:

— Железное Кольцо в тех краях имеет большое влияние, да и силы валькингов в основном оттянуты

на север. Не говоря уж о том, что в лесах скрывается такой деятельный человек, как господин Ладомир Ладомирсон — советник Империи и самого Дома!

Засим предводители собрались уже расходиться, но тут вернулся один из мариоланских охотников и вместо добычи привел с собой нечто более полезное

— жителя Норби. По его словам, этот малый удил рыбу выше по фиорду и правильно ответил на «Горе, и слезы...» Парень выглядел простоватым, но все же поведал:

— Весь Норби готов восстать. Мало того, иные из валькинггов открыто возмущаются Бордвином и говорят, что это человек поистине жестокосердный и необузданный: только подумайте, собрался вести терциариев в зимний поход на Миктон! Неслыханное дело! Торговцы обоих Лектисов — те, что в Железном Кольце — призывают к терпению, ожидая, чем кончится осада Ос Эригу. И под всякими предложениями уклоняются от бесчисленных поборов, учиняемых графом. Нынче летом из-за моря пришло совсем мало кораблей, так что купцам нужна только искра. Если бы кто поднял знамя и притом выставил хоть сколько-то войска — глядишь, Лектисы и захлопнули бы ворота перед алыми треугольничками!

Совет предводителей отпустил славного малого назад к его удочкам и снова взялся за ум. И теперь уже Рогей поддержал Плейандера в том, что следовало высадиться в Норби и поднять восстание, а там соединиться с отрядами рудокопов Короша, действующими в горах, пока один из Лектисов будет удерживать терциариев подле себя...

— Глупости! — повторил Эвименес, и Альсандер с ним согласился, приведя, как обычно, весьма основательный довод:

— Городские купеческие гильдии еще никогда и нигде не были такими уж горячими сторонниками восстаний. А как только они прослышат о падении Ос Эригу — они не то что сразу остынут, они льдом покроются, что твоя вершина Лунного Пика. И где то войско, с которым мы могли бы поднять знамя, как он выразился? Триста мечей? Ой, да не смешите меня.

— Ничуть не смешнее, чем с тремя сотнями брать Пермандос, — довольно ядовито ответил Плейандер. — Скажи лучше, носатый, почему ты так стремишься туда? Небось, потому, что ни одна дейларнийская девка не желает развлекаться с тобой, пока не заплатишь?

— Вот именно! — огрызнулся Альсандер. — Ты-то готов остаться здесь и кувыряться с мальчиками, благо бесплатно!

Началась нескончаемая, грязная перепалка, на памяти Эйрара — первая такого рода между карренскими братьями. Эвадне слушала молча и лишь презрительно кривила губы, поводя глазами то на одного, то на другого. Рогей откровенно зевал, откинувшись на скамье. В конце концов Эйрар не выдержал:

— Соратники и друзья, что без толку ссориться? Право слово, ну точно пес за лисой вокруг дерева — кто за кем, не поймешь, и все на одном месте. Так вот, если вам интересно мое мнение, я думаю, что нам с нашими силами ни в одной провинции какого следует восстания не устроить, да и в Лектисах мы навряд ли получим особое подкрепление. Торговые гильдии, как я понял, порядочные двурушницы: проводят о падении Ос Эригу и переметнутся на сторону валькинггов...

Рогей ткнул пальцем в сторону Звездных Воевод:

— Их наняли торговые гильдии Мариополя! — Но Эйрар продолжал невозмутимо:

— Я никого не собирался обидеть. И я не перебивал тебя, когда ты говорил... Чего нам больше всего не хватает? Людей. В Скогаланге, надобно думать, мы в самом деле их наберем. Но еще важнее, что с нами будет господин Ладомир Ладомирсон. Он ведь очень важный вельможа и царедворец: может статься, с помощью своих связей в Стассии он снимет с нас проклятие Империи — это тем более вероятно, что мы держим заложниками имперских наследников. Кроме того, не за горами зима, валькингговские терции застрянут на севере, ведь кораблей у них нет — а мы будем себе сидеть в лесах Скогаланга. Но даже для того, чтобы добраться туда, нам необходимы припасы. Словом, взяли бы вы, карренцы, эту галеру да и отправились на ней открыто в Малый Лектис со своими людьми. Прикиньтесь, будто вас послал Стенофон, и потребуйте все, что нам надо, под видом союзников Валька...

Этот план понравился всем.

— Голова! — похвалил Альтандер. Он успел несколько поостыть и сосредоточенно мял пальцами подбородок. А Рогей, вдохновленный новым замыслом, добавил:

— Если Бордвин и впрямь не сможет выбраться с севера, отчего бы не раздобыть людей и корабли в Нааросе, на Джентебби или в прибрежной Мариоле? Все уже поняли, что Вальк — сущий скорпион, и присоединятся к нам, несмотря на проклятие!

Эвадне ничего не присоветовала, но не стала и возражать. Итак, решение было принято.

Пока длился совет, снег повалился большими мягкими хлопьями.

— Куда это нас опять везут? И зачем? — спросила Эйрара принцесса Аурия, переправляясь в шлюпке с галеры на парусник. — Достойно ли рыцарей обращаться с нами, точно с собачками или танцовщицами? Не лучше ли было бы отпустить нас — хотя бы в качестве ваших послов у государя Валька? Это разумный правитель: он наверняка будет рад прекратить бессмысленную борьбу...

Услышав, как Валька Неразумного называют разумным, гребцы дружно захохотали. Но принцесса говорила совершенно серьезно и притом таким повелительным тоном, что Эйрар не сразу нашелся, что и сказать, и вышло, что за него ответила Аргира:

— Сестрица, ты старше меня и посему обладаешь надо мной некоторой властью. К тому же папина воля обязывает меня служить тебе в этом путешествии. Но, прошу тебя, запомни одно: лучше я отправлюсь по белу свету с сумой, нежели последую за тобой ко двору этого графа, с которым водит дружбу тиран Стенофон. Быть может, я вправду слишком важная наследница, чтобы самой решать, кто станет моим мужем. Но, клянусь Колодцем, я имею право решать, кто им не станет! Я, наконец, уйду в монастырь, где Бог будет моим женихом...

— Вероятно, так тебе и следует поступить, — бросила Аурия, но на этом разговор прекратился: они подошли к «Драггу», и Эйрар принялся расселять людей и назначать вахты. Эрб, назначенный шкипером, с мрачным видом послал одного из парней на грот-мачту, приказав укрепить там кошачий череп — Эйраров боевой знак. На мачте другого парусника виднелся флаг с изображением Морского Орла — герба герцога Микалегона. Ветра почти не было, и флаг печально висел, облепленный снегом.

Хмурая безветренная погода была как раз для галеры, но парусные корабли передвигались с трудом. Наступила ночь; когда маленький флот бросил якоря, покинутый им залив был еще виден. Все продрогли, а еды еле-еле хватило утолить голод. Эйрар поделился своей порцией с венценосными сестрами. У принцесс был один плац на двоих, и Аргира отдала его сестре, а сама куталась в старое матросское одеяло. Золотоволосая девушка без конца ныла, жалуясь то на одно, то на другое. Эйрар слушал ее и думал о том, сколь мало значили ее золотые локоны и правильные черты по сравнению с веселым мужеством младшей. Та знай вспоминала снежные зимы среди холмов Скроби, в то время как старшая твердила без конца о войне и политике, о горящем замке и жуткой ночи, которую им выпало пережить...

Одного лишь предмета они по общему молчаливому согласию избегали. Но и тут Аурия умудрилась все испортить, спросив:

— А что, карренская девушка переехала к братьям? Или она здесь, на борту? — но прежде, чем Эйрар успел открыть рот для ответа, продолжала неостановимо трещать: — Ты знаешь, сестренка, киска моя, все же мне трудно тебя порицать из-за Стенофона. Хотя и учат нас Сыны Колодца не делать различий между народами нашей Империи, признаться, уроженцы Двенадцати Городов нередко вгоняют меня в дрожь. Ты помнишь Коралис из Стелии, баронскую дочь, и ее мужа-филедийца, что держал ее взаперти в своем старом замке, полном мышей, покуда она вконец не поблекла и не поглупела? Хотя частью она и сама виновата, нечего было флиртовать с тем юным черноволосым пажом из...

«Без сомнения, — думалось Эйрару, — она полагает, что держится снисходительно и любезно...» Он поднялся с поклоном:

— Доброй ночи и приятных сновидений, ваши высочества.

Аргира выпростала руку из-под одеяла и протянула ему.

Выйдя на палубу, он увидел, что погода снова переменилась: снег перестал, было совсем тихо и холодно. В разрывах туч проглядывали звезды... «Весьма подходящая ночь для размышлений и мудрой, неспешной беседы с другом, — сказал он себе. — Но друга у меня нет, да и говорить ни с кем неохота...» Ему казалось, все чувства в нем выгорели дотла, унесенные тем же огнем, что поглотил Ос Эригу; мысли его снова и снова возвращались к утраченному, словно слепая лошадь, вертящая мельничный жернов.

Он забрался в постель, но отдохнуть так и не удалось. То Микалегон, то Эвадне, то Аурия, чудовищно искаженные, вставали перед его внутренним оком, а те, кого он любил, не появлялись. А потом топот ног над головой возвестил наступление утра.

Утро занялось ясное и донельзя студеное, зато с суши тянул бриз, достаточно сильный, чтобы сдвинуть парусники с места. В этот день они одолели немалое расстояние, причем рыбаки не переставали удивляться странным мореходным приемам карренцев, управлявших галерой. Галера то и дело убегала далеко в море, распустив парус и подставив ветру корму, затем парус прятался, появлялись весла — и она возвращалась к берегу, двигаясь галсами, точно краб.

Весь день они шли вдоль гористого берега Норби, заросшего темнохвойными еловыми лесами; пятна нерастаявшего снега ярко сияли в холодном солнечном свете. К вечеру горы начали сглаживаться, уступая место серо-бурым вспаханным полям — снег здесь не задержался, разве что вдоль живых изгородей. Появились и дома.

— Скоро откроется устье реки Хракры, на которой стоят оба Лектиса, — сделал вывод кто-то из воинов Вольного Братства. Тут с подветренной стороны к большому кораблю подгребла галера, и Звездные Воеводы сообщили:

— Лучше отправимся в Малый Лектис днем, а не в потемках.

Это означало еще одну ночь почти на голодный желудок.

Ради разнообразия Эйрар отправился на галеру. Там он встретил Микалегона; герцог, казалось, отчасти оправился от постигшего его удара. Он даже смеялся, разглядывая преобразившихся Воевод — те зачернили седые прядки в своих волосах, чтобы не быть узанными немедля. Эвадне выглядела едва ли не самым мужественным мужчиной из всех — даже вышла Лесную Крысу Стенофона на своей шапке. — Заговорили о погоде.

— Не принес бы этот ветер северный шторм при ясном небе, какими славятся эти места, — высказал свои опасения Микалегон. Было условлено, что оба парусника укроются в устье Хракры и встанут там на якорь, но будут держать наготове и паруса и боевые машины на случай погони. В последнюю минуту Рогей запросился ехать вместе с карренцами:

— Если хитрость не удастся, я бы устроил все, что надо, с помощью Железного Кольца, — и его взяли.

К утру, как и предвидел Микалегон, ветер усилился. Гребцам на галере пришлось попотеть, добираясь к устью реки. Здесь им пожелали удачи, и галера ушла дальше, а парусники остались.

Эйрар велел бросить якорь у северного берега и разослал соглядатаев. Он долго стоял возле борта, глядя на катящиеся речные воды, а над головой с криком проносились чайки и соколы, которым Хракра была обязана своим именем.

— Не так велика эта река и воды в ней не такие синие, как в нашем вастманстедском Нааре, — подумал он вслух и немало удивился, когда ему ответил какой-то шелландец:

— И не так она благородна и добра к людям, как наш Веллингсведен!

А Эйрару Веллингсведен показался всего лишь мутным, холодным потоком...

Галера вернулась совсем неожиданно, как раз когда на кораблях собирались укладываться спать. Первой мыслью было, что она примчалась за помощью, ибо люди на палубе прыгали и размахивали факелами. Но вот долетел перезвон струн какого-то инструмента, и Рогей радостно прокричал:

— Вся Дейларна поднялась, валькингов бьют!..

Потом, однако, когда все поднялись на борт и закусывали хлебом и мясом, Альсандер выразился скромнее:

— Ну, не то чтобы уж вся...

— Нет, ты только вспомни его рожу, когда он увидел твои волосы!.. — расхохотался Рогей.

— Как звали старого козла — кажется, Родвальд? — спросил Плейандер.

— И стервец наш прибрался, не к ночи будь помянут, — не мог успокоиться Рогей.

— Говорили бы толком, — попросил Эйрар.

— Если позволите, братья, я расскажу все по порядку, — вызвался Эвименес и начал: — Стало быть, подгребли мы к причалу... набережная в снегу, и что-то никто не бежит нас приветствовать. Диад — у него из всех наших ребят самый сильный южный акцент — стал спрашивать, как найти синдигов той гильдии, которая у них там по части съестного. Ну, вышла к нам парочка старцев, до того седых, что уж и не разобрать, какие у них волосы были раньше. Указали они нам дорогу, этак пальчиком через плечо, и плюнули нам вслед, полагая, что мы не видим. Думаете, мы обиделись? Ничуть не бывало! Мы несли знак Лесной Крысы: а чем больше ее оплевывают, тем лучше для Выдры. Да здравствует Каррена!.. — Он встал и поднял кубок, приглашая всех выпить. — Так вот, с грехом пополам указали они нам дорогу,

— опрокинув чашу, продолжал Эвименес. — Ну, значит, приходим. В зале гильдии нас принял толстущий мужик — вот с таким брюхом и золотой цепью на нем, весь в мехах, фу ты, ну ты, не то что наши южные синдики, те себя держат попроще. Встретил он нас не так уж недружелюбно, старый хитрец.

«Ваша милость...» — обратился было к нему Альсандер, но он тотчас перебил:

«Не милость, а малость. Когда в нынешние смутные времена мне говорят „ваша милость“, так и кажется, что хотят откормить да и прирезать на сало!»

«Кстати, о сале, — говорит братец Альсандер. — Мы — союзники вашей милости и осаждаем пиратов, испокон веку мешающих вам жить. Понимаете ли, нам совсем нечем стало набить животы. Так что мы бы с радостью взяли и сало, и еще много чего в придачу. Да и разговаривать с нами не мешало бы повежливее...»

«В самом деле? — отвечает наш пончик. — А я-то думал, харч вам нынче важнее приветного слова, — и ну перебирать цепочку на пузе: — Так не позволите ли взглянуть на ваши верительные грамоты?»

«Мы — солдаты Империи и Колодца, — молвит Альсандер. — Мы пришли издалека, чтобы сражаться под знаменем Бордвина Дикого Клыка. Какие еще верительные грамоты?»

«Ха, Бордвин! — хмыкает наш тюфячок и поглядывает на нас так это искося. — Значит, при вас должна быть его печать: он же знает, я без нее не могу раздавать хлеб, принадлежащий нашему милостивому графу!»

Ну, тут мы поняли, к чему дело идет...

— Я лично только понял, что его надо прощупать поглубже, — вмешался Альсандер. — Стал я его водить, точно рыбку на леске: и до каких же пор, думаю, будет упираться? Ох и спорили мы с ним — любо-дорого вспомнить, как он тряс всеми своими подбородками, а позади стояли писцы, и. Господи, с каким отвращением они глядели на нас!.. Тут я легонько намекнул, что, мол, оголодалые воины иной раз перестают стесняться в средствах, и он, кряхтя, уступил пару овец и дюжину мешков муки, но вина — ни-ни, нет, мол, ни капли. И тут, отколь ни возьмись, появляется Рогей...

— С двумя лучниками валькинговской стражи в качестве эскорта, — вставил Рогей.

— Эскорта!.. — захохотал Эвименес. — Вот уж чего им точно хотелось, так это снять тебе голову с плеч. У меня и то во рту пересохло, хоть они на твое горло посматривали, а не на мое...

— Рассказывайте дальше, — напомнил Эйрар.

— А дальше наш пуфик, то есть синдик, сперва порозовел весь, а потом аж пятнами пошел. «Что такое?» — спрашивает.

«Изменник, схваченный на месте преступления! — честь честью отвечают лучники. — И дезерион говорит, чтобы вы, ваша милость, будучи старшим синдиком, учинили над ним суд, поскольку барон Баррилис, как вам известна, отбыл третьего дня по важному государственному делу...»

«А где, — говорит синдик, — свидетели?»

«Свидетели! — возмущается один из лучников. — Какие свидетели, когда у тебя есть слова нашего дезериона? Ты что, хочешь вызвать его в суд, точно какого-нибудь дейлкарла?»

«Я не слышал слова дезериона, — говорил Родвальд. — Покамест я слышу только вздор, который несут два сопляка-лучника...»

Те, понятное дело, глядят исподлобья, вот-вот схватят мечи. Синдик тоже набычился, но держится молодцом. А Рогей стоит себе этак беззаботно, ну прямо кот у печи, так, словно это к нему вовсе и не относится. Да притом еще напевает...

— Потому что, — перебил Рогей, — я видел то, чего не видели вы: наш толстопузый и вправду был — наш. Вы думаете, он что там вертел в руках? Маленькое железное колечко на золотой цепи, рядом с печатями. Вот я и запел: «Горе, и слезы, и стенанья повсюду». Полагаю, впрочем, что раньше он только обещал помогать, а до дела дошло впервые. То-то он затрясся, как студень!

— Тут брат Альсандер тоже увидел кольцо, — продолжал Эвименес. — Когда лучники ушли за подмогой, он и говорит синдик: «Ваша милость, раз уж у вас совсем нет вина, нельзя ли попросить хотя бы воды?» Уходит с одним из писцов, быстренько смывает краску с волос и возвращается, сияя на весь зал нашей знаменитой звездой!

«Карренцы!» — ахает толстячок, и зубы у него принимаются стучать, ну точно как те косточки, с которыми пляшут танцовщицы из Дзика. Потом, смотрю, начинает нас пересчитывать.

«Ваша милость, — говорит Альсандер, — вы, без сомнения, ужасно рады нас видеть, но ловко это скрываете!»

Тот чуть на плачет:

«Только вообразите себя в моей шкуре! Господь всеблагий, будь мне свидетелем; я, верховный синдик Малого Лектиса, отдал бы все свое состояние, чтобы поменяться местами с последним подмастерьем! Не успеет смениться луна, в нашем городе будут кишмя кишеть не то что валькинговские „союзники“ — целые терции валькингов, взбешенных притом! А тут еще и вы... еще и вы...» — Словом, жалко было смотреть. Альсандер его малость утешил, сказав, что мы, собственно, к нему ненадолго, только пополним припасы и сразу уйдем. Но было похоже, что он знает нечто важнее, и уж мы его порасспросили. Он и в самом деле оказался верным малым, этот Родвальд, хоть и кусал пальцы со страху. Нагрузил нас съестным выше бортов, а рассказал вот что. Когда сгорел Ос Эригу, по берегу, где стоял валькинговский лагерь, разбежалось целое стадо троллей, гоблинов и разной другой мерзости, которую в свое время замуровал между камнями и балками замка его строитель, герцог Микал: он же вроде был любовником одной королевы-ведьмы... забыл, как ее звали. Так вот, при виде нечисти рабочие кинулись наутек, хотя им грозили расправой; свалка, говорят, была не приведи Бог. Еще говорят, будто Бордвина-полководца слопали тролли, когда он пытался что-то предпринять с помощью заклинаний. Правда, другие утверждают, будто его убил сам граф Вальк, малость тронувшийся со страху... или, может, не Вальк, а Стенофон Пермандосский. Но совершенно точно одно: великий Бордвин мертв, как прошлогодняя вяленая треска, все бароны из северных городов призваны в свои терции — и ссорятся на погибель всем валькигам так, что горы трясутся. Да здравствует Дейларна! Да здравствует Каррена!..

33. ПОБЕРЕЖЬЕ СКОГАЛАНГА. ЧЕТВЕРТЫЙ СКАЗ О КОЛОДЦЕ

Все слегка захмелели от радости и от выпитого вина. А утром к ним присоединился еще один корабль — когг из Малого Лектиса. Однако трезвое размышление подсказывало: валькинги и прежде не раз враждовали между собой, и ничего, держава не рухнула, и даже более того: ничто так не спланивало их и не заставляло забыть распри, как общая беда и общий враг. Поэтому восставшие не изменили первоначального плана — зазимовать в Скогаланге — и провели день в трудах: перегрузили провизию с галеры на большие корабли, а галеру сожгли.

Когг, пришедший из Лектиса, привез подкрепление. Эйрар узнал предводителя: это был тот самый юноша с золотыми волосами, что когда-то сидел вместе с ним за столом в Нааросе, в гостинице «Старый меч». Звали парня Оддель, сын Кевилля.

Минула еще ночь, и они пустились дальше — все дальше на юг, к побережью Шелланда. Скоро пропали за кормой скалистые мысы Норби, далеко выдающиеся в море. Каждую ночь маленький флот останавливался у берега, но ничего нового разузнать не удавалось. Спустя время исчезли вдали и шелландские низменные берега; в день, когда они миновали устье мутного Веллингсведена, корабли раскачивала штормовая волна.

В общем, довольно скучное путешествие. Легко догадаться, что Эйрар часто искал общества Мелибоэ или сестер-принцесс. Впрочем, этих последних чаще всего можно было видеть рядом с их братцем, который, попав на корабль, самым неожиданным образом расцвел, точно бабочка, пригревшаяся на солнышке, и вел себя так, словно это он здесь командовал.

Немного толку было Эйрару и от волшебника. Когда Эйрар его о чем-либо спрашивал, тот любезно отвечал, но не более. Казалось, он был глубоко погружен в какие-то сокровенные думы. Когда же молодому вождю случалось бодрствовать допоздна, он не раз и не два замечал разноцветные сполохи, пробивавшиеся сквозь дверную щель каюты Мелибоэ, и слышал шепот и шорох, ясно говорившие о том, что за дверью творят заклинания. А по вечерам, на закате, когда бросали якорь, старик появлялся на палубе, держа в руках крохотный лук с тетивой, свитой из нитей, выдернутых из его одеяния. Он наводил свой лучок на птиц, усаживавшихся в снастях. Эйрар знал, для чего: заклятие должно было сделать птиц соглядатаями, доставляющими сплетни. Однако с вестями на корабль не вернулась ни одна. Оставалось лишь гадать, не было ли какой магии, противостоящей магии Мелибоэ... а корабли тем временем продвигались все дальше на юг, туда, где от берега в глубь страны протянулась по-зимнему темная граница Скогаланга.

Холмы Скогаланга, одетые мохнатой шубой лесов, подходят к самому морю. И вот какие города стоят там на побережье: во-первых, Дьюпа, во-вторых, Брамос, который валькинги называют Вервиллой — из-за сторожевого форта, выстроенного на мысу, — в-третьих, Смарнарвида, и, в-четвертых, Хейр. Все они невелики, а стены есть только у Брамоса-Вервиллы, потому что народу Скогаланга вообще не по душе города. Восставшие решили посетить лишь первый и последний, хотя Рогей и возражал, говоря, что тем самым они как бы признавали себя в собственной стране вне закона.

В Дьюпе карренцы так и не покинули корабля, зато Рогей отправился на берег разыскивать членов Железного Кольца и, может быть, послать через леса восточку рыцарю Ладомиру Ладомирсону, приглашая его встретиться в Хейре...

На это свидание рыцарь прибыл без опоздания. Он приехал на корабль в непогожий денек — холодный ветер позванивал сосульками на канатах. На берегу от самого края воды начинался лес; зеленые ветви сосен мешались с черными, облетевшими. В Скогаланге было принято, чтобы деревья росли повсюду, даже на городских улицах, и поэтому город, лежавший в глубине бухты, почти не был виден, — лишь несколько домов, чьим владельцам, знать, нравился морской пейзаж.

Холодные волны пенились, разбиваясь о мел. Рыцарь перелез через борт, зябко кутаясь в меха, и ограничился поспешным рукопожатием, торопясь вовнутрь корабля, где ждало вино, подогретое с пряностями, и огонь в очажке.

И в это самое время из своей каюты выплыл семенящей походкой не кто иной, как принц Аурарий собственной персоной, в обществе одного из борцов (второго Эйрар со времени пожара так и не видел и сильно подозревал, что Плейандер тогда воспользовался моментом и прирезал его, но расспрашивать, конечно, не стал).

Завидя принца, рыцарь упал на колено, обнажил голову и припал губами к руке, которую Аурарий величаво ему протянул:

— Ваше высочество, мой принц...

— Мы помним тебя, — был ответ.

А чуть погодя, когда они только-только расселись у очажка, явился Мелибоэ, и рыцарь Ладомир вскочил на ноги:

— Это еще что такое? Господа! Вы допускаете на свои тайные совещания человека, отвергнутого Империей и Колодцем? Того, кто дерзает касаться запретного?.. Да, ничего удивительного, что у вас так скверно идут дела...

Мелибоэ сел, не произнося ни слова. Альсандер ответил за всех:

— На твой взгляд, может, они и плохи, но кое-кто из нас, и я в том числе, полагает: несмотря на потерю замка, эта осада здорово поколебала их проклятую власть!

— Ты хочешь, чтобы мы прогнали того, кто оставался с нами в самые черные дни, когда почти не на что было надеяться? — подхватил Рогей, я Эйрар не нашел, что добавить.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой рыцарь, — но в одном я уверен: высокой цели нельзя достичь с помощью демонов и дьяволов, ибо как раз их используют валькинги, против которых мы бьемся. И потом, я что-то не верю, чтобы маги начали воевать друг с другом, ведь это им ни к чему. Нет, вся адская кухня трудится только к одной выгоде — к выгоде сынов Бриеллы!

— Я знаю, что вы, сударь, не пожелаете слушать меня, — проговорил Мелибоэ, — но всем остальным да будет известно, что раздоры заложены в самой природе существ, с которыми имеем дело мы, маги. И если мы иногда подогреваем их ссоры, в том нет никакого греха, тем более, что держава, против которой мы нынче боремся, основана на колдовстве. Не забудем также, что именно колдовство сгубило Бордвина Дикого Клыка, великого воина и волшебника...

Эйрару поневоле вспомнился день, когда Мелибоэ оставил Бриеллу именно потому, что там запретили заниматься той самой философской наукой, которую он с таким жаром теперь поносил. Однако юноша промолчал, а рыцарь простер длинную изящную руку:

— Я знаю, господин Мелибоэ, вам нет равного в споре, вы кому угодно докажете, что черное — это белое. И тем не менее, законы Колодца возбраняют использование вашего искусства, кроме как в целях защиты, а ведь вы сами первый нипочем не удовольствуетесь таким ограничением. Между тем правящий Дом есть залог благополучия всех стран Империи, а залог благополучия Дома — Колодец!

— Колодец! — воскликнул Эйрар, не удержавшись, ибо тот памятный рассказ Аргире сильно поколебал его уверенность в такой уж благодати чуда Вселенной. Вероятно, сомнение явственно прозвучало в его голосе — рыцарь Ладомир повернулся к нему с проворством спущенной катапульти:

— Вы, юноша, насколько я слышал, сделались выдающимся воином и хитроумным полководцем; должно быть, вы и вправду счастливчик, поскольку во время прошлой нашей встречи вы были всего лишь вестником... посланцем изменника-мага, присутствующего здесь. Но заверяю вас со всей определенностью: без должного почтения к Колодцу ваша счастливая звезда погаснет подобно слабой свече, ибо Колодец есть то, на чем зиждется весь этот мир. Даже дикие звери почитают его: вот послушайте.

Вы видите, юноша — моя голова почти совсем седа, но пока ее вовсе не засыплет снегом, а снег не растает — я не позабуду того дня, когда я сопровождал к Колодцу ныне царствующего нашего Императора, его величество Аурариса. Он собирался испить свадебный кубок с дочерью рыцаря Бреммери... и тем самым омыть все грехи прошлого с себя и с нее. Он был уже немолод и притомился дорогой, и мы разбили

лагерь в буковой роще. Тогда как раз стояла весна; и вот из чащи вышла свирепая волчица и зарычала на нас. Приметная это была волчица, с обгрызенным хвостом и порванным ухом, а за нею бежали двое волчат. Государь наш поднял было копье, но его невеста сказала:

«Возлюбленный и повелитель, с которым я скоро разделю ложе в согласии и любви! Позволь одной женщине вступить за другую. Пощади ее ради меня!»

И его величество уступил ей. Владыка золотого трона Стассии оставил жизнь дикой волчице. И когда мы продолжили путь, она побежала следом, не знаю уж, то ли из любопытства, то ли из любви к нашему государю, и с нею оба волчонка. И поскольку все знали, что ее пощадил сам император, иные из свиты оставляли ей то косточку, то кусочек мяса. Достигнув колодца, мы все остались у врат, лишь царственные жених и невеста проследовали вовнутрь. А волчица вскарабкалась по каменистым склонам с другой стороны, словно бы не желая оставлять императорскую чету. Когда же его величество вновь появился перед нами об руку с невестой — ах, каким счастьем и миром сияли у обоих глаза! — они рассказали нам о явленном им чуде. Как только они вместе пригубили чашу, у кромки Колодца появилась волчица и принялась лакать из источника, а потом села перед венценосными влюбленными, подняла морду и провыла, точно приветствуя их.

Господа мои! Охотники не раз потом замечали эту волчицу в окрестностях Колодца. Ее легко узнавали по обгрызенному хвосту, рваному уху и двойняшкам-волчатам. И вот что произошло той же весной, через месяц или около того. На глазах у охотников волчица загнала оленя: в конце концов он запутался рогами в чаще и не мог больше бежать. Но когда она готова была разорвать ему горло, олень вдруг повернул к ней голову — и вот, господа, дикая волчица, голодная, с подведенным брюхом, и ведь при ней были волчата! — волчица издала все тот же вой, словно вспомнив о Мире Колодца — и убежала, кротко уступив оленя охотникам...

Но вы, юноша!.. В вашей власти обратить против валькинггов чудотворную силу, способную умиротворить даже диких зверей — а вы вместо этого пользуетесь услугами заурядного колдуна с его ничтожными зельями...

— Государь рыцарь!.. — начал было Эйрар, еще толком не зная, что скажет, и притом видя краем глаза, как насмешливо кривятся губы Мелибоэ, скрытые взлохмаченной бородой... Но ничего сказать ему так и не пришлось, ибо владетель Ос Эригу грохнул кулаком по столу и поднялся:

— Во имя всего святого — вы точно прячетесь от новостей здесь, в Скогаланге! Преклоняюсь перед вашими высокими принципами, господин советник... но не перед вашей осведомленностью. Вы что, в самом деле не знаете, что мы взялись воевать именно с правящим Домом, прогнившим насквозь — ну то есть до такой степени, чтобы продавать дочерей на ложе Бриеллы, а наследника — мальчика, девочку — не разберешь — заставлять шпионить на Валька?

Господин Ладомир отшатнулся так, словно ему дали пощечину:

— Государь Микалегон, здесь я ваш гость, и, стало быть, по правилам рыцарской чести не имею возможности вызвать вас на поединок. Но когда вы сойдете на берег — я отнюдь не могу поручиться, что не произнесу в ваш адрес каких-нибудь слов, которые возможно будет смыть только кровью. А именно: что вы лжете.

Эйрар наклонился к уху Долговязого Эрба:

— Пожалуйста, передай мое почтение принцессе Аргире. Не могла бы она выйти сюда к нам ненадолго? Скажи ей, что здесь господин Ладомир Ладомирсон.

Некоторое время в каюте царило молчание, только старый рыцарь вздрагивал, точно в ознобе, дергая меховую опушку плаща. Но вот послышались легкие шаги, и появилась принцесса. Господин Ладомир тотчас преклонил колени.

— Поднимитесь, — сказала она. — И сядьте, прошу вас. Как я рада видеть вас, верный папин советник! У вас все хорошо?

Он отвечал:

— Я вновь лицезрею вас — и, значит, все хорошо. Но я только что слышал нечто, касающееся

Стассии... такое, во что невозможно поверить!

Она улыбнулась.

— И тем не менее, вполне вероятно, что это была сущая правда. Уж не о том ли вам поведали, что сестрица моя помолвлена с Вальком, а я досталась бы Стенофону Пермандосскому — если бы не государь Микалегон и не меч предводителя Эйрара?

У рыцаря перехватило дыхание:

— Ваше высочество, умоляю, не сочтите допросом... Вы же знаете, я член Совета, а стало быть, имею прямое касательство... Кому могла прийти мысль заключить подобные браки?

Аргира пожала плечами:

— Так решил Совет, когда Вальк посватался... Такова была воля баронов Скроби и Сынов Колодца. И мой папа... мой папа...

— Ваш батюшка достиг того почтенного возраста, когда монарху следует в полной мере опираться на тех, кому он так долго сам был опорой.

— Да... я помню, приезжало посольство, его возглавлял рыжеволосый вельможа с жестоким лицом: Ванне... Ванесс...

— Ванетт-Миллепиг, нааросский Рыжий Барон! — сказал Рогей. Вернее, почти прорычал.

— Да, да, я думаю, это был именно он. Я не знаю всех подробностей, господин Ладомир, но в результате моя сестра была помолвлена, а мы с Аурарием посланы сопровождать ее.

Рыцарь низко поклонился. Его лицо было лицом человека, у которого из-под ног с грохотом обрушился мир.

— Мое почтение, принцесса... А вы, государь Микалегон, примите мою руку и половину извинения — ибо за то, что касается наследного принца, извинений я не приношу. Впрочем, нам следует лишь исполнять свой рыцарский долг. Если сюзерен оказывается... недостойн... этот долг велит нам лишь утроить усилия по возвеличению Трона...

— Я могу идти? — спросила Аргира.

— Ваше высочество, вы вольны уйти или остаться, как пожелаете. На советах подданных не может быть никаких тайн от членов императорского семейства... — но когда принцесса вышла, рыцарь обратил к ним лицо, покрытое смертельной бледностью: — Господа, произошли серьезные и поистине страшные вещи, и мне трудно сказать, что за всем этим кроется. О, зачем нет у меня крыльев гиппогрифа — вмиг умчаться за море и призвать к ответу лживых советников, насоветовавших погибель Империи!..

— Господин Ладомир, — сказал Мелибоэ. — Вы не желаете верить в мою добрую волю, так поверьте хоть сведениям, которые я вам хочу сообщить. Когда я последний раз был в Бриелле, это уже обсуждалось — я имею в виду, женитьбу графа Валька, — поскольку его ушей коснулся слух, будто имперское престолонаследование вполне может перейти к женской линии — при таком-то принце. Бордвин и еще немало членов валькингговского Совета были против: вы же знаете, как крепко держится этот народ древних обычаев, не допускающих никакого наследования привилегий. Мне также известно, что барон Ванетт-Миллепиг специально обучался заклятиям, долженствующим подчинить его воле имперский Совет. А для Сынов Колодца, которые, как известно, магии неподвластны, готовилось иное, столь же верное средство: золото. Вот каков был их план в то время, когда он стал мне известен. Им, правда, пришлось на некоторое время отложить всю затею из-за восстания в Мариаполе и войны с Салмонессой...

— Так ведь это измена! — сказал господин Ладомир. — Самая что ни на есть отвратительная измена! Хотя чего еще ждать от валькинггов? Ничего удивительного, что я не был призван в Стассию, когда это обсуждалось... — Он помял пальцами губу. — Не могу только понять, отчего нас не предупредили представители Двенадцати Городов? Они всегда были дружны с народом Дейларны. Неужели барону и их удалось опутать своим колдовством?

Эвадне засмеялась лающим смехом:

— Смердюки, провонявшие собачьим дерьмом!..

А Эвименес добавил:

— Знай, рыцарь, что, кроме филедийцев, которые равно ненавидят и нас, и Дейларну, — Додекаполис не участвует больше в советах Империи. Там теперь всем заправляет Народная партия. Они пока еще признают Колодец — но не Дом Аргименеса!

— Вот как? Что ж, это в самом деле кое-что проясняет... но лишь в части, относящейся к прошлому. Что нам следует предпринять?.. Признаться, вы повергли меня на обе лопатки. Я точно попал в иной, незнакомый мне мир...

— Сударь, — сказал Альтандер. — Мы собирались зазимовать здесь, в Скогаланге, чтобы тем временем ты и Рогей разведали через ваше Железное Кольцо, как там идет усобица между валькингами на севере. Дальнейших же планов мы покамест не строили, так как мнения наши тут отчасти расходятся. Но мы с братьями по-прежнему убеждены, что с сынами Алого Пика не сладить иначе, как только опрокинув их в битве, а это навряд ли возможно без рыцарской конницы Двенадцатиградья. Мы предлагаем: соберите вооруженных людей, сколько сможете, но в бой не вступайте, а переправляйтесь к нам в Каррену. Колония дейлкарлов, живущих там, рада будет нас поддержать. Скинем проклятую смердюковскую власть — и вместе отправимся на север, на великую битву!

— Славное предложение, — кивнул господин Ладомир. — Но какова цена? И кто станет платить вашим рыцарям?

— Кто говорит о плате? Это союз, — возразил Альтандер, но даже сквозь загар и природную смуглость было видно, как он покраснел. Рыцарь повернулся к Рогей:

— Ты согласен?

— Никоим образом! Я считаю, надо поднимать лесных жителей Скогаланга. Мы захватим укрепления по всей провинции прежде, чем валькинги сообразят, что Крылатый Волк вышел на охоту. А мы тем часом двинем на северо-восток, в Белоречье, отрежем им все пути к югу, расшевелим Вастманстед — и будем сражаться в лесах, как король Аргименес в Серебряную Порую!

— Ты только забыл, что перед нами не безалаберные язычники, но люди, посвятившие войне всю свою жизнь. Нет, без регулярного войска нам с ними не совладать, — сказал господин Ладомир. — Друг мой, твой план — план мечтателя, нам же нужен трезвый стратег, мыслящий по-земному. Есть у кого-нибудь более основательные соображения?.. Хотя, впрочем, что можно придумать на месте, разве только вчерне... Так вы по-прежнему настаиваете на том, чтобы держать совет в присутствии чародея, продавшего своих прежних хозяев?..

Воцарилось молчание.

— Что до меня — да, — сказал Эйрар.

— Куда молодой вождь, туда и я, — проворчал Микалегон.

— И я, — кивнул Рогей.

— Значит, во имя общего согласия кто-то должен уступить, и пусть это буду я... хоть и сдается мне — добром это не кончится, — подытожил рыцарь, осенил себя знаком истинной веры и вновь содрогнулся, как если бы стылый ветер, влетевший снаружи, пробрал его до костей.

Мелибоэ, после первой своей речи сидевший со скромно потупленным взором, вновь поднял голову.

— Вы поступаете верно, господин рыцарь, — молвил он. — Я ведь знаю, о чем вы думаете, хотя нипочем не скажете: если сейчас меня выгнать отсюда, это никакой выгоды вам не принесет, зато рассорить может со многими... Но к делу. Я смотрю, все вы топчетесь вокруг да около самого главного, а именно: предполагаемый брак свяжет Валька с Империей — сделает ее Империей Валька. И если это произойдет, с вами будет покончено. Чего доброго, он отравит самый Колодец, как уже отравил немало жизней, закрывая лица, сгоняя непосильными налогами с земли крестьян Вастманстеда... сажая рабов за ткацкие станки Мариополя. Вы правы, господин рыцарь, еще и в том, что вам следует немедленно отправиться в Стассию, созвать полный Совет, прогнать околдованных и подкупленных и отменить указ о

столь беззаконной помолвке. Но в одном вы все-таки ошибаетесь; все пропало также и в том случае, если угаснет боевой дух вот этих юных вождей Дейларны. Случись это

— и недалек день, когда воины Алого Пика ворвутся в императорский дворец в Стассии... И вот вам еще совет: станете обдумывать, как вести войну — прислушайтесь к вождю Эйрару. Я гадал о его будущем и утверждаю — второго такого счастливица, особенно по части сражений, вам не найти.

Господин Ладомир пристально глянул из-под полуприкрытых век:

— Я смотрю, вы просто замечательно спелись... Вероятно, юный вождь, у вас есть уже план?

Эйрар залился румянцем:

— Пока еще нет... Да и откуда бы? Мы еще слишком мало знаем, чтобы строить какие-то планы. Только то, что после сожжения кораблей в Медвежьем фиорде наши враги не могут больше передвигаться морем. А значит, на островах Джентебби можно устроить твердыню, подобную Ос Эригу. Оттуда можно держать связь с Карреной на юге, Стассией на западе и Дейларной на севере...

Возражать никто не стал, только Эрб заметил:

— Должно быть, проклятый Бордвин здорово-таки причесал острова...

Итак, решено было ожидать весны в Скогаланге, с тем, что один из кораблей без промедления отвезет господина Ладомира в Стассию. Когда все поднялись, Мелибоэ отозвал Эйрара в сторонку — перекинуться словечком наедине.

— Юноша, — сказал он. — Я лучше тебя самого знаю, что твой так называемый план — никакой не план, просто отговорка на время, пока судьба не выносит плод. Что ж, неплохо, неплохо; но страшись Джентебби!

Эйрар так и не понял, что же имел в виду маг. Ничего не поняла и Аргира, когда он ей рассказал. Они сидели вдвоем у огня в лесном домике среди холмов Скогаланга, потягивая сидр, а по комнате разносился чудесный запах жарящихся каштанов. Аурия в тот день уехала с карренцем Альсандером: этот последний проводил с ней немало времени под тем предлогом, что принцессе был нужен телохранитель и страж, и, по общему мнению, сделался ее кавалером. Впрочем, стояла зима, и было решительно нечего делать, кроме как охотиться на оленей да ожидать вестей с севера.

— Счастливый ты, Эйрар, — сказала серебряная принцесса. — Все любят тебя просто за то, что ты... вот такой. У нас, при дворе, когда кто-нибудь предлагает дружбу, сразу начинают думать: «А что ему нужно?»

— Быть может, и тут то же самое, — ответил он. — Хотя я, например, очень мало что мог бы предложить...

— О, нет, не скромничай, вовсе не мало. Господин Ладомир говорит, у тебя светлая голова на советах, а уж когда доходит до битвы... ведь и у меня есть повод благодарить тебя — за Стенофона... Может статься, твой волшебник тоже потребует от тебя кое-чего... и скорей, чем ты думаешь. Но до тех пор ты успеешь понять — как мы поняли, живя во дворце — что дружба от века сталкивается с дружбой и желанием с желанием. Подарить одному — значит отказать другому...

— А любовь? — спросил он. — Любовь — тоже такой дар?

— Следует ли нам с тобой говорить об этом сейчас...

— О чем же еще я могу говорить, сидя здесь рядом с тобой?

— А что тебе сидеть здесь со мной? Иди беседуй со своим приятелем-чародеем. Он умеет гадать, защищать от неведомых сил, отводить Хохочущий Ужас. Может, он даже расскажет тебе, что за злая судьба ожидает тебя на Джентебби!..

«Она нынче в дурном настроении, — сказал он себе. — Это пройдет. Или... а вдруг кто-то рассказал ей про меня и про Гитону?..»

34. ВОЗВРАЩЕНИЕ С МОРЯ

Вот так, в ожидании новостей, и проходила зима. С севера вестей было немного — разве только о том, что огромное войско валькинггов расположилось в Большом Лектисе и бурно обсуждало вопрос: кому теперь быть полководцем? Рудокопы Короша голодали и злились, потому что валькинги заняли города, снабжавшие их провиантом. Поговаривали, будто кто-то из них подался к миктонцам и вместе с ними ел всякую дрянь. Потом Черный Галлиль передал из Вастманстеда, что барон Ванетт-Миллепиг убит на север по большаку, ведущему вдоль Наара, прихватив с собой шесть деций своей терции, причем произошло это в Месяце Аиста, то есть примерно тогда же, когда их маленький флот прибыл в Хейр. Похоже, Рыжий Барон примеривался к полководческому жезлу...

А в Скогаланге обитал добрый народ. Густой лес надежно укрывал его от врагов и дарил орехи и фрукты в таком изобилии, что орехами откармливали на сало знаменитых местных свиней. Валькинггам невелика была корысть с подобного края — вот почему среди всех провинций Дейларны Скогаланг подвергся, пожалуй, наименьшему гнету. И тем не менее, у скогалангских парней желваки выступали на скулах, а кулаки сжимались сами собой, когда Рогей вновь и вновь рассказывал о случившемся в Мариаполе. Тут и там люди складывали котомки и шли в Хейр — якобы в гости, на самом же деле — участвовать в войне за свободу Дейларны. Лесные охотники, без промаха бывшие в цель, легко делались воинами. Когда весна вступила в полную силу и снег начал сходить, их собралось столько, что войско с трудом уместилось бы на всех четырех кораблях.

Беда только, о господине Ладомире Ладомирсоне по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Не вернулся и корабль, увезший его за море, — пришлось грузиться на маленькие рыболовецкие суда, стоявшие в гавани Хейра. Правду сказать, рыбаков в Скогаланге было немного — здесь больше привыкли пользоваться услугами Джентебби, — но те суденышки, что все же нашлись, были отданы с радостью. Станный получился боевой флот, что говорить! И притом надо было выделить места для женщин, для принцесс — золотой и серебряной, — для женоподобного принца Аурария и для их слуг. Вдобавок ко всему, войско Эйрара зиму напролет одолевала любовная лихорадка. Воины женились один за другим. Даже карренские латники влюблялись в лесных красавиц и нипочем не собирались с ними разлучаться.

— Вот пример того, как тянутся друг к другу противоположности! — сказала принцесса Аурия, на что волшебник Мелибоэ возразил:

— Это, ваше высочество, всего лишь жизнь, не изведавшая совместных трудностей и совместных трудов. Уверяю вас, две трети нынешних союзов еще до конца лета растают, как снег под солнцем.

Принцесса весьма рассердилась и не разговаривала с философом день или два.

Они отплыли из Хейра погожим днем в начале весны, когда прошлогодние одеяния сосен вдруг начали казаться поношенными. Корабли обогнули мыс Шета с его острыми сторожевыми скалами, над которыми проплывали легкие белые облачка. К вечеру облачка начали набухать, ветер заметно посвежел, поднялась качка. Лавировать было трудно, но наконец широкие мысы внешнего Скогаланга остались за кормой. Корабли повернули и пошли по ветру, который тем временем все усиливался и заходил к югу. Он упорно гнал флотилию к устью Наара: нечего было и думать о том, чтобы держать курс на Джентебби. Долговязый Эрб вконец осунулся, стоя на руле: он-то уже надеялся вскоре снова повидать свои острова... Поздно вечером, в меркнувшем свете заката, они подошли к другому паруснику для короткого совещания. Решено было убрать паруса и лечь в дрейф, а малым судам — выстроиться в связку на одном длинном канате, который спустят с кормы корабля. Это защитит их, а сами они станут чем-то вроде плавучего якоря и не позволят паруснику опасно приблизиться к берегу.

Пришлось немало повозиться, прежде чем удалось воплотить эту затею.

— Нет ли у тебя заклятия, чтобы унять шторм? — обратился к Мелибоэ один из моряков. Тот ответил:

— Если бы я мог унять его, я был бы не чародеем, но Богом!

Последовала беспокойная и почти бессонная ночь. А за нею столь же безрадостный рассвет. По левому борту нырнул и раскачивался второй корабль и при нем связка утлых рыбацких суденышек, на одном из которых была сломана мачта, а в борту зияла дыра. Видно, там что-то случилось. А впереди по

правому борту свинцово-серые волны с грохотом разбивались обо что-то невидимое, вздымая тучи белоснежной пены. Эйрар вцепился в фальшборт, внимательно вглядываясь.

— Наше счастье, вождь, что мы не прошли на юг и не угодили в объятия этих белых красоток! — мрачно пошутил кто-то из вольных рыбаков. — Там смерть! Это знаменитые рифы в устье Наара!

Да, милосердная судьба в самом деле отвела от них весьма печальную участь. И все равно пришлось им несладко — весь день корабли и шлюпки дрейфовали с голыми мачтами, стена под ударами волн. На «Драгге» появилась течь. Все, кого еще не свалила морская болезнь, встали к помпам или вычерпывали воду ведерками. Эйрар видел, как с одного из рыбацких судов унесло человека. Он пропал в волнах, успев только вскрикнуть. Брошенная веревка оказалась слишком коротка...

И Эйрар, казалось бы, привыкший к опасностям, почувствовал себя неудобно. Нынче они рисковали и даже жертвовали собой не по доброй воле, не ради своего дела — слепой случай грозил отнять у них жизнь. «Вот вопрос для философа Мелибоэ!» — подумалось ему к исходу второй бессонной ночи. Но Мелибоэ лежал пластом, изнемогая от качки, и Эйрар попробовал было разобраться сам, без его помощи. Однако условия для размышлений были слишком уж неподходящими. Ревел ветер, волны перехлестывали через борта, люди сновали с ведерками и хлопотали у помп в неверных бликах светильников...

К утру, мокрые, с запавшими глазами, голодные (при такой качке никто не решался разжечь огонь в очажке), люди едва держались на ногах. Тут Эйрар заметил, что корабль стал как-то странновато качаться, и встревоженно поспешил к Эрбу:

— Никак новая беда?..

— Нет! — ответил вконец измученный Эрб. — Наоборот, вождь, добрый знак! Видно, нас затащило туда, где морские волны сталкиваются с течением Наара. Может, даже удастся укрыться за западным мысом, хотя до него, верно, недалеко...

С рассветом выяснилось, что Эрб не ошибся. Далеко-далеко, у северного края небес, засинела гора Спанхавид — уж ее-то трудно было с чем-либо спутать. Да и рассвет показался людям чуть более ясным, нежели два предыдущих. Тучи начали рваться, а ветру, похоже, надоело трепать упрямые, так и не сдававшиеся корабли. Он все больше отходил к югу, и вот наконец Эрб решился поднять паруса. Это было сделано, и оживший «Драгг» вновь начал слушаться руля, хоть и мешали рыбацкие лодки, качавшиеся за кормой. Однако мало-помалу они начали удаляться от рифов и скал, таившихся в море у подножия Спанхавида. Герцог Микалегон, управлявший вторым кораблем, вновь блеснул мореходным искусством: там была сломана одна из мачт, но паруса все-таки поставили. Двум кораблям удалось даже сблизиться, и предводители перекинулись словом. Решение было единодушным:

— «Драгг» течет, рыбацкие суда сильно потрепаны, ветер южный — до Джентебби нам не добраться. Поднимемся по Наару да испытаем-ка счастья в Нааросе!

Флотилия двинулась к устью реки. Течение могучего Наара чувствовалось далеко в море. Когда оно немного пригладило неистовые волны, скогалангские лодки оставили канаты и подняли крохотные паруса. Впереди, на высокой скале, уже ясно виднелась нааросская цитадель. Две принцессы вышли на палубу.

— Какие вы прекрасные моряки: справились с таким штормом, — сказала Аргира.

— Когда наконец принесут горячую пищу? — спросила Аурия. — От холодной недолго нажить расстройство желудка...

Теперь корабли двигались быстро: им приходилось идти не столько против течения Наара, сколько поперек, потому что при устье он круто сворачивает на запад, огибая подножие горы. Тот берег Наара, где высится Спанхавид, скалист и опасен, зато на другом, ниже Наароса всего несколько бухт. Обменявшись мнениями, корабельщики направили суда в тихую прибрежную воду и спустили паруса, укрываясь от лишних глаз за деревьями. Но едва только вожди стали советоваться, как все сомнения разрешились сами собой: сверху по реке приползло сторожевое судно, похожее на водяного клопа. Алый треугольник трепетал над его кормой.

Часть катапульт на парусниках разбило волнами, на уцелевших жильные тяги намокли и были негодны в дело. Это, однако, не относилось к лучникам Скогаланга и их оружию, которое они прячут от

сырости в чехлах и вообще заботятся о нем, как не всякая мать — о любимом ребенке. Лучники спрятались за фальшбортом и приготовились к бою. Всем остальным велели уйти вниз, долой с глаз. Пусть думают, что на кораблях прибыли мирные гости...

Валькинговский водяной клоп подползал все ближе и ближе. Если бы тамошний предводитель привык самостоятельно рассуждать, он бы наверняка удивился и призадумался, встретив два больших парусника, сопровождаемые тучей мелких скорлупок. Но на сторожевом корабле было не более двадцати человек — а предводители двадцаток в терциях Бриеллы не очень-то приучены думать. Итак, они приближались, ни о чем не подозревая, пока Микалегон не вскочил на ноги и не проревел боевой клич. Тогда они попытались отвернуть назад или прикрыться щитами, но поздно: смертоносный дождь стрел настиг почти всех. А кого не настиг, тех прикончили копья и короткие мечи вольных рыбаков, выскочивших из засады.

Вожди снова собрались на палубе «Драгга»... За плечами была победа; закат поджигал изорванные, быстро летевшие тучи, обещая добрую погоду назавтра.

Сперва говорили в основном мореходы — Микалегон, Эрб и кормчие Скогаланга. Все они сходились во мнении: на Джентебби идти нельзя, даже если переменится ветер. Нужно было чинить сломанную мачту, «Драггу» требовалось килевание для устранения течи, и потом, мелкие шлюпки...

— В общем, вы предлагаете пойти к валькигам в Наарос и сдаться, чтобы спасти свои шкуры! — едва дослушав моряков, взвился Плейандер. — По-моему, здесь смердит трусостью!..

Микалегон зарычал и потянулся к мечу, но Эйрар встал между ними.

— Говори что хочешь, я не буду спорить, — сказал он Плейандеру. — Во имя нашего союза, господин Звездный Воевода, — если мы надумаем поссориться с тобой, мы уж подождем более достойного повода, чем одно случайное слово, брошенное вгорячах. Государь герцог всего лишь сказал, что продолжать плавание невозможно. Можешь называть это трусостью, если больно охота. Но давайте лучше подумаем, а нельзя ли провести их, как тогда в Малом Лектисе? Если постараться?..

— Надо будет очень стараться, — буркнул Плейандер. — Вы что думаете, — они до скончания века не хватятся сторожевого корабля и стражи на нем? Клянусь Колодцем, удивительные все же люди вы, северяне! Все никак не поймете, что война — это кровь, смерть и разрушения! О чем бишь мы клялись тогда на пиру?..

— Что-то насчет карренного дворца, подметенного бородами, но причем здесь это? — сказал Рогей. — Или вы в самом деле настаиваете на том, чтобы идти в Каррену? Вам случалось называть меня опрометчивым, но предлагать такое плавание, когда мы не в силах добраться даже до Джентебби — что это, если не опрометчивость вдвойне?

— Позволь мне, Рогей, — попросил Эйрар. — Значит, Воевода Плейандер, ты считаешь, что мы не сможем войти в Наарос под каким-нибудь ложным предлогом — например, за помощью? У тебя, наверное, есть другой план?

— Есть! И в тысячу раз лучше! Скоро ночь: я думаю, они допоздна не беспокоятся, куда делся корабль. Давайте тем временем сойдем на берег и двинемся по дороге. Нападём на город и возьмем его штурмом! Снимем с нашего корабля сломанную мачту и высадим ворота, как тараном...

Герцог Микалегон сгреб в кулак бороду:

— Он прав! Уловки, хитрости... не по-мужски как-то.

Альсандер проговорил задумчиво:

— Мы вырезали целую децию, когда нас было едва шестьдесят. Теперь нас четыреста с лишним. В городе же, я думаю, вряд ли больше четырех деций...

У Рогей загорелись глаза, а Эвименес прищелкнул пальцами:

— И ночь поможет нам застать их врасплох!

— Ну что ж, друзья, — сказал Эйрар, — кажется, все мы более или менее согласны, что настало время дерзнуть — тем паче, что иного выхода у нас, в общем, и нет!

— Именно так, клянусь Богом! — кивнул Микалегон.

— Воевода Плейандер, — улыбнулся Эйрар, — согласись, что это не есть признание в трусости!

Карренец тряхнул головой и протянул герцогу руку, морщинки у рта сложились в ухмылку. Все поднялись с мест: следовало поспешить.

Прослышав о замысле полководцев, воины забежали так, как если бы и не было нескольких дней изнурительной борьбы со штормом. Торопливо сжевав по куску холодного мяса, люди хватали оружие и выходили на берег. Никто не желал оставаться стеречь корабли — пришлось Эйрару своей властью назначать и воинов, и командира. Его выбор пал на Эрба, и Эрб едва не заплакал.

Они выбрались на каменистый берег бухточки, в которой стояли, и с немалыми трудами вытащили обломок мачты сквозь лесок на дорогу, что вела берегом из Наароса в Скогаланг. На суше шторм пролился дождем: грязь была по колено.

На дороге люди кое-как построились. Посередине, освещенная факельным светом, двигалась мачта. Тащили ее скогалангские лучники — все равно от их луков в потемках проку было бы немного. Вольные рыбаки, Эйраровы копыеносцы, смешались с пешими карренцами, похожими в своих латах на раков, выползших на сушу.

Воины долги шли по раскисшей темной дороге... Идти было нелегко, и Эйрару, шагавшему среди первых, начало уже казаться, что первоначальный запал понемногу стал пропадать, сменяясь усталостью. Но когда за очередным поворотом дороги, огибавшей рожицу, на расстоянии полета стрелы впереди показались стены Наароса — сердца вспыхнули заново.

Поодаль, на скале, маячила цитадель, а прямехонько перед ними были юго-восточные городские ворота. В цитадели горели огни, но стена и ворота тонули во тьме...

Черная людская река хлынула по дороге к воротам. Кто-то у подножия стены издал тревожный крик, и сверху тотчас послышалось:

— Кто идет?..

— Призрак Бордвина — пришел за Рыжим Бароном!.. — завалил в ответ Рогей. Воины отозвались слитным, яростным криком, и несшие мачту бегом пустились вперед. Внешний портал защищала легкая решетка; она рухнула со скрипом и звоном, и они ворвались под арку ворот. Наверху кто-то отчаянно приказывал нести факелы, звать стражу, лучников и копейщиков. Под аркой было темно, как в погребке. По сторонам едва виднелись бойницы. Эйрар сразу поставил возле них людей с копьями, наказав немедленно бить, если внутри появится свет или хоть кто-то пошевелится.

Скогалангцы с мачтой на руках сгрудились, тяжело дыша.

— Раскачивай! — крикнул Плейандер, и ворота потряс могучий удар. — Раскачивай!..

Почти невидимое в темноте, тяжелое бревно отползло назад и вновь обрушилось на доски ворот, расплющиваясь с конца и брызгая щенками. Кто-то свалился, не устояв на ногах. Крепкие ворота застонали, но выдержали. А по ту сторону уже слышались невнятные крики, откуда-то раздавалось «А-пакс!», топот бегущих ног и удар камня, брошенного сверху.

— Еще раз!.. А ну, все вместе! — заорал Плейандер что было мочи, и его голос эхом отдался под камедным сводом. — Вас что, зайчихи рожали? Раскачивай!..

Мачта с треском обрушилась на ворота. Доски и запоры вновь устояли, но вот петли не выдержали и с пронзительным визгом вырвались из дерева. Ворота перекошились и повисли. Дейлкарлы, Вольное Братство, карренцы, спотыкаясь и торопясь, друг за другом вывалились из тьмы каменного коридора в уличную темноту.

Эйрар выскочил наружу чуть ли не первым. Он не успел даже обнаружить меч, когда кто-то кинулся на него справа. Эйрар увернулся, отделавшись раной в ногу. Пожалуй, ему пришлось бы плохо, но тут рядом с ним вырос Микалегон. Огромная секира герцога коснулась правой руки нападавшего и вмиг ее отсекла. Кровь хлынула фонтаном...

— Что смотришь? — сказал герцог. — Руки нет!

И валькинг стал оседать наземь, а Эйрар кинулся дальше с боевым кличем Дейларны:

— Улла-улла!

Слева мелькнули ступени, они вели наверх, на стену — пускай Плейандер заботится о них и со своими латниками занимает надвратные башни. Большая часть нападающих, возглавляемая Эйраром, Рогеем, Микалегонем и Отделем, ринулась по городским улицам вперед. То тут, то там слышался лязг оружия: это лучники валькингской стражи сбегались на шум. Но их было слишком мало, да и что они могли поделать против хорошо вооруженных, отчаянно смелых людей? Знамена Кошки, карренской Выдры и Морского Орла Ос Эригу плыли по улицам все дальше вперед, а в домах распахивались ставни, и на клич «Улла!» со всех сторон откликалось многословное: «Улла!»

— На главную площадь!.. — крикнул Рогей.

— А то куда же еще!.. — отозвался Эйрар.

Там возвышалась статуя короля Аргименеса: бронзовый король держал в руках старый меч, поднятый из земли его плугом. Размахивая факелами, на площадь со всех сторон стекались толпы горожан. Казалось, они еще наполовину не верили, что в Наарос пришли восставшие дейлкарлы, кто-то гадал: «А может, это валькинги придумали какую-то хитрость?..» Разложили костер, взвившееся пламя ярко осветило знамена, и сделалось ясно, что нет никакого обмана, и тут уж на площадь повалил чуть не весь город, кое-кто — даже с запрещенным при валькингах оружием, извлеченным из тайников. Люди плясали при свете костра, целовали незнакомых воинов, горланили полузабытые старинные боевые гимны:

С этою песней мы вышли в поход, с Волком Дейларны шагаем вперед.

Выше знамена! Велик наш Господь!

Трепещет язычник, узнав, что дейлкарлы вышли в поход!

Немало жестоких дел совершилось той ночью в Нааросе. Рушились взломанные двери, летело на улицу выброшенное из окон имущество — валькингских «союзников» вытаскивали из теплых постелей и в лучшем случае нещадно секли. Не раз и не два Эйрару пришлось вмешиваться, удерживая толпу, потому что Микалегон с Рогеем, казалось, одичали и захмелели от крови, да и карренские Воеводы выглядели не лучше. Наконец, Плейандер остыл в достаточной мере, чтобы подумать о все еще не захваченной цитадели на вершине горы. Собрав сколько-то латников и вооруженных горожан, он расставил их вдоль частокола, который в обычные дни прикрывал цитадель от города, а теперь — защищал город от крепости, вдруг ставшей враждебной.

Потом отправили гонца за Черным Галлилем. Еще один гонец отправился к кораблям, где под охраной Эрба оставались женщины, с наказом привести все суда в городскую гавань, но ни в коем случае не спешить с высадкой на берег...

...Под утро Эйрар с некоторым изумлением увидел себя творящим суд и расправу у подножия статуи короля Аргименеса. По обе руки молодого вождя сидели наиболее уважаемые горожане из числа носивших Железное Кольцо. Эйрара избрали судьей после того, как он закричал; «Не сметь!» и созвал воинов на подмогу, так и не дав разъяренным нааросцам вздернуть какого-то малого прямо на статуе: люди утверждали, что это был подкупленный валькингами предатель.

Суд шел долго. Эйрар продрог и смертельно устал, и кто-то, заметив его состояние, сунул ему в руку маленькую кружку. Напиток обжег горло.

— Давайте следующего, — сказал Эйрар.

— Вот Лавен Хавальдсон по кличке Болтун. Он был в войске «союзников» в битве у дамбы, когда разбили салмонесцев.

— Кто утверждает, что Лавен — «союзник»?

— Я! — вышел вперед какой-то мужчина, но к уху Эйрара склонился один из горожан:

— Это шурин Лавена, а тот здорово не ладит с женой.

— Посадить Лавена под замок, — приговорил Эйрар. — На два дня. Пусть он предстанет перед

обычным судом, если за это время найдутся свидетели.

— Я готов свидетельствовать здесь и сейчас!.. — закричал обвинитель.

— Каким это образом, интересно? — спросил Эйрар. — Ты что, сам был среди «союзников» в той битве?

Зрители засмеялись и засвистели. Лавена увели, а на его место вытолкнули другого, по виду — сущего валькинга.

— Я действительно валькинг... но я — мирный торговец шерстью из Мариаполя! Я ни в чем не виноват! — оправдывался этот человек. — Мое имя Морарден, я приехал по делу...

Кто-то крикнул:

— По шпионскому делу!

— Он действительно покупал шерсть, и притом неплохо платил, — возразил другой. Казалось, разбирательство зашло в тупик, но тут появился Рогей и пристально взгляделся в лицо обвиняемого при свете огня:

— А ведь мы встречались прежде, приятель! Только тогда ты был у виконта Изелэ дезерионом. Я видел тебя во время казней в Мариаполе! А потом — в доме у нашей общей подруги, откуда ты, помнится, сбежал без камзола и без значка, который я все еще храню... — и поднял кружку с вином: — Я пью за твою шею, ибо ей недолго осталось носить голову. Вождь Эйрар! Это валькинг и воин, а значит, несомненный шпион. Я свидетель тому!

Эйрар приказал коротко:

— Обезглавить.

— Я делал это не по своей воле! — закричал валькинг. — Я подчинялся приказу! Дайте мне по крайней мере священника...

Его поволокли прочь, и Рогей засмеялся ему вслед, Эйрару показалось, будто в толпе мелькнул один из сыновей Виклида. «Что сказал бы старый сосед, увидев меня здесь!» — пронеслось в голове. Но почти тотчас Эйрар обо всем позабыл: тыча копьями в спину, вперед вытолкнули еще двоих... стало трудно дышать, а три бессонные ночи так и навалились на плечи страшной усталостью. Перед ним стоял Эльвар Эйрарсон. Отец, зачавший, вырастивший и воспитавший его. А подле отца — Толо, его, Эйрара, дядя.

Эйрар медленно поднялся. Он качался от изнеможения, раненая нога затекала болью и казалась чужой. Понемногу светало, и он впервые заметил, что его одежда была сверху донизу измарана кровью и грязью.

— Хватит с меня на сегодня, — сказал он. — Эти двое — мок близкие родственники, а где тот судья, который способен беспристрастно судить собственную родню?» Слушайте, есть здесь в Нааросе, наконец, хоть какая-нибудь кровать?

35. НААРОС. «Я СВОБОДЕН!»

— А ведь я всегда старался быть тебе хорошим отцом, Эйрар, — сокрушался старик. — Грех вымолвить, но я рад, что твоя мать не дожила до этого дня и не видит, каким ты стал. Она бы не вынесла...

Он сидел горестно сгорбившись, в порванной одежде, жидкая борода жалко торчала. Эйрару казалось, что отец совсем поседел и как будто стал меньше с того дня, когда они в последний раз виделись. Однако манера говорить была прежней. Эйрара снедало волнение, он не мог понять почему, потом сообразил и почти рассердился: он, как мальчишка, все еще ждал отцовской оплеухи, которая могла вот-вот последовать. Он сказал:

— И охота тебе из меня делать злодея? Будь я на самом деле злодеем, ты бы тут навряд ли сидел!..

Эльвар Эйрарсон положил руку на стол — старческую, морщинистую руку. Обтянутые кости и бугры вен казались рельефом горной системы.

— Ах, сынок, сынок, ты еще слишком юн, чтобы что-нибудь понимать. Ты полагал, что я поступаю неправильно, отказываясь от борьбы за Трангстед. Но посмотри, куда завела эта борьба тебя самого! Ты объявлен вне закона, ты стал изгнанником. Ты ведешь открытую войну против нашего доброго графа. Ты проклят Империей, и я сомневаюсь, что даже Леонсо Фабриций, при всем том влиянии, которым он пользуется в Бриелле, сумеет выхлопотать тебе прощение...

— Да не нужно мне ни его прощения, ни чьего-то еще! Мы как раз намерены истребить и Фабриция, и всех прочих — в том числе твоего доброго графа, чьим именем убивают детей!

Старец испустил тяжелый вздох человека, которому досталась ноша не по плечу.

— Эйрар, сынок, поверь мне: тебе следовало бы поговорить со священником... а может, и самому пожить какое-то время в монастырской тиши. Неужели ты не знаешь, что все эти рассказы об убийствах — всего лишь лживые слухи, распространяемые злыми людьми, с которыми ты связался? Людьми, способными попать Мир Колодца, вроде тех, с Ос Эригу, ведь это ворье с мечами в руках. А чего стоят мятежные карренцы, которые желают восстановить в своих городах прежние, скверные законы, согласно которым и власть и все блага принадлежали горсточке избранных, а у народа не было никакой защиты от вымогательств!..

Эйрар невольно фыркнул.

— А по-моему, сударь, — сказал он, — при Вальке этот самый народ тоже не так чтобы уж очень свободен!

— Свободны все те, кто не противится могучей волне, несущей нас в счастливое завтра. Прочие же суть предатели, предатели своего народа и всего рода людского. Эйрар, сынок, дай же твоему отцу убедить тебя! Я рассорился с друзьями, я многое потерял, — но все ради тебя, ради того, чтобы тебе нашлось местечко в новом, будущем мире, где валькинги и дейлкарлы сольются в единый народ. Не разрушай же мою последнюю надежду, надежду всей моей жизни... с тех самых пор, как ты был ребенком...

«Бриелла!..» — подумалось Эйрару с угрюмым отчаянием. Он вспомнил, что его ждало еще множество дел. Он оглядел маленькую комнату с каменным полом и сказал:

— Ты — мой отец, и я люблю тебя не меньше, чем мама. Я еще загляну к тебе. За дверью стоит стражник — он не даст никому обидеть тебя...

— Но не позволит и выйти, — развел руками старик.

Сто забот навалилось на Эйрара... Прибыл Черный Галлиль, как всегда мрачный. Зато всех веселее на совете вождей был, Плейандер: он уже предвкушал, как рассказ о его удачном командовании при взятии Наароса облетит весь белый свет и, пожалуй, затмит знаменитую засаду у стен Полиолиса, которой Звездные Воеводы были в немалой степени обязаны славой. Альсандер был настроен не столь радушно, он хмурился и задавал вопрос за вопросом. Когда Галлиль высказался в том духе, что их подвиг, чего доброго, подвергнет городской люд определенной опасности, Альсандер согласно кивнул головой:

— Пожалуй. Но не станем забывать, что война — это пожар. Если без конца осторожничать, недолго все заморозить! Давайте-ка отбросим сомнения и поговорим о завтрашнем дне...

— Клянусь честью! — немедленно подхватил Плейандер. — Надо бросить клич и созывать местное ополчение! Мы владеем морем, а теперь еще и кубышкой богатого торгового города. С ее помощью...

— Кстати, о кубышке, — сказал Эвименес. Мы с братьями были вам верными союзниками и, сколь мне помнится, ни разу даже не намекали на те посулы, что привели нас в ваши северные края. Но теперь вы, дейлкарлы, конфисковали имущество несогласных и хорошо набили кошелек. По-моему, самое время поговорить о плате!

Все посмотрели на Алясандера. Тот отвел глаза, но не возразил ни словом.

— Мое слово — нет, — сказал Рогей. — Конечно, не в смысле самой платы, Воевода Эвименес: я ведь участвовал в заключении того договора и уж прослежу, чтобы он был исполнен по чести, так что не сомневайтесь. Но сегодня надо обдумать более насущное — нашу войну. Я к тому, что нельзя сидеть здесь и ждать, пока они нападут. Нас же попросту измором возьмут в конце концов! Я считаю, пора поднимать Железное Кольцо — весь Скогаланг, Хестингу, Белоречье. Когда-нибудь это все равно пришлось бы сделать, а вряд ли нам представится случай благоприятнее нынешнего, ведь главные силы наших врагов все еще на севере! И господин Ладомир там, за морем, нас поддержит!

Долговязый Эрб кашлянул, привлекая внимание.

— Господа, я не Бог весть какой мыслитель-стратег... только вот думаю, надо нам двигаться на Джентебби, как собирались. Где ж нам войско-то взять, чтобы справиться с такой уймащей терций?

— Не знаю, как тебя звать, но молвил ты верно, — сказал Черный Галлиль.

— Нас все-таки мало! Мы могли бы славно пощипать их среди лесов Скогаланга или в горах Кабаньей Спины... но что будет с этим городом? С Нааросом? Ох, чует мое сердце, немало голов сгниет на пиках за воротами, прежде чем мы расхлебам все, что вы так необдуманно заварили...

До сих пор Эйрар слушал молча. Он хотел возразить на эти полные отчаяния слова, но государь Ос Эригу опередил его:

— Ну и здоровы ж вы, дейлкарлы, переливать из пустого в порожнее! Просидели добрых полдня, и ни звука о деле! А еще вы великолепно умеете без толку растратить любую выгоду. Вы захватили великий город, к вашим услугам все его сердца и все руки, каждый житель готов костями лечь, а помочь вам его удержать! Господи! Ос Эригу продержался сто лет, а мы и не слыхивали о подобном!.. — И герцог возмущенно высморкался в два пальца. — А все почему? Да потому, что мой прапрадед послал к дьяволу советы и совещания и стал сам распоряжаться в крепости, оставив своим людям одно право — выкатываться вон, когда надоест. Вам необходим герцог, верховный вождь, который станет вами, болтунами, командовать. Что до меня... Я уже не таков, каковы были мои предки, а посему вот вам мое слово: никто не справится с этим делом лучше одного молодого парня по имени Эйрар. Я уж молчу о том, что через него вы, может статься, заручитесь кое-какой поддержкой Империи — зря, что ли, он все сшивается около маленькой принцессы, как ее там...

— Да Бог с вами!.. — испугался Эйрар, но карренка Эвадне тотчас перебила:

— В нашей стране не принято избирать единоличных правителей, чтобы они не превращались в тиранов... как Стенофон. Наш мудрый закон дает каждому право голоса в тех вопросах, которые касаются всех. За исключением случая, когда мы уступаем мнению знатока — вот как мнению Плейандера по части осады...

— Поистине мудро... для карренцев, — не без яда заметил Рогей, и Эйрар понял, что тот был согласен с предложением герцога. Но, оказывается, Микалегон высказался еще не до конца.

— Вот послушайте, — продолжал он, избегая задиристой манеры Рогей. — Я вам прямо скажу. Только что у нас шла речь насчет платы карренцам на службе Дейларны. Все правильно, договор есть договор. Думается, однако, — когда наемник начинает указывать хозяину, как тому поступать, он тем самым превращается в тирана... и дело не в том, одна у него голова или четыре. Верно я говорю, старый Мешок Костей?

Альсандер кивнул, хотя и немного обиженно:

— Кое в чем ты прав, хотя... — и замолк, ибо Галлиль поднял руку, стремясь что-то срочно сказать:

— Все это сущая правда, и я отнюдь не сомневаюсь, что вождь Эйрар — полководец не из последних. Никто не отрицает ни его благих намерений, ни его искусства... Но есть загвоздка, и не маленькая. Его отец — валькингский «союзник». Железное Кольцо никогда не согласится признать его герцогом. Я предлагаю Рогей!

Мелибоэ сидел здесь же, за столом. Он прищурил глаза и собрался говорить, но Рогей опередил его:

— Насчет меня им соглашаться и не придется. Не буду я герцогом, и все тут! Эйрар среди нас — самый удачливый. Люди идут за ним всего охотней. Он не замешан ни в каком соперничестве и вдобавок смыслит кое-что в колдовстве. Послушайте же меня: я, Рогей из Мариолы, клянусь верно следовать за Эйраром Эльварсоном до конца этой войны — и дольше, сколько потребуется. Клянусь от своего имени и от имени Железного Кольца Мариолы — кроме города Мариополя, который не входит в мое представительство. Ну? Кто со мной?

И он вложил руки в ладони Эйрара, и у того гулко стукнуло сердце.

— Клянусь от имени Норби, — сказал Оддель.

— А я — от островов Джентебби, если только я полномочен, — сказал Эрб. Тут поклялся и Галлиль, но глаза его бежали беспокойно. «Ревнует, наверное, — подумалось Эйрару. — Или вспомнил, как собирался пытать меня тогда...» Вслух он сказал:

— Я плоховато знаю, что делается окрест. И раз уж вы выбрали меня герцогом, я должен первым делом назначить наместника, чтобы он вершил суд и управлял Вастманстедом и городом Нааросом. Пускай им будет Галлиль.

Галлиль заметно приободрился. В конце концов, предводителем он был совсем не плохим.

Послали за медом и кружками и выпили за Кольцо и за клятву, а потом Эйрар стал излагать свой план военных действий, предварительно испросив у всех помощи и совета.

— Я думаю, Микалегон прав насчет Наароса. Если мы сдадим его, это оттолкнет всех сомневающихся в лагерь врага. Но что касается осады... Государи мои, мы воюем ради того, чтобы дать жизнь Дейларне. Оставаясь здесь, мы ее погубим. Город неминуемо будет разрушен, а его жители наверняка пострадают. Нельзя этого допустить. Если уж драться — пускай люди идут в бой только по собственной воле!

— Хорошо сказано, — согласился Альсандер. — Но я бы еще добавил, что на поле боя Бриелла невероятно сильна; хорошо бы нащупать слабое место. Что ты можешь предложить?

— Покамест, — ответил Эйрар, — точно не знаю. Разве что вот какое соображение. Я всегда замечал одну штуку... с тех еще пор, как мы шли с герцогом Роджером через Марскхаунскую дамбу. Когда валькинги строятся для боя, легковооруженные у них идут с легковооруженными, а тяжеловооруженные

— с тяжеловооруженными. А мы все еще порываемся строиться по провинциям. Если я в самом деле буду вождем, я с этим покончу. Тем более, что у нас есть славные полководцы для войск любого рода. Я хочу назначить Рогей старшим над всеми лучниками и легкими копейщиками, из каких бы мест они ни были родом — из Скогаланга или Мариолы, Джентебби или Корсора. Эвименес пусть возглавит конницу: я видел, как он с ней управляется. Ваших латников можно поставить командирами отдельных отрядов. Что же до тебя, государь Микалегон, я рассчитываю, что ты поведешь тяжелую пехоту, которой мы еще, я надеюсь, обзаведемся: копейщиков, секироносцев...

— А брат Плейандер? — спросил Эвименес.

— И для него найдем дело. Вы замечали, как во время боя, когда их атакуют всадники, валькинги сбиваются в плотные кучки и выставляют щиты — прямо крепости, да и только? Я подумывал было использовать против них лучников, но не кажется ли тебе, Воевода Плейандер, что можно бы соорудить машины вроде тех, что ты строил на стенах Ос Эригу, только полегче, притащить их с собой в поле и нацелить на эти живые крепости?

Тут снова все заговорили разом. Кого-то интересовало, как Имярек из Скогаланга — большой мастер

драться секирой — станет чувствовать себя под началом герцога Микалегона, прежнего врага его страны. Большинство хвалило Эйрара, сразу показавшего себя дельным военачальником. Однако Черный Галлиль, как всегда, не замедлил вернуть всех с неба на землю, заметив:

— Прекрасно, прекрасно. Мы почти уже повесили Валька неразумного на воротах его собственного дворца. Где бы только взять то замечательное войско, которое вы тут так бойко делите между собою и отправляете в бой?

Начались подсчеты. Четыре сотни, если не более, прибыло на кораблях; Галлиль, впрочем, полагал, что оружием они владели не Бог весть как здорово. Если будет объявлено о восстании, Наарос, столица Вастманстеда, выставит вчетверо больше воинов, притом первоклассных, и еще сколько-то — менее опытных. Зато в самом Вастманстеде добрых воинов нынче было немного, ибо валькинги почти повсеместно разорили и согнали с земли здешних крестьян. Мариола так натерпелась от Изелэ, что, хотя Железное Кольцо там еще дышало — но и только. Скогаланг считается малолюдным, но тамошний народ так привык к оружию и охоте, что каждый воин из тех мест поистине стоил двоих. В случае восстания Скогаланг обещал мигом прислать тринадцать сотен, а попозже — и того более. А вот что делалось на Джентебби, никто толком не знал. За вею зиму оттуда в Наарос не пришло ни единого рыбацкого корабля.

Подобное войско наверняка могло одолеть одну терцию. Или две, если возглавляющий их барон по глупости даст себя заманить в нужное время в нужное место.

Полководцы начали переглядываться...

— А что если, — предложил Эйрар, — взять ту силу, которую мы сможем собрать, и по северному большаку вывести ее в Белоречье?.. Среди теснин и оврагов и малым числом можно многое сделать... К тому же и Белоречье должно откликнуться на призыв и выставить хоть сколько-то латников. По крайней мере второй терции не надо будет бояться.

Кто-то спросил:

— А ну как они в это время двинут на Наарос кружным путем через Марскхаун, Мариаполь и по дороге вдоль южного берега?

— Хестинга предупредит нас.

— Не так, — сказал Эйрар, и им пришлось подождать, пока он облечет словами мучительно рождавшуюся мысль. — Нет, Хестинга тоже должна восстать... разделить общую долю. Альдандер прав... надо думать о решительной битве, а я не вижу, как победить без сильного конного войска. Потому что в пешем строю ни числом, ни воинской выучкой нам с ними не равняться. Война для них — жизнь...

— Почти все это я уже слышал когда-то давным-давно, — сухо заметил Галлиль. — В этом самом городе, в гостинице «Старый меч». Вот только мысль о том, чтобы поднять срединные провинции, была отброшена — и притом с вескими основаниями. Похоже, мы ошибались тогда!

Чародей Мелибоэ проговорил как бы про себя, но достаточно громко, чтобы быть услышанным:

— Ты, сударь мой, хотел съязвить, однако попал в точку. Когда кто-то совершает ошибку, ситуация непременно возникает вновь — в этом мире или в ином — и так до тех пор, пока не получит правильного разрешения. Вот почему нам порой кажется, что история повторяется. Бог, или Боги, желают, чтобы народы и люди достигли духовного уровня, на котором творят они сами, а он столь высок, что там нет места ошибкам. Ныне пробил час вам, людям Дейларны, исправить ошибку, приведшую много лет назад к поражению в Красных Холмах: в той битве купцы не желали стоять рядом с крестьянами. Надлежит искупить и другую ошибку, более позднюю — когда все должны были дружно откликнуться на зов Мариополя, но не откликнулись. Точно так же и мне, стассийцу, приходится отдуваться за то, что когда-то я посчитал державу Валька провозвестницей будущего... Но что это за Боги, я не имею права открыть... — Его голос перешел в бормотание и смолк.

Перед мысленным взором Эйрара мгновенно встали Гитона и Аргира... А Рогей уже говорил что-то о том, что, дескать, не было такой уж нужды пороть горячку с походом в Белоречье, поскольку Вальк в Малом Лектисе хорошо если через месяц узнает о падении Наароса, а тем временем можно многое предпринять:

— Я про тех ребят, что сидят там наверху, в цитадели. Может, выпустим их оттуда, и пусть бы убегали к своему графу на корабле, да еще донесли ему, что-де мы — просто шайка пиратов. Вот бы он примчался карать нас с малыми силами, а еще лучше — прислал какого-нибудь мелкотравчатого барона, мы бы его и скушали с потрохами. А?

— Ох, сомневаюсь я, чтобы удалось так легко провести виконта, командующего в цитадели, — заметил Микалегон, но Эйрар решил, что попытаться все-таки стоило. На этом предводители разошлись: военачальники

— набирать войско, устраивать смотр ополчению, а Эйрар — проведать принцессу Аргире, которую он не видел со времени высадки с кораблей.

Оказалось, однако, что Алясандер поспел прежде него и уже беседовал с Аурией — вернее, говорила в основном она и без конца жаловалась на Эрба:

— Ну до чего неотесанный мужлан!..

Послушав немного, Эйрар заерзал на месте, поражаясь про себя: «И как только Алясандер выдерживает?..» По счастью, русоволосая сестра заметила его состояние и увела его прочь от камина, где сидели те двое, к высокому створчатому окну. За окном виднелось зеленое дерево, усыпанное розовыми цветами: Наарос отвел царственным особам покои, вполне соответствовавшие их титулам. Аргира сгорала от нетерпения послушать его рассказ, и он с удовольствием поведал ей обо всем, только задом наперед. Сначала о том, что его избрали герцогом, и теперь он возглавлял борьбу против Валька и спадариона Стенофона — об этом последнем Эйрар упомянул не без тайного умысла... Но пока он говорил, ее радость как будто пригасла. К концу рассказа она сидела совсем тихо, сложив руки на коленях, и вздыхала, хотя за окном цвела и благоухала весна.

— Я что-то сделал не так?.. — спросил он осторожно.

— Откуда мне знать?.. Я просто подумала о том человеке, которого ты велел казнить... там, на площади. Должно быть, у него не нашлось сына, который бы его защитил? Он ведь провинился не больше, чем твой отец...

— Ты хотела бы, чтобы я отправил родственника на плаху?

Расстроенный, он собрался подняться, но она его удержала:

— Нет, нет, конечно же, нет... Ты сам знаешь, что я бы этого совсем не хотела. Но закон, который за равные преступления одних казнит, а других милует, это... несправедливый закон. Это — Каррена!

— У нас полагают, — сказал он, — что, каким бы ни был закон, первый долг каждого — перед теми, кто дал ему жизнь.

— О да, — отвечала Аргира. — Там, где любовь, нет нужды в законах. Законы существуют, чтобы удерживать людей от деяний, в которых нет места любви. И все-таки... мне кажется, жестоко вот так обрывать жизнь человека, который всего лишь исполнял долг перед своим графом и государством... точно так же, как Эльвар Эйрарсон — перед своим сыном...

— Да, но мой-то родственник вовсе не предполагал, что совершает нечто наказуемое. А валькинг прекрасно знал, что рискует жизнью, исполняя свой так называемый долг, — начал Эйрар, но вдруг осекся и сказал, промолчав: — Аргира! Я свободен!..

— Рада слышать это — но от кого и от чего?

— Бриелла! Я понял, почему нельзя править так, как правит Бриелла. Я понял, в чем заблуждается мой отец... Ты подсказала мне самую суть. Граф и государство! Но что такое этот их граф, как не воплощение государства? Предполагается, что он служит общей воле народа — как говорил дезерион. Но когда граф и государство действуют заодно, государство из слуги превращается в господина. Потому что, согласно его законам, никто не должен любить своего ближнего или проявлять великодушие без особого на то приказа...

Она поднесла руки к лицу:

— Быть может, ты прав, если только я верно тебя поняла. Мне даже думается, что и с Колодцем

Единорога та же история. Он принес только счастья и благоденствия людям, когда был обретен. А теперь его просто чтут, и никто не задумывается, — чем же, собственно, он так хорош. Но лучше бы ты поговорил об этом с сестрой, в политике мне до нее далеко...

Это был приказ. Пришлось Эйрару оставить дальнейшие рассуждения, уже просившиеся с языка, и завести речь о вастманстедской весне и о плясках до рассвета у праздничных костров в ночь летнего солнцестояния:

— Беда только, давно уже никто не жжет этих костров. Видишь ли, наш священник был валькингом и полагал, что от подобных празднеств пахнет язычеством Дзика...

36. НААРОС. ДОЛГ

Все произошло так, как и предсказывал Мелибоэ. Засевший в цитадели виконт вовсе не рвался выводить оттуда воинов: в ответ на предложение начать переговоры полетели копья. Не ошибся и Галлиль — стоило объявить о всеобщем восстании, Наарос поднялся, как один человек, от вооруженных дубинками подмастерий, которых надо было учить азам обращения с оружием, и до бывалых купцов, которым случалось сражаться, отстаивая свою жизнь и добро в странах дикого Юга, — каждый из них на мечах вряд ли уступил бы и Эвименесу. Маловато было только оружия, так что все кузницы в городе работали допоздна, а в канатных рядах усердно плели тетивы для луков и тяги для новых боевых машин Плейандера. Плейандер собирался опробовать их, стреляя по цитадели.

Военные приготовления шли своим чередом. Гонцы с севера докладывали, что никаких перемещений валькингговских сил там не замечалось. Зато каждый день прибывали все новые воины из Скогаланга — с луками и колчанами, переброшенными за спину, в стальных шлемах и с маленькими серебряными свистками, на которых они наигрывали боевые песни, шагая в распахнутые городские ворота.

Вастманстед тоже присылал воинов. Они приходили по двое, по трое — люди средних лет, мужественные крестьяне, зубами державшиеся за свои хутора, а теперь оставившие их ради великой битвы с врагом. Они приходили в полном вооружении, иные — седоголовые, хорошо помнящие сражение в Красных Холмах.

Мариоланцы подросли без промедления, как только весть о восстании проникла за Спанхавид. Оборванные, с суровыми лицами, почти безоружные, они рады были бы штурмовать нааросскую цитадель и голыми руками придушить каждый по валькингу: этим людям пришлось многое вынести. Эйрар направлял их к Микалегону, в ту часть войска, которой в бою предстояло принять главный удар; грубый, громогласный герцог пришелся изгнанникам как раз по душе.

К исходу третьей недели вернулся корабль, посланный на Джентебби. По словам моряков, там царил полный разгром. На Вагее было сожжено полгорода, а суда затоплены в гавани. Рудра, Загребного, сыскать так и не удалось, но корабль все-таки привез несколько человек, которые обнимались с рыбаками из прежнего Эйрарова отряда и такое рассказывали о зверствах Бордвина Дикого Клыка, что мужчины, слушая их, утирали глаза.

Потом прибыли первые посланцы Хестинги — тридцать всадников на горячих конях, все из южного округа. Эвименес сперва зачесал в затылке, глядя на них, — он больше привык к тяжелым латникам Юга, — но потом пришел к выводу, что из них выйдет легкая кавалерия куда там валькингговской, и перестал хмуриться.

Все таверны и постоялые дворы Наароса, все дома были до отказа набиты людьми. А еще через четыре дня мир вообще перевернулся вверх дном.

Как-то Эйрару случилось стоять вместе с другими военачальниками в старой ратуше у стола, засыпанного песком. Карренская выдумка — рисунок страны, вычерченный на песке. Человек, приехавший из Белоречья, водил по столу пальцем, указывая вдоль северного большака наилучшие места для засад:

— Вот здесь, возле Торгстеда... — И тут Эйрару передали, что явилась депутация синдигов Наароса и желала бы побеседовать с ним наедине. Будь Эйрар побольше искушен в политике, он предложил бы синдикам встретиться в присутствии всех. Но он был еще слишком молод и неопытен. Он извинился и пошел к ним.

Их было трое, но говорил в основном один — рослый, роскошно одетый и явно кичащийся богатством. Он все время растягивал губы, пытаясь изобразить добросердечную улыбку, но вполне безуспешно.

Наследник Трангстеда еще не привык чувствовать себя великим вельможей и не успел окончательно избавиться от робости перед такими важными господами. Он усадил их и велел подать ураведийского вина. Поговорили о весенней погоде; затем о том, сколь шумно стало в городе, битком набитом войсками. И вот наконец Богатей (он назвался, но имя его Эйрар немедленно позабыл) перешел к делу:

— Да, герцог Эйрар, много, так много войск... думаете, обществу легко прокормить их? Притом, что

толку от них — никакого, одно беспокойство. А когда они что-нибудь покупают, то сорят деньгами прямо-таки наперебой, и деньги, господин герцог, обесцениваются. И к тому же смотрите, что получается: все они собрались сюда без единого айна в кармане. То серебро, которое они якобы платят, взято в Нааросе же. Никакой выгоды обществу, если не прямой убыток...

— Пожалуй что так, — согласился Эйрар, гадая про себя, куда во имя семнадцати зеленых дьяволов клонил этот хитрец.

— Так всегда, когда воюют, — отпив вина, с похоронным видом продолжал Богатей. — Греют руки только наемники из Додекаполиса и им подобные. Вроде того, как на судебных делах наживаются одни адвокаты...

— Ха, ха, — изобразили веселый смех два его спутника. Эйрар решил побыстрее добраться до сути:

— Наемникам тоже порой приходится туго. Карренцы потеряли брата, а другой брат томится в плену.

— Вот об этом мы и хотели поговорить с вами, господин герцог, — Богатей даже наклонился вперед и коснулся пальцем Эйрарова колена, губы растянула улыбка, сделавшая его похожим на речного дракона: — Видите ли, я старший синдик шерстяной гильдии, а эти господа — главы гильдий кожевников и торговцев вяленой треской. Так вот, хотя их гильдии намного уступают по важности шерстяной, ха, ха, мы с ними сошлись во мнениях, что на нас, старейшинах процветающей нааросской торговли, лежит долг перед этим городом, да и перед всей Дейларной, а именно — чтобы торговля процветала и далее, чтобы, так сказать, в каждом горшке варилось по курочке, чтобы люди зарабатывали себе и своим детям на жизнь. Мы готовы признать, что правление графа Валька отличалось порядочным вымогательством, я имею в виду налог на стены, рабский труд на мануфактурах... — он простер руку, умоляя Эйрара дать ему кончить: — ...да, весьма даже вымогательское правление, и мы искренне рады, что вы его сбросили. Но нельзя не признать, что граф обеспечивал мир и порядок и не допускал бесчинств... Господин герцог, каждый барышник знает, когда надо прекратить торговаться, чтобы не испортить сделку. Мы не воины, государь Эйрар, мы — коммерсанты и пришли дать вам добрый совет именно как таковые. Не торгуйтесь далее, господин герцог: уверяем вас, сделка будет прекрасна.

— В каком это смысле? — спросил Эйрар, внутренне закипая.

— В самом прямом. Положите конец поборам и человекоубийству. Они выгодны лишь тем, кто необуздан и дик. Мир — вот что всем нужно, мир и спокойствие, когда каждый может сидеть дома, сколачивая состояние в наследство сыновьям. И ведь достичь этого так просто, что я даже удивляюсь, как вы сами не догадались — хотя, может быть, и догадались, только хотите прежде узнать, как воспримет это народ. Видите ли... одна партия провозгласила вас герцогом, но есть и другая, которая очень, очень лестно отзывается о вашем близком родственнике, Толо Эйрарсоне... право, какая жалость, что нынешние беспорядки унесли жизнь господина Фабриция: достойнейший был человек... Верно, графа Валька прозывают Неразумным, но это же только шутка. Поверьте, мы знаем, с какой стороны к нему подойти. Он всегда готов выслушать разумные доводы: с ним можно договориться обо всем, что нам действительно необходимо...

У Эйрара в ушах зазвонили колокола. Какое-то мгновение он колебался — убить их тут же на месте или вытолкать взашей, но вовремя вспомнил, как Рогей с Микалегоном выбирали его вождем — за то, что он был не так скор на ссоры. И он сказал:

— Этот план как-то не приходил мне на ум. Дело серьезное: один я решать не возьмусь, надо посоветоваться с другими. Однако что мы все-таки выиграем? Что даст нам Вальк?

Но Богатей, оказывается, все же заметил, как вспыхнули гневом его глаза и дрогнули губы:

— Зачем без конца советоваться с теми, кто жаждет войны ради войны? Дай им волю, нипочем не допустят мира и тишины, за которую ратует граф. Вы — герцог; поступайте же как герцог. Используйте власть, вам врученную, на общее благо... и при этом учтите, что большинство не способно понять, где оно, это благо. Если же вас интересуют подробности, извольте. Мы почти уверены, что удастся выговорить отмену налога на стены. Вполне возможен и декрет, ограничивающий число рабов на мануфактуре или в поместье. Понимаете ли, граф придерживается древних воззрений валькингов, согласно которым первейшая миссия его народа есть завоевательная война. Отсюда масса разногласий с канцлером

Ланноем и магнатами. Видите, насколько это упрощает нашу задачу? Граф наверняка выслушает нас и с готовностью пойдет на уступки. Кому-то замолвить словечко, кому-то лишний раз пожать руку... и он предстанет перед своим Советом, а вы — перед вашими полководцами, и объявляете, ха, ха, что дело-то уже сделано, ничего не попишешь, и все честные люди с той и с другой стороны благословят вас за избавление от ужасной, кровопролитной, никому не нужной войны. Вы спросите, а что же делать с оружием? Его можно использовать для освобождения некоторых городов Додекаполиса от власти Народной партии...

Эйрар пристально взгляделся в Богатея. Вне всякого сомнения, тот говорил совершенно серьезно.

— И все-таки, — сказал Эйрар, — я избран военным вождем и не могу вот так сразу решиться. Я должен посоветоваться по крайней мере с Мелибоз: он философ, он наверняка подскажет мне правильный путь.

Один из двух спутников Богатея — тот, что был потолще — впервые подал голос:

— Но ведь он объявлен Империей вне закона!..

— Как и я, — сказал Эйрар, радуясь про себя, что сумел хоть отчасти с ними сквитаться. И поднялся, показывая, что разговор кончен.

Но он в самом деле сразу отправился к Мелибоз, и притом в немалом смущении:

— Как же может такое быть, ведь они наслаждаются властью Бриеллы!.. Или просто подстраивают мне ловушку?

Чародею пришлось оторваться от работы над философическим аппаратом — перегонным кубом. Усевшись, он подпер рукой голову:

— Никакой ловушки... если только ты все верно мне передал. Ах, юноша, ну что бы тебе отговориться юностью и наивностью — дескать, еще толком не вылупился из скорлупы? Не теряй этих качеств: они так крепко привязывают к тебе всякого, кто считает себя умным... Синдики? Им не нужна власть ни твоя, ни Бриеллы — они бы хотели сами распоряжаться всем, что для них имеет значение. Они рады будут, если вы столкнетесь лбами и разорвете друг друга. Им бы только говорить и договариваться, ведь в их ремесле главное — переговоры и договоры. Да был бы еще судья в длинной мантии, который бы присуждал награду тому, у кого лучше подвешен язык. Да закон, запрещающий ношение оружия.»

— Так их в самом деле устраивала Бриелла? Изменники, подлецы! И это — Дейларна! А я надеялся...

— Только избавь меня, пожалуйста, от таких разглагольствований. Ты, несомненно, надеялся: не успеет Вальк слететь с трона, и мир обернется раем. Как бы не так! Вы, затевающие войны и готовые к гибели ради высоких идей — вы обречены гибнуть без толку, ибо всегда найдутся другие Вальки, пускай под новыми именами. Да как ты смеешь называть этих людей подлецами? Быть может, Дейларна, о которой мечтаешь ты, столь же ужасна для них, как их Дейларна — для тебя!

— Мы хотим, чтобы каждый был свободен...

— От чего — и ради чего? Да, твой синдик, пожалуй, от тебя не отстал. Он ведь, кажется, говорил об освобождении от налога на стены и о прекращении рабства? А твои родственники, «союзники», хотели бы освобождения от кровавых раздоров? Или тебя прельщает свобода, как понимает ее герцог Микалегон — свобода отбивать добро у людей, которые ему ничего худого не сделали? Нет, нет, юноша, поднимай знамена, вели трубить в трубы, бери города... но только не спеши радеть о благе ближнего, пока этот ближний сам не поймет, в чем оно, его благо. И вообще, ты воюешь потому, что так тебе хочется — вот как я изучаю философию... — До сих пор его голос годился резать железо; неожиданно он улыбнулся. — И заметь: за валькингов я вовсе не заступаюсь. Не выношу их! Долой Валька, говорю я, и я с тобой всем сердцем... И, кстати, есть вещи куда посерьезнее всех твоих ребяческих метаний, вызванных столь же ребяческими угрызениями совести. Ты уже рассказал обо всем остальным предводителям — карренцам, Галлилю и прежде всего Рогею, который свою мать заподозрит в том, что она сама у себя украла молоко из груди?..

— Нет, потому что это означало бы пытки и смерть. Я совсем не хочу, чтобы синдикам или моей родне начали выдирать ногти...

— Вот этого я и боялся. — По лбу волшебника вверх от переносья разбежались морщины. — Будь уверен: твой добрый друг Богатей сам раззвонит о ваших с ним переговорах... если еще не раззвонил. Только он представит все так, будто ты выслушал их вполне благодушно, ни в чем не обвинил и не пригрозил наказать — естественно, потому, что твое семейство замешано...

— Синдики тоже замешаны.

— О нет, мой юный герцог, ошибаешься. Обвинители никогда и ни в чем не бывают замешаны. У них одна цель: свести все к разговорам, в которых они столь преуспели. Ты очень опасен в бою — но и Вальк столь же опасен. Предположим, вы схватитесь, и сильнейший одержит победу: где ж наши синдики? Да они при малейшей возможности попросту свергнут вас обоих и усядутся — Совет против Совета, а золотые ауры будут сиять, как звезды на небе. Вот мир, который им по душе!

Эйрару подумалось: оказывается, он и не представлял себе, как низко могут пасть люди. Но вслух он сказал только:

— Как же не попасться на удочку?

— Ах... — Чародей Мелибоэ потер пальцем нос. — Ты, небось, думаешь, юноша, что я просто так мелю языком. Отнюдь... тебе приходилось уже наблюдать, на что способен, хм, скромный философ. Я помогу тебе средствами магии. Но поскольку граф издал указ, воспрещающий наше искусство, и моя хижина была сожжена, а карлик Коббо убит — мне недостает кое-какого оборудования. Не мог бы ты приказать, чтобы мне доставили некоторые аппараты, могущие отыскаться в Нааросе?

— Не надо помогать мне средствами магии! — сказал Эйрар. — Я должен решить это дело теми средствами, которыми я сам располагаю... иначе решение окажется недолговечным. А насчет аппаратов я прикажу — но только ради твоего удовольствия.

И он распрощался с магом, но тут же за ним снова пришли: оказывается, в устье Наара вошел корабль под императорским стягом. Эйрар поспешил в гавань, и точно: к пирсу швартовался тот самый корабль, на котором отбыл господин Ладомир Ладомирсон. Оказывается, рыцарь успел уже побывать в Хейре и там узнать о взятии Наароса. Он так и сиял: его миссия увенчалась полным успехом. По его словам, во дворце Стассии был созван большой имперский Совет, и на этом Совете он обвинил Сынов Колодца в излишней любви к золоту Валька. Те стали отнекиваться, и тогда он выложил всю правду о страданиях Дейларны под управлением графа, о кровавой резне в Мариаполе, а также о том, чем все неминуемо кончится, если замужество принцессы Аурии состоится, как предполагалось. Брачный контракт был разорван на месте: никто не посмел отстаивать его, опасаясь обвинения в подкупе. Дворяне Скроби освободились от колдовских чар и весьма гневались на то, что кому-то удалось обвести их вокруг пальца. Поговаривали даже о том, чтобы покарать Ванетт-Миллепига. Проклятие Империи было отныне снято с восставшей Дейларны — но не осуждение Колодца, поскольку его Сынам и священникам всякая война ненавистна.

Выслушав местные новости — о том, что Эйрара избрали предводителем армий — господин Ладомир сделался очень серьезен, а вечером попросил о свидании наедине и о том, чтобы во время оно к ним никого не впускали.

Слуга принес кресла, выставил чаши сладкого светлого меда — и удалился. Когда за ним закрылась дверь, старый рыцарь поставил свой кубок, а потом, не слушая возражений, преклонил перед Эйраром колено и поцеловал его руку:

— Мой государь.

— Встаньте скорее! — смутился наследник Трангстеда. И нипочем не желал сесть, пока не сядет господин Ладомир.

— Благодарю вас, вы поступаете благородно, господин герцог... — И рыцарь слегка изменился в лице: — Если только вы останетесь герцогом. Откуда нам знать, как будет ваш выборный титул воспринят законниками Стассии!..

— Какой там я герцог! — сказал Эйрар. — И я совсем не претендую ни на какой титул: я всего-навсего избран военным вождем... и то в основном потому, что все прочие замешаны в каких-то склоках и никак не могут из них выпутаться. Да я это призрачное герцогство хоть завтра с себя сложу!

Рыцарь отхлебнул меда, не сводя с Эйрара глаз.

— Государь, — сказал он. — Вот именно это я больше всего и страшился услышать от вас. Нет, вы не должны, вы не можете, вы... вы не смеете даже думать о том, чтобы однажды в самом деле сложить с себя герцогство! Точно так же, как наш венценосный повелитель, император Аурарис... хотя бы теперь он и правил с помощью регентов и во всем на них полагался...

— Я не собираюсь никем править, да и не хочу, — сказал Эйрар.

— Государь, выслушайте меня... а потом, если будет на то ваша воля, отправьте в вечную ссылку за превышение полномочий. Повторю еще раз: не смейте допускать даже мысли о том, чтобы отказаться от власти, к которой призвал вас Господь, чьи пути столь неисповедимы. Теперь все держится на том, чтобы она, эта власть, осталась в ваших руках и ни в коем случае не перешла в чужие. Рогей слишком дерзок и порой безрассуден, Галлиль и я — слишком стары, Оддель — женат, а вожди Скогаланга — никому не известны. Итак, все зависит от вас: спасение Дейларны, а возможно, и самое Империи от зарвавшихся завоевателей с Бриелльского Пика...

Несмотря на торжественный тон старого рыцаря, Эйрар не смог удержаться от улыбки:

— И весь этот груз вы хотите взвалить на мои бедные плечи? Да неужели возраст — такая уж помеха правителю?

— Государь изволит шутить: признак здравого рассудка... Однако прошу вас поверить мне: я самым серьезным образом утверждаю, что правитель сегодня должен быть молод... и притом не связан брачными узами. Все слышали мой рассказ на пристани нынче утром, но рассказал я не все. Я не имел права рассказывать все в присутствии столь многих ушей — и ртов, разумеется. Достаточно кому-нибудь обронить словечко, способное долететь до Ласии — и наши планы будут непоправимо расстроены. Дело в том, что в решении имперского Совета, отменившего проклятие и замужество принцессы Аурии, есть некий изъян.

— Какой же? — спросил Эйрар ошеломленно: все хорошие вести, привезенные рыцарем, рассыпались в прах на глазах.

Господин Ладомир пожал плечами:

— А как это обычно бывает?.. Совет был неполон — как, впрочем, и тот предыдущий, ныне признанный незаконным. Не было представителей обеих Ласий, Брегонды, Аквилема, хоть они и числятся имперскими. Не было никого из Пермандоса, Бербиксаны, Каррены... да и из Скроби — не все. Созвав подобный Совет, я, вероятно, поступил не вполне достойно и не вполне по-рыцарски: я готов пойти в храм и принести должное покаяние... Но дело-то в том, что, как видите, все может быть с одинаковой легкостью создано — или разрушено. И, пожалуй, будет разрушено, если только мы не пустим в ход верное средство избежать каких бы то ни было придинок. Я говорю о личной связи с Империей.

— Как же это устроить? — спросил Эйрар, и сердце ушаченно затрепетало в груди.

— А вот как. Когда я описал прискорбнейшие последствия, могущие проистечь от брака ее высочества принцессы Аурии с Вальком, его императорское величество сами попросили меня стать опекуном наследников, и Совет дал свое согласие. — Рыцарь раскрыл было кошель, намереваясь достать подтверждающий это пергамент, но Эйрар замахал руками, и он продолжал: — Итак, государь герцог, я предлагаю закрепить будущность страны брачным союзом между вами и принцессой из Дома Аргименеса. Теперь вы поняли, с какой стати требовался именно юный правитель? И неженатый?.. Вы должны навеки стать герцогом!

— Только не с Аурией!.. — вырвалось у Эйрара, но господин Ладомир лишь улыбнулся:

— Не волнуйтесь. Я слышал кое-что, достаточно ясно говорившее о вашем выборе, государь. Итак — мы договорились?

— Да... да, если только она пожелает... — сказал Эйрар и тотчас снова нахмурился: — Однако военная мощь валькинггов никуда от этого не денется — как справиться с ней?

— Не забывайте: в вашей руке будет меч Дома... и вот еще что — вы уж простите, государь, старика,

немало повидавшего на своем веку — как ни печально, остается еще одно облачко на небосклоне... на небосклоне, столь ясном и совершенном во всех иных отношениях...

— О чем вы, господин?..

— Не называйте меня господином: я ваш слуга. Увы, речь идет о ваших сношениях, в словах и на деле, с приспешниками Бриеллы.

Эйрар, наследник Трангстеда, медленно выпрямился.

— Вы говорите о моем отце? Вы хотите, чтобы я приговорил собственного отца?

Господин Ладомир тоже встал. И как ни высок был юный правитель, старый рыцарь все же превосходил его на полдюйма.

— Государь, кто здесь упоминал о каких-либо приговорах? Только не я. И тем не менее: тот, кому мы присягаем на верность, не имеет права давать ни малейшего повода для сомнений. Есть же места, где ваш батюшка мог бы жить в безопасности и покое — острова Джентебби, например... или какие-нибудь укрепленные хутора в Скогаланге...

— Это мой отец, — сказал Эйрар.

— Подумайте хорошенько, государь. Утро вечера мудреней.

И он откланялся, оставив Эйрара перед блистательной перспективой: любовь!.. счастье и слава!.. — и от всего этого отказаться... ради валькингговского «союзника»? И если он вправду откажется — будет ли это в самом деле означать погибель Дейларны? Господин Ладомир говорит, что все зависит от его выбора; а ведь рыцарь сведущ и опытен, как никто. Неужели все бросить?.. Но, с другой стороны, во что верить людям, если он сам?..

«Смотри-ка, сынок, что я тебе принес!» — радостный голос отца, добывшего горную ласку на шапочку мальчугану... смех матери... а как они пели дома, все вместе, строфу за строфой... Первый урок магии, зимняя ночь, звезды над Вастманстедом: «Гляди, вон там скачет всадник, вооруженный дубинкой... а видишь, сынок, как Единорог указывает кончиком рога на маленькую светлую звездочку?..»

57. НААРОС. ДЕНЬ СВАДЬБЫ

И все-таки треволнениям того вечера было суждено померкнуть по сравнению с событиями следующего дня. Эйрар допоздна провалялся в постели, продолжая полусонно обдумывать, как бы все-таки справиться с неразрешимой задачей, что подсунула ему жизнь. Но вот за окном послышались крики, потом в дверь постучали, и Эйрар, поспешно одевшись, отправился в гавань встречать прибывший корабль. Судя по обводам, корабль был из Двенадцатиградья, но не боевой, а высокобортный торговый. Над кормой корабля вилоь знамя, которого никто не смог опознать: зеленый куст, объятый огнем. Вот бросили сходни, и на причал, сопровождаемый трубачом, спустился герольд в форменном плаще и потребовал проводить его к барону Наароса.

— Если тебе непременно нужен рыжий Барон, разворачивайся и мотай в Малый Лектис, — хмыкнул Рогей, с несколькими лучниками вышедший на пирс. — По нашим последним сведениям, он направляется именно туда...

— Тогда проводите меня к виконту!

— Виконта ты, верно, найдешь в цитадели, но я, уволь, с тобой не пойду. Вряд ли меня там ласково встретят!

Герольд был невысок, с острым, настороженным лицом. Он резко, по-птичьи, поворачивал голову туда и сюда и даже морщил нос, точно пытаясь вынюхать правду.

— Где же ваш предводитель, все равно кто? Я привез ему послание от имени Двенадцати Городов!

Эйрар вышел вперед:

— Я здесь.

— Труби, трубач!.. Я прислан сюда, в Наарос, их высочествами, шестью спадарионами Пермандоса, дабы объявить вашему барону и предводителю, кто бы он ни был, следующее. Граф Вальк, владетель Дейларны, предоставил помощь и кров мерзостному изменнику и тирану, Стенофону-без-титула, а также некоторым другим старейшинам Народной партии Пермандоса, Каррены и Ксифона, по каковой причине названные города заявляют оному Вальку о своем открытом неповиновении и провозглашают войну без пощады и перемирий, доколе означенный Стенофон не будет выдан нам для справедливого наказания. Тебя же я знать не знаю и не повинуюсь тебе!

И он побледнел, ожидая удара, но все-таки вытащил из-за пояса железную рыцарскую перчатку и собрался было метнуть ее наземь, но не успел: его вмиг окружили, почти оглушив и совершенно сбив с толку громким радостным криком — пока наконец вперед не протолкался Эвименес и не сдернул с головы шапку:

— Узнаешь меня? Узнаешь?..

— А как же! — расплылся в щербатой улыбке посланец Двенадцати Городов.

— То есть, сударь, я знаю вас, братьев, но который вы есть, сказать затруднюсь.

Всем принесли выпивку, а герольда с доставившим его шкипером повели в ратушу, где они вдвоем рассказали, что произошло за морем. Стенофон слишком долго не возвращался из плавания, и народ Пермандоса, озлобленный его жестоким правлением, сперва начал ворчать, а потом перешел от слов к делу. Сторонников единоличного спадариона прогнали, власть перешла к партии Гильдий. Новость быстро добралась до Каррены, и та тоже поднялась против Народной партии, замучившей городской люд непосильными налогами. К тому же, будучи отлучены от Империи за отсутствием представителя в Совете, карренцы лишились права торговать в городах Стассии, равно как и обращаться за умиротворением к колодцу. Тем временем из Дейларны перестали приходить корабли торговцев шерстью, испокон веку приносившие немалую прибыль.

— По мнению купечества, это могло означать только одно — какие-то волнения в северных странах, куда отправился Стенофон. А что, если он потерпел поражение или даже погиб в какой-нибудь схватке? Когда же разнесся слух, что Империя отказалась далее поддерживать Валька, решение было принято немедленно: война!

Выслушав, Эвименес сказал радостно:

— Государь Эйрар, по-моему, нам не о чем больше мечтать. Пермандос и Каррена! Теперь мы сможем доставить тебе не менее двенадцати сотен тяжеловооруженных конников. Если будет время на сборы, то и больше, но этих — немедленно. Приказывай!

Эйрар ощутил прилив вдохновения, точь-в-точь как в тот вечер, когда он единым духом родил план засады против деции в урочище Вороньей Башни. И с восторгом осознал, что до сего часа страшился исхода битвы с непобедимыми терциариями; но теперь страх исчез — чего бояться, когда с ними рыцарская конница Двенадцатиградья? А перед внутренним оком мгновенно, во всех подробностях встал план будущего сражения. Он обратит против валькингов привычный им способ ведения боя! Он открыл рот говорить, но едва издал звук — господин Ладомир опередил его:

— А цена?

Смуглолицый Звездный Воевода слегка даже обиделся:

— А чего вы хотите? Мы-то с братьями — ваши союзники и особо торговаться не будем, но воинам в самом деле придется платить. Скажем, по одному золотому ауру в месяц на каждого конного и по пол-аура — на каждого пешего. А нам, полководцам — половину того, что остальным всем вместе. Право грабить на поле битвы, во взятых лагерях и городах. И острова Джентебби во владение. Мы бы заново отстроили все, что там разрушено, и правили от вашего имени.

— Немалая плата, — угрюмо, исподлобья глядя на Воевод, заметил Черный Галлиль.

— Больше, чем запрашивали с Мариолы, — сказал Рогей.

Эвименес поджал губы и ответил только последнему:

— Когда нас нанимали гильдии Мариаполя, мы были бездомными бродягами, объявленными вне закона, и мало что могли предложить, кроме своего искусства. А теперь мы — и впрямь Воеводы, можем привести сюда армии. Ха, неужели вы в самом деле считаете, что ваши недоноски-крестьяне смогут выстоять против воинов Валька без поддержки настоящих солдат? Спросите хоть своего герцога Эйрара — я же вижу, как он хмурится на каждом смотру. И, между прочим, эта сумма куда меньше той, что мы взяли тогда с Полиолиса

— помните, братья? Или с короля страны Гезибус, что в Ураведу, за то, что вернули ему трон!

На некоторое время воцарилась мертвая тишина. Потом Галлиль сказал:

— Как хотите, но для нас это цена непомерная. Она окончательно разорит страну... и потом, синдики ни за что не согласятся платить. Да они к Вальку скорее перебегут!

Рогей ударил по столу ладонью:

— Победа и освобождение никогда дешево не даются. Но вот чего я решительно не могу переварить: неужто мы собрались избавиться от власти одного чужеземца, чтобы тотчас посадить себе на шею других? Неужели нельзя снять это условие?

— Нет, — сказал Эвименес. — Слишком долго мы бродяжничали по свету. Нам нужна тихая гавань... хотя бы на случай новых переворотов у нас дома. В деньгах мы могли бы еще уступить, но в этом — нет.

Эйрар увидел, как безнадежно помрачнели лица сидевших. Однако он был согласен с Рогеем: острова Джентебби не должны отпасть от Дейларны. Ни в коем случае не должны.

Но тут вновь подал голос господин Ладомир Ладомирсон:

— А что вы скажете, благородные карренцы, если вместо сюзеренитета над Джентебби я предложу вам положение куда прочней и надежней любого, о каком только вам приходилось мечтать? И притом такое, которое навеки скрепило бы дружбу Каррены с Дейларной — и послужило бы вам платой сразу за все?

— А именно? — спросил Эвименес.

Тогда рыцарь вытащил пергамент — тот самый, что он хотел показать Эйрару, — и бросил шуршащий

свиток на стол:

— Здесь сказано, господа, что ваш покорный слуга назначен опекуном имперских наследников, пребывающих ныне здесь, в Нааросе. И я бы очень хотел собрать юные мечи Каррены вокруг древнего меча Аргименеса. Итак, что вы скажете насчет брачного союза с правящим Домом? С ее высочеством принцессой Аурией?

Плейандер провел языком по губам, глядя на братьев. Альсандер ответил просто, но непреклонно:

— Никогда в жизни — хоть за дюжину графских корон. Слишком болтлива!

Кто-то захохотал — кажется, Микалегон. Эвименес долго молчал, потом проговорил:

— Да. Но вот если бы не с ней, а с меньшей... — на что Эйрар ответил коротко и резко:

— Нет!

— С вашего позволения, государь, — поклонился рыцарь и объяснил: — Господа, принцесса Аргира выходит замуж за нашего государя и предводителя, герцога Эйрара, который поведет воинов Дейларны на бой, — это решение не может быть отменено... Так значит, вы отвергаете наше великодушное предложение? Это ваше последнее слово? Тогда считаю своим долгом предупредить вас со всей откровенностью: мы — дейлкарлы и верные сыны Империи, которая, в случае разрыва отношений, пойдет на союз даже с Вальком, однако не даст чужеземцам владеть какой-либо частью этой страны...

— Ну и скатертью дорога, — глядя мимо него, сказал Эвименес и повернулся к остальным: — Давайте-ка, братья, кончим этот пустой разговор! В гавани стоит пермандосский корабль: сядем на него да и вернемся домой!

Альсандер и Плейандер уже начали подниматься следом за ним из-за стола, но тут вмешалась Эвадне:

— Нет, братья.

Они замерли.

— Нет, братья! — повторила она. — Сдается мне, нынче вы заломили слишком высокую цену: эта сделка — с душком! Вы что, в своей жадности позабыли о нашем брате Альсиде, до сих пор не отомщенном? И о брате Эвиде, томящемся у Валька в застенке? Или мы собираемся до конца дней странствовать по белу свету, выигрывая битвы лишь затем, чтобы промотать плату в ближайшей таверне? Нет, братья. Я смотрю, уж очень вы дорожите свободой... а я... я готова отдать свою. Господин рыцарь и опекун! Распространяется ли ваше опекунство также и на принца?..

Господин Ладомир потянулся к пергаменту:

— Здесь говорится об «имперских наследниках», сударыня. Я полагаю, мне следует ответить вам утвердительно.

— А раз так, — продолжала Эвадне, — я в присутствии всех заявляю, что прошу руки принца Аурария. Мое приданое — приданое спадариона Каррены. Это отдельно от братьев. Но я думаю... я уверена, что братья присоединятся ко мне и во имя величия нашего города откажутся от своих притязаний... кроме права на военную добычу: этого права у нас никто не волен отнять.

Сперва Звездные Воеводы ошеломленно вытаращили глаза. Но потом согласно кивнули — сперва Альсандер, за ним остальные. Кулак герцога Микалегона с грохотом обрушился на стол:

— Полторы женщины и полумужчина!.. Во парочка будет!..

...А дальше все было просто. Позвали писца, и писец составил все необходимые бумаги. На корабль послали гонца с наказом спешить немедленно в Каррену, собирать войска именем Звездных Воевод и по их поручению. Когда все начали расходиться, Эвадне протолкалась к Эйрару:

— Государь и возлюбленный, моя утраченная любовь! Прими искупительную жертву и мою последнюю службу. Будь счастлив и... не поминай лихом...

Он хотел поцеловать ее, но она выскользнула из его рук. Он успел заметить лишь слезы, блестевшие

на ресницах. Тогда Эйрар направился было к Аргире, но господин Ладомир его не пустил. Время подгоняло их, спешное венчание должно было состояться завтра, а Дейларна, как и Дзик, держалась обычая, согласно которому жених накануне свадьбы не должен видеть невесту. Зато нужно было позаботиться кое о каких мелочах, и вот из гильдии портных явился горбатый мастер с двумя подмастерьями — у одного бежали глаза, другой пускал слюни, — снимать мерку с трангстедца для свадебного одеяния. А пока они этим занимались, с севера прибыл скороход:

— Дорога на Ставорну перекрыта... похоже, граф Вальк двинулся наконец!

Эйрар беспокойно переминался, горбун-портной хлопотал, а с улицы доносился топот копыт: прибыл новый отряд всадников Хестинги. Потом в двери просунулась чья-то лохматая голова:

— Государь, что нам делать с изгнанниками Мариолы, которых привел Вардо? Отменные воины, все с пиками и на конях, только нипочем не желают служить под началом карренцев: они говорят, Звездные Воеводы виновны в поражении у Марскхаунской дамбы!

Но самое скверное началось вечером, после ужина, точно Эйрару не достаточно было целого дня переживаний. Началось с того, что Рогей и Оддель пригласили его хорошенько повеселиться в последнюю холостяцкую ночь. Он отказался, и у друзей обиженно вытянулись лица, даже послышалось что-то насчет того, что некоторые, дескать, уже начали зазнаваться. Но едва он успел задуматься о тяжком бремени вновь приобретенной власти — пожаловала депутация синдигов: Богатей с двумя новыми спутниками. Они желали бы знать, обдумал ли уже государь Эйрар высказанные ими соображения, и если да, то каков будет ответ?..

Сам не свой от усталости и раздражения, Эйрар ответил:

— Да, обдумал! Но заключить мир сегодня — значит предать всех, кто избрал меня военным вождем, да и саму Империю, под чьим знаменем я выйду на бой! А вы, небось, уже раструбили по городу, что я готов все и вся по дешевке продать прихлебателям Валька?

Синдик шерстяной гильдии пропустил это обвинение мимо ушей. Он спросил:

— Почему вы, государь, так боитесь мира, которого, во имя Колодца, жаждет народ? А что до Империи и ее знамени... не обольщайтесь. Старый император выжил из ума: завтра ему еще что-нибудь присоветуют, и он снова послушается. Подумайте: ведь до сего дня граф был женихом его дочери!..

...И разговор стал походить на шахматный поединок, бесплодный и бесконечный. Но тут вошел господин Ладомир и весьма выразительно глядел на синдигов, пока они не откланялись — пообещав, впрочем, еще вернуться к этой беседе.

— Ни за что! — проводил их Эйрар. — Или, во всяком случае, не со мной!

Богатей вновь улыбнулся своей рыбьей улыбкой... Когда же за ним закрылась дверь, старый рыцарь вновь подступил к Эйрару все с тем же мучительным вопросом:

— Все-таки вы обязаны ответить мне, государь: с кем вы? Что вам дороже? И чем скорей вы ответите, тем лучше. Выбирайте — и придерживайтесь своего выбора. Интрига — привилегия и развлечение правителей. Но совершаться она должна руками их слуг!

И снова две воли столкнулись в безысходном, затяжном поединке, похожем на первый. С той только разницей, что имперский советник удалился в конце концов со словами:

— Я должен по крайней мере заручиться неопровержимыми доказательствами, что ваша привязанность к родственникам, государь, не повлечет за собой измены нашему делу.

...Оставшись один, Эйрар забрался в постель и стал ждать рассвета, чувствуя себя в свой предсвадебный день несчастнейшим из людей. Все тело мучительно ныло, он уже знал, что поспать навряд ли удастся, разве только урывками. Он попробовал думать о красоте и очаровании Аргире — самая мысль о том, чтобы обладать ею, доставляла блаженство...

Но как только его голова коснулась подушки, он перенесся в какой-то иной мир и понял: ему предстояла вещая ночь из тех, что, казалось, всегда предшествовали крутым изломам его судьбы.

...Безумные всадники мчались сквозь его сон; золотая корона манила издалека. Потом зажглись

холодные зимние звезды — восходило созвездие Единорога, и он изо всех сил устремился к нему, но гнусный червь, виденный когда-то в хижине Мелибоэ, растерзал его крылья, и он, упав, покатился куда-то в бездну по нескончаемому крутому откосу, и вдруг все кончилось, и его обняли белые руки, принесшие покой, и он спросил: «Это смерть?» — в то же время сознавая, что спит, — и откуда-то явилась песня:

Ночь под безлунными небесами, где плещут сполохи — бледные отраженья огней городов, полоненных теньями, а вдалеке — бессильных ратей движение...

...И тут Поэ Глупец осторожно коснулся его шеи под ухом, без шума, по-походному разбудив. Поэ держал в руке свечу, а за окном разливался металлически-синий предутренний свет.

— Что случилось, друг? — спросил Эйрар.

— Плохо дело, боюсь! — ответил Поэ. — В доме, где ты посадил под стражу двоих старых «союзников», твою родню, ночью слышался топот и какое-то мяуканье. Там вспыхивали синие огни и кто-то страшно кричал!

Эйрар мигом оказался на ногах:

— Идем!

Улицы были еще по-ночному пустынные, лишь изредка попадались вышедшие на прогулку коты, да еще реже — пьянчужки, храпящие у порогов. Поэ шепотом обратился к стражнику, застывшему у дверей маленького каменного дома в квартале ювелиров. Стражник сжимал побелевшими пальцами древко копья и клялся Богами и грифонами — никто и ничто не проникало внутрь дома сквозь эту единственную дверь; но этак с час тому назад они с напарником в самом деле услышали тяжелый топот наверху, а потом вспыхнули колдовские огни и раздались кошмарные крики...

...Нижний этаж, где прежде была лавочка, теперь пустовал. Эйрар взлетел наверх по ступеням, но дверь оказалась заперта изнутри. На стук никто не откликнулся, и он уже примеривался ударить плечом, но Поэ отсоветовал:

— Это очень крепкий дуб, государь герцог... позволь лучше мне! — и, вынув короткий меч, принялся умело и ловко рубить дверь. С каждым ударом на пол опадали длинные завитые стружки.

Тем временем шум привлек внимание горожан. На другой стороне улицы распахнулось окно, высунулась голова любопытного, потом еще и еще. Кто-то закричал:

— Стража!..

Парень, карауливший дверь, вышел наружу и попытался успокоить людей. По знаку Морского Орла на шлеме в нем признали воина Ос Эригу; собравшаяся толпа зашумела громче, люди явно решили, что за изменниками явился палач, а они заперлись и не даются. Эйрар услышал крики:

— Несите веревку!

— Огня!.. Зажгите огонь!

Дыра в двери была шириной всего в несколько дюймов, и Эйрар знал, что надо спешить, спешить изо всех сил — и все-таки ему пришлось спуститься вниз, вновь выйти наружу и предъявить себя горожанам. Те узнали его и разразились восторженным ревом, и Поэ Глупец со всех ног помчался за стражей, а молодой герцог напутствовал его:

— Да пусть прихватят топоры...

Но люди услышали, как Эйрар отдавал приказание, и откуда-то вмиг появился добрый топор и широкоплечий малый при нем. Ему потребовалось всего несколько ударов, — посыпались щепки, и вот уже можно было просунуть руку вовнутрь и откинуть засов.

Дверь то ли отворилась, то ли попросту рухнула... Толпа любопытных почти втокнула Эйрара через порог, и он тотчас понял: здесь поработал Мелибоэ. В комнате витал не только запах смерти — был еще и другой, настолько жуткий, что простодушного силача, рубившего дверь, немедленно вырвало. И воздух был до того напоен магией, что глаза лезли из орбит.

— Назад! — крикнул Эйрар. — Назад, если вам дорога жизнь и душа!

И сам не посмел сделать дальше ни шагу, пока по его просьбе ему не передали мешочек зерна. Выложив вокруг себя пентаграмму, он начал произносить самое страшное отвращающее заклятие из всех, какие знал... Но вот знакомая слабость отозвалась дрожью в коленках, и страх исчез с лиц зевак, заглядывавших с лестницы, а потом исчезли и сами зеваки, потому что прибежал Поэ и привел с собой стражников.

Поздно!.. Слишком поздно...

За маленькой прихожей виднелась комната побольше. Окно в комнате было слегка приоткрыто, а с подоконника на пол тянулась длинная полоса зеленой, гнусно пахнущей слизи, а справа и слева — отметины грязных когтей... След вел в спальню, и Эйрар понял, почему ему снился червь, ноющий за прутьями клетки. Ночной ужас обрел плоть: на полу спальни лежал отец — его родитель, его учитель и друг — лежал, уставив седую бороду в потолок — неподвижный, иссохший, бескровный, точно вырезанный из мрамора — и рядом с ним дядя Толо, лицом вниз, с прокушенным затылком... развороченная плоть была бледна и лишена даже капельки крови...

Эйрар отчаянно закричал и рухнул на пол, проваливаясь во тьму...

Он не знал, сколько минуло времени. Но вот в храмах и на улицах зазвонили колокола, и кто-то подошел к нему со словами:

— Сегодня твоя свадьба, государь. Пора наряжаться!

Ему помогли подняться и под руки проводили по ступенькам на улицу, и люди обнажали перед ним головы, бормоча что-то сочувственное. Никто больше не требовал вздернуть предателей: горожане искренне соболезновали его горю. Но за пределами квартала ювелиров, там, куда не дошли скорбные вести, шапки летели в небо, а со всех сторон слышалось:

— Да здравствует Хозяин Дейларны!

— Счастливой свадьбы тебе, государь!

Его уже поджидал господин Ладомир, а с ним Рогей и Микалегон — два шафера.

— Мой отец умер, — простонал Эйрар, и тут горе и слабость, причиненная страшным заклятием, совсем скосили его, он подломился в коленях и упал на застланную коврами скамью. Рыдания душили его. Старый рыцарь коснулся его плеча, произнося добрые и достойные слова утешения. Но они не облегчили душу, как не облегчила ее и совсем уже дикая мысль, что по-настоящему сейчас мог бы помочь лишь один человек — Мелибоэ-чернокнижник, Мелибоэ-философ — Мелибоэ, который и послужил причиной всему. Эйрару показалось, что измученный мозг стянуло узлами... и, как ни странно, именно это ощущение все-таки придало ему сил и помогло справиться со слезами.

— Я должен идти, — сказал рыцарь, обрадованный тем, сколь действенны оказались его увещевания. — Мне следует побеседовать с невестой, ибо я, как опекун, замещаю ее отца.

И он удалился.

— Ну так что, парень? — спросил герцог Микалегон. — Собираешься пережить своих предков — или как?

И протянул Эйрару кружку с глотком огненного вина.

Явился горбатый портной и принес одеяния. Явился священник и принялся наставлять Эйрара в предстоявшем обряде. А снаружи неслись радостные клики, писк скогалангских свистков мешался с торжественным звоном колоколов, город наполнился ликованием, сладкое вино лилось в чаши, люди шутили и подзадоривали друг друга...

Аурарий считался престолонаследником, и его свадьба, конечно, должна была совершиться первой. Время тянулось. Эйрар никак не мог взять в толк, о чем это говорил ему священник, и в добрых глазах святого отца росло недоумение: юноша вновь и вновь забывал, как следовало отвечать на вопросы.

И вот наконец, сияя и пританцовывая, по ступеням взбежал мальчик-посыльный с новеньким значком Кошки, вышитым на рукаве, и радостно объявил:

— Все готово! Пожалуйте, государь!

К тому времени Эйрар успел прийти в себя настолько, чтобы спросить:

— Где Мелибоэ?..

Ему ответили, что нынче с самого утра колдуна никто не видал, а вообще-то он безвылазно сидел в своем курятнике с тех самых пор, как ему доставили отысканные в городе философические инструменты.

Трубы пели на улицах. Эйрару все еще казалось, что кожа лица натянута, точно на барабане, и тем не менее, все вместе — музыка, взгляды, необычность происходившего — словно бы сговорилось встряхнуть его, вдохнуть силы. Микалегон подсадил его в свадебный экипаж, хлопнув по плечу со словами:

— Держись, парень! Вспомни Медвежий фиорд — я-то тогда уже понял, ты не из той породы, чтобы сдаваться!

В соборе не оказалось епископа, обряд совершал простой священник — духовный владыка Наароса был валькингом, и его отпустили с Богом по его просьбе. Преклоняя колени подле Аргире, Эйрар покосился на нее и понял: она знает, что у него случилась беда. Как бы то ни было, он ухитрился запутаться лишь в одном ответе — насчет того, что он, дескать, берет эту женщину в жены безо всякого приданого, кроме крови короля Аргименеса в ее жилах — да и то, вопрос не входил в обычную службу и был задан лишь ради имперской наследницы.

Под звуки флейт и звон струн, под крики скачущих свадебных танцоров их повели прочь от алтаря, через боковой неф к двери наружу.

— Я скорблю вместе с тобой, — шепнула она, и ему подумалось: «Первые слова, произнесенные моей женой!»

Поскольку титул принца был выше, его свадебный пир происходил в ратуше, а для свадьбы Эйрара отвели зал гильдии кожевников. Зал был убран со всей подобающей роскошью, но неистребимый запах кож витал в воздухе, вливаясь сквозь высокие окна. Люди, кому надо было поздороваться или попрощаться, переходили с пира на пир. Герцог Микалегон пил больше всех и без конца сыпал шутками, далеко не всегда пристойными. Уже горели факелы, когда Аргире и Эйрара подняли с мест под звуки свадебной песни:

— «И наедине оставляем...» — последние слова еще звучали за дверью на лестнице, когда герцог Эйрар обнял и прижал к сердцу ту, что некогда клялся завоевать... Но его страстное объятие осталось почти безответным, а потом ее руки безвольно повисли вдоль тела, и его ищущие губы натолкнулись на холодную щеку... холодную, как щека Гитоны тогда... как ледники неведомых северных гор...

Он выпустил ее и отшатнулся, шепча едва слышно:

— Ты... не любишь... ты не желаешь меня? Аргира, единственная моя!..

На улице фальшиво протрубил рог, кто-то — судя по голосам, вольные рыбаки — лупил в сковородки, выкрикивая бесстыжие свадебные напутствия своей родины. Принцесса Аргира взглянула ему прямо в глаза:

— Государь Эйрар, я твоя жена и принадлежу тебе по праву. Ты волен развязать мой девичий пояс и поступить со мной, как тебе вздумается. Но любить... Я уже говорила тебе когда-то: Семь Сил стоят между нами. Я — дочь Колодца... а ты в эту ночь, для любой женщины самую драгоценную, приходишь ко мне, осквернив себя магией — магией нечистой и смертоносной! Что же я могу тебе подарить?..

На миг его объяло желание стиснуть ее в объятиях, стиснуть грубо и властно. Он даже оглянулся на приготовленную постель... Но только на миг.

С улицы вновь донеслись веселые непристойности, но Эйрар ответил на них криком, полным ярости и отчаяния:

— Я покончу с ним!.. Покончу!..

Схватил меч и как безумный ринулся в двери, а потом — по лестнице вниз.

38. БЕЛОРЕЧЬЕ. БРАЧНАЯ НОЧЬ

— Ах, юноша... — сказал Мелибоэ. — А ведь другой на твоём месте ещё и благодарил бы меня за то, что я избавил мир от худшего твоего врага. Ума не приложу — и с какой это стати случайные обстоятельства рождения налагают на людей столь крепкие узы, что они уже и не вольны выбирать друзей, которых следует держаться?.. Пойми, юноша, от этого зависело твоё будущее, и не только твоё — многих и многих. Старика невозможно было обратить в нашу веру. Тут мы сошлись, я и твой рыцарь-советник, большой, между прочим, негодяй в некоторых отношениях...

Сбитый с толку, Эйрар только и нашёлся сказать:

— Негодяй? Рыцарь Ладомир?..

— Он самый — господин Ладомир Ладомирсон. Ну да, он доверху полон красноречия и высоких стремлений, с этим я соглашусь. Мне приходилось видеть подобных ему: Валька Неразумного, например. Цель Валька — соединить два народа — столь высока, что средства становятся безразличны. Вроде того, как если бы он учил своих детей плавать и не слишком печалился, начини они при этом тонуть...

Эйрар не стал спорить с ним. Он сказал:

— Насчёт Валька не знаю, а вот тебя нынче точно интересовала цель, но никак уж не средства. Кроме того, ты пытаешься направлять судьбы других людей — а ведь ты, помнится, сам говорил мне когда-то, что никому из смертных не стоит этого делать. И ещё я знаю: ты одним ударом убил моего отца и мою любовь. Ты не имеешь права жить в свободной Дейларне. И ты не будешь в ней жить.

Мелибоэ пожал плечами:

— Нынче ты не потерял ничего такого, чего тебе не случалось бы уже утрачивать в прошлом... так что с философской точки зрения ты, конечно, неправ. А высоких целей у меня нет вовсе, кроме одной — наблюдать за судьбами мира. И мне вовсе нет нужды подавать кому-то советы... Поступай, словом, как знаешь... а мне не привыкать к доле изгнанника. Я слышал, Дзик

— красивая страна, да и народ там не столь щепетилен... Не даст ли ваша светлость мне корабля, чтобы я мог уехать?

Так кончилась эта встреча — ещё одна встреча, завершившаяся разрывом. А утром с севера впервые пришли вразумительные новости: привез их гонец, скакавший без отдыха несколько дней. По его словам, Вальк медленно двигался к югу, везя множество боевых машин и собираясь брать Наарос. Шёл всего с тремя терциями: для большего числа невозможно было добыть съестные припасы. Легкой кавалерии при нём также было мало, конница в основном осталась охранять дороги из обеих Ласий, потому что рудокопы Короша и горцы Корсора действовали весьма решительно, и даже по большаку едва удавалось подвозить припасы из Бриеллы. А подвозить приходилось — Норби был до костей обглодан зимней войной, да и из-за моря ничего не поступало.

Кто призвал Корсор к восстанию? — неважно, кто; Вальк сидел в Ставорне, и первойшей заботой военного герцога Эйрара теперь было как можно скорее выдвинуться вперед, чтобы ухватить-таки бриельскую крапиву посреди Белоречья — и выдернуть с корнем. В ту же ночь он стремительно ускорился из Наароса, взяв с собой конников-хестингарцев и латников из Каррены. Рогею с лучниками и легкой пехотой ведено было поспешать следом, а за ними и Микалегону — так скоро, как только смогут его секироносцы. Плейандер и Эвименес пока оставались в Нааросе — принимать и направлять запоздалое пополнение и ту помощь, которую вышлет Двенадцатиградье. Скореходы мчались в Хестингу — предупредить, чтобы конница шла через Драконов Хребет мимо Графской Подушки и не особенно таилась в пути. Если она подоспеет вовремя

— хорошо; если нет — графу Вальку всё же придется отрядить часть войск для застав по восточным дорогам, и уж хестингарцы не дадут спокойно спать никому, а в особенности стражам обозов.

Аргира вышла поцеловать Эйрара на прощание, когда он садился в седло. Он не стал ей рассказывать об изгнании чародея: «Завоевывать таким способом её сердце? — покорно благодарю...» — и оттого её губы в прощальном поцелуе были все так же неподвижны и холодны.

Зеленый наряд деревьев казался еще по-весеннему свежим. Эйрар ехал на север той же самой дорогой, по которой он шел когда-то в Наарос, беседуя со славным лучником-валькингом — как его звали?.. Вспомнить не удалось. Но там, где от дороги отделялась тропа, ведущая к хижине колдуна, деревья были черны и безжизненны, и вид их резанул сердце Эйрара куда больше, нежели вид самого Трангстеда, мимо которого также пролег его путь. Ибо хижина Мелибоэ была разрушена до основания — мертвая, заброшенная руина, — а Трангстед, который они миновали на следующее утро, был совершенно цел и... совсем незнаком. Заборы, отделявшие его когда-то от хутора сыновей Виклида, расположенного южнее, и от имения Сумарбо, лежавшего севернее, были снесены подчистую: три владения слились в одно большое поместье, которое при валькингах обрабатывали рабы. Сам дом был перекрашен в другой цвет. И — ни души вокруг...

К ночи воины разбили лагерь на обращенных к Белоречью склонах Вастманстедского нагорья. Эйрару, как вождю, подыскивали дом для ночлега, но он туда не пошел, хотя накрапывал дождик. Еще через сутки они заночевали в деревушке под названием Коббинг. Здесь всем хватило места под крышей — в домах на полу, на худой конец, по сараям. Сердобольные воины привели Эйрару смазливую салмонесскую девку в корсете с оборванными шнурками. Эйрар от нее отказался, и девушка досталась Альсандеру, благо карренец был полностью лишен подобного благородства.

За Коббингом начинается чисто белореченская местность, хоть и принято считать, что это все еще земля Вастманстеда. Кабанья Спина, синеющая на востоке, обрывается, но за ней уже громоздятся скалистые кряжи Драконова Хребта. А на западе вздымаются чуть более пологие, но почти столь же величественные склоны Щитовых Холмов, за которыми лежат Шелланд и Скогаланг.

Северный большак извилист в этих местах, хотя валькинги, выстроившие его, всегда предпочитают прямые дороги. Они воздвигли у каждого поворота по укрепленному форту, но все эти форты теперь пустовали. Иные стояли попросту брошенными, на других оставил следы огонь — дело рук восставших белореченцев. Местные жители по одному, по двое присоединялись к отряду, но всадников среди них было мало, и Эйрару пришлось приказать им собираться в опустевших фортах и ждать Микалегона. Эйрар спешил.

Он догадался еще разослать весть женщинам и старикам Белоречья: «Уходите и прячьтесь в укромных местах: скоро здесь начнутся сражения!» А карренец Альсандер предложил жителям собирать в тех же фортах провиант для войск, которые еще должны были подойти. Хестингарские разведчики малыми группками разлетались вперед и по сторонам — на запад и на восток, — разузнавая, что слышно. Пока что услышанное вселяло надежду. Вальк, кажется, прочно засел в Ставорне, запасаясь необходимым для дальнего перехода; Ванетт-Миллепиг, нааросский Рыжий Барон, был избран полководцем.

Весенним утром, туманным и дождливым, Эйрар со всадниками прибыл в Торгстед — город, по праву называемый Сердцем Белоречья. Город был невелик: всего сорок домов, сложенных из прочного камня, остальные — деревянные, недавно построенные. Валькинги основали поблизости колонию и населили ее салмонесцами. Этот беспомощный народ то ли не сообразил, то ли не сумел разбежаться, хотя в воздухе уже явственно пахло войной. Эйрар велел выселить их из домов, прежде отнятых у дейлкарлов — и держать под строгим надзором. Еще не хватало, чтобы бедолаги попались на глаза валькингам и вольно или невольно предупредили их, что за встречу им здесь готовили!

Большак проходит прямо через Торгстед, деля его надвое. Город стоит над самым Нааром: иные дома глядятся с кручи в реку. На ту сторону переброшен каменный мост. Еще одна дорога — скромный проселок — ведет из Торгстеда через Щитовые Холмы в Скогаланг. Перейти Наар вброд невозможно, западный берег зарос густыми деревьями; Эйрар рассчитывал, что река надежно прикроет левый фланг его войска. На другой стороне валькинги, по обыкновению, вырубили весь лес вдоль обочин дороги, но со времени последней рубки просеку заполонила зеленая поросль. Эйрар собрал всех ремесленников, какие нашлись, и приставил их строить четыре моста там, где на восточном берегу зелень была погуще: не Бог весть какие крепкие мосты,

— только для битвы.

На северной окраине города, между домами, тянулся к Наару старый, высохший и замусоренный ров. Когда-то, еще во дни войн с язычниками, за ним выстроили частокол. Салмонесцам велели вычистить ров и

пообещали награду, а когда Рогей привел скогалангцев — лучших плотников Дейларны, — Эйрар тотчас отправил их чинить древнюю деревянную стену. Он собирался поставить здесь Микалегона с его тяжеловооруженной пехотой и очень боялся, не смяли бы терциарии немногочисленных секироносцев. Сам большак он велел перегородить — но так, чтобы преграду можно было мигом убрать и выпустить карренских латников для ответной атаки.

Совсем рядом со рвом, у дороги, стоял высокий каменный дом. Его верхний этаж удобно выдавался вперед, и Эйрар решил устроить здесь крепость. В верхнем этаже прорубили пол и приготовили изрядный запас оружия и смолы: смолу станут кипятить в котлах и передавать наверх...

Восточный фланг доставил всего больше забот. Здесь расстилались луга, покрывавшие обширный, пологий склон длиной в несколько сотен шагов, и лишь потом начинались деревья и высился каменистый откос. Пращуры, некогда основавшие Торгстед, с этой стороны также ограничились частоколом и рвом. Эйрару это не годилось. Он знал: валькинги попытаются проникнуть в город именно отсюда, чтобы обойти его войско и сбросить его в быстрый Наар, а потом двинуться дальше на юг. Старый ров заплыл совершенно, и Эйрар понимал, что им уже не успеть выкопать новый; Альдандер с ним согласился. Все-таки они сделали, что могли — завалили весь луг срубленными деревьями. Заостренные сучья переплетались, обращенные в ту сторону, откуда должен был подойти враг...

За завалом встанут пешие дейкарлы-копейщики: вольные рыбаки, привыкшие метать гарпуны, и с ними белореченцы и мариоланцы с их длинными копьями для рукопашного боя, а вот лучники сосредоточатся на другом крыле — за. Нааром. Врагу будет не так-то просто добраться до них, зато сами они смогут целиться терциариям как раз в правый бок, не заслоненный щитами. Одним словом, валькингам предстояло пройти между лучниками и копейщиками и попасть прямо в объятия Микалегону с его тяжелой пехотой, укрытой за частоколом. А за спиной Микалегона будут ждать своей очереди всадники, закованные в броню — целый тагой конных карренцев («Только бы он вовремя подоспел!..»), готовый тотчас ринуться вперед, буде валькинги дрогнут, — или прикрыть отход, если все рухнет... А впереди всех, под самым носом врага, не давая до времени раскусить приготовленную хитрость, станут гарцевать стремительные всадники Хестинги: они без труда увернутся от прямого удара и уйдут через город или за Наар по наведенным мостам.

— Хороший план, — похвалил Альдандер. — Ничего другого, кажется, и не придумать.

Люди прибывали и прибывали — дюжинами, двадцатками. Маленький Торгстед, отродясь не видевший столько войск, преисполнялся нетерпения и надежды. С утра до вечера Эйрар не знал ни минуты покоя: назначал командиров в отряды вновь подошедших ополченцев, заглядывал к стрельникам, спешно готовившим стрелы. Зато по ночам, оставаясь один, он всякий раз подолгу лежал без сна, с мукой сердечной думая об Аргире, — вот уже две недели от нее не было весточки. А еще он думал о том, долго ли он сможет продержаться здесь свое войско — еда оскудевала, хотя Эвименес бесперебойно присылал груженные повозки из Наароса; и еще о том, как все опять-таки рухнет, вздумай Вальк идти к югу через Шелланд и скогалангское побережье...

— На этот счет не очень волнуйся, — успокоил его Альдандер. И не ошибся.

Стоял прекрасный солнечный день, когда вернулись разведчики-хестингарцы и привезли подобранного ими человека из Норби. Он шел с валькинговскими «союзниками» и был одет и снаряжен, как они, однако сумел доказать, что Железное Кольцо его родной провинции внедрило его в их ряды как шпиона.

— Вальк наконец изготовился к походу, — сообщил житель Норби. — Он движется сюда по большаку с тремя терциями и некоторым количеством конницы. Терциарии говорят, что южная Дейларна восстала и собирает силы в Белоречье: граф намерен дать сражение и подавить бунт, прежде чем он как следует разрастется... Граф даже не потащил с собой осадные машины, установленные на тяжелых телегах: он рассчитывает взять Наарос без спешки, уже после того, как бунтовщики будут разогнаны. Зато набрал кавалерии, сняв всех, кого было можно, с охраны дорог. В Шелланд, дабы избежать беспорядков, отправили полутерцию. А еще одна — как только запасется провизией — двинется через Корсор и вокруг северных отрогов Драконова Хребта в Хестингу, жечь хутора. Поговаривают и о том, будто Империя объявила Вальку войну. Это известие очень всех обозлило, граф поспешно разослал во все стороны

глашатаев с наказом опровергать столь злостные измышления на каждом углу, объявляя себя, как и прежде, законным императорским наместником. Однако ни от кого не укрылось, что два барона с весьма пышной свитой отправились из Ставорны напрямик в Лектис. Зачем бы это? В Стассию поплывут, не иначе...

Итак, битва близилась. Еще через день в Торгстед прискакал новый отряд хестингарцев: трое ехали привязанные к лошадям, бледные от потери крови. Им довелось схватиться с конницей валькингов прямо на дороге, совсем близко от города. Прежде, чем ранеными занялся лекарь, изобретательный Альтандер дал им проехать через весь лагерь, чтобы вид кровавых повязок вселил в души воинов ярость, вдохновляя их к битве... Зато Эйрар страшно переживал и готов был жалеть о том, что его выбрали предводителем. Ибо Эвименес и его карренцы все еще не появлялись — а ныне требовалось не просто поколотить валькингов, не просто нанести им поражение — надо было полностью разгромить их, раз и навсегда переломив хребет их державе. Без латников на это не приходилось рассчитывать...

А назавтра возвратились еще хестингарцы: они столкнулись с отрядом вражеской конницы и разогнали его, но потом напоролись на терциариев — всего в двух пеших переходах от города...

И все-таки Эйрар зря волновался. В тот же день, поздно вечером, когда он сидел без сна в тяжком раздумье, с улицы долетел многоголосый радостный крик, замелькали факелы и — ура, ура! — вошел Эвименес, верный Эвименес, приведший полных три тагоя карренцев, пятнадцать сотен пик. Покрытая пылью, громыхающая колонна растекалась по городку, заполняя улицы и переулки...

— В Наарос пришел карренский флот, — рассказывали латники. — И еще тьма кораблей на подходе, везут подкрепление!

— Твоя Аргира, — поведал Эйрару Эвименес, — в хлам рассорилась из-за чего-то с господином Ладомиром. Старик сел на корабль и уехал в Стассию — кажется, насовсем. Представляешь — не взглянула на него, когда он со всеми прощался!

По его словам, Аурарий держал в Нааросе роскошнейший двор, вне всякого сомнения полагая себя правителем и судьей. Тем не менее, большинство горожан предпочитало обращаться за правосудием к Галлилю — или даже к его жене. В свою очередь Эйрар изложил ему свой план сражения, и Эвименес одобрил. А узнав, что ему предстояло возглавить решающий натиск, он в восторге извлек до половины свой меч и со стуком вдвинул его обратно в ножны:

— Ну, держитесь, ублюдки! Ужо, пощекочут вам задницы наши карренские зубочистки...

Еще день — и разведчики донесли: приближавшиеся валькинги встали лагерем вскоре после полудня, что у них было совсем не в обычае, — но, как всегда, обнесли лагерь на скорую руку частоколом. Судя по всему, они знали, где именно ожидало их войско Дейларны — и были исполнены решимости прорубить себе путь. Изрядно намучившись, они даже переправили часть конницы на левый берег Наара, и в сумерках та начала продвигаться сквозь чащу как раз туда, где устроились лучники. Пришлось Эйрару отправить к ним хестингарцев, хотя это до некоторой степени обнаруживало его хитрость в центре позиции и подставляло по удар скогалангцев, стоявших возле мостов. Он снова заволновался, решив было, что валькинги выискивают обходной путь, но Альтандер велел не придавать этому значения:

— Так всегда: тот, с кем дерешься, обязательно нащупает нечто, тобою упущенное. Вот, помнится, в Ураведу...

Но Эйрару — все называли его теперь Хозяином Дейларны, не иначе — было не до воспоминаний об Ураведу. Предстояла битва, победа или поражение, жизнь или смерть. Столь многое зависело от исхода сражения, что собственная судьба представлялась ему пустяком. Ему даже казалось порой, будто он наблюдал за всем происходившим словно бы со стороны, как когда-то, ребенком, когда у камина звучали рассказы о деяниях старины: узнать бы поскорее, чем кончится!..

«Аргира... — думалось ему. — Аргира! Как бы я ласкал и лелеял тебя, как бы мы любили друг друга!.. Поймешь ли ты когда-нибудь, что я иначе не мог

— что я должен был произнести заклятие и войти в комнату, где мертвым лежал мой отец... Чем же я провинился перед тобой? Тем, что отец когда-то преподавал мне, мальчишке, азы колдовской науки? Или

тем, что я взял в товарищи чернокнижника Мелибоэ той ночью в болоте, когда моя собственная судьба, да что там — судьба всей Дейларны висела на волоске? Что же все-таки я сделал не так? За что лишился той первой любви, — хоть она и была на самом деле лишь тенью настоящей, великой любви, наполнившей всю мою жизнь — и тоже погибшей, и мне теперь наплевать, что со мной случится завтра? В чем моя вина, моя ошибка, Аргира? И неужели я всю жизнь обречен страдать из-за нее?..»

Но размышления были бесплодны, и он отбросил их, надел шлем и отправился в обход боевых порядков, в последний раз проверяя, все ли готово: если уж валькинги разбили лагерь среди бела дня, можно ждать, что завтра они нападут ни свет ни заря...

Снаружи, на улице, дымно горели костры. Воины разогревали еду, болтали, передавали из рук в руки бутылки. Увидев Эйрара, стоявшего в дверях, они приветствовали его радостным ревом: молодого герцога любили и уважали в войсках. Потом долетел шум с того конца улицы, где к городу подходил южный тракт. Эйрар вгляделся... оттуда приближались какие-то люди. В меркнувшем свете дня удалось различить троих всадников со знаменем, обвисшем в неподвижном воздухе — что там было изображено, поди разбери. За всадниками стройной колонной шагали пешие воины. Вот прозвучала команда, и они с лязгом остановились, а те трое поехали прямо к Эйрару, так и не успевшему далеко отойти от дверей. Один из них, юноша, на чьем одеянии была вышита красная роза, гибким движением покинул седло.

— Господа! — сказал он и сдернул шляпу, украшенную щегольским фазаньим пером. — Не подскажете ли, как найти высокочтимого Эйрара из Трангстеда, предводителя войска Дейларны?

Эйрар ответил:

— Это я.

Великан, подъехавший следом за юношей, грузно спрыгнул наземь с коня. Щеголь представил его:

— Барон Йовентиньян из Скробы, посланец Империи.

Барон пожал Эйрару руку и протянул меч рукоятью вперед в знак повиновения.

— Я прислан сюда Советом и Регентами Империи, — пророкотал он, — дабы вооруженной рукою помочь в борьбе с подлым отступником и чародеем графом Вальком Бриелльским. Я привел четыре сотни обученных воинов. Они в твоём распоряжении, государь... при одном только условии: что здесь не прибегают к магии, колдовству или чернокнижию, ибо это противоречит установлениям Колодца, провозглашенным его величеством, светлой памяти императором Ауреолом!

— Никакой магии! — сказал Эйрар и от души стиснул руку барона. — Ты прибыл как нельзя более вовремя, достойный Йовентиньян: на нас идет собственной персоной граф Вальк, завтра битва, и воины нужны до зарезу. Не хочешь ли познакомиться со славным Микалегонем, некогда герцогом Ос Эригу, но отныне — герцогом свободной Дейларны?

Йовентиньян на миг призадумался, слегка откинув голову: имя Микалегона явно резало его имперское ухо, — но потом поклонился, и две огромные ладони соединились в пожатии.

— Проголодались, поди? — спросил Микалегон. — Быстро же вы одолели неблизкий и тяжкий путь — пешком, да в доспехах! Всего на день отстали от карренцев, а ведь это наездники, каких поискать!

Барон охотно дал втянуть себя в разговор:

— Да нет, ничего страшного. В нааросском порту нас встретил спадарион Плейандер, чья сестра с недавних пор замужем за нашим принцем, его высочеством Аурарием. Он сказал, что, мол, собирался спешно везти сюда боевые машины, но в нас, воинах, определенно больше нужды, и отдал нам приготовленные повозки. Да, кстати, — повернулся он к Эйрару, — в одной из повозок вас ожидает ее высочество принцесса Аргира. Я пытался ее отгово...

...Шеренги воинов Скробы в остроконечных высоких шлемах изумленно взирали на молодого герцога, мчавшегося мимо них со всех ног, отнюдь не по-герцогски. Она приехала — она в самом деле приехала!.. И она улыбалась ему. Но, помогая сойти наземь, он так и не посмел обнять ее, — лишь бестолково бормотал что-то о грядущем сражении и о смертельной опасности, которой она себя подвергала...

Он вел ее к дому, где поселился, и отчего-то обоим было неловко. И потом, его еще ждало множество

дел. Надо было найти в лагере место для ночлега неожиданному подкреплению из Скробы; надо было определить им место в завтрашней битве (большую часть — к Микалегону, один хороший отряд — на правое крыло, к копейщикам); и всех накормить. Стояла уже глубокая ночь, огни лагеря угасали и лишь караульные перекликались, обмениваясь паролем, когда Эйрар наконец освободился и смог присоединиться к жене.

Он спросил ее:

— Зачем ты приехала?..

— Разве ты не хочешь, чтобы я... была рядом с тобой? — отвечала Аргира.

— Я не знаю, чем кончится битва... но я разделю твою участь, какой бы она ни была. Я все равно не пойду замуж на Стенофона! И... прости меня, мой повелитель. Я безвинно оскорбила тебя. Господин Ладомир сознался мне, что это он, поправ свою клятву советника, велел магу сгубить твоего отца...

Он содрогнулся:

— Господин Ладомир!.. А мне-то он всегда казался... благороднейшим человеком... Но как же ты могла счесть меня таким подлецом?.. Стало быть, ты... в самом деле... ты говорила, что ты не... что я... но ведь я все еще волшебник!

— Любимый, — сказала Аргира. — Я передумала много дум, сидя одна в Нааросе. Я не могу изменить тебя... да и не хочу. Оставайся волшебником, если хочешь. Я просто люблю тебя, вот и все. А завтра... завтра я могу потерять тебя навсегда...

Глядя ему в глаза, она развязала пояс. И платье мягко зашуршало, соскальзывая к ее ногам.

39. БЕЛОРЕЧЬЕ. ИСТОРИЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Когда откипела страсть, и они тихо лежали, прижавшись друг к другу, Эйрар сказал:

— Ты так хорошо понимаешь людей — объясни же мне, почему я до последнего цеплялся за старого колдуна?

— Нетрудно объяснить, мой повелитель, — отвечала Аргира. — Все оттого, что каждый разговор с ним приносил тебе нечто новое. Даже доведенный до крайности, ты не позволил расправиться с ним, потому что его ответы были по-прежнему неожиданны. Сегодня я нова для тебя, любимый, но придет день, и я тебе надоем...

— Никогда, никогда!.. — и он запечатал ее уста поцелуем. — Ты моя, и ничто больше не важно. Подумай, однако: я изгнал из страны человека, лучше всех ко мне относившегося... моего второго отца. Да если бы не он, мы с тобой никогда и не встретились бы!

Она прильнула к нему, мурлыча, как котенок:

— Нет, любимый. Его колдовство всегда было злым. Оно всегда подводило. Не будь Мелибоэ — все равно было бы восстание против Валька... и всех его стенофонов. И ведь ты сам отыскал путь в Ос Эригу, где я находилась. Любовь — волшебство гораздо более сильное, чем все его заклинания...

Эйрар был не вполне в этом уверен, но ответил лишь счастливым вздохом. И тут кто-то заколотил в дверь, крича:

— Валькинги зашевелились!..

Выскочив наружу, Эйрар Эльварсон невольно припомнил, как еще вчера ему было поистине наплевать и на исход сражения, и на собственную судьбу: лишь бы побыстрее все кончилось. Теперь — не то! Впереди по-прежнему ждали кровь, ужас и смерть — но за спиной, здесь, в городе, оставалась Она, любимая, единственная!.. Он приставил к ней верных хестингарских ребят: если битва будет проиграна, они умчат ее прочь. Перекусив на скорую руку, Эйрар выехал к войску — в полном вооружении, но с непокрытой головой, ибо ничто так не воодушевляет воинов перед боем, как личное присутствие вождя. Нени из Баска вез перед ним знамя — череп горной кошки на древке.

Они как раз объехали правое крыло войска, когда крики и металлический лязг, донесшийся слева, с той стороны долины, поведал им — за Нааром, среди деревьев, уже рубились с вражеской конницей.

— Надеюсь, у Рогей хватит ума повернуть против них лучников, — сказал он Альсандеру, на что тот ответил:

— Ни на кого нельзя полагаться так, как на себя самого. Потому-то мы уповаем на Царствие Небесное, вместо того, чтобы строить рай на земле с помощью ближних. Однако Рогей, я думаю, справится... Смотри!

Он вытянул руку. Там, впереди, из-за горба дороги сперва выплыло легкое облачко пыли, а затем появились первые ряды терциариев. Они двигались ровным, сомкнутым строем, от края до края обочин, готовые проломить, прорубить себе путь сквозь Торгстед. Колыхались щиты, вскинутые на плечо, верещали флейты, плыли над головами алые треугольники. Эйрар развернул коня — скакать на левый фланг, покуда пылкий Рогей не приказал своим людям стрелять прежде времени... Но поспеть туда было уже невозможно. Эйрар едва достиг города, когда запели серебряные свистки Скогаланга, и лучники, притаившиеся за Нааром, поднялись на ноги, одновременно натягивая тетивы. Безжалостный ливень стрел, выпущенных почти в упор, обрушился на вражескую колонну с правой стороны, не прикрытой щитами. Валькинги десятками падали замертво: кованые наконечники пригвозждали шлемы к головам, наручи к рукам, а руки — к ребрам. Передние ряды терциариев в смятении качнулись влево — навстречу метателям копий, засевшим среди поваленных деревьев.

Но у валькинговских отрядов были опытные предводители. Увидев, в какую переделку угодила первая терция, вторая не стала ломиться вперед. Она перестроилась, закрылась щитами и двинулась прямо на лучников. Наткнувшись на реку, терциарии кинулись к легким мостам, наведенным Эйраром для собственных нужд.

Тем временем воины первой терции — а их все еще было немало — упрямо лезли через поваленные

деревья, растаскивая преграду, не обращая внимания на летящие дротики, рубя головы копейщикам. Бой шел теперь на обоих флангах — и тут-то появилась третья терция и устремилась напролом через Торгстед.

Эйрар слышал, как подавала сигналы вражеская труба. Потом с левого крыла примчался гонец:

— Они прорвались у второго моста, а нас слишком мало!

Пришлось отправить на выручку пол-тагоя карренцев. Латники выхватывали мечи, спешиваясь для рукопашной.

Но некогда было смотреть, что там происходило, равно как и спешить туда самому. Упорный, жестокий бой шел уже по всей линии. Короткие мечи валькингов звенели у частокола о секиры воинов Микалегона. Стрелы Скогаланга еще летели, хотя и не так густо, как прежде — многие вовсю рубились возле моста, — но волей-неволей все больше валькингов перемещалось на другой край. Немало терциариев повисло там на завалах, однако часть все же просочилась, потом еще и еще. Копья мариоланцев не могли их сдержать. Как это часто бывает, упорство и доблесть сами по себе еще не означали победы. Валькинги закричали яростнее. Эйрар увидел: кое-кто из его воинов бросил оружие и, смалодушничав, бросился наутек...

— Где Йовентиньян? — крикнул он. Барона быстро нашли: по счастью, он был достаточно опытным военачальником и без крайней необходимости не ввязывался в бой сам. — Друг Йовентиньян, — сказал ему Эйрар, — если нам не удастся остановить вон тех, справа, мы пропали. Бери своих людей и ступай... — и повернулся в седле: — Скажите Эвименесу, пусть атакует. Еще не время, но и ждать дальше нельзя...

Сам он под своим знаменем отправился вместе с Йовентиньяном и бойцами из Скробы. Барон извлек их из гущи сражения, они успели устать, намахавшись мечами; лишь немногим приходилось сталкиваться с военным искусством валькингов прежде сего дня. Доспехи у них, однако, были превыше всяких похвал: дротики терциариев со звоном отскакивали от нагрудных пластин, точно капли дождя от панциря черепахи. Когда же доходило до рукопашной, тяжелые мечи Скробы с одинаковой легкостью прорубали щиты и кольчуги, отсекая прочь головы и руки, занесенные для удара. Под Эйраром убили коня, он дрался пешим и все косился на зеленый куст, видневшийся неподалеку, прикидывая, не теснят ли его назад, и наконец понял, что атака отбита, что чаша весов начала клониться в их сторону...

Конечно же, главное произошло посередине, на дороге. Валькинги уже успели в двух или трех местах проломить частокол, когда карренцы опустили пики на упоры и пришпорили лошадей. Они застали Бриеллу врасплох — терциарии дрались разрозненными кучками — и снесли все на своем пути, одних затоптав, других пригвоздив. Кружась в вихре сражения, Эйрар вдруг услышал, как боевой клич валькингов сменился криками боли. Воин, с которым он рубился, бросил меч и высоко поднял щит, сдаваясь, и Эйрар вскинул глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как стальная лавина карренцев растеклась по лугам, сметая валькинговские тылы... И солнце, оказывается, уже клонилось к закату.

Вечером были пленники, был пир горой и веселье, а вокруг лежали убитые и покалеченные, и свирепые, необузданные карренцы вовсю грызлись с Хестингой и Скогалангом из-за добычи, взятой во вражеском лагере. Невозмутимые воины Скробы стояли на страже вокруг Эйрара, сидевшего рядом с супругой. Она перевязывала ему йогу — в пылу сражения он не заметил удара, но теперь немного хромал. Он позаботился уберечь Аргиру от зрелища герцога Микалегона, счастливого и сияющего, с головой четырнадцатого графа Валька в руке, позаботился, чтобы она не узнала, как мариоланец Рогей один за другим обрубил все пальцы барону Ванетт-Миллепигу, взятому в плен, и лишь потом прикончил его...

Победа, победа! Свободная Дейларна, карренец Эвид, наконец-то спасенный из заточения, и вечная слава. Быть может, кто-то уже решил, что на этом наша история завершается? Ничуть не бывало. Проследим ее немного дальше: настала осень, с деревьев полетели багряные листья, и в Наарос, где Хозяин Дейларны лакомился сладким вином, явился запыхавшийся гонец:

— Государь Эйрар, нашествие! К островам Джентебби подходит тьма-тьмушая кораблей языческого Дзика. При них магия, которая пугает наших людей. Язычники же клянутся, что отнюдь не считают себя обязанными хранить мир с тобой, государь, ибо ты не осенен благодатью Колодца...

— Возлюбленный мой и повелитель! — сказала Аргира. — Не испить ли тебе из Колодца со мною и с ними, чтобы наверняка отвести беду?

— Я соберу ополчение Мариолы и Вастманстеда, — отвечивал Эйрар. — Нет мира вовне нас — есть лишь тот, что внутри!

И не понял, почему она вдруг заплакала.